

Владимир Протопопов

РЕЖИМ ОЖИДАНИЯ

**Владивосток
2018**

РЕЖИМ ОЖИДАНИЯ

Владимир Протопопов

**Владивосток
2018**

УДК 82-3

Владимир Протопопов
РЕЖИМ ОЖИДАНИЯ
322 стр.

Повесть «Режим ожидания» возникла благодаря социальным сетям – героями в ней стали реальные люди, оказавшиеся в нереальных обстоятельствах. Но любые совпадения, как ты понимаешь, случайны.

Так же в книгу вошли ранние рассказы автора, написанные им под псевдонимом Niro для журнала «Хакер» - единственного в мире журнала с деструктивной информацией. Немного фантастики, немного киберпанка – все, как ты любишь.

Владимир Протопопов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Панкратов уныло возил ложечкой в чашке кофе, поглядывая куда-то в сторону от Елены Анатольевны. Мыслей было не очень много - и все какие-то дурацкие.

«Адвокатша... Глупое слово. Оно вообще существует? Не люблю все эти «врачиха», «пловчиха», «генеральша», «адвокатша»... Или адвокатесса? Бред какой-то...»

Он поднял глаза от закрученной ложечкой в спираль пенки на женщину, сидящую напротив. Несмотря на то, что она была чертовски, запредельно красива - она была какая-то... Чужая. «Чужая» не в смысле «не его», а в смысле «не отсюда». Аккуратно, едва касаясь руками стола, словно порхая над ним, она вкушала пирожное, изредка бросая взгляды в полупустой зал. То ли надеялась встретить кого-то, то ли пыталась понять, смотрят ли на нее.

Панкратов откашлялся - аккуратно, чуть ли не замедленно, чтобы привлечь к себе внимание. Елена Анатольевна приподняла одну бровь и замерла с ложечкой у рта.

- Я, наверное, пойду... - начал было он, но она отрицательно покачала головой, опустила ложечку на блюдце и пристально посмотрела в глаза.

- Ну что за детство, Иван. Я так всегда делаю. Удачно все закончилось - значит, есть повод посидеть в тихом кафе за чашечкой кофе и порадоваться за благоприятный исход дела. И ведь я вас предупредила еще, кажется, неделю назад - во-первых, о том, что все будет хорошо и это не обсуждается, а во-вторых, о том, что мы обязательно сходим с вами в мое любимое кафе, чтобы это дело отпраздновать.

Иван обреченно кивнул.

- Ну вот. Наслаждайтесь атмосферой. Расскажите что-нибудь. Я уверена, вы интересный рассказчик.

Легонько отставив мизинец, она сделала глоток кофе и откинулась на стуле, пристально глядя на Ивана. Панкратов сделал вид, что у него внезапно зачесался глаз и выиграл секунд двадцать, за которые попытался понять, чем же он может поддер-

жать эту умирающую беседу - но, как выяснилось, у него не было ни сил, ни желания. Он вздохнул и встал, шумно отодвинув стул.

- Знаете, Елена, я... ну прям не в своей та...

На столе завибрировал ее телефон, прервав Панкраторова на полуслове. Она, не двигаясь, одними только глазами взглянула на экран - и вдруг изменилась в лице. Улыбка, машинальное движение пальцами по волосам, мимолетный взгляд на Ивана...

- Да, дорогой!... - ответила она каким-то странным голосом. Панкраторов даже не догадывался, что у нее в арсенале есть и такие тембры. - Ты свободен? Сейчас?

Она прикрыла рукой телефон и шепнула Ивану:

- Извините, это важно... Не уходите...

Панкраторов кивнул и сел обратно.

- Я... немного занята. Но минут через двадцать точно буду свободна... Ты голодный... Что привезти?.. Этого точно хватит...

Панкраторов обхватил голову руками и уставился Елене Анатольевне в декольте - понял, что в текущий момент времени ей абсолютно все равно, кто и как на нее смотрит.

- Хорошо, дорогой... У тебя все нормально?.. Подъеду - позвоню... Все, целую...

Она положила телефон на стол, и Панкраторов внезапно увидел на щеках этой железной леди яркий румянец. Ничто человеческое ей было не чуждо, как оказывается.

- Так вот, - спустя пару секунд небольшого замешательства произнесла Елена Анатольевна. - Я хотела вам сказать, что документы, которые мы сегодня подписали - они дорогого стоят. И вы молодец, Иван, что решились... На такое...

Он понял, что она смотрит на его висок. Туда, где... Иван машинально провел там кончиками пальцев, ощутив небольшой кусок металла - и пожал плечами.

- Просто я много чего вижу... В силу профессии. И вдруг ощутил... Бренность существования, говоря высокопарным слогом.

- Понимаю, - кивнула Елена Анатольевна. - Может, и сама решусь. Когда-нибудь...

И вдруг Иван понял, что она отсутствует рядом с ним сейчас. Что если бы они сейчас ехали вместе в машине, он мог выйти на ходу - и она бы не заметила. Просто обратила бы внимание, что

какой-то сквозняк, и все...

Наверное, это был шанс. Надо было тихо встать, шепотом попрощаться и уйти. Елена Анатольевна как будто выпала из жизни после телефонного звонка - и Панкратов воспользовался этим.

Он поднялся, стараясь не шуметь, снял со спинки стула куртку, тихо сказал «Честь имею...» и направился к дверям.

Елена Анатольевна заметила, что его нет, когда он уже выходил в двери. Она посмотрела ему в спину, прикрыла глаза и тихо сказала сама себе:

- Скоро буду, дорогой... Поднимать бумажные паруса, запускать бумажные самолеты...

Больше своего клиента Ивана Панкратова она никогда живым не видела.

2.

- Мы еще кого-то ждем? - спросила та, что пришла первой. Самойленко поднял на нее глаза, вздохнул. «Ох, не нравится мне все это...»

- Да, - ответил он спустя пару секунд. - Должно быть три человека.

Леонид Александрович всегда чувствовал себя неловко рядом с плачущей женщиной. А уж если их сразу две...

...Первая зашла минута в минута - в девять утра. Решительная, с пронзительным взглядом. Хлопнула дверью. Бросила на диван красную сумку. Представилась. Самойленко заглянул в бумаги - все правильно. Предложил присесть. Она сделала несколько шагов по кабинету, увидела зеркало, поправила что-то в своей достаточной короткой стрижке, едва не уронив солнцезащитные очки...

- Марина, я настаиваю. Присядьте. Хотите кофе?

- Я могу его увидеть? - в ответ спросила она.

- Чуть позже.

- Это какое-то условие?

Самойленко кивнул.

- Просто все должны быть здесь. Чтобы... Без недомолвок, без подозрений.

- Хорошо.

Марина опустилась на диван, положила сумку себе на колени и обняла ее. В сумке что-то булькнуло и пискнуло.

- Брелок. Сигнализация. Машина, - как робот сообщила она куда-то в стену. Самойленко пожал плечами.

- Скажите, ему больно? Ну ведь просто спрашивать о нем я могу? - спустя несколько секунд не выдержала тишины Марина.

- Можете. Не больно.

- Ну, а он... Он вообще живой? Я просто не понимаю, что это такое... И как к этому относиться...

В этот момент распахнулась дверь и вошла еще одна женщина. Примерно того же возраста, светловолосая, стремительная, в коротком платье; туфли на платформе существенно добавляли ей в росте. Марина впилась в нее взглядом; пальцы до белизны в суставах сжали сумку.

- Я не опоздала?

- Вы Валерия или...

- Да.

- Очень хорошо.

- Я могу его видеть?

«Да что ж такое?..» - подумал Самойленко.

- Чуть позже.

- Вы думаете, я в состоянии просто так ждать?!

- Ну я же в состоянии, - сказала из-за спины Марина. И только тогда Валерия оглянулась и встретилась с ней взглядом. Самойленко вдруг показалось, что сейчас сверкнет молния и запахнет озоном. Захотелось сказать «Девочки, не ссорьтесь!» - но он одернул себя, поняв, что такая шутка будет неуместна.

В дверь постучали - заглянула медсестра, позвала в реанимационный зал. Самойленко мысленно поблагодарил ее и вышел.

Валерия опустилась на диван у другого конца, закинув ногу на ногу и демонстративно не глядя в сторону Марины.

- Я вас знаю.

Валерия не пошевелилась.

- Ну, то есть... Слышала. Догадывалась. Не знала, как вы выглядите.

- Теперь знаете?

Марина пожала плечами и отставила сумку.

- Теперь знаю. Все равно не сходится...

- Что? - Валерия повернула голову к собеседнице, по-прежнему сохраняя высокомерное выражение в лице и позе.

- Пазл.

Она достала из своей красной сумки такой же красный телефон, мазнула пальцем по экрану, что-то набрала. Прикусила губу, положила телефон на место. Валерия пристально следила за каждым ее движением.

- И не надо так смотреть, - Марина откинулась на спинку дивана. - Никому от этого не легче. Ему - тем более... Ну вот куда он ушел?

И тут, словно услышав ее вопрос, Самойленко вернулся.

- Дела, простите. Все-таки заведующий реанимацией - хлопотная должность.

Он сел в свое кресло, раскрыл ежедневник, сделал несколько пометок, потом взглянул на сидящих на диване женщин и сказал:

- Я могу пока сказать вам, что это не смерть. Не кома. Не апаллический синдром. Считайте, что пока он лежит здесь, его душа решила съездить в другой город. В другую страну. На другую планету. Но она вернется.

- Когда? - хрипло спросила Валерия.

Самойленко увидел, что она вытащила из кармана светлосиний платок и замерла с ним в ожидании ответа.

- Я не знаю.

Она заплакала спустя мгновение после его ответа. Самойленко хотел набрать ей стакан воды в кулере - и вдруг услышал откуда-то еще звук плача. Марина шмыгала носом, отвернувшись куда-то в сторону и прижав ладонь ко рту.

- Ну вот, - машинально произнес Леонид Александрович и настолько быстро, насколько сумел, раздал дамам стаканчики с водой. Корвалол у него в реанимации никогда не было - не тот уровень помощи...

Спустя пару минут Марина, поставив стакан на подоконник, спросила:

- Мы еще ждем кого-то?

- Да. Должно быть три человека.

И спустя секунду вошла еще одна молодая женщина - явно моложе первых двух. Невысокого роста, стройная, с растрепанными ветром волосами. Кожаная куртка, джинсы, высокий каблук. Поправив прическу рукой, она остановилась посреди кабинета, словно налетев на стену.

- Здравствуйте, - Самойленко кивнул ей. - Вы - Кристина?

- Да.

Валерия что-то сказала себе под нос. Марина машинально достала телефон, покрутила его в руках и бросила рядом на диван.

- Присаживайтесь, - Леонид Александрович махнул рукой на диван. - Места всем хватит.

Кристина расстегнула куртку, опустилась на диван точно между Мариной и Валерией, одними глазами посмотрела в обе стороны, словно убеждаясь, что это безопасно - и кивнула Самойленко.

Тот удовлетворенно улыбнулся, хотя эта улыбка далась ему очень тяжело.

- Начнем.

Он открыл ящик своего стола, достал какой-то предмет и положил на стол перед собой. Это была книга.

Все трое немного приподнялись на своих местах, чтобы увидеть, что же лежит сейчас перед врачом.

- Лукьяненко. «Принцесса стоит смерти», - прочитал он для них название.

- Господи... - шепнула Валерия. - Что вообще происходит?..

3.

Самойленко после вопроса Валерии выдержал паузу, достойную не только МХАТа, но и всех театров, вместе взятых. Потом взял книгу двумя руками и поставил ее перед собой - обложкой к трем парам глаз.

- «Звездный лабиринт», - одними губами прочитала Марина название издательства. - Я одна тут ничего не понимаю?

Леониду Александровичу захотелось спрятаться за книгу, и он с трудом удержался от этого детского поступка.

- Понимаете, книга - это, вполне возможно, ключ... К пониманию. К решению.

Валерия встала с дивана, сделала пару шагов к столу.

- Это - просто книга. Скажите мне...

- Нам, - внезапно сказала Кристина. - Скажите нам - только честно и покороче - для чего мы здесь?

Валерия вздрогнула от этого голоса за спиной, но, тем не менее, поддержала вопрос:

- Да, если это принципиально. Нам. Давайте уже. Не тяните.

Она не вернулась на диван, встала у окна и прислонилась к стене. Поняв, что место освободилось, Кристина отодвинулась от Марины и села поудобней, сложив руки на груди.

Самойленко еще раз посмотрел внимательно на каждую из женщин, образовавших в его кабинете какой-то своеобразный треугольник, и встал из-за стола.

- Эта книга была у него с собой. В рюкзаке. То есть не совсем с собой. Рюкзак был в самолете - благо, вся работа там была совсем рядом с посадочной полосой. И его вещи просто доставили вместе с ним после катастрофы. Документы, планшет, телефон. И вот эта книга.

- Что с ним произошло? - спросила Марина.

- Это же МЧС. Они были на ликвидации - слышали в новостях, теракт в аэропорту? Он занимался сортировкой. То есть был рядом с эпицентром взрыва. Во время демонтажа одной из конструкций бойцы подозвали его на крик раненого под завалом, чтобы он определился... И как только он подошел - там что-то рухнуло...

Самойленко заметил, что Кристина кусает губы чуть ли не до крови и не замечает этого. Он хотел подойти к ней, но решил, что лучше этого не делать, и продолжил.

- По сути дела, то, что я рассказываю вам, я должен сообщать только родственникам, но именно вы - все трое - перечислены в режимном списке...

- В каком? - Валерия сцепила пальцы на руках перед грудью.
- Что это такое?

- Я дойду и до этого. Так вот - на него упала достаточно тяжелая железобетонная конструкция. Все, кто был рядом, погибли. Удар пришелся ему на грудь...

- Господи. Господи... - шептала Кристина. Марина посмотрела на нее - и вдруг неожиданно для Самойленко пододвинулась

к ней и взяла за руку. Кристина вздрогнула - но не выдернула пальцы.

- Постепенно мы подходим к самому главному. Дело в том, что если пациента с такой травмой сразу положить на стол где-нибудь в Склифе - то с вероятностью семьдесят, а то и восемьдесят процентов он останется жить. Но если пациент за несколько тысяч километров до серьезной клиники, то...

- Я представляю, - кивнула Марина. - Я видела.

Кристина изумленно посмотрела на нее.

- Где? - спросили они с Леонидом Александровичем у нее практически синхронно.

- На войне. Неважно, - она покачала головой. - Не хочу об этом. Продолжайте.

Самойленко кивнул.

- Так вот. Поскольку живой врач лучше мертвого - и была запущена программа «Режим ожидания». Высокие технологии. Не вдаваясь в подробности - некая конструкция, призванная сохранить мозг пострадавшего в случае тяжелых травм и невозможности оказания высокотехнологичной медицинской помощи в краткие сроки.

- Это... Вот тут? - Валерия прикоснулась пальцем к своему виску. - Это оно? Иван ничего не рассказывал об этом. Сказал, что надо по работе...

Марина посмотрела на Валерию; Кристина ойкнула и выдернула руку.

- Извини... - не отрывая взгляда, попросила прощения Марина, не рассчитавшая силы. - Ну да, мужчина в голову себе вставляет чуть ли не USB-разъем, как Джонни Мнемоник - и все верят, что это «надо по работе»...

Валерия смяла мокрый от слез платок в кулаке, но промолчала, хотя Самойленко видел, что при случае скандал вспыхнет нешуточный.

- Можно, я закончу? - разрядил он обстановку, насколько сумел. - Вы же сами просили - быстро и по существу. Программа эта еще не запущена в полную силу, данные приспособления есть далеко не у всех - но вот у него оно было. Он прошел процедуру монтажа около года назад (в этот момент они все одновременно кивнули - Самойленко видел их всех, а они друг на друга

не смотрели). Сотрудники его отряда были в курсе - примерно через пару минут, когда уже должна была наступить клиническая смерть, один из врачей активировал его устройство, вставив в разъем специальную... чтобы вам было понятно, пусть будет слово «флешка». Устройство выполнило охранительное торможение мозговой активности, перераспределило питание нервных клеток и по сути - спасло его мозг от гибели. Спустя четыре часа он был извлечен и доставлен бортом сюда. Все необходимые операции выполнены в срок и полноценно, восстановлены сломанные ребра, два позвонка, левое плечо, удалена селезенка. Это было три дня назад. Вчера, на вторые сутки после операции, стало ясно, что он в принципе стабилен...

Самойленко вернулся к себе за стол, сел в кресло.

- Да, я как заведующий реанимацией и человек, отвечающий здесь за все, ответственно заявляю - он полностью стабилен.

- Тогда зачем мы здесь? Что за режимный список? - Марина встала и подошла к Леониду Александровичу. В ней чувствовалась какая-то сила, недюжинная энергетика - и Самойленко непроизвольно отъехал в кресле на полметра назад.

- Когда на вторые сутки нам потребовалось извлечь стартовое устройство из разъема, оказалось, что его не удастся даже пошевелить. Мы связались с теми, кто устанавливал его - и были удивлены, узнав, что девайс, вживленный Панкратову, является нестандартным. Чтобы установить его, фирма была вынуждена обратиться к адвокату и утрясти какие-то моральные аспекты проблемы. И именно перед установкой и был создан этот так называемый «режимный список»...

Теперь уже к столу подошла и Валерия. Кристина, видя, что она одна осталась так далеко, тоже встала и обошла стол сбоку, постоянно поправляя непослушные волосы рукой. Было видно, что дамы не на шутку нервничают.

- Дело в том, что стартовое устройство у Панкратова извлекается только при помощи голосового пароля из трех слов. Это мы узнали, связавшись в его адвокатом, заверявшим сделку. Именно так, и никак иначе - фирма не хотела идти навстречу в такой странной просьбе.

Три пары глаз пронзали Самойленко насквозь.

- В «режимном списке» указаны три человека, которые могут произнести пароль. Это вы трое. Марина, Валерия, Кристина. Любая из вас.

- Да говорите уже пароль! - закричала Марина. - Бахилы, халат, я зайду к нему!

- Любая из нас, - тихо сказала Кристина. - Не только ты. И в конце концов, неважно...

- Доктор, ну раз уж мы пришли, раз уж все процедуры соблюдены, - проговорила Валерия, решив взять на себя роль человека, который сделает вывод, - давайте откроем карты, назовем пароль, и мы вернем с того света вашего пациента.

- Не все так просто, к сожалению, - вздохнул Самойленко и раскрыл книгу. Из нее выпали три конверта. Простых белых конверта, на каждом из которых было имя.

«Марина». «Кристина». «Валерия».

- Эти конверты были в книге. Я, уж извините, заглянул, потому что они не запечатаны. Никаких секретов там нет. Там пароли. В каждом конверте - свой. Когда стало ясно, что ситуация выходит из-под контроля, я позвонил в фирму; они дали телефон адвоката. Елена Анатольевна прояснила ситуацию...

- Пароли? - Кристина протянула руку к конверту с ее именем. - Но как? Должен же быть один...

- Совершенно верно, - согласился Леонид Александрович. - Но было заключено и подписано дополнительное соглашение. Мозг Ивана Панкратова был переведен в режим ожидания по особым условиям. Три пароля. Только один - настоящий. И никто, кроме него самого, не знает - какой именно и в чем конверте.

- Так пойдемте вдвоем, - решительно взял свой конверт Марина. - Каждая скажет, и все...

- Нет! - Самойленко встал и забрал все конверты из рук у женщин. - Там четко сказано - права на ошибку нет. Только одна из вас. Только один раз.

- Но зачем? - развела руками Марина. - Зачем он это сделал? И вдруг какой-то странный звук заставил всех обернуться.

Кристина смеялась. По лицу ее текли слезы, но она смеялась в какой-то безудержной истерике, стуча маленьким, но сильным кулаком по стене.

- Это так по-панкратовски!.. Сволочь!..

Самойленко протянул ей воды. Она оттолкнула руку, но внешне спокойно успокоилась сама.

- Нам всем надо подумать. Он жив. Он постепенно выздоравливает, хирурги наблюдают его. А вам... Вам надо решить между собой, кому он доверил свою жизнь.

И доктор протянул им конверты.

4.

На крыльцо они вышли вместе. Самойленко немного наклонился в кресле, с которого ему так был виден вход - и принялся рассматривать женщин. Наконец-то он сумел отключиться от этой непонятной ситуации и решил чуть повнимательней разглядеть каждую - ведь что-то же нашел его коллега в каждой из них, раз доверил им эти конверты.

Когда они были вместе, рядом - то выглядели очень контрастно. Невысокая, стремительная Марина; мягкая, с лёгкой склонностью к полноте Валерия; юная, но очень серьезная Кристина, которая только благодаря каблукам догоняла соперниц по росту.

«Соперницы... - постукивая карандашом по столу, думал Самойленко. - Быстрее, выше, сильнее... И кто победит в этой гонке?..»

Марина что-то спросила у остальных дам. Они в ответ, каждая, бросили что-то короткое. Марина покачала головой, вынула телефон из сумки и отошла в сторону позвонить.

Валерия оглянулась по сторонам, увидела неподалеку скамейку и направилась к ней, на ходу доставая из кармана пальто пачку сигарет. Закурив, она подставила лицо нежаркому весеннему солнцу. Сильные пальцы держали тонкую сигарету очень аккуратно, почти нежно.

«Музыкант? Фортепиано? - спросил сам себя Самойленко. - Тоже вариант... Одна за телефон, другая за сигарету. Кристина, ваш ход».

Самая молодая из всех продолжала стоять на крыльце в какой-то неуверенности, держа конверт перед собой так, словно собиралась его кому-то вручать. Она не смотрела по сторонам, практически не шевелилась, задумавшись о чем-то. Внезапно

она вздрогнула и прикоснулась пальцами правой руки к волосам, едва не уронив при этом конверт. Самойленко увидел там черную гарнитуру в виде завитка, которую раньше не заметил из-за прически. Она кивнула кому-то невидимому, взглянула под ноги и шагнула со ступеньки очень внимательно, как всегда делают женщины на каблуках - словно нащупывают что-то.

Самойленко понял, что она идет к машине - стоянка была совсем рядом. Судя по всему, разговор продолжался на ходу. Кристина размахивала конвертом и даже пару раз остановилась, разведя руками, будто не понимала того, с кем говорила. В конце концов, она села в небольшой черный минивэн, опустила до середины окно и что-то там включила на панели.

Внезапно из машины громко заиграло радио - Самойленко услышал даже через закрытое окно:

- ...больше незачем любить кого-то рядом,
Больше незачем курить, курить не надо,
Больше незачем звонить...

Кристина на несколько секунд впала в ступор от такой громкой музыки, а потом принялась нажимать все кнопки подряд и в итоге выключила приемник. Самойленко видел, как ее трясет в кабине автомобиля. Она ударила несколько раз по рулю и закрыла лицо руками.

Валерия после слов «незачем курить» невесело усмехнулась, вспомнив что-то, сломала тонкую сигарету и выбросила ее в урну рядом со скамейкой. Спустя секунду туда же она выкинула и пачку целиком.

Марина к тому времени закончила разговор и неподвижно смотрела на окна реанимационного отделения, стараюсь, похоже, угадать, за каким из них может стоять кровать Панкратова. Самойленко усмехнулся - Ивана не было в зале. Его кровать и система контроля за режимом ожидания находились на другом этаже, в специальном боксе. Но пока им не стоило этого знать - ибо желание любой из них ворваться в реанимацию и произнести пароль могло оказаться слишком сильным. Девочки могли наделать дел, это было видно невооруженным взглядом.

- Ну что же, - произнес вслух Самойленко. - Пока вы порознь. Но придется, девочки - придется объединиться. Чтобы

понять. Чтобы принять решение. Вот только когда и кому в голову придет, что сидеть каждой в своей норе - бессмысленно? Прятаться в машине за тонировкой, курить на скамейке или стоять возле стены из сирени и искать глазами отражения в окнах - это не решение. Это, простите, детский сад.

Леониду Александровичу было интересно, кто из них выступит в роли организатора. Кто придет к выводу, что нужно обсудить ситуацию всем вместе - Валерия или Марина? Почему-то на Кристину он ставку не делал - девушка была достаточно молодая и крайне эмоциональна.

На столе завибрировал телефон - Самойленко взял его и на пару минут отвлекся от наблюдения за женщинами.

- Да, с ним все в порядке, - ответил он в трубку. - Мы мониторим все функции мозга - устройство великолепно справляется... Да, судя по симптоматике перед нами абсолютно нормальный человек, перенесший, безусловно, тяжелые травмы... Да, он находится в искусственной коме... Понимаете, я не могу управлять процессом... Право вывести его из режима ожидания принадлежит одной из... Что? А где это взять? Хорошо, посмотрю... Да-да, сейчас... Спасибо. До свиданья.

Он закончил разговор и открыл ящик стола, в который он убрал книгу после того, как раздал конверты.

- Дополнительное соглашение... - недоверчиво произнес он. - Почему сразу нельзя было сказать?

Он достал книгу и положил перед собой на стол названием вверх. Потом аккуратно перевернул и открыл задний форзац.

Его губы еле заметно шевелились, когда он читал три слова, написанные там толстым синим маркером и обведенные неровным незамкнутым овалом. Потом он закрыл книгу и подошел к окну.

Диспозиция изменилась. Рядом с сидящей на скамейке Валерией стояла Кристина. Они о чем-то говорили, держа каждая в руках перед собой свой конверт. Марина, увидев эту беседу, подошла к ним, тоже взяла в руку белый прямоугольник.

- Если я правильно понял, насчет Кристины я сильно ошибся, - покачал головой Самойленко. - Но что им делать с их конвертами, если...

И он постучал ладонью по книге...

5.

- Валерия, вы заглядывали в свой конверт? - спросила Кристина, подойдя к скамейке. - Вас ничего там не удивило, не на толкнуло на какую-то мысль?

Валерия отрицательно покачала головой. Подошла Марина, достала свой конверт, встала рядом. В ее сумке разрывался полифонией телефон.

- Слушайте, кому вы так все время нужны, если он!.. - вскрикнула Кристина. - Если он тут и...

- Здесь сейчас где-то была логика? - Марина прищурилась, разглядывая собеседницу. - Это мама. Болеет. Все на контроле. Таблетки, капли, давление. Постоянно звонит, переспрашивает. Я же ничего не имею против вашей гарнитуры - вы-то все время в зоне доступа? Птичка, твою мать, на проводе...

Валерия хмыкнула, открыла конверт и достала оттуда открытку.

- С восьмым марта... - качая головой, раскрыла она ее. - Вот так подарок... В который раз произношу эти слова за последние полчасика - и не понимаю, что он хотел этим сказать... Мне... И нам всем...

Она прикрыла глаза. Ее пальцы мелко задрожали.

- Вы на чем-то играете? На каком инструменте? - внезапно спросила Кристина.

- Да, играю, - не открывая глаз, ответила Валерия. - Но, как сказала, в кабинете Марина - не важно. Не в этом суть.

- Просто ваши руки... Я в этом не очень разбираюсь, но...

Валерия скептически посмотрела на свои руки, потом на Кристину.

- Скрипка. Вы довольны?

И она снова пристально посмотрела в те слова, что были написаны на открытке. Она еще и еще раз читала их, как молитву, пытаясь угадать ход мыслей мужчины, который... Вернул ее самой себе. Как будто включил свет в темной комнате.

- Что у вас там написано? - перебила ход ее мыслей Марина. - Не думаю, что из этого стоит делать тайну, потому что мы все, каждая из нас, должны понимать уровень ответственности. И как опять-таки каждая из нас трактует свой пароль - как единственно верный или...

- Вы когда-нибудь ели клубнику с сыром? - перебила ее Валерия.

- Что? - прищурилась Марина, отступив на шаг. - При чем здесь это?

- Так ели или нет?

- Я пробовала, - ответила Кристина. - В принципе, неплохо. Валерия улыбнулась чему-то своему.

- А я... Я всегда знала, что это вкусно. Но когда я... С ним...

И она снова заплакала. Не доставая платок, никого не стыдясь, просто зарыдала, как ребенок, уронив открытку на землю.

- Господи, - шепнула себе под нос Марина. - Клубника с сыром... Валерия, да вы... Ну не надо же так, черт побери!

Она полезла в свою бездонную красную сумку, телефон снова зазвонил, она крикнула в трубку «Мама, ну сколько можно! Не сейчас!» и протянула Валерии клетчатый квадрат платка. Валерия взяла его, но словно не понимала, для чего он и просто скомкала его в кулаке. Спустя еще пару секунд по щекам потекли черные реки туши...

- Да что ж такое, - в сердцах сквозь зубы бросила Марина, отобрала платок и принялась аккуратно вытирать слезы Валерии.

- Я... Я... Все поняла... - та сумела выдавить из себя сквозь истерику несколько слов. - Про... Эти слова-а-а..

Кристина, немного отстранившаяся от этой странной сцены, медленно присела и подняла с земли открытку.

- «Течение. Клубника. Пиччикато», - прочитала она вслух. Валерия, услышав эти слова, быстро-быстро закивала головой, словно соглашаясь с каждым из них.

- Все... Марина... Все... Спасибо, - она взяла платок, вздохнула, откашлялась и стала успокаиваться понемногу. - Да... Клубника... с сыром. То, что было между нами... Я называла это течением... К нему...

Она задержала дыхание, зажмурилась - и спустя секунду словно стряхнула с себя что-то и окончательно успокоилась.

- Я хочу сказать вам, девочки... Ничего, что я так вас называю? В общем, вам нечего беспокоиться насчет меня. Мой пароль неверный. Неправильный. Ненастоящий.

- Почему вы так решили? - Кристина смотрела в эти написанные синим маркером слова и ничего не понимала, вспоминая те,

что прочитала в машине она, достав свою открытку из конверта. - Почему неправильный?

- Все просто, - Валерия попыталась улыбнуться. - Слово «пиччикато». Оно написано с ошибкой. Правильно - «пиццикато». Это знаете, когда струны на скрипке пальцами дергают, а не смычком...

- Знаю, - кивнула Кристина. - Ну и что? Мало ли кто как напишет...

- Нет. Он знал, как правильно. Я ему однажды сказала... И он обещал запомнить. А раз написал с ошибкой - значит... Отдайте.

И она протянула руку. Кристина осторожно отдала открытку Валерии.

- Надо же... - подала плечами Марина. - Да какая разница, как это слово написать?

- Для него - как и для меня - существенная, - сухо ответила Валерия, на тот момент полностью успокоившаяся и сумевшая убрать с лица все следы своих эмоций. - Я думала, вы его лучше знаете. Для него не бывает мелочей, если дело касается женщин.

Она на секунду задумалась, вложила открытку в конверт, потом посмотрела на часы.

- Через два часа у меня концерт. Не приглашаю, уж не обесудьте. Прощайте.

И она своими сильными руками скрипачки разорвала конверт на несколько частей. Кристина от неожиданности вздрогнула.

- Спасибо, - Валерия протянула Марине платок. - И прощайте. С этой секунды мне - все равно.

Она ушла, гордо подняв голову. Кристина подняла несколько обрывков конверта, которые Валерия положила рядом с собой на скамейку, хотела выкинуть их в урну, но передумала и просто села на освободившееся место. Она смотрела прямо перед собой и тихо шептала:

- Больше незачем любить кого-то рядом...

- Минус один, - сказала Марина, глядя Валерии вслед.

- А если она ошиблась? - вдруг подняла глаза на нее Кристина. - Что тогда будет?

- Нет. Не думаю. Женское сердце... Оно вряд ли обманулось.

- Вы думаете? - Кристина казалась немного испуганной.

Марина пожала плечами...

6.

Самойленко, вытянув шею, проводил из окна взглядом удаляющуюся Валерию. Он наблюдал переговоры трех женщин, не отрываясь даже на телефонные звонки - благо, дежурный врач на смене справлялся с этими звонками сам, не подключая к процессу заведующего.

- Кто следующий решит подумать над своей ролью в жизни Панкратова? - спросил он в пустоту кабинета, постоянно помня о тех словах, что прочитал на форзаце книги. - Похоже, долго думать и серьезно готовиться девочки не любят. Так что разберутся за сегодня...

Марина присела на скамейку рядом с Кристиной, прикрыла глаза, вдохнула запах сирени.

- Как представляю, в каких переделках была за свою жизнь... И никогда не думала, что буду смотреть в открытку с розочкой и чувствовать, как у меня руки трясутся. Я даже когда в людей стреляла - мне так страшно не было...

Она легким движением отбросила длинную челку с глаз и открыла свой конверт.

- Вы кто? - спросила Кристина. - Я имею в виду - по профессии?

- А нет такой профессии, - Марина открытку держала так, чтобы ни ей, ни собеседнице не было видно, что же там написано. - Потому что это не профессия. Это образ жизни. Эх, перед смертью не надышишься...

И она повернула к себе открытку той стороной, где таким же, как у Валерии, синим маркером, были написаны слова.

- «Подарок. Тюльпан. Профессор», - прочитала Марина. - Охренеть. Все, что угодно, представляла себе. Особенно после этого «пиччикато».

- Холодно, - внезапно сказала Кристина и поправила на шею коричневую шаль. - А вам?

- Плевать, - совершенно спокойно ответила Марина. - Тут такие дела творятся... Сейчас бы от стакана хорошего вискаря не отказалась.

- Я вот что думаю... - Кристина встала и сделала несколько шагов из стороны в сторону. - Мне кажется, надо как в случае с

Валерией - анализировать каждое слово и вспоминать, откуда оно могло всплыть. Чисто ассоциативно... Что вам говорят эти слова?

- Много чего, - глядя перед собой, ответила Марина. - Особенно первые два. Нет, цветы он мне не дарил. Ни лично, ни через службу доставки. Хотя мог бы. Просто один раз... Побыл Дедом Морозом.

- Это как? - Кристина внимательно смотрела ей в глаза. Марина почувствовала этот взгляд, опустила на глаза темные очки, повернулась.

- Никак. Тебе что надо знать? Попадает ли это слово? Попадает. Следующее - тюльпан. Думаю, это о той фотографии, что он мне как-то прислал - женщина в военной форме и с автоматом, лежащая среди тюльпанов. Он так меня видел. После этого я и сама стала так себя видеть. Он это умел - показать что-то своими глазами так, что потом по-другому уже и не смотришь...

Кристина кивнула и прикусила губу до крови, даже не заметив этого. Марина тем временем посмотрела в открытку, словно вспоминая третье слово.

- А вот при чем здесь этот «Профессор» - хоть убей, не пойму...

Она смешно надула щеки и шумно выдохнула.

- Блин, и спросить некого...

- Мне на память только профессор Плейшнер приходит, - пожала плечами Кристина. - Помните, как он ошибся с паролем и явочной квартирой?

Марина медленно повернулась к ней всем телом и сняла очки, взяв их в руку.

- Что ты сейчас сказала?

Кристина несколько смутилась такого прямого вопроса и жесткого тона, но сумела повторить:

- Профессор... Плейшнер...

- Да нет, не то! - раздраженно махнула рукой Марина. - Ты сказала - профессор ошибся с паролем и... Впрочем, дальше уже неважно.

Она встала и посмотрела на окна реанимации.

- Я вспомнила. Мы часто с ним пересекались в одной социальной сети... Прежде чем... И вот он всегда, когда с кем-то там

ссорился, выкладывал фотографию Электроника и подписывал ее фразой из фильма...

Она замолчала. Кристина подождала немного и все-таки спросила:

- Какой фразой?

- «Я ваша ошибка, профессор...» - ответила Марина и обернулась. Ее глаза были полны слез. - Ну что же. Рвем второй конверт.

Она скрипнула зубами и медленно, с наслаждением, разорвала его поперек вместе с открыткой.

- Придется уйти следом за Валерией, - она бросила обрывки в урну и усмехнулась. - Видишь, как оно бывает - лежит там себе на кровати, весь в проводах и капельницах, а тут конкуренты самоустраиваются... Талант. Одно слово - Панкратов...

Она вздохнула.

- А ты не стой, девочка. Беги к доктору. Только на таких каблучищах будь осторожней...

И она медленно пошла вдоль кустов сирени - к выходу.

Кристина проводила ее взглядом, после чего взяла в руки свой конверт и достала открытку. Все те же вульгарные розочки, то же Восьмое Марта. Пальцы предательски затряслись, но она раскрыла твердые лощеные листки...

Вскрик вырвался произвольно. Несколько голубей, напуганных громким звуком, взмыли в небо.

Ее открытка была девственно чиста.

7.

Самойленко смотрел в пустую открытку, которую Кристина протянула ему. И пытался понять, как это можно соотнести с тем, что он прочитал на форзаце фантастического бестселлера.

- Я ничего... Ничего не понимаю... - Кристина меряла шагами кабинет, то удаляясь от доктора, то возвращаясь к самому столу. - Если он дал им какие-то ключевые слова, по которым каждая из них посчитала, что это не она... Что это не у нее настоящий пароль... То, черт побери, что тогда он дал мне?

Леонид Александрович положил открытку перед собой розочками вниз, провел пальцами, словно надеясь ощутить какой-то невидимый выдавленный шрифт, какую-то подсказку.

- У вас тут есть кофе-машина? - внезапно спросила Кристина.

- Не все так хорошо, как хотелось бы, - отрицательно покачал головой Самойленко. - Но я могу сам вам сейчас сделать.

- Если вас не затруднит.

Она присела на диван, подогнув ноги так, что показалось, будто она сейчас заберется с ногами и для полного комфорта попросит плед. Самойленко невольно залюбовался ее стройными ногами, но быстро одернул себя, достал из тумбочки банку кофе, набрал из кулера кипяток...

Первую кружку она выпила молча и практически залпом - доктор даже не успел испугаться за ее язык и пищевод; протянула пустую обратно и попросила еще. В ответ на его удивленно поднятые брови она прокомментировала:

- Я пью очень много кофе. Всегда. И не рассказывайте мне ничего сейчас... Про вред, про сердце и давление... Он (Кристина неопределенно кивнула куда-то в сторону реанимационных палат) мне об этом достаточно рассказал. Ничего не изменилось...

- Дело ваше.

Самойленко подал ей вторую кружку и вернулся за стол. Он смотрел, как Кристина, обхватив тонкими чувственными пальцами обеих рук, пьет свой убийственный кофе, и думал о том, что он видел в истории болезни Панкратова. Думал - и вспоминал те три слова, что были написаны в книге.

Зазвонил сотовый. Самойленко посмотрел на экран и удивленно поднял брови.

- Слушаю, Елена Анатольевна...

Ему что-то довольно долго говорили. Он посмотрел на Кристину, потом машинально открыл историю болезни, пролистал ее до нужной страницы.

- Я понимаю... Безусловно. Да. Это не секрет - Валерия и Марина ушли, посчитав, что их участие в этой... В этой ситуации стало ненужным. И нет, я не понимаю, как они пришли к такому выводу...

Кристина, забыв о кофе, слушала то, что говорит Самойленко. Она как-то вся подобралась на диване, как дикая кошка - и приготовилась к прыжку.

- Кристина... Здесь. Вы в курсе?... Простите, я понимаю, что вы в курсе всего. К сожалению, я тоже... В курсе. Некоторых вещей. Дополнительное соглашение? Прочитал. Да, ваше присутствие необходимо. В соответствии с протоколом. Хорошо, я жду.

Он отключился и взглянул на Кристину.

- Так получилось, что и на этот случай нашлась инструкция. Но она требует присутствия здесь его адвоката. Десять минут - и мы все узнаем.

Кристина кивнула, одним большим глотком допила кофе и поставила кружку на подоконник. Не зная, чем занять себя эти десять минут, она достала смартфон и включила там какую-то программу. Самойленко смотрел в историю болезни, краем глаза разглядывая Кристину. Она что-то писала, временами укоризненно качая головой.

«Скорее бы уже все кончилось... Для всех», - подумалось доктору. Он ждал приезда Елены Анатольевны, как манны небесной - хотя понимал, чем все кончится, и от этого по спине пробегал предательский холодок ужаса.

...Адвокат приехала быстро, уложившись в обещанные десять минут. Она вошла в кабинет с элегантным портфелем, протянула руку для приветствия доктору, взглянула на Кристину и коротко ей кивнула. После этого открыла портфель, достала документы и огляделась в поисках места, за которым ей было бы удобно заняться делом. Самойленко быстро встал и предложил ей свое кресло.

- Право, не стоило бы, - покачала головой Елена Анатольевна, но, тем не менее, присела. Достав бумаги, она, словно учительница на уроке, посмотрела на Кристину. - Итак. Я являюсь контролером исполнения процедуры по «режиму ожидания» для моего душеприказчика Ивана Владимировича Панкратова. Все моменты выхода из этого состояния согласованы с производителями устройства, с российским законодательством на текущий две тысячи восемнадцатый год, а также лично с самим гражданином Панкратовым.

Кристину несколько напрягла официальная часть, она вся подобралась, словно готовая спорить, сложила руки на груди. Ее взволновало слово «душеприказчик» и все эти согласования; она приготовилась к чему-то плохому.

- Излагаю суть проблемы. Иван Владимирович принял довольно необычное решение, создав не просто три пароля. Изготовители устройства лично для него, по его заказу и идее, создали некий концепт... Уникальный девайс. В серии такого нет.

Самойленко прислонился к стене и с интересом слушал Елену Анатольевну, изредка бросая взгляды на Кристину. Молодая женщина, сжав губы в тонкую полоску, внимательно ждала продолжения.

- Загадка с тремя паролями - обыграна только в дополнительном соглашении. Она не имеет никакого отношения к самому устройству и к «режиму ожидания» в принципе. Все, что он хотел - чтобы вы все встретились и вспомнили о нем. Но - остаться должна была только Кристина. Он сам назвал это - и записал в договор - как «Принцип Маклауда». Помните - «Горец», «Должен остаться только один»?

Кристина кивнула.

- Эта часть программы оказалась выполнена гораздо быстрее, чем я думала. Вы все проделали колоссальную работу по погружению в воспоминания, если Марина и Валерия вышли из этой головоломки. Ваша пустая открытка...

- Да, - подалась вперед Кристина. - Почему? Почему у меня ничего нет?

- Потому что ему все равно, какие три слова вы произнесете, - развела руками Елена Анатольевна. - Его устройство настроено не на слова, а на голос. На ваш голос. Все, что угодно. Лишь бы это были вы.

- Голос? - сама Кристина тонко задрожала и вцепилась рукой в подлокотник. - Но как? Откуда?..

- Я поняла. Откуда ваш голос известен этому устройству... Он не сделал из этого тайны. Сказал, что вы обязательно спросите. Когда-то, в начале вашего знакомства, вы сидели вдвоем в вашей машине и пили кофе. Шел дождь. Во время вашего разговора он включил диктофон и записал немного ваших слов. Просто так. На память. И они пригодились...

Кристина отвела глаза в сторону, вспоминая тот дождливый день и внезапную незапланированную получасовую встречу...

- Вот только реветь не надо, - властным жестом остановила ее Елена Анатольевна. - Пройдемте в его палату.

- Сейчас? - Кристина округлила глаза от волнения. Маленькая слезинка скатилась по щеке, но она не заметила ее.

- Да. И вот доктор подтвердит - чем быстрее мы все закончим, тем лучше.

Она встала, убрала бумаги в портфель. Кристина поднялась вместе с ней.

- А что мне надо сказать... ему?

- В принципе - все, что угодно. Но сам он... В общем, у него были пожелания.

Она подошла к Кристине и шепнула ей на ухо три слова...

8.

В палате было тихо. Закрытые жалюзи создавали полумрак. Небольшие светодиоды и пара экранов вдоль стен - вот и все наполнение палаты, в которой на кровати лежал пациент в «режиме ожидания». Ровное дыхание. Легкая бледность. Запах медикаментов после перевязки. Пузырьки во флаконе, подключенном к вене.

Они вошли. Втроем. Самойленко остался около двери, держа в руках историю болезни, зачем-то книгу Лукьяненко и какой-то еще лист - отдельно. Елена Анатольевна пропустила вперед Кристину, присев на небольшой стульчик, обернутый белоснежной простыней и положив портфель себе на колени.

Кристина прошла вперед, к кровати - и оглянулась. То ли недоверчиво, то ли в испуге. Адвокат кивнула.

Самойленко понял, что у него дрожат руки, по тому, как трепетали листы истории болезни. Он свернул ее в трубочку, положил книгу на стол постовой сестры и спрятал руки за спину.

Когда Кристина сделала шаг к кровати, Елена Анатольевна отвернулась. Она знала, что будет дальше.

Кристина наклонилась к голове Ивана и тихо сказала:

- Поднимать. Бумажные. Паруса.

Светодиоды у изголовья вспыхнули чуть ярче - и погасли. Совсем. А в следующую секунду Кристина поняла, что он не дышит.

- У вас все готово? - спросила Елена Анатольевна у Самойленко. Тот кивнул и протянул ей печатный лист с заголовком «Посмертный эпикриз». Адвокат взяла его и стала читать.

- Что... Что происходит? - Кристина оглянулась на своих спутников, ничего не понимая. Линии на мониторах выровнялись, во флаконе перестали завихряться пузырьки воздуха.

Самойленко откашлялся, но не смог произнести сразу ни слова. Елена Анатольевна оказалась сильней.

- Иван Владимирович Панкратов только что умер. Покажите, Леонид Александрович...

Самойленко взял книгу и открыл ее, чтобы показать слова на форзаце.

- «Пусть выключит Кристина», - громкий шепот заставил присутствующих съежиться. - Что все это значит?

Она повернулась к кровати, на которой лежал еще минуту назад живой Иван и медленно опустилась перед ней на колени, взяв его за руку рядом с введенной в вену иглой. Дрожащие пальцы погладили его запястье. Она не отрываясь смотрела на спокойное и разгладившееся лицо мертвого Панкратова; ее плечи затряслись в беззвучных рыданиях.

- У него был рак, - тихо сказал Самойленко. - Когда вам трим я сегодня говорил, что он здоров... Те двое, что ушли, не должны были знать. Он же врач, поэтому все банально. Тянул до последнего. А когда понял, что выхода уже нет, решил покончить с собой. Не сумел. Попросил сделать это устройство - чтобы всегда быть готовым к смерти. Он хотел, чтобы его сердце остановила та, кого он любил.

- Когда-то у меня в кабинете он услышал эту мелодию на звонке, - продолжила Елена Анатольевна. - «Поднимать бумажные паруса, запускать бумажные самолеты...» Ему очень понравилось. И он попросил меня, чтобы эти слова...

- Так он... умер? - не поворачивая головы, хрипло спросила Кристина. - И я...

- Вы. Он очень просил. Чтобы именно вы...

Она отпустила его руку и закрыла лицо ладонями.

Елена Анатольевна взяла Самойленко под локоть и вывела в коридор, оставив Кристину у кровати одну.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

Мягкое кресло. Слышен шум двигателей. Перед глазами - иллюминатор. В нем - слегка вибрирует крыло, рассекая облака.

Откуда-то звучит музыка... На голове наушники, провод убегает в подлокотник. Его плеча касается стюардесса, что-то говорит. Чтобы понять, что она сказала, приходится снять наушники - она улыбается и повторяет:

- Пристегните ремни, пожалуйста... Через двадцать минут мы начинаем снижение.

Кивнул. Нащупал пряжки, защелкнул. Самолет качнуло. В иллюминаторе пронеслись ватные горы облаков. И вдруг он понял, что музыка больше не играет.

Кто-то тихо звал его из синих поролоновых кружочков на шее. Звал...

И прежде, чем самолет внезапно завалился на крыло - он догадался, кто. И догадался, зачем. Потом - штопор, вой двигателей, крики, удар головой об иллюминатор, какие-то вспышки перед глазами. Ремень держал внезапно ставшее невесомым тело, самолет мчался вниз сквозь облака. Табло над дверями часто замигало английскими буквами. А он все слышал, слышал из наушников голос...

На правой руке появилось ощущение легкого прохладного ветерка, мягко и еле заметно щекочущего кожу.

- Я давал вам двадцать минут.

Громкий голос откуда-то сбоку.

На плечо легла чья-то рука. Тяжелая, с сильными пальцами. Его слегка потрясли, голова качнулась из стороны в сторону. Правая рука зачесалась заметно сильнее.

- Вы меня слышите? Высуньте язык.

Неожиданный приказ... Организм послушно выполнил его, даже немного переусердствовал.

- Уже лучше.

Тяжесть руки исчезла с плеча. Раздался звук негромких шагов, потом что-то щелкнуло, будто включили свет. Раздалось

легкое шуршание какого-то механизма. Розовое сияние заполнило мир вокруг...

- Что... С остальными? - медленно, еле шевеля губами, удалось задать вопрос.

- Они ушли, - тот же голос ответил откуда-то сбоку. - Осталось кое-что заполнить в документальной части - и все...

- Как - ушли? Кто-то еще выжил? - он продолжал спрашивать, не открывая глаз. - Неужели и такое случается?

- Выжил? Кто-то еще? - в голосе было столько удивления, что захотелось открыть глаза и увидеть лицо говорившего, но тяжелые веки не желали подниматься, чтобы впустить внутрь свет. - Вы о чем?

- Самолет... Упал самолет...

Снова шаги. Человек подошел поближе, чуткие пальцы взяли его правую руку за запястье, на плече стала надуваться манжета.

- Откройте глаза, - тон стал жестким, металлическим, требовательным. Веки дрогнули и поползли потихоньку вверх, вбирая солнечные лучи из окон, на которых были подняты жалюзи.

- У меня рука чешется, - захотелось вдруг пожаловаться. - Правая.

- Так почешите. Вы меня видите? О каком самолете вообще речь?

Сфокусировать взгляд получилось не сразу. Человек, что держал его правую руку в своей, казался абсолютно нереальным, расплывчатым, каким-то белым пятном. Но потом внезапно аккомодация пришла в норму, и перед ним возникла фигура врача в халате; на голове была смешная голубенькая бандана с мультяшными героями.

- Самолет... Я не помню.

Дотянуться левой рукой до зудящего правого предплечья поначалу казалось неразрешимой проблемой - но в конце концов он сумел. И понял - рука чесалась потому, что была мокрой. Какие-то капельки сбегали по ней, создавая ощущение комариных укусов.

- Никакого самолета не было.

Захотелось сесть на кровати. Он сделал попытку приподняться - вначале неловкую, но, как и в случае с рукой, все получилось достаточно быстро.

- В принципе, я против таких нагрузок, - человек в белом халате за плечо придержал его от попытки встать. - Рановато вам еще, учитывая объем операций. И бог с ней, с селезенкой - но два восстановленных позвонка, даже при наших технологиях...

Правую руку удалось, наконец-то, рассмотреть. Кроме каких-то капелек удалось обнаружить странные черные разводы.

- Что это?

Доктор внимательно посмотрел ему в глаза, потом отошел к столу у двери, взял там какую-то книгу и протянул пациенту.

- Это она. Она плакала.

- Кто - она?..

«Пусть выключит Кристина». Он смотрел в раскрытую книгу, в эти обведенные маркером слова - и не понимал. Ничего не понимал.

- Кристина? Выключит? - он поднял глаза на врача.

- Панкратов, вы меня пугаете. Вы вообще помните, что с вами произошло?

Тушь. На правой руке была тушь. Какая-то Кристина плакала на его руке, размазывая черную краску...

Заныло в груди. Панкратов закрыл книгу и прочитал название.

- «Принцесса стоит смерти»...

Захотелось лечь. Голова закружилась, застучало сердце. Он опустил голову на подушку - врач хотел помочь ему закинуть ноги, но Панкратов отмахнулся и остался лежать так, на боку.

Самолет, музыка в наушниках... Падение... И ничего более - пустота. На лбу выступили бисеринки пота. «Режим ожидания» - всплыло откуда-то из подсознания. Принцесса стоит смерти.

На виске рядом с устройством задрожала, запульсировала жилка. Панкратов приложил к ней пальцы, ощутил биение артерии. Мир начинал выстраиваться заново.

Круговорот лиц. Развороченные бетонные конструкции. Свистящий неподалеку двигатель самолета с передвижным госпиталем. Какие-то конверты. Лица. Тонкие пальцы с сигаретой. Черный джип. Облака в иллюминаторе. Крыло, проносящееся сквозь них. Чьи-то теплые пальцы. Клубника. Тюльпаны. Слова, выведенные маркером на больших белых открытках.

Принцесса стоит смерти.

И вдруг он понял. И от понимания этого он закрыл глаза и впился зубами в подушку. Самойленко тихо позвал анестезистку, шепнул ей несколько слов. Медсестра подошла к Панкратову и сделала ему укол в плечо. Он даже не вздрогнул - просто через несколько секунд задышал ровней, зубы разжались. Доктор аккуратно уложил пациента на кровати, накрыл одеялом и, забрав со стола книгу, вышел.

2.

- Если честно, - Самойленко развел руками в стороны, - вы у меня такой первый. Никогда раньше нас не задействовали в процедуре «режима ожидания». Не так еще она распространена, как хотелось бы. Даже хирурги, что работали с вашими органами и позвонками - временами звонят и интересуются состоянием. Они тоже - впервые оперировали человека, которому совсем не требуется никакой наркоз извне...

Панкратов посмотрел на заведующего реанимацией с удивлением.

- Да, нечего тут брови поднимать, - Самойленко ухмыльнулся. - Ваше устройство не просто создало охранительное торможение для нейронов мозга - по сути, оно полностью вас обезболит и позволило провести операцию только под миорелаксантами. Они были нужны, чтобы нормально работать с органами брюшной полости.

Леонид Александрович присел на подоконник и сложил руки на груди.

- Что касается проблемы, возникшей на выходе из этого состояния... Мы с Еленой Анатольевной до конца сыграли свою роль. Уж поверьте, чувствовал я себя не лучше, чем вы под бетонной плитой. Видеть эти глаза, эти слезы...

- Хватит, - взмахнул рукой Панкратов. - Хватит. Я, конечно... Извините, док. Читаю договор - понимаю, что сам этого хотел. Когда представляю, как это выглядело - волосы дыбом...

- Хорошо, - согласно кивнул Самойленко. - Обойдемся без моральной стороны дела. Знаете, в медицине есть такая штука. Называется «отдаленные последствия». Именно они играют

роль в оценке труда врача, в анализе действенности препарата или точности исполнения операции. Нельзя сказать о пациенте через пару дней - «Все прошло замечательно, давайте праздновать». Потому что качество нашей работы оценивается только с течением времени.

- Это мне известно, Леонид Александрович, - кивнул Панкратов. - Все-таки мы с вами одного поля ягоды.

- Повторил прописные истины, чтобы подойти к самому главному, - Самойленко вернулся за свой стол. - Я изучил официальную статистику. Во всем мире в настоящее время установлено около пяти тысяч таких устройств, как у вас. Применялись по назначению - триста восемнадцать. Выведены из «режима ожидания» - девяносто два. Умерли после этого чуть больше тридцати - но они были изначально в критическом состоянии, и девайсы отключались по желанию родственников, ибо способов спасти этих людей не существовало в принципе. У остальных пятидесяти восьми человек вроде бы проблем не было - но информация достаточно закрытая. Да и эту статистику я узнал по каналам, которые могут быть... Не очень достоверными, вы же понимаете.

- Ключевое слово «вроде бы» - я правильно понимаю? - спросил Панкратов.

Самойленко пожал плечами:

- Куда уж правильной. Никто не знает, что с этими людьми случится в ближайшем, а тем более - в отдаленном будущем. Как поведет себя их мозг, их рефлексy, их память...

- Память, - покачал головой Панкратов. - Память, будь она неладна...

Он все-таки встал с дивана, немного поморщившись от боли в спине - там, где стояла довольно сложная конструкция, удерживающая его позвоночник. Нейрохирурги предупреждали - болеть будет до полугода, до полной адаптации, так что Панкратов особых чудес не ждал. Доктор внимательно смотрел на него, словно не доверяя - Самойленко казалось, что пациент вот-вот упадет.

Несколько шагов по кабинету. Хрустнули пальцы рук, с силой сжатые в кулаки - пожалуй, единственное, что выдавало в нем бурю эмоций.

- У меня ощущение странное... Будто я кино не досмотрел, - он повернулся к Самойленко. - Но при этом я точно знаю, что продолжение есть. И... Что-то меня не пускает узнать, чем кончилось.

Доктор встал из-за стола, подошел вплотную к Панкратову и положил руку ему на плечо.

- Вполне возможно, что вы еще увидите... Свое кино. Я очень надеюсь. У меня на этот счет есть теория. Если интересно...

- Еще бы, - Панкратов кивнул. - В моем положении любые версии интересны.

- Тогда слушайте, - Самойленко хотел щелкнуть кнопкой электрического чайника и выпить кофе, но представил, что шум от кипящей воды будет мешать разговору, и передумал. - Кофе - чуть позже. А версия - такая. Момент включения «режима ожидания» - это как будто вы сидите за компьютером и что-то печатаете в Ворде. И внезапно выключают свет...

- Автосохранение, - машинально ответил на незаданный вопрос Панкратов, но Самойленко отрицательно покачал головой и продолжил:

- Оно, безусловно, существует. И работает с тем интервалом, который вы установили. Каждые две, три, пять минут. Но те символы, что были набраны с последнего автосохранения по момент выключения света - не останутся в памяти. Не запишутся в файл. И открыв его снова - вы их не увидите.

- Но компьютер сохраняет какие-то служебные файлы, записывая в логи каждое нажатие клавиши, - возразил Панкратов. - То есть где-то это все есть...

После этих слов он внезапно замер, а потом пристально посмотрел в глаза Самойленко:

- То есть вы считаете, что устройство в момент включения повело себя так же, как компьютер при сбое питания, и напрямую в полосу воспоминаний не сохранило то, о чем я думал в последний момент перед обрушением плиты?

- Бинго! - усмехнулся Самойленко.

- Но при этом где-то в моем мозгу записаны эти воспомина-ния - в разрозненном виде, обрывочно - но записаны?

- Вот тут - ничего не скажу, - скептически ухмыльнулся доктор. - Аналогия с компьютером может оказаться как не очень

точной, так и в корне неверной. Это всего лишь мое предположение, не более чем.

Панкратов подошел к окну, сложил руки на груди и задумался. Самойленко щелкнул кнопкой чайника и, пока тот не начал нагреваться, спросил:

- Что же вы все-таки забыли, Иван Владимирович?

Панкратов вздрогнул. Самойленко показалось, что он ответил, но услышать ничего не удалось - вполне возможно, что Панкратов просто шевелил губами, не произнося ничего вслух. Переспросить же он не решился.

Пациент усмехнулся какому-то невидимому собеседнику, потом решительно, несмотря на пронизывающую при каждом шаге боль в спине, подошел к столу, взял с него бумаги, составленные когда-то Еленой Анатольевной. Найдя лист с режимным списком людей, допущенных до процедуры включения, он внимательно просмотрел имена всех трех женщин, медленно прочитал каждое, словно пробуя на вкус. А потом кивнул Самойленко и направился в свою палату в нейрохирургическом отделении, где ему предстояло проходить реабилитацию еще в течение двух недель.

- Кристина... Валерия... Марина... - шептал он себе под нос имена, надеясь, что где-то внутри, в этом чертовом компьютере что-то произойдет, случится какое-то замыкание, вспышка, удар... Но ничего не происходило, ничего не озаряло его память. И главенствующим внутренним ощущением было чувство глубокого одиночества.

Панкратов точно знал, что кого-то из них он любил.

Но он не помнил, кого.

3.

Выписываясь из госпиталя, он зашел в реанимацию - попрощаться с Самойленко.

- ...Я видел их всех, - стоя на крыльце корпуса, говорил ему доктор, который к тому времени был посвящен Иваном в проблему, случившуюся с его памятью (у них оказалось много профессиональных точек соприкосновения, и они подолгу беседовали о разном; постепенно уровень доверия вырос до такого,

при котором Панкратов смог поделиться своими трудностями).
- Видел реакцию каждой на известие о вашей травме, о вашем положении... О том, что им придется выбирать. А вы ведь так и не объяснили мотивов этой загадки, Иван - поэтому могу только гадать, за что этим женщинам достался подобный жребий. Они такие разные - но в них было что-то... Что-то общее. Не то чтобы одинаковое, нет... Не с той стороны зашел, уж простите мое косноязычие. Общее - это значит, что они дополняли друг друга, создавая нечто целое. Внешность, динамика движений и разговора, энергетика - они втроем были гораздо сильнее, чем каждая из них порознь. Но это мое субъективное мнение, конечно... А вы уже всё - домой? Ну тогда мне осталось выполнить последнее поручение по договору...

Он сходил к себе в кабинет и принес Панкратову какой-то конверт.

- Я должен был вам передать его тогда, когда вы будете готовы покинуть госпиталь. Чуть не забыл, простите великодушно. Судя по ощущениям, там не открытка. Письмо.

Панкратов удивленно взял конверт, чувствуя накатывающую волну боли в спине. Разъяснения Самойленко не добавляли к его картине мира ровным счетом ничего. Да, три женщины. Да, каждая по-своему красива, сильна, интересна, харизматична... И почему-то для каждой из них ему было нужно умереть. Не просто уехать в командировку, сменить страну, работу, вероисповедание, жизненные принципы - именно умереть, чтобы уже не оставить никаких надежд на возвращение.

Открыл конверт. Прочитал. Впору было схватиться за голову - но он сумел преодолеть волну предательской паники...

Врачебная циничная сущность требовала одного - как можно быстрее найти каждую женщину из «режимного списка» и попытаться понять, какая же из них... Но организм после полученной травмы как-то не очень рвался в бой. Боль в спине преследовала постоянно; он принимал анальгетики несколько раз в день и боялся сорваться на препараты, к которым, условно говоря, на работе доступ был. Боль временами сводила с ума - особенно когда он забывал о том, что нельзя делать резких движений. При попытке встать из кресла, даже при открывании двери - что-то между лопатками разрывало его тело пополам, до

крика и холодного пота. В таких случаях он замирал в совершенно нелепых позах, лишь бы боль не стала сильнее, шептал проклятия мирозданию и благодарности нейрохирургам - за то, что хотя бы может все это делать.

Его предупреждали - носить в организме конструкции подобного рода далеко не норма. Организм будет сопротивляться изо всех сил, отторгать, звенеть в ушах приступами боли и хрустеть при каждом движении какими-то хитрыми шарнирами. Панкратов верил, понимал - но никак не мог привыкнуть. А пока привыкал - занимался тем, что думал. Думал много и обо всем сразу.

Странно было ощущать себя каким-то персонажем из «мыльной оперы» - потерявшим память главным героем. Да и амнезией назвать это в полном смысле слова было нельзя. Так, некая забывчивость при попытке дать ответ...

Все, что осталось ему от ситуации в госпитале - книга Лукьяненко с надписью на форзаце, пустая открытка той самой Кристины, что «выключила» его; договор, составленный адвокатом, и письмо... Письмо из прошлого. Открытку он поставил напротив себя возле монитора, книгу убрал в ящик стола, письмо положил в карман, чтобы всегда иметь возможность перечитать его, а договор раскрыл на «режимном списке», глядя в выделенные имена женщин, которых он вовлек в участие в этой процедуре...

От размышлений его отвлек звонок телефона. Голос мамы ворвался в жизнь, как тайфун - к тому, что сейчас предстоит выслушать кучу проблем на работе и дома, он уже привык, и переключил восприятие маминого монолога куда-то на уровень играющего фоном радио, периодически хмыкая, поддакивая и совершенно уж бестолково кивая головой.

- ...так что с работой у меня пока все хорошо, только устаю сильнее, чем раньше. Магнитные бури. Ну да что я тебе объясняю, мы с тобой оба врачи... А вот еще интересная вещь, давно хотела тебя рассказать. У меня рождественник зацвел на подоконнике, представляешь? Это что-то типа кактуса, любит холод, сквозняки, а у меня все время тепло, если не жарко, так я пошла в магазин цветочный узнать, как быть, а мне говорят - надо ему создавать шоковые ситуации. Он прям как человек - поставит его на сквознячок, глядишь, и зацветет. Как в знак

протеста, Ванечка, представляешь?.. Я дома и решила - устрою-ка ему, как они сказали, шок. Вентилятор на него даже направляла. И он зацвел, представляешь?!

- Как называется цветок? - внезапно переспросил Панкратов.

- Рождественник, - ответила мама. - Я ж говорю, он вроде кактус, но не очень похож...

- Так, стоп. Мам, тут дела у меня. Срочные. Я потом перезвоню, хорошо? Ты прости. Все, целую.

Отключился и полез в интернет с запросом «рождественник». Он хотел посмотреть, как выглядит растение, которое цветет в «шоковых ситуациях». Увидел, почитал для самообразования; вспомнил подоконник в маминой квартире, заставленный какими-то горшками с множеством разнообразных растений... В очередной раз подумал - хорошо, что не сказал маме о командировке, о травме - она бы не смогла понять. А он не мог это все исполнить, если бы она знала. Так было проще - уехал на месяц, вернулся, никаких проблем. Не звонил - там связь была плохая. Как кушал - хорошо. Что со здоровьем - замечательно. Да, мам, виноват, прости, больше не повторится...

Эти мысли мешали сосредоточиться. Он взял со стола три фотографии, перевернул обратной стороной, сложил одну на другую. Закрыв глаза, перемешал. И решительным жестом положил одну из них изображением вверх на стол.

Девушка на мотоцикле, за спиной - море. Стрижка. Челка. Перчатки без пальцев. Косуха. Взгляд из-под длинных ресниц.

- Шоковая терапия, - кивнул Панкратов сам себе и фотографии Марины. - С трудом представляю, какой она может быть в данном случае.

Он сплел пальцы рук перед собой, положил на них голову и посмотрел куда-то поверх фотографии.

- Есть у меня... специалист, - усмехнулся он спустя несколько секунд своим мыслям. Прокрутив на телефоне список контактов, он ткнул пальцем в один из них, откинулся в кресле, постукивая пальцами свободной руки по столу рядом с фотографией.

- Привет, Костя, - кивнул Иван, когда ему ответили. - Не узнал?.. Да ладно, в мире смартфонов нельзя не узнать, все на эк-

ране... Именно, это тот самый Панкратов, да... Я смотрю, память-то хорошая... Мне, Константин, помощь нужна... Какого плана? Давай при встрече. Но уж поверь - за рамки твоей профессии не выйдем. Уложимся. Заодно и тебе практика...

Договорившись о встрече - примерно через час в одном из питейных заведений в центре города - Панкратов положил телефон на стол и покачал головой. Он сам не верил в свой план, но был уверен - ничего другого придумать ему не удастся. Когда подошло время, он вызвал такси, сунул в карман куртки фотографию Марины и вышел из дома...

4.

В комнате воздух казался сизым от дыма. Панкратов не курил, но Костя без сигарет никак не мог понять, что от него нужно, а тем более - не мог начать это обсуждать и планировать. Приходилось мириться с этим, дышать нечасто и неглубоко и надеяться, что одежда не успеет пропитаться отвратительным запахом.

Из-за дверей доносились звуки музыки - в зале играла рок-группа, играла качественно и громко, поэтому разговаривать приходилось только в курилке, между песнями и кружками пива, которые Костя поглощал в огромных количествах. Хуже всего было то, что, хмелея, Константин погружался куда-то в пучину их совместных воспоминаний, и беседой приходилось управлять очень и очень жестко.

- ...Господи, и на кого я понадеялся, - покачал головой Панкратов. - Слушай, но в принципе - вещь выполнимая? Я не прошу ничего запредельного, дорогого, сложного...

Костя затаился так глубоко и сильно, что на кончике сигареты на долю секунды вспыхнуло пламя, а потом с какой-то показушной пьяной ненавистью затушил окурок в пепельнице.

- Ты издеваешься? - он оперся рукой об оконную раму, наклонил голову к плечу и стал еще больше похож на абсолютно пьяного творческого интеллигента. - Ты помнишь, кто я такой? Ты представляешь, какие у меня связи и возможности?

- Я-то помню, - хмуро кивнул Панкратов. - Главное, чтобы ты не забыл.

- Я - как стеклышко, - развел руки Костя и чуть не упал. - Думаешь, я пьяный?

Внезапно он скорчил какую-то гримасу и, не выходя из образа, вкратце воспроизвел Ивану все, о чем они в течение часа договаривались. С некоторыми ошибками в именах и местах - но в целом достаточно точно. Правда, когда он закончил говорить, Панкратову показалось, что у Кости сели батарейки - он устало опустил на стул у окна и сложил голову на руки.

- Ну что же, главное - мы сошлись в принципиальных вопросах, - легонько хлопнул его по плечу Иван. - Завтра дорисуем план с точностью до минут, но уже не здесь. Там, где пьют только кофе и не курят...

Панкратов вышел в зал из курилки так, как выходят из бани - в облаке, только не пара, а дыма. Громкий звук рванулся ему в уши; он присел за свой деревянный столик прямо у двери и взял в руку наполовину пустую кружку пива - скорее, машинально, чем с желанием допить его. Костя не рвался составить ему компанию - вполне возможно, он просто заснул там, в курилке. Да никто и не был нужен - Иван не хотел более никаких бесед, он просто смотрел по сторонам, прекрасно понимая, что бывал здесь раньше; глаза узнавали эмблему в виде большой пивной бочки над сценой, пивоварню за спиной, сидящего за одним из столиков длинноволосого звукорежиссера с планшетом, официанток в баварских нарядах... Даже маленькую девочку, бегающую по залу, он помнил - она была дочкой одного из музыкантов. И при всем этом - было ощущение какой-то недосказанности. Картина не казалось законченной.

Внезапно наступила тишина. Немолодой вокалист с волосами, собранными в косичку, объявил со сцены о небольшом перерыве. Отзвучали короткие и негромкие аплодисменты. Панкратов попытался присоединиться к ним, но не успел. Мимо пробежала девочка, взяла у него со стола несколько соленых сухариков, вдруг улыбнулась ему и сказала:

- Привет. А где...

Ее вопрос утонул в громком свисте, вырвавшемся из колонок. Все, кто был в зале, втянули голову в плечи; девочка испугалась звука; где-то упала с громким хлопком кружка. Звукоре-

жиссер сделал какие-то пассы руками над планшетом, свист исчез так же неожиданно, как и начался.

Панкратов протянул руку к девочке, чтобы успокоить ее, но она уже пришла в себя, шмыгнула носом и сказала:

- Такое бывает. Иногда. Не бойся.

- Да я... не боюсь - смущенно произнес Иван и улыбнулся ей в ответ.

- Она сейчас придет. Я же здесь всех знаю. Вот «Блюз лайм» сыграл, потом «Индиго» - и сразу она. Подожди.

- Кого подождать? Кто придет? - наклонился чуть пониже к ребенку Панкратов.

И когда она была готова ответить - очередной всплеск звука вонзился ему в спину. Он закричал что-то бессвязное, выгнулся дугой, сметая со стола тарелки и кружки с пивом; девочка в ужасе отшатнулась от него и закричала.

Панкратов сумел не упасть; он рванулся из зала на лестницу, оттолкнув плечом в дверном проеме молодую женщину. Сведенные от боли челюсти не дали произнести слова извинений; там, где в спине стояла конструкция, горел огонь, пронизывающий все тело насквозь...

На улице стало легче. Тряслись губы и руки. Он сел на ступеньки крыльца и даже не обращал внимания на людей, испуганно обходящих его. Дыхание постепенно восстанавливалось. Боль отступала...

Женщина, с которой Панкратов столкнулся в дверях, присела на корточки перед девочкой.

- С тобой все нормально?

Та кивнула в ответ.

- Сегодня все как-то странно... Этот дядя.... Который убежал...

- Да, странный, - женщина достала платок из сумки и вытерла девочке слезы.

- Нет, странные все, но не он. Он ждал тебя.

- Меня?

Девочка кивнула.

- Ждал. Долго.

Женщина встала, посмотрела на часы, потом пожала плечами. Она не успела разглядеть мужчину.

- Он тут что-то писал. Тебе, наверное.

И девочка протянула ей пивной кружок, подмигнула и выбежала из зала. На обратной стороне печатными буквами шариковой ручкой было написано одно слово.

«Рождественник».

5.

Это было очень неожиданно - получить от незнакомого парня охапку тюльпанов прямо на выходе с работы. Марина протянула руку, взяла совсем не осенний букет и удивленно подняла брови, не зная, что и сказать. Она только что закончила еще один довольно скучный и полный мелких и нервных дел рабочий день и совершенно не была готова к такому повороту событий.

Парень же, в отличие от Марины, был настроен очень дружелюбно и миролюбиво - протягивая ей букет, он улыбался широко и очень искренне, практически подкупая своим настроением.

- Это вам, - кивнул он, когда букет был уже у Марины. - Пытаться понять, кто я такой, и где вы могли меня видеть, не стоит. Я просто курьер. Выполняю просьбу. Одного... Скажем так, джентльмена, чье имя и личность должны остаться в тайне.

Женщина в форме майора милиции на крыльце Управления с букетом цветов производит довольно своеобразное впечатление - Марина это понимала и уже чувствовала на себе несколько заинтересованных взглядов. Парень тем временем пафосно поклонился, сбежал со ступенек вниз к стоянке, сел на мотоцикл, надел на голову шлем, что он оставил на руле, и рванул с места, разметая аккуратные кучки листвы, собранные в течение дня дворником.

Пожав плечами и еще раз изучив букет на предмет наличия в нем каких-то визиток, записок и прочих предметов, могущих пролить свет на личность отправителя, Марина направилась к своему джипу. Букет производил на нее странное впечатление - во-первых, внезапностью своего появления, во-вторых, своеобразным выбором. Тюльпаны никогда не были у нее в фаворе; предпочитала она всегда розы, в основном белые и розовые, поэтому кирпичные цветы в руке казались не украшением, а каким-то тревожным знаком.

Сев в машину, она не спешила заводить двигатель. Положив цветы перед собой на приборную панель, Марина смотрела на них в какой-то постепенно нарастающей тревоге. Не так часто ей в жизни вообще дарили цветы - как-то получилось, что дарили ей много чего, но вот именно цветы почему-то редко. А тут вдруг неизвестно от кого, да еще и тюльпаны... Еще и кирпичные...

Она достала помаду из сумочки; глядя в зеркало заднего вида, подвела легким движением губы, взмахнула челкой и сказала сама себя:

- Чертовски хороша. Такой женщине не грех и цветы подарить.

Но в этот момент у нее зазвонил телефон, и когда она увидела, от кого звонок, то уронила помаду...

- Тебе принесли цветы?

Этот голос. Точно. Это не может быть розыгрышем.

- Да.

- Я могу все объяснить.

Марина, не отрываясь, смотрела на тюльпаны. «Подарок. Тюльпан. Профессор» - головоломка из конверта, стоившая ей... То ли любви, то ли нервов.

Она задышала как-то по-предательски часто. Под ногой хрустнула помада.

- Ты... Ты где-то рядом? Ты жив?

Руки тряслись, норовя уронить телефон; Марина прижала его к голове и впилась другой рукой в руль.

- Да. Жив. Да, рядом. Я даже вижу тебя.

Последняя фраза заставила ее резко повернуться и посмотреть вокруг. Машина стояла у выезда со стоянки; почти половину обзора закрывала будка охранника. Взгляд метался между автомобилями, цепляясь за случайных прохожих; она узнавала его в каждом, но спустя мгновение понимала, что ошибается.

- Где ты?! - она почти кричала в телефон. Ей вдруг захотелось отшвырнуть тонкую трубку смартфона в сторону, только бы не слышать этот проникающий куда-то в душу знакомый голос.

- Так было нужно, - прозвучало в ответ. - Никто не виноват. Ни ты, ни я... Ни остальные.

Марине захотелось выскочить из машины; дышала она шумно и взволнованно, не переставая искать глазами человека, говорящего с ней.

- Причина была очень веская, - голос в телефоне продолжал проникать в душу. - Связанная... С некими особыми обстоятельствами.

- Я хочу увидеть тебя, - разделяя каждое слово, собравшись с силами, сказала в ответ Марина. - Увидеть. Прямо сейчас.

- Это опасно. И я бы не хотел...

И тут она увидела. Метрах в тридцати. Возле угла дома неподалеку - тень человека, держащего руку возле головы. Там кто-то разговаривал по телефону.

Не отрывая глаз от этой тени, Марина тихо открыла дверь машины. Тюльпаны колыхнуло ворвавшимся ветерком. В то же мгновение человек немного отошел от стены и стал наполовину виден. Их глаза встретились.

- Зачем? - прозвучало в телефоне. Она увидела его движение губами, хлопнула дверью и побежала к нему.

Одновременно с ней вдоль стоянки, обгоняя ее, рванула машина. Неприметный серый седан.

Водитель промчался эти тридцать метров гораздо быстрее, чем женщина на каблуках. Автомобиль взвизгнул тормозами рядом с фигурой человека на углу; из заднего окна высунулась рука с пистолетом. Грохнул выстрел. Спустя секунду машина скрылась. Человек, отброшенный выстрелом на стену, медленно сползал на землю. Когда Марина добежала - он полусидел, привалившись к трубе дождевого стока; на груди поверх светлого свитера расплывалось красное пятно.

Глаза были закрыты. Дыхание - слабое, редкое... Марина присела рядом с ним, прикоснулась к щеке. Голова расслабленно качнулась.

Это был он. Панкратов. Тот самый, что умер в реанимации три недели назад... и вот он умирал в ее жизни уже второй раз. Она не знала, что делать. Здравый смысл требовал вызвать «Скорую». Пулевое ранение в сердце не оставляло никаких шансов - кому, как не ей, бывшему оперативнику, знать, что бывает после таких выстрелов...

И когда по ее лицу потекли слезы, в руке Панкратова зазвонил телефон. Она вздрогнула от какой-то веселой издевательской мелодии...

А он внезапно открыл глаза, сел у стены поудобней, сделал какой-то игривый жест рукой и со словами «Подожди, не реви!..» ответил на звонок.

6.

Небольшой прямоугольный сверток из синей подарочной фольги лежал перед ним на столике. Панкратов не отрывал от него взгляд, периодически прикладываясь к чашечке ароматного кофе. Приходилось морщиться от боли - разбитая губа заметно тревожила его и отвлекала от мыслей. Перед глазами стояла картина происшедшего несколько дней назад...

- ...Все получилось? - голос Кости в телефоне прозвучал, как показалось, очень громко. Иван бросил быстрый взгляд на изумленно застывшую Марину и ответил утвердительно.

- Получилось. Даже более чем...

Марина медленно выпрямилась. Лицо ее из расплывчато-заревавшего превращалось в каменное. По сантиметру. Заиграли скулы, губы сжались в ниточку. Взгляд прищуренных глаз царапал лицо.

- Что это значит? - сквозь плотно сжатые зубы спросила она. А Панкратов сидел на земле и смотрел на нее так, как будто хотел прочесть мысли.

- Это, Марина, шоковая терапия. Для тебя. И для меня.

Вставать он не торопился. Сложил ногу на ногу, убрал телефон в карман и посмотрел в ту сторону, куда уехала машина.

- Шоковая? - Марина удивленно подняла брови. - Ты же умер! Кристина звонила потом... На следующий день. Твою мать, Панкратов, что все это значит?!

- Дело в этой штуке, - он показал пальцем на разъем на виске. - Она меня, скажем так... Подвела немного. И в итоге - заставила задуматься.

Марина внимательно смотрела на него, все еще не веря, что это он и что все это происходит в действительности.

- Не хочешь подробней объяснить? - смогла выдать она из себя через пару секунд.

- Хочу, - он кивнул в ответ. - Но не могу. Я - не могу. А он - может...

И Панкратов, чуть приподнявшись, достал из кармана джинсов конверт. Точно такой же, из каких они доставали свои открытки. Марина взяла его очень недоверчиво, не отрывая глаз от Ивана. Потом вынула из конверта лист бумаги и быстро его просмотрела. А потом еще раз. И еще...

Панкратов подхватил листок, падающий из опущенной руки Марины. Она смотрела на него каким-то опустошенным взглядом - словно видела впервые. Иван пожал плечами, сложил лист в конверт и произнес:

- Никто не знал, что так может получиться. Я сам, читая это письмо из прошлого - не верил ни единому слову. Перечитал несколько раз и понял - претензии предъявлять ко мне сейчас бессмысленно...

Он встал перед Мариной, склонив голову - но чувство вины было не единственным, охватившим его. Было что-то еще, пронизывающее душу - Иван поднял глаза и встретился с ней взглядом.

- Сработало.

Она вздрогнула.

- Что?

- Терапия. Хотя в данном конкретном случае я бы сказал - хирургия. Я хотел увидеть нас - тебя и себя - в ситуации, подобной той, что произошла со мной ранее. Но тогда я не мог повлиять на ход событий - просто лежал в кровати, отключенный от этой жизни, от эмоций. А сегодня, здесь - смог почувствовать, увидеть и услышать то, что происходило в кабинете у Самойленко, пока вы решали мою - и свою - судьбу.

- Экспериментатор? - прищурившись, спросила Марина. Как бы ей не хотелось, но кровавое пятно на груди Панкратова притягивало взгляд. Она не могла поверить, что еще пару минут назад застреленный в сердце мужчина стоит и разговаривает с ней как ни в чем не бывало. - И к чему же привел твой эксперимент?

- Результат получен, - развел руками Панкратов. - Голос в телефоне, слезы на твоём лице... Пустота. Ноль.

Вдали показался серый седан. Водитель подмигнул фарами. Иван махнул ему рукой.

- Не бойся. Профессиональные каскадеры. Реквизит, машина - все предоставил один мой друг, режиссер. Хорошая получилась картинка?

И в этот момент она ударила его кулаком в лицо. Сильно, со знанием дела. Панкратов упал бы, не окажись позади него стены. Он больно ударился затылком; внезапно накатила тошнота, мир куда-то завертелся, понесся на всех парах... Но он устоял. Сумел удержаться на ногах, наклонившись вперед и упираясь в колени.

Марина что-то кричала, но он слышал только звон в ушах и видел перед собой плавающие цветные круги. Ощущение не из приятных; откуда-то всплыло воспоминание о тех секундах, что он лежал под бетонной плитой здания аэропорта, как между молотом и наковальней, и сознание медленно уплывало к облакам...

Когда цветной хоровод потихоньку стал рассеиваться, Панкратов понял, что он остался один. Ни как Марина ушла, ни что она кричала ему, прежде чем уйти - он не понял. Просто вынырнул по ту сторону тошнотворной радуги - и стало понятно, что остался один. Несколько любопытных прохожих смотрели на него с противоположной стороны, но он махнул им рукой и прошептал:

- Проходите, кино снимают...

Тем временем автомобиль приблизился к Ивану и остановился рядом. Костя вышел с пистолетом из задней двери и подошел к Панкратову, на ходу открывая маленькую пачку бумажных салфеток.

- Вот это поворот, - протянул он ее Ивану. Тот взял несколько штук и вытер кровь, бегущую струйкой из разбитой губы. Неприятный соленый привкус во рту дополнял картину.

- Зубы целы, - кивнул он с благодарностью. - Запишем это в бонус. Но самое главное - это точно не она. Гарантированно.

Костя недоверчиво посмотрел на него, потом похлопал по плечу и подтолкнул к машине.

- Поехали, выпьем. Да, там на сиденье твой пакет - не забудь свитер в него кинуть, эта фигня не отстирывается.

Панкратов практически рухнул в машину - ноги после такого нокдауна отказывались работать нормально. Откинув голову назад, он прижал очередную порцию салфеток к разбитой губе и закрыл глаза.

Фотография Марины на мотоцикле таяла перед его глазами. Сквозь нее проступал другой образ. Облака, самолет, музыка из наушников...

- Молодой человек, - официантка прикоснулась к его руке. Панкратов вздрогнул и очнулся от своих воспоминаний. - Вы просили предупредить. Девушка пришла. Она за барной стойкой.

Панкратов кивнул, поискал глазами ту, о ком шел разговор, а потом попросил:

- Передайте ей вот это, - он постучал пальцем по свертку. - Только не говорите, от кого. Я потом сам... Подойду. Если нужно будет.

Официантка направилась к бару. Панкратов тем временем допил кофе, поставил чашку на стол, достал из кармана карточку и приготовился расплатиться...

От бара к нему донесся вскрик - тонкий, короткий. Он взглянул туда и увидел на стойке раскрытый сверток и девушку, лежащую на полу. Официантка, разведя руки, смотрела на Панкратова непонимающим взглядом...

7.

В гримерке было пусто и одиноко. Сегодня она выступала без своих девочек. Концертов в этом месяце оказалось очень много - клубы, рестораны, корпоративы, все перемешалось в голове...

Платье в чехле пришлось повесить на какую-то непонятную металлическую конструкцию, которая заменяла здесь гардероб. Из большой рабочей сумки на свет появились микрофон, несколько проводов, пара флешек. Футляр она аккуратно прислонила к стенке так, чтобы он оказался как можно дальше от дорожки, протертой множеством ног в линолеуме гримерной комнаты.

Заглянула в сумку еще раз, выбрала пару синих туфель с палочками, поставила рядом с собой и устало опустилась на стул,

сложив руки на колени. Взгляд скользнул по плинтусам, старым обоям, обшарпанным светильникам, продавленному дивану - гримерка повидала за годы своего существования многое и вызывала какую-то жуткую тоску.

- Валерия, к вам можно?

В дверь просочился местный шоумен, ответственный за мероприятие. Она равнодушно кивнула, пригласив взглядом присесть.

- Я передам звуковикам ваши фонограммы. Вы выступаете два раза - после варьете и соло-гитариста пара ваших композиций, потом примерно через полчаса еще одна сразу после вокалистки... Черт побери, никак не могу запомнить ее имя...

- Ирина, - машинально ответила Валерия, которая знала всю программу и свои выходы уже очень давно. - Ирина Высоцкая. Такую-то фамилию не запомнить...

Ведущий пожал плечами, взял ее флешки и выбежал в дверь. Валерия медленно встала, закрыла дверь на защелку и расстегнула чехол с платьем.

В сумке зазвонил и заморгал вспышкой телефон, оставляя причудливые пятна света на потолке. Валерия покачала головой, но вернулась и взяла телефон в руку.

С экрана на нее смотрела девушка, которая, хоть и была у нее в контактах, не звонила ей ни разу. Ни по какому поводу. Валерия уже даже и вспомнить не могла, как этот номер вообще оказался у нее в телефоне.

- Алло, - ответила она.

Но вместо девичьего голоса в трубке она услышала грубый мужской вопрос:

- Валерия?

Она даже не нашла, что сказать в первые секунды - так неожиданно было все, и сам звонок, и голос на том конце.

- Да, - сумела выдать из себя она после вынужденной паузы. - А кто это?

- Я врач бригады скорой помощи Москалев. Вам знакома девушка по имени Кристина Назаренко?

- Знаю, конечно. Вы звоните с ее телефона...

- Я звоню вам по ее просьбе. Наша бригада была вызвана к ней по факту потери сознания и черепно-мозговой травмы.

- Кристина? Что с ней? И почему вы...

- Она у нас в машине, пару минут назад пришла в сознание. Мы забрали ее из клуба «Пеликан», у девушки на затылке ушибленная рана. По словам свидетелей и администрации клуба, она как-то неудачно упала с барного высокого стула. Кристина сама попросила позвонить вам и какой-то еще Марине Пригожиной. Марина не ответила. Вот, звоню вам, ставлю, так сказать в известность... Что? Не понял...

Валерия сообразила, что он спрашивает не у нее, а у кого-то в машине. Она немного напрягла слух, пытаясь разобрать, что же там происходит - и услышала срывающийся женский голос где-то рядом с говорящим по телефону врачом.

- Вам было не слышно? - спросил доктор у Валерии. - На всякий случай продублирую. Она сказала «Он живой. Он вернулся». Она повторяет это уже, наверное, в сотый раз. Какая-то странная фаза возбуждения. Не исключается ушиб мозга, гематома. Ей еще повезло, там рядом врач оказался по чистой случайности. Мы везем ее во вторую городскую - это если вдруг захотите навестить.

- Спасибо, - ответила Валерия. - Обязательно...

Ноги стали ватными. Она не смогла устоять и опустилась на стул.

«Он живой... Он вернулся... Рядом врач оказался по чистой случайности... Рядом врач... Рядом...»

Мимо нее к выходу на сцену пробежали человек десять или больше - девчонки в пышных юбках, чулках и с абсолютно унылыми лицами, которые они должны были переключить в режим «Мы счастливы!» перед самым началом номера. Валерия даже не посмотрела на них, лишь только придержала пальцем футляр со скрипкой.

- Он живой... Что случилось с Кристиной, черт побери?

Валерия встала, намереваясь перезвонить, но поняла, что толку от этого не будет - врач наверняка сейчас занят, а сама Кристина не в том состоянии, чтобы давать объяснения. Подойдя к одному из больших и давно не мытых зеркал, она взглянула на себя и увидела... Увидела совершенно растерянную и взволнованную женщину; кровь отхлынула от лица, глаза блестели невыплаканными слезами. Она глубоко вздохнула и сказала сама себе:

- Время еще есть. Подумать, принять решение. Не можешь изменить ситуацию - измени отношение к ней. А пока надо работать...

И она начала переодеваться...

На сцену через двадцать минут самого долгого ожидания за всю ее жизнь Валерия вышла как всегда - ровными четкими шагами, на высоком каблуке, сосредоточенная, блистательная. Новое концертное платье, сшитое на заказ именно к сегодняшнему дню, нежно и одновременно крепко обнимало ее, почти доставая пол. Сотни глаз смотрели на Валерию, не отрываясь - ожидание повисло в воздухе. Ей словно кто-то шептал на ухо: «Подожди... Подожди...»

И когда уже нельзя было больше ждать, Валерия почувствовала - он смотрит. Смотрит на нее сейчас, в эту самую секунду. Мурашки пробежали по спине; вздрогнув, она встряхнула волосами и прикоснулась смычком к струнам.

На стуле в примерке рядом с сумкой остался лежать картонный кружок из пивного ресторана, который она теперь каждый раз брала в руки перед выходом на сцену.

8.

Панкратов не видел момента падения - поэтому не мог с ходу определить, насколько серьезные травмы получила Кристина, подбежал к ней, опустился на одно колено, аккуратно прикоснулся к голове. Она лежала на спине, подогнув ноги; рядом валялся барный стул.

Неподвижные веки, поверхностное дыхание.... Панкратов прикоснулся к шее, определил слабую пульсацию. Медленно и тщательно ощупал голову; Кристина тихо застонала, когда пальцы переместились к затылку. Иван ощутил там небольшую припухлость и слипшиеся от крови волосы.

- Скорую вызывай! - посмотрел он бармена. - У вас тут наверняка есть аптечка. И дайте полотенце кто-нибудь, быстро!

Полотенце протянули откуда-то из-за спины. Панкратов взял его, сложил в несколько раз, потом очень аккуратно и четко, на полсантиметра, приподнял голову Кристины от пола и сделал из полотенца некое подобие подушки; крови, на первый

взгляд было немного. Тем временем администратор принесла красную пластмассовую коробку с крестом на ней. Иван открыл ее, быстро отсортировал содержимое и нашел упаковку с нашатырем. Все по науке, каждая ампула обернута ватой; с хрустом разломил одну и поднес Кристине к носу. Реакция, хоть и слабая, но была - девушка шумно задышала и попыталась отвернуться, но глаза не открыла.

- Вызвал, - откуда сверху из-за стойки произнес бармен. Иван кивнул и быстрыми движениями осмотрел руки и ноги Кристины на наличие переломов - с такого стула упасть можно было так же, как и со второго этажа. На первый взгляд все было целым.

Кто-то тронул его за плечо. Он вздрогнул от неожиданности и поднял глаза.

- Она упала, когда открыла ваш подарок, - официантка смотрела на него и показывала пальцем туда, где рядом с чашкой кофе в раскрытом свертке лежала книга. - Что вы ей такое там подарили? Напугали девушку до жути. Вот она в обморок и...

- Да тут, похоже, обмороком не обойдется... - прошептал Панкратов. Он продолжал сидеть рядом с ней на полу, держа за руку и внимательно отслеживая дыхание. Кристина застонала, дернулась - Иван легонько, одним пальцем, прижал ее к полу у основания шеи, не давая двигаться.

Вокруг места происшествия, как всегда, стали собираться зеваки. Панкратов не обращал на них внимания, но по звукам за спиной понял, что кто-то увидел в окне подъехавшую машину с «мигалкой». Врач и медсестра быстро вошли в зал ресторана; администратор показал им, где именно находится пострадавшая.

Панкратов встал и сразу представился:

- Врач отряда МЧС. Она потеряла сознание за барной стойкой и упала. На затылке небольшая рана. Руки и ноги вроде целые. Нашатырь, тампонирование раны.

- Хорошо, дальше мы сами, коллега, - кивнул ему врач и занялся своей работой. Водитель принес из машины щит для эвакуации; Панкратов посмотрел на это все профессиональным взглядом, понял, что Кристина в надежных руках и вернулся к столику за счетом.

Охранник ресторана помог водителю «Скорой» положить девушку на щит; врач контролировал ее голову, жестко сжимая виски ладонями. Несколько ремней на липучках зафиксировались на руках, ногах и голове.

- Подождите! - вскрикнула официантка. - Тут вот ее вещи. Сумочка и подарок... Вот от того мужчины, который...

Она оглянулась, но Панкратова за столиком уже не было. Пожав плечами, девочка поставила сумку на щит в ноги, рядом положила книгу, которую она, как смогла, завернула обратно...

Кристина очнулась, когда щит закрепили внутри машины и включили сирену. Врач, заподозривший внутрочерепную гематому, хотел побыстрее доставить пациентку в стационар - и автомобиль гнал с воем и «мигалкой» по дополнительному ряду.

Взгляд девушки встретился с глазами медсестры.

- Где книга? - с трудом проговорила она. - Дайте.

- Лежите, у вас голова разбита, - буркнула медсестра в ответ, придерживая рукой чемоданчик с переносным кардиографом. - Книга или что-то там еще - у вас в ногах. И сумочка. Кстати, документы-то там есть?

Она взяла сумку, нашла паспорт и телефон.

- Назаренко Кристина... Уже легче. Хоть будем знать, кого в сопроводилку писать...

- Позвоните... У вас телефон. Найдите там... Марина Пригожина. Скажите ей... Скажите - он вернулся. Он живой... Он...

Медсестра повернулась к стеклу, разделяющему водителя и салон, отодвинула пластиковую шторку и спросила у доктора:

- Она просит позвонить. Не маме-папе, не мужу. Может, там криминал какой?

- Позвони. Я смотрю, паспорт ты нашла - остальное не наши проблемы.

Сестричка кивнула, пролистала список контактов и нажала строчку «Пригожина Марина». После десятка гудков в пустоту она отключилась.

- Не отвечает ваша Марина, - сообщила она Кристине и хотела уже положить телефон обратно, но та испуганным взглядом остановила ее.

- Нет... Он живой... Понимаете... Позвоните... Валерии...

Водитель тормознул перед поворотом; машина немного накренилась, Кристина скривилась от боли, но не перестала говорить «Он живой... Он живой...»

Медсестра вновь через окошко в панели обратилась к врачу:

- Может, лучше вы? А то это «живой, живой» меня как-то нервирует. Может, там убили кого?

Врач покачал головой и взял протянутый телефон.

- Валерия?.. Я врач бригады скорой помощи Москалев. Вам знакома девушка по имени Кристина Назаренко?..

Когда он закончил разговор, Кристина замолчала. Она немигающим взглядом смотрела в потолок машины; тело ее, даже схваченное ремнями, подрагивало.

- Что-то здесь не в порядке, - глядя назад в салон, сам себе сказал Москалев. - А ну-ка, поторопимся...

Тем временем медсестра взяла синий сверток в руки и открыла. Кристина никак не прореагировала на это. Осмелев, девушка развернула его и увидела там книгу, а поверх нее - открытку с несколькими словами, написанными маркером.

- «Принцесса стоит смерти», - прочитала медсестра название книги. - Не читала... А что в открытке? Да я бы тоже со стула на вернулась, наверное... И она протянула открытку Москалеву. Тот взял ее в руку и прочитал вслух:

- «Девочке-выключателю - привет с того света». Нифига себе подарок... Черт бы побрал эти пробки, никакая сирена не поможет...

Когда они въехали на пандус приемного отделения, Валерия прикоснулась к струнам своей скрипки. И едва первые звуки Вивальди накрыли зал, Кристина впала в кому.

9.

Панкратов знал, куда пойдет из ресторана после того, как Кристина возьмет книгу. Рассчитал все по времени. До концертного зала спокойным шагом было минут двадцать, максимум двадцать пять. Он должен успеть купить цветы и занять место в неприметном секторе около колонны, откуда все будет видно и слышно, но сам при этом рассчитывал оставаться в тени столько, сколько будет нужно.

Однако все пошло не по сценарию...

Он бежал по улице, сталкиваясь плечами с редкими вечерними прохожими, периодически переходя на шаг. Восстановленная спина не давала ему быть самим собой - сильным, быстрым, независимым. Приходилось сдерживаться, чтобы боль молотом не отдавалась в позвоночнике.

Девушка в цветочном киоске быстро собрала большой букет красных роз, временами бросая на него удивленные взгляды. Он торопил ее, помогая выбирать цветы - брал каждый в руку, рассматривал внимательно, отбраковывая любые червоточинки на лепестках и сломанные листья. Только идеальные цветы, только тугие бутоны правильной формы, только ровные стебли с упругими листьями...

Так получилось, что он никогда не дарил ей цветов. Ни разу. Ни после концертов, ни при встречах. И сегодня этот недостаток должен быть компенсирован полностью.

Проблема с Кристиной лишила его почти пятнадцати минут из расчетного времени. Бежать было все тяжелей; букет, казалось, весил целую тонну. Он с трудом поднялся по ступенькам концертного зала, где сегодня в большом концерте принимала участие Валерия, увидел ее имя в списке на афише и привалился к стене рядом с входной дверью. Сердце стучало часто-часто, в глазах стояли слезы от встречного ветра.

Прежде чем войти внутрь, он вспомнил еще раз происшедшее в ресторане и прислушался к своим ощущениям. Понял, что нечто подобное чувствовал несколько лет назад, когда один из друзей-одноклассников сообщил ему о смерти Ларисы, его первой школьной любви.

Она была чуть ли не главной красавицей в выпускном классе, Иван влюбился в нее со всем юношеским энтузиазмом так сильно, что учеба катилась к чертовой матери в пропасть, а перспективы оказаться вместо института в армии были далеко не призрачными. Лариса крутила мальчиками как хотела, Иван тоже был отнюдь не в фаворе, но внезапно оказался на первых ролях, не понимая банальной интрижки на тему «Покручу хвостом с одним, чтоб заревновал другой». Его приблизили, но не сильно, подарили надежду - а потом оттолкнули. Он запомнил на всю жизнь - эту детскую драму, отчаяние, пустоту... Спустя

много лет дальнбойщик сбил ее на трассе - огромным боковым зеркалом тягача первой красавице школы раздробило череп. Когда он узнал об этом, то испытал то же самое, что и при виде Кристины с разбитой головой на полу у стойки бара.

НИ-ЧЕ-ГО.

Чтобы уж совсем не погрешить против истины, Иван признался себе, что кое-что сумел ощутить. Тогда, несколько лет назад, в нем на пару секунд вспыхнуло, как спичка в ветреную погоду - удовлетворение и спокойствие. Чувство какого-то равновесия. Помнится, он даже невесело усмехнулся своим собственным мыслям, которые недвусмысленно намекали ему на его черствость - но потом понял, что известие о гибели Ларисы он пропустил через свой собственный фильтр «родом из детства», где за все и всегда хотелось платить по самой высшей планке. И она заплатила...

Панкратов увидел на кончиках пальцев следы крови Кристины. Достал из кармана куртки упаковку влажных салфеток, которую всегда носил с собой как фанат чистоты и антисептики, тщательно стер эти бурые пятна. И вслед за фотографией Марины растаял и образ «девочки-выключателя».

...- Вы заходить будете? - вахтерша, проверявшая билеты, выглянула на улицу.

- Да, конечно, - кивнул Иван; дыхание к тому времени уже восстановилось, он протянул билет и вошел. Устроившись на своем месте, понял, что с попыткой утаить свое присутствие до последнего момента немного переусердствовал - видно ему было немногим более трети сцены. Чтобы разглядеть центр, надо было наклоняться в сторону довольно интенсивно - когда он попробовал так поступить, то спина отреагировала вспышкой боли. Поменяться же с кем-то на такое неудачное место было задачей невыполнимой...

Букет он положил на колени, прикрыл глаза, задержал дыхание и попытался успокоиться. Со сцены раздался голос ведущего, следом появилась какая-то группа, в которой солировал саксофон. Панкратов покачал головой в такт музыке и постепенно стал приходить в норму.

Когда через пару номеров на сцену вышла Валерия, Иван аккуратно наклонился, чтобы увидеть ее. Пожилая дама, сидя-

щая в соседнем кресле, понимающе кивнула и слегка отстранилась, чтобы дать ему возможность увидеть исполнительницу.

Напряженная улыбка застыла на ее лице. Смычок в опущенной руке немного дрожал; она прижала скрипку подбородком, подвигала головой, сосредотачиваясь, но глаза ее не отрывались от зала. Она смотрела, как сканер - ряд за рядом, пытаясь заглянуть в каждый уголок. Рука со смычком медленно стала подниматься...

Когда ждать уже больше было нельзя, она взмахнула правой рукой и коснулась струн. К тому, что случилось потом, Панкратов оказался не готов...

10.

Иван сидел в комнате, отданной Валерии под гримерку; сама исполнительница все еще была на сцене. Знакомый саквояж стоял на стуле неподалеку. Возле него - пивной картонный кружок, который он подписал, находясь в каком-то трансе.

«Рождественник». Мамин кактус, который требует боли, чтобы расцвести. Панкратов взял кружок в руки, провел пальцем по грани. Вспомнил, как хитро и весело смотрела на него маленькая девочка в зале.

Совершенно очевидно, что они бывали в том зале. Девочка запомнила их именно ВМЕСТЕ. И поэтому спросила.

Картинки памяти возвращались с завидным постоянством. Он вздрагивал при каждом обновленном воспоминании - устройство «режима ожидания» беспорядочно рассортировало их в мозгу при остановке сознания, и теперь они вращались, как калейдоскоп, становясь из сверкающих осколков осознанными видениями. Порой все пролетало перед глазами, как кино, поставленное на перемотку; временами же воспоминания возвращались вспыхивающими фотографиями, не связанными между собой. Море, каменистый пляж, лунная дорожка, рука в руке... Кинотеатр, какие-то конфеты, теплое дыхание рядом. Освещенная пустынная дорога, рыжая лиса в свете фар... Волна воспоминаний постепенно превращалась в тайфун, ураган. Кофе, высокий каблук, транс из динамиков в машине. Клубничный мохито. Глаза в глаза. Ключ, поворачивающийся в дверном замке...

То место на виске, где был вмонтирован разъем устройства, потеплело и неприятно пульсировало. Панкратов прислонился затылком к холодной стене - так было легче ощущать приливы головной боли, - потом расстегнул верхние пуговицы на рубашке и сжал в кулак металлический ключ, включающий «режим ожидания». Он тоже был теплым - между ними существовала зона радиоконтакта, выносить за пределы которой ключ не рекомендовалось. Что-то вроде страховки - чтобы хозяин устройства случайно не оказался в ситуации, когда нужно его запустить, а ключ остался где-то вне пределов досягаемости. Панкратов как-то раз оставил его на столе, но при выходе из квартиры получил такой чувствительный удар током в висок, что более уже не снимал цепочку с ключом с шеи.

Когда Валерия заиграла - ключ словно загорелся у него на груди каплей расплавленного металла. Все, что он запомнил - это облачко канифоли, которое засияло вокруг скрипки в лучах прожекторов. И первые же звуки музыки словно включили что-то в голове; зрение стало нечетким, а вот обоняние, напротив, усилилось - запах роз стал очень сильным и пронзительно-сладким... Он вдруг почувствовал, что зал куда-то исчезает... Колонна, скрывающая от него Валерию, растаяла, но пропала и сама Валерия - Иван сидел в самолете, глядя в иллюминатор на крыло, рассекающее облака.

Внизу показался город, довольно хаотично поделенный на кварталы. Стюардесса, проходя по салону, просила не особо исполнительных пассажиров поднять спинки, снять наушники и приготовиться к снижению. Панкратов выполнил ее просьбу, убрал с головы синие поролоновые кружочки, из которых доносилась какая-то классическая музыка, пристегнул ремень...

В паре рядов впереди от него со своего места встала женщина в короткой кожаной куртке; она что-то вынула из сумки в верхнем багажном отсеке, виновато кивнула нахмурившейся стюардессе и села обратно. Но прежде чем сесть, она поправила волосы - быстрым и точным движением. И Панкратов узнал в ней Валерию.

- Куда мы летим? - спросил он у мужчины, читающего газету в соседнем кресле. Тот оторвался от чтения и непонимающе посмотрел на Ивана.

- Да что ж такое... Инглиш?

Мужчина свел вместе большой и указательный пальцы на правой руке, оставив между ними зазор в пару миллиметров, показывая свою степень владения английским языком. Панкратов развел руками, не понимая, как добиться от соседа ответа, но потом просто стал показывать в окно и вниз - мол, внизу там город.

- Монтенегро, - улыбнулся мужчина, мечтательно закатывая глаза к потолку.

- Черногория? - удивился Иван.

- Подгорица, - с непонятным акцентом продолжил пояснять сосед, но Панкратов уже увидел в сетчатом кармашке на спинке кресла проспект со словами «Montenegro Airlines».

- Благодарю, - кивнул он спутнику, а про себя подумал, что мог бы быть повнимательней. Пошарил по карманам - и нашел посадочный талон. Номер рейса, дата, место, салон для некурящих...

Он чуть приподнялся в кресле, посмотрел в сторону Валерии и вдруг ощутил тряску. Самолет завибрировал и сорвался в вираж.

А потом было как при пробуждении в реанимации - рвущее облака крыло, крики пассажиров, желтые кислородные маски, Вивальди из наушников...

Но это были уже не наушники - Вивальди звучал в зале. Иван сидел, прижавшись мокрым от пота лбом к колонне рядом с ним и часто дышал. Аромат роз постепенно становился менее навязчивым и густым. Ко всему еще добавилась боль в спине - нарастающая с каждой секундой. Он встал и, извинившись, вышел в коридор. Положил цветы на широкий подоконник, оперся на него внезапно ослабевшими руками и посмотрел на освещенную оранжевыми фонарями улицу.

- Сходится, - шепнул он. Стекло перед его лицом от дыхания покрылось туманом. - Теперь сходится.

Прикоснулся к холодному стеклу лбом, потом встряхнулся и, увидев в коридоре женщину с бейджиком, спросил, где гримеры артистов.

- Вот слышите - на сцене сейчас играет? - он улыбнулся. - Как-то так ласково. По-женски... Я ее давний поклонник. Хотел бы вручить лично.

Женщина понимающе кивнула, осмотрела его внимательно и, не заметив никаких ей одной известных признаков маньяка-фаната, показала дорогу. Панкратов кивнул, взял букет, поправил в нем какие-то невидимые огрехи и двинулся по ковровой дорожке. Разъем на виске сопровождал каждый шаг мягкой пульсацией.

Дверь оказалась не заперта. Панкратов аккуратно открыл ее, вошел и опустился на стул. Воздух был пронизан запахом духов, который постепенно смешивался с ароматом роз. Платье на вешалке. Сумка. Туфли. Скрипичный футляр. Блокнот, из которого торчал корешок какой-то рекламки.

- «Фестиваль... Подгорица... Большая конкурсная программа...», - прочитал Панкратов. - Через полтора месяца. Да, такие вещи без нее не обходятся...

В сумке замигал вспышкой телефон. Панкратов машинально взял его в руки. Звонок был с номера Кристины. Иван несколько секунд смотрел на фотографию девушки, а потом коснулся экрана пальцем и ответил на вызов.

Когда разговор был закончен, в дверях показалась Валерия. Панкратов так и встретил ее - с телефоном в одной руке и букетом в другой. Ключ на груди становился нестерпимо горячим...

11.

Они смотрели друг на друга очень долго, оставаясь абсолютно неподвижными. Валерия опустила руки со смычком и скрипкой и прислонилась плечом к дверному косяку, не в силах сделать еще один шаг внутрь, навстречу. Иван не отрывался от ее глаз, не зная, что сказать - да и зачем...

- Это ты... - сумела произнести на пределе слышимости Валерия. Губы задрожали; она вздохнула и сделала несколько быстрых движений глазами, которые всегда делают женщины, чтобы не дать слезам предательски упасть. Это не укрылось от Панкратова. Он шагнул навстречу с букетом.

- Я, - кивнул он. - Наверное, я смогу все объяснить. Это тебе.

- Потрясающие розы, - дрожащим голосом сказала Валерия и протянула к Ивану руки. - Только взять мне их... Как?

Она попыталась улыбнуться - и одна слеза все-таки скатилась по щеке. Панкратов бросил телефон обратно в сумку, подхватил футляр и положил его рядом с Валерией; она аккуратно поместила в него инструмент, не отрывая взгляда от Ивана. Потом выпрямилась, шагнула к нему и обняла, прижавшись к груди. Панкратов успел отвести букет в сторону и обхватил ее свободной рукой.

- Я не верила, - тихо сказала она. - Я никогда не верила... Даже когда держала в руках тот дурацкий конверт - не верила. И когда Кристина позвонила, что ты... Что она...

Панкратов нежно гладил ее по волосам и в который раз с ужасом представлял картину, описанную ему заведующим реанимацией - три женщины в госпитальном парке решали свою и его судьбу без права на ошибку.

- Эта клубника... Это трижды проклятое пиццикато... - ее голос стал немного громче. - Никогда не думала, что это может быть так больно и нелепо. Открыть конверт с приговором...

- Ты летишь в Черногорию? - спросил неожиданно Иван.

- Что? - немного отстранилась Валерия, но его рука держала ее очень крепко. - Да, - шмыгнула она носом и опять прижалась к груди. - Я с девочками. Наше трио там в фаворитах. Привезем пару дипломов, как минимум...

- Нет, - Панкратов положил цветы рядом со скрипкой и обнял ее двумя руками. - Не привезете.

- Почему это? - удивилась Валерия и предприняла попытку посмотреть на Ивана, немного отодвинув его от себя сильными ладонями. - Мы всегда там побеждали.

- Не так все просто, - покачал головой Панкратов. Он отступил на шаг и взял ее за руки. - Сколько мы с тобой знакомы?

Она на секунду задумалась и ответила:

- Семь месяцев. В общей сложности. Включая и...

Она чуть не сказала «...твою смерть», но вовремя спохватилась.

- Семь месяцев, - покачал головой Иван. - Да, где-то так... Нет, ни в коем случае я не забыл - я сейчас о другом. Знаешь, со мной кое-что происходило... В течение последнего года.

Он на некоторое время задумался, прикусив губу. Валерия настороженно ждала продолжения, пристально глядя ему в

глаза. Иван улыбнулся ее взгляду - и сразу растопил в ней все страхи.

- Эту штуку, - он ткнул пальцем в висок, - я установил год назад. Меня как врача медицины катастроф крайне заинтересовала возможность сохранить свой мозг в случае каких-то проблем - а работа наша связана с высоким профессиональным риском... Я постараюсь объяснять все простым русским языком, но иногда придется говорить, если не высокопарно, то энциклопедическими терминами - просто потому что рассказать это по-другому вряд ли получится.

Валерия кивнула и опустила на стул рядом с дверью, не выпуская рук Панкрата из своих.

- Устройство швейцарское. Все патенты и технологии у них. Соответственно, делали мне операцию в Женеве. После установки пришлось провести пару недель в их клинике - они наблюдают за каждым пациентом на предмет парадоксальных реакций - все-таки это не протез руки или ноги из пластмассы, а сложная компьютерная схема, встроенная в головной мозг на очень низком уровне...

Панкратов вспомнил, как очнулся в палате клиники на следующий день после операции - сами нейрохирурги называли это «монтажом» - и впервые увидел падающий самолет. Он тогда здорово испугался и сразу же сообщил об этом видении профессорам на обходе.

- Штука в моей голове оказалась не вполне безобидной, - пожал Иван плечами, словно оправдывая хирургов. - О том, как отреагирует мозг на ее появление - никогда до конца не знают даже они сами в этой высокотехнологичной Европе. Но мои видения... Я видел небольшой фильм. О тебе. И не только о тебе...

- Ты меня сейчас совсем запутаешь, - Валерия притянула его к себе. - И даже как-то страшно становится от твоих... воспоминаний.

- А уж мне-то каково, - невесело усмехнулся Иван. - Тем более, что это даже не мои воспоминания... Точней сказать, мои, но... В общем, сам я сейчас мало что помню. Но тот Иван Панкратов - до включения «режима ожидания» - написал мне письмо. Чтобы я не забыл... И я прочитал. Сначала не поверил. Но потом - уже после моего возвращения - увидел все снова. Пришлось поверить.

Он аккуратно освободил одну руку от ее теплых пальцев и достал из кармана сложенное в несколько раз письмо от самого себя. Валерия протянула руку к конверту - и тут в дверь неожиданно постучали и, особо не дожидаясь приглашения, в гримерку ворвался ведущий.

- Валерия, тут кое-что переиграли! - начал он без предисловий. - Эта... Ну как ее...

- Высоцкая, - подсказала Валерия.

- Точно. В общем, она позвонила сейчас и сказала, что задержится. Почти на час. И поэтому вам придется играть. И не одну вещь, а три-четыре, не меньше. И не через полчаса, а сейчас.

- Господи, как же вы не вовремя! - Валерия встала и, не выпуская руки Панкротова, накинулась на ведущего. - Найдите кого-нибудь на замену Высоцкой - я что тут у вас, для того чтоб собой дырки в расписании затыкать?!

- Ну что вы... - готов был провалиться сквозь землю конфрансье. - Ну зачем вы так... Выручайте, дорогая моя! Иначе - скандал, вы же понимаете, какие люди в зале...

Валерия посмотрела на Панкротова и спросила:

- Ты ведь уже... Никуда не исчезнешь?

Он улыбнулся и поцеловал ее в щеку.

- Теперь уже точно - никуда. Подожду здесь. Или, если хочешь...

- Нет, - остановила она его жестом. - Здесь. Я не смогу нормально играть, если буду знать... Что ты смотришь.

Она взяла скрипку со смычком, прикоснулась к его пальцам и вышла.

- Я жду, - кивнул он ей вслед и присел. Он уже точно знал, что ответ найден. Осталось только подогнать его под условия задачи.

И сделать это надо примерно за полчаса.

12.

«Начну без предисловий.

Если ты вышел из «режима ожидания» и у тебя нет проблем с памятью в настоящее время, дальше можешь не читать - будет скучно и однообразно. Но если ты очнулся и понимаешь, что из

твоей жизни вычеркнули каких-то людей, какие-то события, факты, эмоции и вместо этого одарили картинкой падающего самолета - то это письмо немного поможет разобраться.

Сухие факты таковы. Год назад ты получил в свое распоряжение специальное устройство торможения мозговой активности в состоянии клинической смерти, переводящее тебя в «режим ожидания». После чего у тебя начались видения. Падающий самолет, в котором на момент катастрофы находился ты сам и кто-то еще, тебе очень хорошо знакомый.

Твой куратор был извещен об этих видениях, которые были названы нейрохирургами «воспоминаниями о будущем». Суть их теории сводилась к тому, что устройство стимулировало участки мозга, отвечающие за воспроизведение картинок-предвестников. Некоторые такие участки были помечены как внезапно активированные - уровень сигнала, полученный от них, превышал аналогичный ДО «монтажа» в десятки раз. Ученые, занимающиеся разработкой программы для «режима ожидания», отнесли к этому как к побочному эффекту, представление о котором у них было двоякое. С одной стороны, это могло оказаться «ложными воспоминаниями», не ведущими никуда - и тогда оставалось только извиниться перед клиентом и представить себе, что это некие модифицированные сны. Но с другой - ты сам понимаешь, «голова предмет темный и исследованию не подлежит».

То есть, говоря простым языком - это все могло иметь под собой реальные корни.

Поначалу видение падающего самолета преследовало тебя нечасто. В среднем раз в две недели. Ты сообщал о каждом таком случае в клинику в Женеве, ребята в халатах заносили все в свой бортовой журнал - но сделать с этим ничего не могли. Да, наверное, и не хотели. Уверен, что ты - то есть я - был им интересен, как странный кролик в помете, у которого не только хвостик стал черненький, но он еще и начал этим хвостиком ловить «Европу Плюс».

Все изменилось, когда ты встретил Марину Пригожину. Запомни. Это отправная точка. Ты повстречал заинтересовавшую тебя женщину - и сразу же обнаружил ее в самолете. Ты поднялся в кресле - и видел, как она что-то достает из багажного отсека над головой.

Таких видений было четыре. Получается, вы в жизни встречались даже реже, чем случались эти воспоминания о будущем с ее участием. Сказать ей - ты побоялся. И про устройство соврал, сказав, что это какой-то протез височной кости еще с детства (вряд ли она поверила), и про то, что она присутствует в твоих галлюцинациях, умолчал. Вот, кстати, я и подобрался к этому обозначению видений - потому что постепенно нейрохирурги швейцарской клиники склонились к тому, что девайс потенцирует галлюцинаторный шторм. Они готовы были назначить тебе таблетки - как человеку с психическими нарушениями.

И все ничего, если бы не следующее пересечение - с Кристиной. Надеюсь, имена не ставят тебя в тупик? Банальная встреча в одном из кафе грозила вылиться в нечто большее - и ей тут же нашлось место в твоём промо-ролике фильма «Авиакатастрофа». Она переплонула Марину - ее ты видел семь раз.

Видения стали чаще и ярче. Появились какие-то детали. С тобой стала заговаривать стюардесса, ты уже смог разглядеть облака из иллюминатора - но понять, что это все значит, данных не хватало. Просто в какой-то момент ты понял, что это не ты сам - это устройство зондирует твой мозг и вытаскивает оттуда крохотные частички возможного будущего.

Нет, ты не пожалел о том, что установил его. Однако жизнь существенно осложнилась...

Тебе не кажется, что твои встречи с женщинами после монтажа устройства были... Предначертанными? Запрограммированными? Нет, я прекрасно понимаю, что мужчина, знакомясь с женщиной, хочет быть хозяином текущего момента и королем перспективы - но что, если это ОНО тебя вело?

Да, я подвожу к мысли о том, что встреча с Валерией семь месяцев назад была не случайной - как бы ты не спорил со мной сейчас. Считаю это моей собственной теорией. Эдаким «женевским синдромом Панкратова». Твой чип искал ее для тебя...

Или нет. Вот прямо сейчас это пришло мне в голову. Он искал ТЕБЯ ДЛЯ НЕЕ. Ну конечно. Все сразу становится на свои места...

Смотри, дружище. Ты помнишь, с чем у тебя ассоциировалась каждая из них? Хотя, может и не помнишь. Я тогда обозначаю.

Марина - это запах. Кристина - картинка. Валерия... Валерия - это звук и прикосновение.

Когда ты встретился с Мариной, чип отреагировал слабо. На Кристину - сильней. А вот на Валерию... Ты видел ее в своей галлюцинации четырнадцать раз. В самом видении не было никаких запахов, расплывчатая картинка, зато звуки - отовсюду. Музыка из наушников, голоса, шум двигателя... На звуке держалось все.

Но ты же понимаешь - это все теория. А она ничто без эксперимента. Твои кураторы дали понять, что картинку сведет всего включение устройства. Именно тогда ты и узнаешь - кто и в каком самолете может погибнуть по воле случая. И ты предложил включить чип. Твой куратор был... несколько удивлен твоим решением. Потому что статистика выхода из этого состояния в настоящий момент говорила о том, что человек может кардинально измениться. Совсем. И на первом месте идут жуткие провалы в памяти. Мозаичные воспоминания, связанные со скачком питания в цепях при вставке ключа в разъем.

Я уже сейчас сомневаюсь, что включение чипа было чисто твоим желанием. Похоже, наш с тобой мозг уже не очень отвечал за принятие решений. Но нейрохирурги отказали тебе в таком эксперименте, а самостоятельно ты его выполнить не мог - ключ нельзя вставить своей собственной рукой, в него встроена защита от попытки самоубийства.

Но мы нашли решение. Мы - это не ты и я, как одно целое. Мы - это я и чип. Потому что я считаю, что с некоторых пор он подсказывает мне решения.

Запомни - они будут тебя ненавидеть за то, что ты с ними делаешь. Ты заставишь их - каждую - отказаться от тебя. Умрешь для них. Для, так сказать, чистоты воздействия и точности реакции чипа. А когда придешь в сознание - то будешь точно знать, кого спасать, где и когда. По крайней мере - я на это очень надеюсь. Если чип не подкинет мне - и тебе - новых загадок. А уж какие загадки он подкинет твоим женщинам... Надеюсь, тебе уже рассказали про три конверта?..

И кстати - запомни раз и навсегда. Твои кураторы были против включения устройства по одной очень важной причине - они обнаружили такое явление, как «вторичная утечка памяти».

Несколько пациентов с таким же чипом, как у тебя, тоже испытывали разного рода видения - а при попытке поделиться ими после выхода из «режима ожидания» превращались в растение. Чип обнулял их память. Единственным способом избежать этого может быть только повторное включение устройства - но, как я уже писал выше, сделать это своей рукой невозможно.

Последняя подсказка. На всякий случай. Я - тот я, что остался в прошлом - просит тебя, счастливчика из будущего. Будь до конца честен с ними. Только так поймешь, которая из них - твоя.

До встречи в новой реальности.

Твой ты».

Валерия опустила руку с письмом, которое она перечитывала уж не в первый раз. Все возвращается на круги своя - она была в той же реанимационной палате, где месяц назад уже находился Панкратов с серебристым ключом в виске. Сидела возле той же самой кровати, около которой рыдала Кристина.

Перед ней, подключенный к монитору, лежал Иван.

13.

Ему не потребовалось полчаса на то, чтобы принять решение.

Еще раз проглядев письмо - он все-таки понял, почему не смог точно установить, кто летит в самолете, сразу после пробуждения.

Вторичная утечка памяти.

При любой попытке ухватиться за кончик ниточки - чип рассыпал воспоминания. Разбрасывал, как конфетти. Перетасовывал их, как стекла в калейдоскопе - каждый раз по-новому.

По сути, технология «режима ожидания» была тупиковой. Интересная - но по своему содержанию разрушительная. Спассти мозг для того, чтобы на выходе получить другую личность, с новыми воспоминаниями, с задатками экстрасенса, который не может ответить на элементарные вопросы, потому что рискует впасть в детство, растеряв все накопленные за жизнь знания...

Когда Валерия вошла в гримерку и устало опустилась на вытертый диван в углу, все уже было решено.

- Посиди со мной, - попросила она.

Панкратов подошел, присел на корточки напротив и положил свои руки ей на колени.

- Мы должны кое-что уточнить - и тогда сможем двигаться дальше.

- Говори, - она кивнула, закрыла глаза и откинулась на спинку. Было видно, что сегодняшнее внеочередное выступление вымотало ее.

- В письме, которое ты так и не успела прочесть - несколько ответов на вопросы. Но самый главный ответ ты дашь мне сейчас...

- Замуж не пойду, - она улыбнулась, не открывая глаз. - Мы же договорились.

Он вздохнул.

- Это сейчас неважно. Трудное, но вполне преодолимое препятствие. Я бы хотел знать - точно знать - что ты откажешься от полета в Черногорию...

- Ты это серьезно?

- Еще как, - Панкратов кивнул.

- И если я что-то понимаю - это требуешь не только ты, но и та штука в голове? - она открыла глаза, села так, чтобы оказаться поближе, и провела рукой по его волосам. - Да ты совсем седой...

Панкратов пожал плечами:

- Не веришь?

- Иван, этот фестиваль для меня - определённая ступень в моей карьере. Еще одна возможность доказать друзьям и противникам, что я расту, как профессионал, как творческая личность, как художник. Если бы ты попросил меня не играть завтра в ресторане - поверь, я бы с радостью согласилась... Но Черногория - это не работа. Это нечто большее.

Он выпрямился и посмотрел на нее сверху вниз.

- Наверное, на твоём месте я бы тоже сомневался, глядя в глаза человеку с разъемом в виске, с куском железа в позвоночнике, с сомнительной аферой с тремя конвертами в недалеком прошлом и какими-то странными видениями в течение целого года. Но ты же понимаешь, что случаются в жизни ситуации, когда надо просто поверить - и выполнить...

- Дай письмо, - раздраженно перебила его Валерия и властно протянула руку.

Панкратов осекся, нахмурил брови, но потом передал конверт. Она достала напечатанный на принтере лист бумаги, развернула его и изучила содержание. Иван по ее глазам и шевелению губ понял, что некоторые места она прочитала несколько раз. Потом рука с письмом устала упала на диван.

- На кой черт ты вообще связался с этими швейцарцами... Ты хоть сам чувствуешь, что это бред? Вот эти видения, галлюцинации... Эти твои конверты, «Принцесса стоит смерти» и прочая театральная фигня! Панкратов, может, тебе на самом деле надо было пить какие-то таблетки? Ты в своем желании не отстать от темпов хай-тека зашел так далеко, что мне даже страшно представить все последствия! Я уже не говорю о том, что нам всем пришлось пережить в связи с твоей мнимой кончиной. Неужели вообще - все это (тут она сделала жест руками, словно пыталась обнять что-то большое) только ради того, чтобы я не летела в Черногорию?

Иван заскрипел зубами, чувствуя, как перестает управлять процессом. Валерия с присутствием ей своеволием и жесткой критикой всего и вся - уходила из-под давления обстоятельств. Надо было срочно что-то предпринимать...

- Все это - ради того, чтобы ты осталась жива, - тихо сказал он. - Живой музыкант - лучше, чем мертвый хирург...

Потом виновато отвел от нее взгляд, взял в руки телефон и стал там что-то нажимать - на первый взгляд достаточно бесцельно...

В этот момент в сумке Валерии заиграла мелодия. Она вздрогнула и посмотрела на Ивана.

- Возьми. Это очень важный звонок, - кивнул он. - Сегодня случайных звонков быть не может.

Валерия недоверчиво, не отрывая взгляд от Панкратова, подошла к сумке, вынула телефон и посмотрела на экран.

- Ты? - удивилась она. - Ты мне звонишь? Зачем?

- Это не я, - покачал головой Иван и показал руками на письмо, лежащее на диване. - Это он.

Валерия посмотрела на него, как на ненормального, и ответила...

И в то же мгновение Панкратов поднес свой телефон к уху - с той стороны, где у виска пульсировал разъем чипа.

В спину вонзилась раскаленная стрела. Конструкция в позвоночнике усилила сигнал от чипа. Валерия начала падать на диван; экран ее телефона замигал, окрашивая лицо в разные цвета.

Противный звон рвал голову Ивана изнутри. Валерия упала, несильно ударившись о жесткий подлокотник дивана; глаза ее были широко раскрыты...

Она стояла в проходе самолета между креслами и пыталась достать из багажного отсека косметичку. Удалось это ей не сразу; стюардесса укоризненно посмотрела на нее и погрозила пальцем. Валерия улыбнулась и уже хотела сесть обратно в кресло, как вдруг услышала сзади:

- Ну теперь-то ты веришь?

Она оглянулась. И в ту же секунду самолет заложил крутой вираж, упав на крыло. Ее отбросило куда-то к потолку, со всех сторон закричали...

Панкратов видел, как Валерию затрясло, словно от удара током. Он нажал на телефоне на сброс звонка - но Валерия продолжала сжимать свой возле головы с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

Внезапно ухудшилось зрение - все предметы стали нечеткими, далекими. Потом он услышал мамин голос:

- Сынок, у них так всегда в природе... Чтобы расцвести - надо обязательно что-то преодолеть... Вот и рождественник мой...

Панкратов вдруг понял, что не может вспомнить мамино имя. Чип отвечал ему ударом на ударом, начав вторичную утечку памяти. И тогда он сделал единственное, что было возможно в этой ситуации, чтобы остаться самим собой.

Взял пальцы ее свободной руки в свою, сжал ими ключ от устройства и вставил в разъем...

Валерия погладила руку, лежащую поверх одеяла, и зажала себе ладонью рот. Боялась разрыдаться в голос. Она не знала, что делать дальше.

Три часа назад Кристина Назаренко скончалась в приемном отделении второй городской больницы от полученной травмы, не дожив даже до операции. Человека, который мог своим голосом вытащить Ивана из «режима ожидания», больше не существовало. Валерия просматривала входящие и увидела, что в тот момент, когда она была на сцене, ей звонили из больницы.

Ответил на тот звонок Иван. «Выключая» себя, он уже знал, что Кристины нет в живых.

Валерия встала и вышла из палаты в коридор. Оказавшись на крыльце, она поискала в сумке сигареты, вспомнила, что бросила полгода назад после одного-единственного укоризненного взгляда Ивана, потом увидела рекламный проспект фестиваля в Черногории, скомкала его и швырнула в урну.

Она знала, что обязательно что-нибудь придумает.

Потому что - ну а кто же еще?..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

- Знаете, для меня ваши чертежи и схемы - как для вас мои ноты, наверное, - усмехнулась Валерия, глядя, как Кирилл колдует над ноутбуком, временами рассматривая лист ватмана на столе. Чтобы тот не свернулся в трубочку, его прижали в углах толстыми книгами, на одной из которых удачно пристроилась вазочка с конфетами - хакер временами запускал туда руку и брал наугад мягкие и кислые цветные тянучки из желе, морщась от того, как шипучие кристаллы, которыми они были посыпаны, взрывались у него во рту. - Ну, если вы, конечно, не учились в детстве в музыкальной школе...

- Нет, не учился, - отрицательно замотал головой Кирилл. - И всегда жалею, что на гитаре не умею... Еще в школе завидовал тому, как гитаристы тремя аккордами вокруг себя девчонок собирали.

Он прищурился, глядя в экран, и внезапно сказал:

- Что-то из этого получится. Однозначно.

Валерия подошла к нему из-за спины и попыталась понять, что же так воодушевило его - но, конечно же, это осталось за пределами понимания. Кирилл тем временем встал и обвел на чертеже красным карандашом какой-то узел.

- Здесь, - он кивнул сам себе. - Здесь находится центр, отвечающий за логику входа и выхода.

Он отошел к окну, сложил руки на груди и посмотрел на улицу. От вида усыпанных листьями улиц становилось зябко; он

передёрнул плечами, ощутив мурашки на спине, повернулся к Валерии и оперся руками на теплую батарею.

- Архитектура интересная очень. Пожалуй, вряд ли мне придется встретить нечто подобное в ближайшие годы - технология действительно уникальная.

Кирилл работал над взломом ключа к чипу «режима ожидания» уже не первый день и не переставал удивляться тому, какая интересная работа ему выпала. Валерия нашла его не случайно. Она после случившегося с Панкратовым погрузилась в мир хай-тека, просмотрела множество форумов, пыталась вызвать на разговор нескольких крайне молчаливых хакеров и в итоге получила нужный совет... Человек, к которому ее направили, работал практически по соседству - программистом в штабе флота (благо, в их морском городе было и такое учреждение).

Кирилл довольно неохотно пошел на контакт, но узнав о сути задания, заинтересовался. Валерия встретила с ним; чтобы поверить в реальность происходящего, она показала ему Ивана в реабилитационном центре - между жизнью и, как она сама говорила, «не-жизнью», стараясь не произносить слово «смерть». Кирилл попросил время подумать - пару дней. Но уже через несколько часов понял, что отказаться от такого интересного задания просто не сможет, и потратил остатки срока, отведенного на обдумывание, на поиски пути к швейцарской клинике.

На своей основной работе Кирилл уже вырос до заместителя начальника отдела по компьютерной безопасности и имел в своих руках неплохую информационную мощь для выполнения предложенной работы. Правда, в затылок ему постоянно дышал штатный куратор из ФСБ и военный прокурор, но по сути своей это задание не ущемляло интересов безопасности военного флота.

Когда он встретился с Валерией по истечении срока, представленного для принятия решения, уже были готовы некоторые наброски плана. Он прикинул, в каком порядке предпринимать шаги для получения необходимой информации, рассчитал вычислительную мощь для понимания структуры устройства в голове у Панкратова и тщательно спланировал, как все это выполнить скрытно и аккуратно.

В принципе, он был опытным специалистом в своей области. За несколько лет работы в штабе он не получил ни одного взыс-

кания, внедрил несколько крайне полезных собственных разработок, которые были оттестированы хакерами более высокого уровня и допущены к употреблению в боевой и тактической подготовке как не имеющие скрытых дефектов и вирусных включений. Его даже представили к медали в честь очередной годовщины формирования флота - но тут случился какой-то катаклизм с подводной лодкой, кто-то там погиб при пожаре, волна негодования прокатилась в новостях и отразилась в приказах, и хотя Кирилл был совершенно не при делах - его, как и еще сотню человек, автоматически лишили всех поощрений, наградной лист отозвали и забыли о нем надолго.

Тот план, что он обрисовал Валерии на их второй встрече в небольшом кафе - впечатлил ее. Особенно когда свои слова он подкрепил списком ученых, привлекавшихся к перепрограммированию чипа Панкратова по его просьбе. Этот список, что он вытащил из одного из защищенных архивов клиники, был как пропуск - Валерия оценила умения Кирилла настолько, насколько позволял здравый смысл. Оценила и заключила с ним договор - на определенную сумму после достижения положительного результата. Хакер не сопротивлялся таким условиям - даже в случае неудачи он получал гигантский опыт по работе с нейроинтерфейсами и программным обеспечением для них и мог использовать эти пиратские разработки в своих интересах.

Работа шла медленно - уж больно специфическими была и проблема, и способы ее решения. К концу первой недели сумел добыть обрывки схем из лаборатории в Женеве, но потом понял, что столкнулся с разработчиками следующей версии устройства на каком-то ином уровне. Это было интересно - но бесперспективно. Нужны были инструкции, схемы, 3Д-модели того чипа и ключа, что были в голове у Панкратова.

Валерия терпеливо ждала результата. Работать ему приходилось у нее дома, чтобы не будоражить умы отдела внутренних расследований и не вызывать лишних подозрений своей сетевой активностью. Сама скрипачка часто уезжала на недолгие гастроли в другие города - для того, чтобы работа не прекращалась, она оставила ему ключи от квартиры, и он превратил ее в некое подобие командного центра современного авианосца. Два больших монитора, ноутбук, несколько планшетов и какие-то тихо

шелестящие и мигающие ящики около окна - все это было соединено в сложную систему анализа данных, и работало чаще всего независимо от Кирилла. Валерия привыкла спать среди мерцающих экранов, которые внезапно могли включиться среди ночи и медленно погаснуть, выдержав выставленную в настройках паузу.

К концу второй недели Кирилл получил, наконец, схему устройства, смонтированного и установленного Ивану по его личной просьбе. В комплекте к нему шла как финансовая, так и техническая документация - личность Панкратова была подтверждена, и Валерия дала добро на то, чтобы найти в этом чипе слабое место и сломать его. Как выразился Кирилл - «надо хакнуть этот калькулятор».

Для начала, как выяснилось, пришлось учить немецкий язык - английским тут и не пахло. Швейцария, будь она неладна. Конечно, Гугл здорово тянул основную массу терминов, но попадалось нечто такое запредельное... Кирилл беззвучно матерился, но не мог пойти с этими документами на кафедру иностранных языков в университет - поэтому приходилось продираться сквозь дебри самому. Куче книг по программированию добавились несколько учебников немецкого языка. Потом - по нормальной анатомии и физиологии. Тут они с Валерией были на равных и читали их с одинаковым интересом и непониманием.

Постепенно у Кирилла складывалось представление о том, что за кремниевый монстр вмонтирован под височной костью Панкратова. Разъем на виске был даже не надводной частью айсберга, а так, незначительной деталью. Понять, как этот девайс работает - было сложной задачей. Но выполнимой.

Однако в работу вмешался один фактор. Изначально непредсказуемый. Кирилл пытался пробиться сквозь него. Потом обойти стороной. Пробовал не замечать. Он писал сотни строк кода в день, создавая программу, которая бы эмулировала работу устройства на его компьютере - но благодаря этому фактору совершал массу ошибок, и к середине второго месяца только отладчик спасал его от бесконечных переделок. Коэффициент полезного действия резко упал...

Но, как бы медленно не продвигалась работа - результаты были. Структура чипа была полностью проанализирована, со-

ставлена подробная карта всех его участков, трехмерный макет, реагирующий цветами на изменение нагрузки...

И сегодня он сумел-таки вычислить, где же находится участок, принимающий сигнал от ключа. Это была не просто победа - от этого шага уже можно было строить прочный мост на тот берег, где было пробуждение Панкратова.

Несмотря на то, что он прекрасно понимал, чем именно занимается и для кого, Кирилл решил, что разберется с тем нарушающим гармонию фактором сегодня - в день, когда ему удалось достичь такого серьезного успеха.

...Стоя у окна и глядя на Валерию, которая периодически появлялась в дверях своей комнаты, он думал, как же скажет то, что было необходимо. Тем временем она собирала сумку, с которой обычно уходила на работу - эдакий потертый кожаный саквояж без дна, который был не очень большой снаружи и просто огромный изнутри. Несколько раз Кирилл донес его до машины Валерии и невольно зауважал ее - работа скрипачки оказалась тяжелой в буквальном смысле слова. А еще платья, скрипка...

Она же отвлеклась от своих сборов, увидела, что Кирилл смотрит на нее, подмигнула и вернулась в комнату. Такой несколько игривый жест подтолкнул хакера к тому, чтоб заговорить:

- Валерия...

- Да! - услышал он из комнаты ее высокий голос.

- Как вы смотрите на то, чтобы мы сегодня вечером с вами...

Ну, после вашего выступления...

Он сделал несколько шагов к комнате, из которой внезапно донесся шум фена.

- Ничего не слышу - или говорите громче, и подождите! - крикнула Валерия. Кирилл подошел еще ближе.

- Я бы хотел пригласить вас... Потом... В ресторан... Или куда-нибудь еще... - он говорил достаточно громко. Фен неожиданно замолчал - и последние слова Кирилл практически прокричал в тишине.

Спустя несколько секунд Валерия выглянула из двери и как-то очень сурово посмотрела на Кирилла.

- В ресторан? - приподняла она одну бровь. - И как мне вас сейчас понимать?...

Кирилл открыл рот, но ответить не успел - у Валерии зазвонил телефон. Она взяла трубку и, не отрывая взгляда от Кирилла, ответила:

- Да. Говори, Наташа... Что?

Валерия взяла с дивана пульт от телевизора, нажала кнопку. В ее комнате засветилась плазменная панель.

- ...сто пятнадцать пассажиров и восемь членов экипажа, - услышал Кирилл. - Частично разрушены служебные постройки вблизи посадочной полосы аэропорта Подгорица, пострадал один наземный техник, который находится сейчас в больнице в крайне тяжелом состоянии...

Сделав несколько шагов к двери в комнату, Кирилл увидел, что Валерия сидит на большой аккуратно застеленной кровати, поверх которой были брошены сценические костюмы, и смотрит в телевизор широко раскрытыми от ужаса глазами. На экране были видны обломки какого-то самолета посреди летного поля, несколько пожарных машин, гигантские хлопья пены. Бегущая строка субтитров дублировала информацию о катастрофе, случившейся в Черногории.

- Что произошло? - хотя все было предельно понятно, спросил Кирилл, но она вытянула руку в его сторону и пресекла попытку переступить порог комнаты.

- Я никогда не верила до конца... - прошептала она. - Я просто поступила так, как он хотел... Как он требовал. Ради него самого... А теперь и девочки мои - поверили.

Валерия подняла на Кирилла глаза, он вздрогнул от ее взгляда. Все слова, которые он готов был ей сказать - сочувствия, сопереживания, понимания - все застряло в горле. Он просто покачал головой и понял, что продолжения не получится...

В коридоре что-то сильно грохнуло, и железная дверь, словно ставшая картонной, влетела в квартиру Валерии, срезая встроенный шкаф с одеждой. Сильный удар покоруженного стального листа ударил Кирилла, стоявшего почти напротив выхода из квартиры, и повалил с ног. Взрывная волна толкнула Валерию внутрь комнаты.

Все окутал сизый дым. Люстра раскачивалась из стороны в сторону как после сильного землетрясения. В электрическом

щитке что-то громко искрило; небольшая картина упала со стены, расколов раму.

Валерия со стоном попыталась подняться, но получилось только перевернуться на спину. Она увидела, как из облака дыма к ней приблизился высокий и немолодой человек в строгом костюме. Он наклонился и произнес:

- Извините, но я никогда не звоню в дверь. Не имею такой привычки.

В глазах потемнело, и Валерия потеряла сознание.

2.

Пришла в себя она на диване - гость, вошедший в ее квартиру столь экстравагантным образом, держал в руках распылитель воды для цветов и внимательно наблюдал за ее реакцией.

В ушах звенело. Она поднесла к лицу руку, стерла холодные брызги.

Незнакомец удовлетворенно покачал головой, поставил пластмассовую бутылку на подоконник и подошел к столу с разложенными на нем чертежами.

- Я впечатлен, - сказал он, не поворачиваясь. - Это просто командный пункт какой-то. Центр управления полетами. Поверьте, я в этом немного соображаю - и то, как здесь все устроил ваш приятель, достойно уважения.

Он аккуратно сдул пыль, осевшую на листы ватмана после взрыва в коридоре, взял для пробы одну тянучку, скривился.

Валерия разглядывала его молча - ей трудно было говорить, временами накатывала жуткая тошнота. А еще с дивана ей была видна дверь, изогнутая каким-то немыслимым образом, с вырванным из нее замком и перекошенными петлями. Из-под двери торчала нога в толстом вязаном носке.

Зеленый с коричневым. Достаточно нелепая расцветка. Их связала Кириллу мама - он не любил носить дома тапочки и приносил с собой смешные детские носки, которых ничуть не смущался. И эта нога с носком... Валерия понимала, что там, под дверью умирающий, а может, уже и мертвый человек. Она медленно подняла руку и указала в сторону Кирилла, не обращая к незнакомцу, но он увидел ее жест, оглянулся.

И пожал плечами.

Это движение вызвало у Валерии какую-то замедленную волну ненависти. Она не могла сказать ни слова, у нее кружилась голова, болела спина - но она медленно и неотвратно начинала ненавидеть невесть откуда взявшегося убийцу, забравшего жизнь Кирилла.

- Это называется «запрограммированные потери», - человек тем временем взял стул, поставил его рядом с диваном и присел поближе к Валерии. - И с этим ничего нельзя поделать. Вот, например, антитеррористическая доктрина Израиля предполагает, что потеря двадцати пяти процентов заложников при их освобождении - это абсолютно нормально, неизбежно и в какой-то мере даже оправданно. Вас здесь было двое - я не ошибся? Никто не прячется в шкафу или на балконе? Ну, значит, коэффициент потерь составил чуть большее число - пятьдесят. Но поверьте, Валерия, цена вопроса может быть и выше.

Он производил какое-то странное впечатление - казалось, его абсолютно не волнует тот факт, что он убил человека. Гость общался с ней так, как будто они встретились где-нибудь в парке на скамейке и обсуждали сейчас мелочевку типа дрызг на работе или недавно просмотренное кино.

- Суть проблемы в том, что ваш друг, Валерия, вошел в те двери, куда его не приглашали. И он не просто вошел - вы прекрасно осведомлены о том, что вынес он из этих гостеприимных дверей очень много чужого.

Валерия постепенно приходила в себя. Волны тошноты, бросавшей ее в пот, стали реже. Она смогла откашляться от пыли взрыва, которую вдохнула в первые секунды; ребра слегка отозвались болью, но в целом все было неплохо - она, кажется, практически не пострадала.

- Ему не было даже двадцати пяти лет... - Валерия, прищурив глаза, смотрела на незнакомца. Было еще тяжело дышать, ужасно хотелось пить, но она продолжила. - Что такого он сделал, чтобы погибнуть?

- Я не хочу сейчас удариться в мелодраму, - незнакомец протянул к ней руку и положил свою ладонь поверх ее. Она вздрогнула, как от прикосновения змеи, и попыталась убрать руку, но

сил не хватило. - Я тут немного приберусь, а потом задам вам пару вопросов - и мы разоидемся с чистой совестью...

Он увидел взгляд Валерии в сторону Кирилла и добавил:

- С чистой, с чистой - можете не сомневаться. Я уже давно не обращаю внимания на такие побочные явления моей работы.

Он встал и вынул из внутреннего кармана пиджака какое-то устройство, напоминающее шокер - ручка с кнопками, разветвление на конце. Подойдя к стойке с компьютерами, он поочередно прикоснулся к каждому из них этой рогатой штукой и нажал на кнопку. Сноп искр вырывался дугой; Валерия вздрогнула и поняла, что незнакомец каким-то образом уничтожает технику.

Следом за компьютерами настал черед ноутбуков и планшетов. Затем гость аккуратно собрал со стола все диски и флешки в небольшую кучку, огляделся по сторонам, вышел на кухню и вернулся с металлическим подносом. За всем этим Валерия наблюдала молча, собравшись с силами и сумев сесть.

Вся мелочевка была полита из небольшой пластмассовой бутылочки какой-то жидкостью с неприятным запахом и подожжена. Дым был черный, едкий. Мужчина оторвал от большого листа ватмана неровный кусок и отгонял от себя копоть в стороны. Потом бросил на поднос и этот импровизированный веер.

- Мы возвращаемся к исходному состоянию, - внезапно решил прокомментировать свои поступки гость. - Нет хакера. Нет техники. Нет информации. Никаких возможностей. Ни-че-го. Есть только желание включить своего... А кто он вам вообще, этот Панкратов?

- Не ваше дело, - сквозь зубы ответила Валерия, временами глядя на зелено-коричневый носок и с трудом сдерживая гнев. - Я обращалась в вашу клинику... К тем, кто изобрел этот трижды проклятый чип... Просила помочь. Ведь даже тупой домофон можно взломать - я читала в интернете, что к таким устройствам всегда существуют какие-то служебные пароли, запасные способы пуска и остановки... Но мне было отказано...

- Не пытайтесь ассоциировать меня с клиникой, - отрицательно покачал головой мужчина. - Котлеты отдельно, мухи - отдельно. Сама по себе клиника живет своей жизнью. Лечит людей, вживляет эти кремниевые хреновины в чьи-то головы...

- Тогда зачем? Зачем присваивать всему жуткую секретность? Почему я не могу спасти человека, который по сути отдал за меня жизнь? - Валерия тяжело дышала, облизывая сухие губы. - У вас есть на это ответы?

- Нет. И не может быть. Я здесь не для этого. Я просто восстанавливаю барьеры. Укрепляю те двери, что были сломаны... И чтобы починить виртуальные двери, приходится частенько ломать настоящие. Но это уже издержки профессии, извините. Так, вроде здесь все. Теперь дальше по схеме.

Он подошел к лежащей на полу двери и, взявшись за край, приподнял ее и сбросил с тела Кирилла к стене. Валерия услышала тихий стон.

- Он жив! - крикнула она. - Его нужно срочно в больницу! Возможно, еще не поздно!

Кирилл представлял собой печальное зрелище. Валерия вспомнила того парня, который за секунду до взрыва приглашал ее в кафе - и с трудом сдержала себя от того, чтобы не накинуться на незнакомца с кулаками. Волосы Кирилла слиплись от запекшейся крови; задравшийся свитер обнажил на спине рваную рану, из которой медленно натекала на пол темная густая кровь. Тем временем мужчина принялся обыскивать его карманы и, судя по всему, причинял раненому сильную боль - Кирилл стонал все сильнее.

Еще две флешки и какие-то записки были брошены в огонь. Затем наступил черед портфеля Кирилла - он был вытряхнут на стол и без особой сортировки подвергнут той же процедуре; все бумаги, пара смартфонов - сожжены. Валерия воспользовалась тем, что на нее практически не обращали внимания, встала с дивана и приблизилась к Кириллу. Незнакомец на секунду оторвался от своей работы, оценил ситуацию и продолжил дело.

Сложно было понять, насколько сильно ранен Кирилл - но то, что он мог умереть от кровотечения, не вызывало сомнений. Валерия, обычно довольно плохо переносящая вид крови и впадающая от него в истерику, на этот раз собралась с силами.

- Позвольте перевязать его, если нельзя вызвать «Скорую», - обратилась она к поглощённому своей деятельностью мужчине. - Вряд ли у меня есть бинты - но хотя бы полотенце в шкафу я могу взять?!

Мужчина на секунду отвлекся, одной рукой отогнул борт пиджака и показал ей кобуру скрытого ношения с пистолетом в ней.

- Будете играть со мной в кошки-мышки - и уже никто и никогда не услышит, как великолепно вы играете.

Валерия на секунду застыла от этой угрозы и вида оружия, но Кирилл пошевелился и прохрипел что-то неразборчивое. Это вывело из ступора, она смело встала, вошла в комнату, нарочито громко грохнула дверцей шкафа, достала оттуда несколько больших полотенец и уже была готова выйти обратно, но тут ее взгляд упал на открытый скрипичный футляр, лежащий на кровати...

Она появилась в комнате с парой полотенец, накинутых на руки. К тому времени костер на столе уже прогорел; дым от паленой пластмассы заставлял глаза слезиться. Валерия опустилась возле Кирилла на колени, попыталась подсунуть одно из полотенец под него, чтобы завязать узлом над раной - но парень, будучи без сознания, был настолько тяжелым, что она едва на повалилась на него сверху.

- Помогите мне, - сказала она ледяным голосом, не поворачивая головы. - Раз уж не убили сразу ни его, ни меня - помогите.

- У меня и в мыслях не было убивать кого-то специально, - ухмыльнулся гость. - Вы, наверное, невнимательно меня слушали - хотя я могу списать это на шок. Черт с вами, сердобольная вы моя - так и быть, помогу. Учитывая ценность ваших пальчиков для искусства в этой стране и в мире в целом.

Он подошел поближе, переступил через тело Кирилла, наклонился и, обхватив его за поясницу, приготовился поднять.

- На раз-два-три? - посмотрел он на Валерию. Она кивнула. Сложенное как повязка, широкое банное полотенце накрывало ее руки.

- Я готова.

И когда незнакомец обхватил Кирилла чуть пониже раны на пояснице, чтобы не испачкаться кровью, она сбросила полотенце и выпрямилась, оказавшись выше гостя и несколько позади. Тонкая скрипичная струна была зажата руками в коротких кожаных осенних перчатках, которые скрывались под полотенцем. Вставая, она резко обняла мужчину за шею, воспользовавшись его положением и неустойчивостью.

Концы струны скрестились, и Валерия с силой вдавила ее в горло. Незнакомец захрипел, отпустил Кириллу и попытался разогнуться, но Валерия всем своим весом повалила его на бок, оставаясь все время сзади и не давая достать ее своими мощными цепкими пальцами.

Еще через пару секунд тонкая струна вспорола ему вену на шее. Слабо пульсирующий фонтан крови залил Валерии руки. Мужчина боролся изо всех сил, но против сильных рук профессиональной скрипачки оказалась бесполезной даже его подготовка. Струна все сильнее врезалась в кожу; он бился за свою жизнь как учили, стараясь уменьшить давление тем, что прижимался к напавшей на него женщине всем телом - но это не помогало. Руки пытались поймать ее голову; пару раз она ощутило вскрикнула, когда он дернул ее за волосы, но это только придало ей сил. Сцепив зубы, Валерия тянула и тянула...

Она даже не заметила, когда противник перестал сопротивляться. Просто вдруг поняла, что давить уже больше не надо - и медленно отпустила руки. Перчатки выдержали и спасли ее пальцы - стянуть их удалось не сразу, преодолевая боль. Она посмотрела на багровые, но невредимые фаланги, оттолкнула тело и отползла от него, не в силах сразу встать. Ее трясло.

...Минут через десять Валерия вынырнула, наконец, из этого тумана и нашла свой телефон в саквояже.

- Марина, - хриплым голосом сказала она, набрав номер. - Ты не могла бы приехать... Да, сейчас. Очень срочно...

3.

Все, что она придумала - это завесить дверной проем простыней, как делали раньше во время ремонта. Чем проще - тем легче поверить. И хотя Валерия понимала, что грохот был нешуточный, и в подъезде достаточно людей слышали его - учитывая уровень тотального равнодушия, можно было не очень опасаться любопытных глаз.

Убитого она оттащила за ноги в сторону, к столу, возле которого лежали несколько разбитых планшетов. Кириллу Валерия сумела перевязать толстым махровым полотенцем - сил положить его на диван у нее явно было недостаточно. Он тяжело ды-

шал, изредка мотая головой, и не приходил в сознание. В лужу натекшей крови Валерия бросила другое полотенце и, как зачарованная, смотрела на медленно проступающее сквозь него красное пятно.

Она еще не до конца осознавала, что же здесь случилось за последние полчаса. Незнакомый человек пришел к ней с определенной целью. Он уничтожил все результаты работы над доступом к чипу, тяжело ранил Кирилла и непонятно, чем же должна была закончиться его работа - вполне возможно, он не оставил бы в живых никого. Но что послужило поводом для такой жестокости? Умный ботаник скачал какие-то файлы и разглядывал их на компьютере. Получить из этого какую-то выгоду было абсолютно нереально - равно как и воспользоваться технологиями или покачнуть благосостояние изобретателей.

Валерия сидела возле Кирилла на полу, подложив ему под щеку свою руку и думая, чем она может ему помочь сейчас, пока в квартире лежит мертвец. Внезапно ее осенило.

- Леонид Александрович? - спросила она, набрав нужный номер. - Вы мне нужны... Так получилось. Я не могу по телефону все вам объяснить. Один мой друг получил травму... Да, травму. Тяжелую. Он истекает кровью... Я дома, да, и он у меня... Нет, только не «Скорая»... Что с ним? Он получил сильный удар, у него сотрясение, он без сознания. Да, и у него кровотечение... Но оно, кажется, остановилось, я перевязала... Я буду вам крайне признательна... Все, что я могу вам сказать - все случившееся связано с Панкратовым и чипом в его голове. Если можно - без лишних разговоров. Приезжайте, все увидите сами. Что смогу - объясню.

Услышав положительный ответ, она назвала адрес. В ожидании прошло еще несколько минут, а потом с лестницы донесся стук каблучков, и простыню в сторону отвела женская рука.

- Это вообще что? - приподняв брови, в квартиру аккуратно вошла Марина. Она была в форме, что сразу как-то придало Валерии уверенности.

- Простынку поправь, - попросила она, не вставая с пола. - Чтобы с площадки не было видно.

Пригожина аккуратно отпустила импровизированную дверь и сделала несколько шагов по коридору, стараясь не наступить

на куски штукатурки и разбросанную одежду. Под ногами сухо хрустывало стекло.

Войдя в комнату, она застыла на пороге. Кровавая дорожка от спальни к столу; прислоненная к стене дверь с вырванным квадратом в районе замков и петлями, закрученными в узлы; разбитые планшеты и ноутбуки; металлический поднос с какой-то аморфной слабо дымящейся массой. Наконец, сама Валерия с окровавленными руками, сидящая на полу возле молодого человека без сознания.

- Ты нормально? - спросила Марина. - Кровь твоя?

Валерия отрицательно покачала головой, а потом показала свободной рукой под стол.

- И кто это?

Пожав плечами, Валерия вдруг поняла, что сейчас не выдержит и сорвется в какую-то жуткую истерику. Судя по всему, это было написано у нее на лице, потому что Марина быстро прошла на кухню и вернулась со стаканом воды, присев на корточки возле раненого.

- Пей. А потом коротко излагай.

Валерия жадно выпила стакан, закрыла глаза и вытерла мокрые губы. Стало немного легче, она собралась с силами и рассказала:

- Я искала способ включить Ивана. Это, - она показала на Кириллу, - хакер... Программист из штаба флота. Он сумел достать документацию из Женевы и пытался взломать чип. Вот тот, под столом, пришел сегодня. Взорвал дверь, ранил Кириллу, уничтожил всю технику. Объяснил, что мы занимаемся тем, что нам не принадлежит... Я его... Струной от скрипки... Сама не понимаю, как. У него даже пистолет был.

Марина внимательно выслушала, потом встала и подошла к убитому. Осмотрела его сверху, нашла в сумке тонкие рыжие перчатки, надела. Приподняв полу пиджака, увидела пистолет. Достала какие-то документы - Валерия особо не приглядывалась.

- Кирилл... Он живой?

- Да. Я позвонила Самойленко. Он сейчас приедет.

- И ты хочешь, чтобы мы с ним вот это... разгребли? - она повернулась к Валерии в ожидании ответа.

Валерия пожала плечами.

- Я не знаю, что мне делать... Это кошмар какой-то...

Марина кивнула, соглашаясь, присела возле трупа и стала внимательно его обыскивать. Бумажник, в нем немного денег, связка ключей разного размера, какой-то брелок с кнопочками, напоминающий автосигнализацию...

Она подошла к окну, направила брелок на стоянку под домом, нажала несколько кнопок. Ничего не произошло. Ни одна машина не отозвалась на нажатие. Валерия наблюдала за ней равнодушным взглядом.

- Хм... Либо я что-то не так делаю, либо он пешком пришел.

Она положила брелок на стол рядом с документами и пистолетом, который она вынула из кобуры и разрядила.

- Через полчаса, максимум минут через сорок стемнеет. Я позвоню одному... Скажем так, должнику. Жаль, конечно, что он долг отработает - не так бы я хотела с ним расстаться... Ну да ладно. Таких ребят у меня хватает.

Она отошла в кухню, на ходу доставая телефон.

- Привет, Жолобов, - услышала Валерия приглушенный голос Марины. - Узнал?.. Вот и молодец. Помнишь наш договор? Ну еще бы - он в силе до тех пор, пока известная тебе папочка с документами у меня в сейфе лежит. Хочешь ее получить?.. Тогда слушай...

Марина стала говорить еще тише, а через пару минут она вышла и встала напротив Валерии, сложив руки на груди.

- Приедут два человека. Желательно, чтобы эти ребята тебя не рисовали... Ну и ты их тоже. Меня они и так знают. Вынесут - дальше не наши проблемы. Вообще, с мертвыми все гораздо проще..., - она кончиком туфли поправила то полотенце, что было брошено в лужу крови. - А вот с живыми... Уж не знаю, как тут Самойленко справится. А если с ним что серьезное? Вдруг оперировать надо? С такими криминальными травмами надо объяснять всегда и везде - откуда, зачем и почему. Конечно, тут не огнестрел - но любая санитарка в приемном отделении поймет, что это не от того, что он как-то не так чихнул.

Трудно было не согласиться с ее правотой. Валерия и сама не понимала пока, что сможет сделать врач, когда доберется до ее дома. Поставить диагноз? Зашить рану?

Марина посмотрела на часы и села на диван, решив изучить документы убитого повнимательней.

- Странно... Он представляет интересы швейцарской клиники, но при этом по паспорту он русский... На каком языке говорил?

- На нашем, - ответила Валерия. - Никакого акцента. Чистейший русский язык.

- В принципе, неважно, - покачала головой Марина. - Виз никаких нет. Билетов на самолет-поезд-автобус - ничего нет. Значит, наш. Если предположить, что паспорт настоящий...

Где-то под столом требовательно зазвонил телефон, имитируя громкий звук старых аппаратов. Обе женщины вздрогнули от неожиданности.

- А брюки-то я и не проверила! - хлопнула себя по коленке Марина, встала и вытащила из кармана неизвестного смартфон. - На входящем написано - «Брейн Энжин»... Типа инженерия мозга, что ли...

Когда телефон перестал звонить, она открыла контакты, нашла звонившего абонента, посмотрела номер, потом пробила код страны через интернет.

- Ему только что звонили из Швейцарии, - посмотрела она на Валерию. - Слушай, у тебя рука еще не затекла, голову ему держать?

- Не знаю. Я ее не чувствую...

- Ты не шути с этим. Сколько уже времени прошло, как ты звонила Самойленко?

- Минут тридцать... - пожала Валерия плечами в ответ. - Вечер, пробки...

- Да, - согласилась Марина. - Но ты все-таки...

Простыня на двери колыхнулась, и в коридор вошел врач с небольшим портфельчиком. Увиденное поразило его не меньше Марины - он замер, не в силах вымолвить ни слова.

- Здравствуйте, доктор, - невесело улыбнулась Валерия. - У меня для вас печальный сюрприз... Вот. В виде раненого...

Самойленко подошел поближе, увидел Марину, кивнул ей. Потом осмотрел комнату, остановившись взглядом на человеке под столом, поставил портфель на стул и сказал:

- У меня для вас тоже. Сюрприз. Но об этом чуть позже. Кому помощь требуется?

Марина усмехнулась:

- Под стол не смотрите. Там уже все равно. Вот для вас - мальчишка...

Самойленко открыл портфель, достал перчатки и фонарик, помог Валерии встать, бегло осмотрел ее, довел до дивана, а потом вернулся и опустил рядом с раненым.

4.

Из комнаты доносилось шуршание целлофана и резкие неприятные звуки разматывания скотча. Валерия каждый раз при этом вздрагивала, но ничего не могла с собой поделать.

Самойленко выставил их с Мариной на кухню, потому что ассистенты ему были не нужны. Сам же, взяв Кирилла подмышки, дотащил его до кровати в спальне, накрыл себе на столике у зеркала стерильное полотенце и выложил необходимые инструменты. Марина предупредила, что скоро здесь появятся люди, которых не стоит видеть никому, кроме нее самой - поэтому он закрыл в спальню дверь и начал работать.

Валерия, находясь в какой-то прострации, безропотно подчинилась требованию врача. Они сидели с Мариной за столом, прислушиваясь к тому, как парочка майорских должников делает грязную работу - и думали каждая о своем.

- Талантливый мальчик, - внезапно сказала Валерия. - Жаль, что так вышло...

Марина подняла на нее глаза:

- И насколько далеко он продвинулся?

- Сказал, что сегодня определил то место, на которое надо воздействовать, чтобы вынуть ключ. Я видела, он обвел его на схеме... Только схемы больше нет.

- Майор! - внезапно раздался хриплый голос из комнаты. - Выйди сюда.

Марина рукой собрала в кучку пасьянс из карамелек, который она раскладывала от скуки, встала и ушла в комнату.

- Договор в силе? - услышала Валерия шепот.

- Ты сомневаешься, Жолобов? Завтра после обеда встретимся - передам все, как договаривались.

- Смотри, майор... А то этот целлофановый мешок всплывет, невзначай...

- Слово еще хоть одно скажешь - я тебя во второй такой мешок закатаю прямо сейчас...

По полу, усыпанному стеклом и штукатуркой, прошаркали чьи-то ноги, и все стихло. Марина вернулась на свое место.

- Ушли.

- Что там в спальне? - спросила Валерия.

- Дверь закрыта. Тихо. Будет нужно - позовет, наверное, - Марина развернула одну карамельку и положила в рот. - Пол потом помоешь. Хорошо. Тщательно. И хотя кровь полностью отмыть нельзя - сомневаюсь, что кто-то придет к тебе искать здесь следы преступления. Осталось еще над дверью подумать. По ночам их никто не вставляет.

- У меня брат... Двоюродный... Этим занимается, - глядя в стол, ответила Валерия. - Позвоню, приедет и даже не спросит... Ну, то есть спросит, конечно - тут такой бардак, что не спросить будет трудно. Но я не собираюсь распространяться. Так что с этим сложностей не возникнет.

Валерия чувствовала на себе взгляд Марины, но не хотела поднимать на нее глаза - она понимала, куда уже в самом ближайшем будущем повернет нить беседы.

- Что дальше думаешь предпринять? - Марина огляделась, нашла чайник и встала, чтобы набрать в него воды. - Ты не против, если я тут похозяйничаю?

Валерия подняла глаза и спросила:

- А до этого ты что делала?

Марина замерла возле раковины, положив руку на вентиль крана, потом усмехнулась:

- Шутку оценила. Чай или кофе?

Собеседница пожала плечами.

- Все равно.

Чайник зашумел. Марина заглянула в пару шкафов, нашла заварку, сахар, ложки.

- Может, до кучи еще и валокордин? - спросила она, не обращившись. - Если нужно, конечно.

- Я бы не отказалась, - кивнула Валерия. - А тебе, судя по всему, не привыкать?

- Ну как - не привыкать... - пожала плечами Марина. - Были когда-то и мы рысаками.... В смысле операми. Приходилось разное видеть, - она положила пакетики с заваркой в две белые чашки, рядом поставила маленькую рюмочку и накапала в нее валокордин, особо не подсчитывая количество капель. - То, что у тебя случилось - еще ничего, терпимо. Можно сказать, рядовой случай. Бытовуха - она всякая бывает...

- Давай без подробностей, - махнула рукой Валерия. - За глаза хватает канала НТВ и прочих «Дежурных частей».

- Да, я и сама от этого устаю, - Марина поставила дымящиеся чашки на стол, рядом поместилась сахарница. - Вот твое успокоительное.

Сильный запах ментола заставил Валерию поморщиться. Она выпила лекарство, поставила рюмку рядом с собой, но не выдержала и спустя пару секунд переставила подальше.

- Жуткая рецептура, - объяснила она Марине. - В последнее время приходится принимать часто, но привыкнуть никак не могу.

Они молча начали пить чай, машинально поглощая конфеты. Марина изредка поглядывала на Валерию; та же, не замечая этих взглядов, прислушивалась к тому, что делается в спальне. Изредка ей были слышны какие-то звуки, шаги - но в целом понять, что происходит, было невозможно.

- Нормально там все, - сказала Марина. - Не дергайся.

- Стараюсь, - ответила Валерия. - Ты же знаешь, ждать и догонять - самые неблагоприятные занятия.

- Знаю. Это про мою работу - ждать и догонять. Что дальше думаешь делать?

«Началось», - подумала Валерия, но постаралась не выдать свою настороженность.

- Что ты имеешь в виду? - решила прощупать она собеседницу.

- Да все, - Марина поставила чашку на стол и пристально посмотрела Валерии в глаза. - Ты хоть понимаешь, во что ты и твой Кирилл вляпались? В какое такое дерьмо, что вас из другой страны заказывают?

- Пока не очень, - Валерия покачала головой, постаравшись пропустить мимо ушей словосочетание «твой Кирилл». - Я, бе-

зусловно, осознаю, что подобный доступ к информации не очень честный, но... не видела другого способа.

- Ты что-то предпринимала - помимо этого?

- Конечно. Я пыталась связаться с теми, кто конструировал и устанавливал устройство. У них там в клинике есть несколько человек... они как секретари по связям с общественностью. Владеют разными языками, я не испытывала проблем с тем, чтобы объясняться и получать информацию. Но ответ был один - руководители не хотят дискутировать на эту тему, каких-то других возможностей повлиять на чип нет, извлечь его также невозможно. Принципы безопасности тут стандартные - если ты не имеешь полномочий на включение, то у тебя ничего не получится, как бы ты не старался. Кристина уже не сможет нам помочь, к сожалению. Поэтому я приняла решение поискать другие пути...

- Получить документацию обходным путем и найти слабые места в устройстве, - понимающе кивнула Марина. - Это все очень интересно. Но давай на минутку представим, что твой Кирилл добрался до всех секретов «Брэйн Энжин» и нашел способ остановить работу устройства. Ты готова воспользоваться этим способом? Где гарантия, что он верный, что он правильный и - что самое главное - не разрушительный для мозга Панкратова? Вы же не просто компьютер взламываете. На кону чужие мозги и, в принципе, чужая жизнь.

Валерия не сразу ответила. Она тоже размышляла на эту тему - и однозначного ответа у нее не было. Да, Кирилл серьезно продвинулся на пути к тому, чтобы понять структуру чипа и возможные способы воздействия на него. Но вероятность повредить как минимум чип, а как максимум и саму личность Панкратова - была очень велика. Если быть до конца честной - то ее в некоторой степени успокаивал сам факт поиска решения, а вот что делать потом, когда оно будет найдено, Валерия еще не думала.

Она неожиданно широко зевнула - фенobarбитал в валокордине начал действовать. На Валерию напало какое-то необъяснимое спокойствие, ушла дрожь в руках и воспоминания о том, что можно сделать с человеком при помощи скрипичной струны. Она посмотрела на Марину слегка затуманенным взглядом и произнесла:

- Я, конечно, думала. И не один раз. Каждый день эта мысль крутилась у меня в голове - что будет, когда Кирилл закончит свою работу и мне придется... выражаясь образно, «нажать кнопку». Он не объяснял, какими принципами будет руководствоваться, разрабатывая способ воздействия. То ли это какая-то команда, то ли попытка перепрограммировать чип, то ли еще что-то. Он не говорил ничего - и только сегодня дал понять, что нашел. Если не дорогу, то хотя бы тропинку.

Марина встала из-за стола, выглянула в комнату и посмотрела на закрытую дверь спальни.

- Тропинку, говоришь? Не осталось той тропинки. Заросла бурьяном. Он все уничтожил?

- Думаю, что да. Всю технику. Все чертежи и схемы. Если что и осталось - только в голове у Кирилла. А что сейчас с той головой происходит - неизвестно...

- Ничего, разберутся, - махнула рукой в сторону спальни Марина. - А вот вероятность того, что это повторится - не исключена...

Валерия вздрогнула и посмотрела на нее удивленным взглядом.

- Что непонятного? - кивнула ей Марина. - Он же не выполнил свою работу до конца. Ну, даже если предположить, что он не собирался никого убивать - то информация о выполнении задания от него уже никогда не поступит. И те, кто его послал, не будут в курсе того, насколько точно все прошло. Эти службы строятся на элементарном принципе - что не подтверждено, того и не было. И сюда придет следующий киллер - с расширенными полномочиями, если я правильно понимаю. И тут зачистят вообще все. Если сегодня взорвали дверь - в следующий раз это будет уже дом!

Дверь в спальню распахнулась, оттуда донесся голос Самойленко:

- Валерия, подойдите сюда! Он вас зовет.

Марина развела руками и отошла от проема двери.

- Тебя. Не меня.

- Не говори ерунды. Ты теперь тоже... В курсе.

5.

Вдвоем они вошли в комнату. Кирилл пришел в себя и лежал поверх покрывала на кровати. Самойленко собирал использованные инструменты в металлический лоток, стоя спиной к двери.

Валерия присела на кровать рядом с раненым.

- Леонид Александрович, что вы скажете?

- Что скажу... Я, если вы помните, не хирург. Я анестезиолог. Так что - уж простите, если что не так. Рана глубокая, еще чуть-чуть, и до почки бы достало. Вроде все зашил. Что с головой, до конца непонятно - но вряд ли ушиб и, тем более, гематома. Хорошее, я бы даже сказал качественное, сотрясение. И два ребра сломаны, как выяснилось. Но дышит неплохо, пневмоторакса нет. Что вы думаете с ним дальше делать?

- Я даже не знаю... - пожала плечами Валерия. - Вряд ли он сможет выйти на службу...

- Позвоню, - прошептал Кирилл. - Договорюсь насчет освобождения... У меня там есть, с кем решить...

Самойленко завернул лоток в окровавленное полотенце, сунул все в пару целлофановых пакетов и кинул туда напоследок перчатки.

- Ну вот, полдела сделано. Кровотечение остановлено, рана зашита, сознание вроде на уровне. Теперь постельный режим, перевязки - я вот тут оставил кое-какие материалы, будете каждый день делать...

- Я? - подняла брови Валерия.

- Ну а кто? - усмехнулся врач. - Вставать ему нельзя сейчас минимум пару дней. Это и по сотрясению, и по кровопотере. Так что вы теперь ему и сиделка, и медсестра...

- Вы что, нет... - слабым голосом попытался возразить Кирилл. - Вызовите такси, я домой... Я поеду...

Внезапно он сжал Валерии руку и спросил:

- А что вообще случилось? Я помню только, что подошел к двери, и потом сразу взрыв...

Валерия оглянулась на Марину, застывшую в дверном проеме, потом вновь посмотрела на Кирилла и сказала:

- Это... был один человек. Он приходил, чтобы остановить твою работу. И он уже ушел.

- Вы не пострадали? - Кирилл смотрел на нее широко открытыми глазами. - С вами все в порядке?

- Да, все хорошо...

Валерии было неловко от того, что Марина видит, как он держит ее за руку и высказывает неподдельный интерес к ней. Она чувствовала на своей спине ее пристальный взгляд, и от этого было не по себе.

- Хорошо, - хватка руки немного ослабла. - Он все забрал?

- Можно и так сказать, - невесело покачала головой Валерия.

- Я хотел вам сказать... Тогда... перед взрывом...

- Тебе нельзя волноваться, помолчи, - попыталась она остановить Кирилла, боясь, как бы тот не начал снова признаваться ей в чем-то, чего уши Марины не должны были слышать, но он сказал нечто неожиданное.

- Его могут стереть, понимаете?

За спиной раздался стук каблуков - Марина подошла поближе.

- Что ты имеешь в виду? - спросила она, встав рядом с Валерией. Самойленко тоже заинтересовался тем, что было произнесено, и сделал пару шагов к кровати.

Кирилл недоверчиво посмотрел на Марину и врача, но Валерия махнула рукой - мол, продолжай.

- Я нашел узел разблокировки, - сказал хакер. - Конечно, гарантии в сто процентов я дать не могу... Но рядом там было еще... Кое-что... Я сначала сомневался, а потом проанализировал и понял... Знаете, эта штука у него в голове, она как жизнь, только не на основе углерода, как мы с вами... Она кремниевая.

- То есть? - переспросила Марина. - Сильно в теорию углубляться не надо, но своими словами и попроще - объясни.

- Да просто все, как дважды два, - глаза у Кирилла горели, и он опять сжал руку Валерии в своей, что не укрылось от взгляда Марины. - Если попытаться взломать узел разблокировки, чип будет защищаться. Он будет изменять свою структуру под воздействием внешних факторов. Менять пути проведения. Самая простая аналогия - с железнодорожной стрелкой. Только таких стрелок у Панкратова в голове около двадцати тысяч - примерно столько узлов ветвления я насчитал.

- И если ты подберешь способ взлома, то... - из-за спины Марины начал мысль Самойленко.

- ...то чип разомкнет двадцать тысяч узлов и соберет себя заново в другом виде. В другом качестве.

- И что случится с Иваном? - это уже не выдержала Валерия, с трудом освободив руку от пальцев Кирилла.

- Я думаю, сработает принцип калейдоскопа, - ответил он. - И это будет уже не Панкратов. По сути - его сотрут и запишут заново. Переместив и сложив в другом порядке его воспоминания, навыки, желания...

- Так вот в чем дело... - сказал Самойленко. - Теперь понятно.

- Что понятно? - повернулась к нему Валерия. - С ним все хорошо? Я не была в госпитале три дня, уезжала на гастроли...

- Это тот самый сюрприз, о котором я сказал, когда вошел. Только теперь сюрпризом его не назовешь, - Самойленко обошел кровать, чтобы видеть всех в этой комнате. Кирилл смотрел на него снизу вверх, не отрываясь.

- Примерно час назад... Я тогда ехал к вам. Мне позвонили из отделения...

- Не тяните уже! - крикнула Валерия. - Он жив?

- Да. Более того. Он пришел в себя. Сам. И он ничего не помнит.

- Как - ничего? - спросила Марина. - Совсем?

- Я не очень осведомлен пока, - развел руками Самойленко. - Мне доложил дежурный врач. В целом с ним все хорошо - но это сейчас не Иван Панкратов. Это чистая доска, так сказать. *Tabula rassa*, если вам знаком такой термин.

- Его стерли, - замотал головой на подушке Кирилл. - Не успел... Я не успел...

- Но как? - ничего еще не понимая, встала с кровати Валерия, обращаясь одновременно ко всем. - Он же... Он же не мог! Я же его...!

Марина поднесла палец к губам, останавливая Валерию.

- Их могло быть двое, - предположила она. - Один здесь. Другой там - ждет сигнал. И в случае неполучения этого сигнала - делает что-то... Какую-то необходимую процедуру...

И вдруг она замерла, как будто прислушиваясь к чему-то, а потом выскочила в комнату. Когда она появилась в спальне снова, то держала в руке тот самый брелок с кнопками, что вытащила у убитого из кармана.

- Эта штука - не от машины, - произнесла она, чувствуя, как немеют губы. - Она от Панкратова. Кажется, это я его стерла...

6.

Госпитальный парк был практически пуст. Холодный осенний ветер разогнал всех пациентов по палатам, и только самые стойкие любители курения мерзли в беседках, запахиваясь в теплые коричневые халаты. Хмурый патруль медленно перемещался по территории, с завистью поглядывая на окна корпусов - там, по крайней мере, не было ветра.

Валерия уже замерзла, дожидаясь Кирилла. Он зачем-то попросил у нее встречи именно в госпитале, ближе к вечеру - она пришла, отложив не самую важную работу, и расположилась на скамейке возле реанимации. На той самой скамейке, где они втроем не так давно разгадывали панкратовские загадки на открытках...

Кутаясь в короткое красное пальто, Валерия смотрела на окна реанимационного зала, ловила в них отражение заходящего солнца и думала о том, что прошло почти три месяца - а по сути, ничего не изменилось. Только сейчас Иван не спал беспробудным искусственным сном, вызванным воздействием чипа, а периодически приходил в себя, чтобы обвести удивленным взглядом людей вокруг себя, стены, мониторы, нахмурить брови... И молчать, глядя в никуда.

Она не всегда успевала застать его бодрствующим, как бы не торопилась к нему по звонку Самойленко. Иван просыпался не очень часто - примерно пару раз в неделю, и Валерия очень старалась увидеть его в такие моменты. Разговаривала с ним, держа за руку, смотрела в его равнодушные ускользающие глаза, пыталась показывать какие-то фотографии... Подавать еду обыкновенным способом ей не разрешали; поскольку он после пробуждения оставался в сознании недолго, зонд у него не вынимали, кормили при помощи большого шприца детским питанием. Увиденная пару раз картина этого выбила ее из колеи надолго - беспомощность большого взрослого мужчины убивала; Валерия с тех пор старалась не присутствовать на подобных процедурах.

В один из таких визитов она столкнулась с его мамой. Елена Григорьевна Панкратова, врач в третьем поколении, дама аристократической внешности с неслышимой волей и принципами, увидела Валерию в дверях, встала с постели сына и вышла в коридор.

- Я вас знаю, - сказала она тихо и без каких-либо эмоций. - Мне он тоже написал письмо. За день до того, как собирался поговорить с вами и убедить... И ведь у него получилось. Вы живы. Вы здесь.

Валерия не знала, что сказать. Она не отрываясь, смотрела в глаза Елене Григорьевне и чувствовала, что сердце готово выскочить из груди.

- Вы серьезная и очень умная женщина, - продолжила Панкратова. - Это не вызывает у меня никаких сомнений. Я знаю, что вы приложили некие усилия к тому, чтобы мой сын снова... Чтобы к нему вернулась память. Но я хочу спросить вас - осознаете ли вы, что процесс может оказаться необратимым? Что он останется таким - навсегда?

- Я не поверю в это до конца, - сказала Валерия. - Должен быть способ... Вернуть все назад. Потому что это... Это не может вот так кончиться.

И она посмотрела за спину Елены Григорьевны, на Ивана. Тот неподвижно лежал на кровати, в очередной раз находясь в фазе сна. Медсестра стояла рядом с ним, глядя на экран монитора, и переписывала в карту показатели.

- Человек предполагает... - невесело усмехнулась Панкратова. - Я тоже, дорогая моя, каждый день приходя сюда, верю, что когда-нибудь увижу его снова...обычным. Верю, что он узнает меня, вспомнит мое имя... Вспомнит самого себя. Потому что, глядя на вас, я понимаю, что это для него гораздо важнее.

- Что вы имеете в виду? - спросила Валерия.

Елена Григорьевна сделала очень маленький шаг вперед, но оказалась практически вплотную к собеседнице. Она погладила Валерию по плечу, поправила ей челку - легко, одним пальцем, но так по-матерински, что захотелось прижаться к ней, спрятаться и не слышать этого противного пиканья монитора.

- Ради мамы, девочка моя, можно попробовать не умереть. А ради вас можно попытаться воскреснуть... Была рада увидеть. Познакомиться. Наконец-то...

Она улыбнулась, отступила на шаг, как-то подобралась, стала внезапно серьезной и недосыгаемой.

- Мне пора, Валерия. Приготовлю ему смесь на ужин. Похоже, сегодня он не очнется. А вы пока можете поговорить с ним. Я почему-то верю, что от этого будет толк. Когда-нибудь...

Ветер принес под ноги ворох листвы. Зябко поежившись, Валерия огляделась и увидела в конце госпитальной аллеи Кирилла. Он шел не торопясь и словно разговаривая сам с собой - хотя, возможно, это просто казалось. Когда Кирилл приблизился, она встала со скамейки, но не пошла навстречу - не в силах была отойти от этих багровеющих закатом окон, за которыми лежал Иван. Парень увидел ее, махнул рукой; она слегка, почти незаметно кивнула.

От травмы он давно уже оправился - все-таки три недели для молодого организма срок существенный. По совету Самойленко Кирилл пожил несколько дней у Валерии - он действительно оказался очень слаб после сильного сотрясения и большой потери крови. Перевязки вызывали у нее внутреннее содрогание, но она брала себя в руки - снимала наклеенный бинт, обрабатывала рану, в ужасе глядя на огромную гематому над сломанными ребрами, и аккуратно точными движениями наклеивала новую повязку поверх шелковых лигатур. На голове они обходились банальной «зеленкой», поскольку Кириллу тут удалось отделаться небольшими царапинами.

Валерия предоставила ему свою кровать, потому что сразу после того кошмара побоялась позволить ему перейти на диван, а потом уже как-то и оставила его там, сама перебравшись в гостиную. На третий день Кирилл выбрался из спальни и сказал:

- Теперь я могу уйти домой.

Протестующую Валерию он не стал даже слушать. Уже в дверях он оглянулся и сказал:

- Я думаю, вы помните, на чем оборвался наш с вами разговор сразу перед нападением? Так вот - неплохо будет, если мы с вами это забудем. Трех дней и сотрясения мозга мне хватило, что понять, что Иван сделал для вас. Прошу прощенья... За, так сказать, неудавшееся вторжение.

Он провел пальцем по новому дверному косяку и добавил:

- Вполне возможно, мы по-прежнему находимся в опасности... Но если вы позволите, я продолжу работу. Потому что в моей голове сохранилось много чего... И появились новые, достаточно интересные мысли. Вы не против?

Валерия согласно кивнула и с благодарностью посмотрела на Кирилла.

- Если вы думаете, что в продолжении работы есть хоть малейший смысл - не останавливайтесь.

Кирилл ушел - то ли убитый своим признанием, то ли окрыленный возможностью принести пользу. Валерия закрыла за ним дверь, вернулась в комнату и села на кровать. Все, что ей осталось - ждать...

- Заждались? - весело крикнул ей шагов за десять до скамейки Кирилл. - Здравствуйте!

Валерия протянула ему руку. Парень немного растерялся, но пожал ей кончики пальцев, будто боясь сделать больно.

- Как там Иван? - он кивнул в сторону окон реанимации. - Ничего не меняется?

- Да, все по-прежнему, - Валерия спрятала руки в карманы. - Смена периодов сна и бодрствования. Никакой логики, никакой схемы. С ним я и его мама. По очереди.

- А Марина? - внезапно спросил Кирилл.

«Господи, какой ты еще наивный...» - подумала Валерия, а вслух сказала:

- Она-то тут при чем? Ну, если не считать того факта, что это именно Марину воля случая превратила в пусковой механизм...

- Мне казалось, она... Что она во всей этой истории не случайно. Что она - какая-то ее часть

Валерия пристально посмотрела ему в глаза и прокомментировала его мысли:

- Да, Кирилл, вы правы. Она - один из корней большого уравнения с тремя неизвестными. И вообще вся эта история - она могла случиться ради нее...

Она едва не сказала «...но случилась ради меня», однако вовремя сдержалась. Кирилл же, казалось, не заметил, что у фразы было продолжение.

- Если так - неужели ей не интересно, что с Иваном? Что со мной, с вами?

- Я не думаю, Кирилл, что хотела бы вводить вас в курс наших отношений, - Валерия повернулась к нему боком и всем своим видом показала, что готова прогуляться по аллее, а не маячить под окнами реанимации. Кирилл понял и подчинился. - Да, она звонила... Пару раз. В основном хотела узнать, продолжаешь ли ты работать... И не держу ли я на нее зла за этот чертов брелок...

«... - Не буду скрывать, Валерия, - ледяным голосом сказала Марина тогда в телефон. - Когда я поняла, в какую историю ты влипла, то за пару секунд приняла решение - сейчас помогу, а потом получу бонус. Ведь такую помощь, какую ты получила от меня, просто так не оказывают. Я так часто в своей жизни участвовала в простейших двухходовых комбинациях, что для меня не составило труда просчитать все наперед - извини, это профдеформация, от нее никуда не деться... Я просто поняла - вытащу тебя из любой, даже самой глубокой ямы. И Панкратов будет мой. Твое внутреннее врожденное благородство поможет мне и заставит тебя отойти в сторону. Отступить... Но меня погубила страсть быстро решать задачи. Пробовать все варианты, искать все ключи. И я нажала те проклятые кнопки на брелоке... Прости меня, Валерия. Если сможешь. Но ситуация теперь изменилась. Помощь моя уже оказана, самолеты задним ходом не летают, как говорит мой начальник. Но такой Панкратов мне не нужен. Даже даром. Даже не через шантаж, а при твоём искреннем желании поделиться им со мной. Твой парень, Кирилл - он все еще работает над задачей? Даст бог, удача ему улыбнется...»

- С этим спутниковым пультом для чипа промашка вышла, - покачал головой Кирилл. - Кто ж знал! Я, наверное, и сам бы нажал эти кнопки, выпади такая возможность. Но дело сейчас не в этом, Валерия. Понимаете... Кое-что прояснилось.

Она остановилась, замерла, потом медленно повернулась к нему. Над головами зашумел ветер, с деревьев в небо взмыла черная стая птиц.

- Скажите... Ну, я просто уверен, что вы знаете про него гораздо больше, чем я, и это логично... У него в организме нет устройств типа водителя ритма, каких-то пластин, спиц, шурупов, искусственных суставов? Учитывая определенную направленность его работы - может, есть неизвлеченные пули, осколки?

Валерия удивленно подняла вверх брови.

- Да, незадолго до первого включения устройства он получил тяжелые травмы... В общем-то, именно благодаря тому несчастному случаю чип был запущен. И Панкратову установили довольно сложную конструкцию вместо двух позвонков в нижнегрудном отделе. Титан, какие-то микромоторчики, гироскопы...

Кирилл слушал ее заворуженно; Валерия видела, что одновременно с тем, как он усваивает поступающую информацию, в его голове происходят какие-то расчеты.

- Точно! - щелкнул он пальцами, выслушав ее до конца. - Все говорило об этом, но я просто не думал... А вчера осенило!

- И какую роль это может сыграть в судьбе Ивана?

Кирилл открыл рот, чтобы ответить, но у него внезапно звонил телефон. Он взглянул на экран, а потом показал Валерии, чтобы она увидела, кто его вызывает.

На зеленовато-черном фоне экране ярко светились два слова, идентифицирующие входящего абонента.

- «Brain Engine», - прочитала Валерия и недоумевающее подняла глаза на Кирилла...

7.

Самойленко аккуратно, но сильно прикрыл дверь в ординаторскую.

- Нам никто не помешает, - сказал он сидящей на диване Валерии и Кириллу, который присел на подоконник и что-то печатал на своем планшете, купленном взамен недавно уничтоженных. Валерия заняла то самое место, где она слушала речь Леонида Александровича несколько месяцев назад, сжала пальцами подлокотник и замерла в ожидании.

Кирилл оторвался от своих дел, увидел ждущие глаза обоих собеседников и начал, отложив планшет в сторону.

- Мне сложно сейчас сказать, в каком именно порядке необходимо преподнести вам информацию...

Он сделал несколько шагов по кабинету, собираясь с мыслями, и продолжил.

- Для меня очень важно было решить, что важней - продолжение работы над взломом чипа или защита нас всех от возмож-

ных нападков фирмы. Каждый раз, когда я вспоминал о случившемся - становилось не по себе. Этот человек, я уверен, вполне был готов к тому, чтобы не просто замести технические следы, но и убрать всех сопричастных...

Валерия опустила глаза в пол, при этом стараясь оставаться внимательной к тому, что говорил Кирилл. Парень понятия не имел, что произошло в тот день в квартире, пока он истекал кровью - и она отнюдь не собиралась ему об этом рассказывать.

- Поскольку никакой техники больше в моем распоряжении не было - ничего не оставалось, как воспользоваться теми мощностями, что были у меня на службе. Вычислительный центр штаба флота - серьезная штука, я вам скажу. Не вдаваясь в подробности - если не ракеты в космос запускать, то схему и принцип работы чипа рассчитать можно.

- Это безопасно? - спросила Валерия. - Я имею в виду - для вас лично? Никаких претензий, наказаний? Вы же там, Кирилл, работаете не один - кто-нибудь может и заметить, чем вы заняты...

- Вы правы, Валерия, - согласился он. - Когда я начинал эту работу на служебном компьютере, то очень надеялся на то, что смогу сохранить все в тайне. Я воспользовался старой лазейкой на сервере фирмы для того, чтобы снова получить доступ к чертежам и программе, записанной в чип - пришлось, правда, кое-что в этой лазейке поправить, потому что с той стороны тоже, как вы понимаете, не дураки сидят, и заплатки были установлены хорошие, почти непрошибаемые... Но именно что «почти»...

Кирилл присел на диван с другого конца, повернулся к Валерии лицом и продолжил с воодушевлением рассказывать.

- Попутно я решил узнать о фирме «Brain Engine» чуть больше. Стал собирать по ней информацию при помощи всех существующих поисковых систем - в том числе используя и наши закрытые военные разработки. Сомневаюсь, что это могло мне помочь, потому что скучные пресс-релизы и стенограммы научных семинаров были для меня пустым звуком. Но неожиданно результат пришел оттуда, откуда я не ждал.

Он на пару секунд задумался, что-то вспоминая.

- Оказалось, - возобновил он свой рассказ после небольшой паузы, - что эта фирма... Я бы хотел сразу предупредить - несмотря на то, что мы здесь друг от друга ничего особо не скрываем

и преследуем, в общем-то, одну цель, есть информация, которой я делюсь вопреки всем своим инструкциям...

- Кирилл, если у вас возникают какие-то разногласия с тем, что можно назвать «служебной тайной», или «секретностью», или еще как-то - мы не смеем настаивать делиться с нами этим, - Валерия развела руками. - Вы же понимаете, я не готова рисковать людьми, которых на определенных этапах привлекаю к решению проблемы. Если это повредит вам - лучше мы обойдемся без подробностей.

Кирилл кивнул, оценив этот жест Валерии, улыбнулся и махнул рукой.

- Информация действительно - секретная. Оказалось, что фирма «Brain Engine» на самом деле занимается военными разработками...

Самойленко удивленно поднял брови; Валерия внутренне напряглась, но постаралась не подать вида, что ее что-то взволновало. Однако за этим словосочетанием «военные разработки» ей сразу почудилось нечто зловещее.

- Мой поисковый робот неожиданно выдал мне закрытую информацию из нашего хранилища с высоким доступом секретности, которым, к счастью, я обладаю по должности. И, судя по этой информации, фирма давно уже внедряет свои разработки искусственного интеллекта в некоторых армиях мира.

- То есть чип в голове у Ивана - это что-то из разряда приспособления для кибер-солдат? - спросила Валерия, которой все это казалось чем-то нереальным.

- Не торопите меня, пожалуйста, - Кирилл сложил руки на груди. - Не надо сейчас сюда привносить терминологию, предложенную Голливудом. Это не корпорация «Cyberdine», и мы не на пути к концу света. Но по сути - вы во многом правы. Корпорация «Brain Engine» уже давно вложила свои капиталы и человеческие ресурсы в разработку моделей искусственного интеллекта. Правда, уклон у них был несколько своеобразный - они программировали специальную медицинскую аппаратуру, способную принимать решения самостоятельно...

- Какие-то автономные медицинские комплексы, полностью роботизированные и не требующие вмешательства человека? - поднялся из-за стола Самойленко.

- Приблизительно в таком ключе. Основное направление их работы - огнестрельные ранения головы. Их роботы должны были оценивать состояние мозга раненых и устанавливать некие протезные конструкции, частично восстанавливающие функции мозга...

Кирилл встал с дивана, сделал несколько быстрых шагов по кабинету, замер.

- Мне трудно подбирать какие-то аналогии, я не врач, но... Вот, например, такое могу представить - ведь существуют же специальные аппараты для собирания поломанных костей, какие-то кольца, спицы...

- Аппарат Илизарова это называется, - кивнул Самойленко. - А процесс - металлоостеосинтез.

- Спасибо, - поблагодарил Кирилл. - Довелось где-то читать об этом на днях, когда обдумывал все, но не запомнил...

Он для чего-то посмотрел на часы, потом на дверь, и продолжил:

- Синтез костей, да. А тут - синтез мозга. Я нашел у них на сервере схемы мобильного роботизированного госпиталя специально для ранений головы. Там одни компьютеры диагностируют повреждения, производя сортировку и вычисляя тех, кому помочь уже нельзя, другие компьютеры изготавливают специальные силиконовые чипы, исходя из размеров черепа и объема повреждений, третьи, напоминающие одноруких бандитов на сборочном конвейере Генри Форда - монтируют изготовленные устройства в головы раненым. Суть метода - не в том, чтобы восстановить личность солдата, нет. Необходимо просто поставить его на ноги и отправить снова в бой. Программисты и биологи «Brain Engine», работая в паре, давно уже поняли, что при помощи их метода невозможно достичь совершенства и вернуть в строй полноценного человека. Неважно, кто ранен - солдат или генерал. На выходе все равно получают только солдаты...

8.

Валерия слушала его, как замороженная. Кирилл, будучи человеком увлекающимся, постепенно повышал градус своего рассказа. Он ходил по кабинету, для убедительности жестику-

лируя и время от времени показывая им с Самойленко какие-то схемы и фотографии на экране своего планшета. Простреленные головы и компьютерные стенды не очень впечатляли Валерию - она ждала, когда в рассказе Кирилла появится связь всего описанного с чипом Панкратова.

- Испытания технологии проводятся уже около пяти лет. Безусловно, все это крайне секретно и нигде никаким образом не афишируется. Тестирование такого госпиталя проводилось на одной из военных баз НАТО. Были прооперированы почти два десятка солдат. Все они в итоге вернулись на родину. Их психика, интеллект были серьезно повреждены - но вживленные конструкции помогли оставаться в живых...

- Но при чем здесь Иван?! - не выдержала Валерия. - Какая связь между военным госпиталем НАТО и чипом в его голове?

Она не понимала, куда, в какую сторону уходит разговор; она теряла нить и логику. Этот мальчик с горящими глазами рассказывал им все, что угодно - кроме того, что же делать дальше.

- Я объясню, - взял небольшую паузу Кирилл. - Дело в том, что кто-то в корпорации рассудил здраво - лечить раненых у них получается достаточно плохо, так почему бы не попробовать делать деньги на здоровых? И взяв за основу технологию изготовления кремниевых протезов для простреленных голов, они на скорую руку сваяли то, что установлено сейчас у Панкратова - устройство-дублер.

- То есть как - дублер? - удивился Самойленко. - Что значит этот термин применительно к чипу и к головному мозгу?

- Мы думали так - чип Ивана переводит мозг в «режим ожидания». Тормозит процессы в мозге, делает нервные клетки менее чувствительными к гипоксии, которая наступает при умирании. И это направлено на то, чтобы сохранить мозг человека на более длительный, чем пять минут клинической смерти, срок.

- Разве это не верно? - спросила Валерия. - Мы все ошибались?

- Не совсем, - Кирилл стал серьезней, чем в течение всего разговора. Улыбка исчезла с его лица. - На самом деле это лишь часть функций устройства, и сложно сказать, основная или нет.

Вы не задумались, как Марина сумела воздействовать брелоком на мозг Панкратова, находясь от него на расстоянии примерно в восемь километров?

Самойленко переглянулся с Валерией. Никто из них как-то даже и не задумался над этим фактом, посчитав его для технологии такого сорта вполне логичным.

- Так я и предполагал, - хмыкнул Кирилл. - Все просто. Это не банальный кремниевый тормоз мозговой активности. Инженеры, изучив опыт работы с личностными особенностями раненых в голову солдат, решили изменить методику. У Панкратова в голове, кроме чипа, еще и спутниковая антенна. Корпорация владеет своей собственной небольшой, но эффективно расположенной сетью спутников. В случае активизации любого из устройств, за которыми они призваны следить, происходит считывание огромного массива информации из мозга подключенного человека. Воспоминания, личностные компоненты - в общем, груз прожитых лет. При этом ежедневно происходит архивирование текущей информации - для того, чтобы в момент получения травмы не произошел обрыв цепи, если можно так выразиться. Схема, если применить ее к военной разработке, получается такая. Выстрел в голову - вставление ключа в разъем - активация спутниковой передачи - опустошение архивов памяти на момент последней архивации плюс попытка спасти то, что не было сохранено к моменту включения чипа.

- Моя теория автосохранения верна, - хлопнул ладонью по столу Самойленко. - Я примерно так и представлял ту утечку, что образовалась при выходе Панкратова из этого состояния в первый раз.

- Уж не знаю, что там говорит ваша теория, но ситуация такова - в момент включения устройства здесь на кровати осталось только тело Ивана. А его, если хотите, кибернетический слепок, его силиконовая душа - хранилась на серверах компании «Brain Engine», - Кирилл сказал это достаточно жестко, словно подытоживая речь, которую он произносил с таким жаром.

Самойленко почувствовал, как по спине пробежали мурашки - он вспомнил, как, объясняя трем женщин в своем кабинете состояние Панкратова, произнес: «Считайте, что пока он лежит

здесь, его душа решила съездить в другой город. В другую страну. На другую планету. Но она вернется...» Оказалось, что он был очень близок к истине.

- ...Во второй же раз случилось нечто странное, продолжил Кирилл. - Устройство было включено - но спутники не приняли передачу. Вы, Валерия, говорили - для того, чтобы передать вам картинку, он воспользовался вашими телефонами. Усилил сигнал - и вы увидели все то, о чем он пытался рассказать... Кстати, вы знаете, почему он, а потом и вы - видели этот проклятый самолет?

Валерия пожала плечами. Она боялась потерять нить повествования и поэтому просто пожала плечами, предлагая Кириллу поделиться своими знаниями.

- Потому что на момент установки ему чипа и первого его включения для тестирования непосредственно на самой операции (о чем даже сам Панкратов был не извещен инженерами и врачами) основным серверным хранилищем информации по гражданским лицам временно оказались мощности американской базы ВВС. Там же располагался и испытательный комплекс первого мобильного госпиталя - на эту базу Инджирлик в Турции доставлялись раненые в Ираке и Сирии солдаты. Информация о готовящемся теракте в самолете, следующем рейсом из Белграда в Подгорицу, была в том же хранилище. Чип включили, проверили его работоспособность и обмен данными с сервером. При возвращении личности Панкратова обратно что-то наложилось... И он узнал об этом.

Он опять посмотрел на часы, недовольно покачал головой и сказал:

- В настоящий момент проблема в том, что повторное включение устройства не привело к передаче информации на сервер «Brain Engine». Поэтому программисты и инженеры вплотную занялись Панкратовым и всем, что происходило вокруг него. Человек, который пришел к вам - посчитал нас с вами причастным к тому, что устройство работает не так, как положено. При чем служба безопасности на всякий случай рассмотрела даже вариант, в котором Панкратов погиб, а устройство было извлечено с целью взлома всяческих «ноу-хау» в нем - именно для таких целей и был у этого человека с собой специальный спутни-

ковый брелок дистанционного размыкания конструкции в случайном порядке. После нажатия кнопки те, кто извлек устройство и изучал его, должны были получить в свое распоряжение просто силиконовый хлам...

Кирилл подошел к Валерии поближе и, глядя на нее сверху вниз, сказал:

- И теперь, когда вы мне сказали, что в его позвоночнике стоит кибер-конструкция, все встало на свои места. Ну, почти все. Методика установки такого протеза позвонков, да и сам протез - подразумевают наличие некоей зарядной станции или блока питания, а также достаточно мощного компьютера для расчетов нагрузки и движений. Все вместе дает довольно большой источник разного рода помех.

- То есть кнопку нажали - а что в итоге получилось, никто не знает? - поднялась с дивана Валерия, которой стало очень неприятно смотреть на Кирилла вверх. На высоких каблуках она оказалась с ним практически одного роста, парень невольно отступил на шаг и немного насторожился. - Так что же сейчас происходит с Иваном? Кто там, в палате? Кого мы кормим, с кем разговариваем? Это Панкратов вообще?!

Она не чувствовала, что уже кричала на Кирилла. Самойленко быстро подошел к ней и взял за руку, встав между ними.

- Успокойтесь, Валерия, успокойтесь, - он довольно настойчиво направил ее к дивану, она тяжело упала на него, не отрывая взгляда от Кирилла. - Я дам вам воды.

- Нет, пусть он скажет! - крикнула Валерия. - И вообще, черт побери - у тебя было всего три недели, из которых три дня ты провалялся у меня. Откуда ты все это знаешь? Когда ты успел получить столько информации и с такой легкостью теперь делишься ей с нами?!

Самойленко набрал в кулере стакан холодной воды и застыл с ним в руке, ожидая ответа Кирилла.

- Ну... - замаялся тот. - Просто я связался с ними... В лоб. Нет, сначала я пытался все это скачать и проанализировать самостоятельно - но знаний у меня в этой области явно не хватало. А ребята из корпорации оказались достаточно доброжелательными и готовы помочь включить Панкратова в обмен, так сказать... В обмен на него самого.

Валерия сделала вид, что не расслышала.

- В обмен на что? - наклонила она голову. - Повтори-ка, пожалуйста.

- Они готовы сотрудничать. Готовы помочь включить, если у них получится. Но потом они заберут его с собой...

- Это кто же так решил? - Валерия отодвинула протянутый доктором стакан и пристально посмотрела на Кирилла.

- Это я так решила, - открыв дверь ординаторской, сказала Марина. - Помнишь, как в «Бесприданнице» - так не доставайся же ты никому.

Следом за Мариной в кабинет вошли двое молчаливых мужчин в серых костюмах и встали рядом с ней. Она тем временем взяла из рук Самойленко стакан и выпила его до дна. Кирилл сделал пару небольших шагов и спрятался ей за спину...

9.

Перед окнами реанимации стоял белый небольшой микроавтобус. Водитель переминался с ноги на ногу возле передней двери, курил и оглядывался по сторонам - но не тревожно и подозрительно, а скорее, с неприкрытым любопытством. Судя по всему, он вместе с парой специалистов «Brain Engine» в России был впервые, и ему здесь все было интересно.

- ...Так что переживать особо не стоит, - глядя на автомобиль, который должен был забрать Панкратова, сказала Марина. - Сейчас они кое-что подключат к нему, какую-то тестирующую аппаратуру - и станет ясно, в чем проблема.

Валерия молча смотрела на нее, чувствуя, как немеют пальцы. Такого поворота событий она не ожидала - особенно после того, как Марина разуверила ее в возможности шантажа. Один из двоих лбов в костюмах стоял возле двери и внимательно следил за тем, что происходит в ординаторской - переводил взгляд с Валерии на Самойленко, которого он усадили за свой стол, потом отрезал телефонный шнур, идущий к его рабочему месту, и отобрал смартфон.

Доктор нервно постукивал ручкой по столу, периодически поглядывая на Марину, которая медленно ходила по кабинету, разговаривая, казалось бы, сама с собой.

- ...Это же было очевидно - что у меня появился шанс поставить все на свои места, - она шагала ровно и четко, как метроном, по ковровой дорожке у дивана. - За тот конверт. За письмо. За этот спектакль с выстрелом...

- Что за спектакль? - спросила Валерия.

- Да какая уже разница, - отмахнулась Марина. - Он захотел пробудить во мне и себе какие-то эмоции - ну что же, ему это удалось. А разве ты не знаешь, что представляет из себя отвергнутая женщина? Ну вот ты, дорогая моя - когда читала на открытке слова, когда дрожащим голосом произносила «Клубника...» Или вот это - «Пиццикато...»

- Пиццикато, - машинально поправила Валерия.

- Да плевать, - Марина остановилась и, наклонив голову, посмотрела свысока. - Плевать. Ты читала - и что при этом чувствовала? Он тебе в конверте прислал открытку с приговором - а ты сейчас здесь сидишь и переживаешь, что у него в голове происходит. Живой ли он, узнает ли тебя, вспомнит ли... А зачем? Он ведь тогда нас всех красиво послал. Тебя - первую.

Марина покачала головой и, сделала несколько шагов по кабинету, повернулась к собеседнице и сказала:

- Отвергнутая женщина, Валерия - это концентрат улыбающейся мерзости.

Самойленко поднял на нее глаза, вздохнул.

- Оценили, Леонид Александрович? - ухмыльнулась Марина. - Тоже, небось, в жизни приходилось встречаться?

- Приходилось, - понимающе кивнул доктор. - И определение очень емкое. Но одно дело, когда это понимает мужчина, и совсем другое - когда в этом признается сама женщина.

- Что мне скрывать? - пожала плечами Марина. - Я, когда поняла, что Панкратов остался в живых - возненавидела его до глубины души или что там у меня есть... Такой союзник, как Кирилл, оказался просто идеален. У меня сложилось впечатление, что у него проблемы с коммуникабельностью. Я имею в виду женщин. Мычит что-то себе под нос, мысли формулирует как-то запутанно и бестолково... Я его пару раз за руку подержала, по голове погладила, улыбнулась - и все. Уже никакой Валерии ему не надо. Эта недосягаемая богиня с Олимпа давно и бесповоротно забыта. А Кирюша, как оказалось, очень любит девочек в униформе...

Валерия подняла на нее совершенно дикий ненавидящий взгляд - Марина даже на секунду осеклась, но взяла себя в руки и спросила:

- Вот сейчас не поняла - я что, тебе дорогу перебежала? А как же Иван?

- Да он тебе в сыновья годится, - скрипя зубами, ответила Валерия. - А ты ведь с ним не просто так, ты с ним не по-женски... Используешь и переступишь потом через него, как...

- Да, - кивнула Марина. - Использую. И переступлю. И никак ты мне не помешаешь. Он ради меня все что угодно сделает с твоим Панкратовым. Между прочим, он тут тебе далеко не все рассказал - кое о чем я ему приказала молчать.

- Приказала? Я смотрю, у вас с... Кирюшей... высокие отношения, - разочарованно произнесла Валерия.

- Уж какие есть, - отмахнулась Марина. - Как говорится, чем богаты...

Дверь открылась, вошел Кирилл и остановился на пороге.

- В принципе, мы измерили все нужные параметры, - обратился он как будто бы ко всем, но говорил, глядя только на Марину. - Конструкция в позвоночнике генерирует источник помех в рабочем диапазоне спутникового передатчика. С собой эти парни привезли специальную такую штуку... Чтоб не вдаваться в технические подробности, скажу просто. Там возле вставленного ключа есть небольшое сервисное гнездо. Я его и не видел, а схему разъема просто еще не изучал. Втыкают туда маленькую иголочку с проводами - и перепрограммируют любой параметр на ходу...

- Это не опасно? - встала с дивана Валерия. Охранник у дверей сделал шаг к ней, но Марина остановила его жестом:

- Ничего, она имеет право интересоваться.

Мужчина по-русски не понял, но дальше не пошел, вернулся к двери и замер.

- Это всего лишь изменит частоту обмена сигнала для связи со спутником. После чего они получают через спутниковую связь на свой сервер схему трансформации чипа и дадут ему команду восстановить свою структуру в прежнем виде. Что-то типа функции отката изменений. Такой же брелок, только у них там, в Швейцарии.

- И он придет в себя? - волнуясь, спросила Валерия.

- Я пока не знаю точно, - пожал плечами Кирилл. - После первого включения при помощи голоса Кристины - информация возвращалась в чип двадцать минут. Что произойдет сейчас - даже не представляю. Но тот парень, с которым я работаю - он очень крутой профессионал. Похоже, он знает, чем и когда все закончится - но молчит, будто рыба. Я просто понимаю, что как программист - он монстр, и я ему в подметки не гожусь...

- Ты уж так-то себя не опускай, дружок, - Марина похлопала его по плечу. - Таких, как ты, еще поискать...

И Валерия заметила, как от ее прикосновения Кирилл словно оттаял немного. До этого складывалось впечатление, что он в кабинете читал им доклад - а сейчас немного улыбнулся, вздохнул и добавил:

- Нет, ну я тоже... Немного соображаю. Показал ему пару приемчиков. Он даже один раз кивнул мне так... Одобрительно.

- Ну вот, - Марина обняла его за плечи. - Мы еще посмотрим, кто у нас тут лучший программист!

- Подождите, - внезапно вмешался Самойленко. - Я, конечно, в этом не очень соображаю... Но. Если они сейчас устранят помехи, наведенные на мозг компьютером в позвоночнике, согласуют и синхронизируют данные между Панкратовым и сервером в Женеве, а потом при помощи своего брелока выполнят откат... То на выходе из этой процедуры мы получим того самого Ивана, который погрузился в «режим ожидания», включив свой чип в гримерке концертного зала!

Марина с Валерией переглянулись и одновременно спросили:

- Что вы хотите сказать?

- Да то и хочу, - развел руками Самойленко. - Разбудить его обратно - как? Кристины - нет. Специального служебного пароля - нет. Делать-то что будем?

Кирилл рассмеялся:

- Вот с этим-то как раз проблем не будет.

И он достал из кармана телефон Панкратова.

- Да, это тот самый телефон, что якобы сгорел у него в руке во время трансляции передачи для Валерии. Понимаете, в данном случае слово «сгорел» не стоит воспринимать буквально. Он не обуглился, не превратился в кусок пластмассы... Это ба-

нальное обывательское понятие - не сгорел он, а достаточно серьезно пострадал, но не целиком. Полетел необратимо в нем только блок сотовой связи, который в момент передачи работал на каких-то своих запредельных возможностях - а вот память осталась нетронутой. Я извлек модули, поместил их в аналогичный телефон - и сумел получить оттуда кое-что.

- И что же? - спросил Самойленко.

- Диктофонные записи голоса Кристины, которые он использовал для создания парольной защиты, - ответил Кирилл, и в этот момент Валерия увидела, что Марина смотрит на него совершенно восхищенными глазами. - Теперь у нас есть ее голос. И этого голоса сколько угодно. Ладно, я пойду. Вполне возможно, что пока я все это рассказывал - там уже начался процесс...

10.

Когда настала пора забирать Панкротова - охранник у двери вытащил пистолет и направил его на Валерию. Она смотрела в открытую дверь и видела, как программист выталкивал каталку с Иваном в коридор.

Панкротов лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок каким-то туманным взглядом. К вене на локтевом сгибе подключена капельница; флакон был брошен ему между ног.

Кирилл подошел к Марине и Валерии и гордо сказал:

- Все получилось. На этот раз понадобилось немного больше времени на отладку - но он пришел в себя. Он вспомнил, кто он, как его зовут - но потом пришлось немного подгрузить его каким-то седативным препаратом, потому что временами возникали судороги. Сейчас его погрузят в реанимобиль и заберут в свою клинику - туда же, где устанавливали устройство. У них на него большие планы. Человека, дважды выходившего из этого состояния, в их распоряжении еще ни разу не было. Леонид Александрович, будьте добры, дайте нам его документы, - обратился он к врачу. - Паспорт и что там еще есть у него с собой - его все-таки в самолет грузить...

Самойленко посмотрел на Валерию, потом на ствол, направленный ей в грудь, открыл шкафчик за спиной и передал из него документы Панкротова Кириллу.

- Вот. Дело сделано, - улыбнулся парень. - Иван жив. В сознании. Фирма помогла и получает свое. Мне они предложили работу - и я еще подумую, но...

Он посмотрел на Марину смущенно-вопросительным взглядом, словно ожидая от нее какой-то реакции. Та сделала вид, что не заметила.

- Ну ладно, я пойду в зал, соберу там свою аппаратуру, - сказал Кирилл, не дождавшись ответа, и вышел из кабинета. В коридоре ему махнул программист «Brain Engine», который никак не мог совладать с каталкой - мол, поучаствуй. Кирилл обернулся на стоящую к нему спиной Марину, хотел что-то сказать, но передумал и направился помогать.

Спустя пять минут водитель сел на свое место. У охранника в кармане пикнул какой-то девайс; тот просто хлопнул ладонью по карману, выключая его, убрал пистолет в наплечную кобуру, что-то буркнул по-немецки Марине и вышел в коридор, закрыв за собой дверь.

Валерия растерянно оглянулась на Самойленко, потом посмотрела на Марину.

- И что теперь? - спросила она совершенно потерянным голосом.

- Ну как что, - хмыкнула Марина. - Радуйся. Твой Панкратов жив. И даже вроде бы разговаривает и что-то помнит. Но он теперь секретное достояние фирмы - и пока они не разберутся во всех хитростях работы его устройства, которое так странно вело себя, они его не выпустят из страны. Он просто исчезнет в их тайных лабораториях, будет, как обезьяна, нажимать кнопки, просить банан и радоваться тому, что все еще жив...

Кулаки Валерии сжались сами собой; она готова была накинуться на Марину, но та отступила на пару шагов в сторону окна, выставила перед собой руку, словно защищаясь и торопливо сказала:

- Но ведь из любого положения есть выход - если хочешь, я тебе его сейчас покажу.

Валерия замерла в шаге от нее, плотно сжав зубы. Потом она кивнула, словно разрешая Марине продолжить.

- Все просто, - та оперлась на подоконник и услышала, как на улице водитель завел микроавтобус. - Если тебя не устраива-

ет, как Панкратов постепенно будет превращаться в растение в недрах цивилизованной Европы - давай ему поможем. Вместе. Ты и я. Смотри.

И она достала из кармана куртки тот самый брелок, который когда-то взяла у убитого агента фирмы. Валерия рванулась вперед, но получила сильный толчок в грудь.

- Брелок-то не простой, - услышав, как хлопнули задние двери реанимобиля, добавила Марина. - Технологии военные. Кругом двойное дно, перестраховка, скрытые функции...

Валерия смотрела то на брелок в руке, то на автомобиль, который был уже готов отъехать. Вбок сползла центральная дверь, из машины на улицу выпрыгнул Кирилл, который помог грузить носилки с Иваном в салон. Программист махнул ему из машины рукой.

- Это, я думаю, действительно выход. Для всех, - сказала Марина, резко присела у окна и нажала на брелоке две кнопки одновременно...

Микроавтобус на долю секунды как-то смешно надулся изнутри, а потом лопнул, как консервная банка. Деревья у окон слегка погасили взрывную волну; стеклопакет перед Валерией разлетелся на сотни осколков, но она успела машинально присесть вслед за Мариной, закрывая голову руками. Волосы обсыпало стеклянными кубиками, следом в кабинет ворвался осенний ветер с запахом пороха...

Марина, отряхиваясь, встала и выглянула в окно. Валерия, оглушенная и напуганная, боялась даже пошевелиться.

- Господи... - услышала она шепот над головой. - Кирилл... Кирилл!!

Она крикнула это как-то обреченно, а потом, не глядя на осколки на подоконнике, выпрыгнула на улицу. Валерия посмотрела туда, где сидел Самойленко, и увидела его на полу - неподвижного, окровавленного. Под ним растекалась большая лужа красного глянца...

Силы встать и посмотреть на улицу все-таки нашлись. Реанимобиль разорвало пополам, он был вскрыт словно ножом примерно посередине. Двери выворочены наружу; мертвый водитель сидел на своем месте, уткнувшись лбом в руль, по волосам быстро бежали вниз ручейки крови. Ей не видно бы-

ло, что осталось там внутри машины от Ивана и тех, кто должен был его сопровождать - но она и не хотела это видеть и знать...

Перед машиной на земле лежал Кирилл - в том, что он мертв, никаких сомнений не возникало. Марина стояла перед ним на коленях и прижимала его безжизненную голову к себе, не обращая внимания на большой белый осколок металла, торчащий из его живота. Губы ее беззвучно шевелились в какой-то невыполнимой просьбе.

Как бы не страшна была эта картина - она не могла отвести от нее взгляд. Несколько первых шагов к выходу из кабинета она сделала, продолжая глядеть в окно - и только потом повернулась и хотела было побежать, но силы оставили ее. Она ухватилась за диван, замерла на мгновение. В ушах зашумело, стены стали заваливаться куда-то вбок. Сопrotивляться она более не могла - неловко перевалившись через подлокотник, упала на диван, не удержалась на нем и сползла на пол. Мир продолжал вращаться, она не теряла сознания, но больше всего на свете хотела именно этого - отключиться, не видеть, не знать... Просто быть. И не чувствовать.

Когда же она поняла, что у нее не получается - она закричала. До боли, до хрипоты, то звона в ушах, прижав ладони к вискам. И только потом, когда осознала свою потерю до конца - пришло забыть...

11.

Он долго не решался войти в кафе - хотя сквозь стекло ему было видно, что Елена Анатольевна уже давно на месте - заказала себе кофе с пирожным и в ожидании Панкратова просматривала какой-то дежурный рекламный журнал, который подкладывали всем посетителям.

Наконец, Иван решился. Открыл дверь, подошел, коротко кивнул, сел. Елена Анатольевна подняла на него глаза, укоризненно постучала длинным холеным ногтем по стеклу золотых часов.

- Прощу прощенья, - повiniлся Панкратов. - Причину придумывать не буду - просто опоздал.

- Вот вам за честность карамелька, - Елена Анатольевна протянула ему маленькую красную конфетку в прозрачной обертке. - Закажите себе кофе. Тут еще есть некоторые моменты, которые мне не совсем понятны. То есть, мне на них, в принципе, пофиг, но надо подумать, как их объяснить и узаконить - поэтому придется вам кое-что мне объяснить чуть более подробно.

Кофе не хотелось. Совсем. Иван смотрел на папку с документами, лежащую перед ним на столе, и больше всего на свете он мечтал оказаться очень далеко отсюда. Настолько далеко, чтобы этот адвокат с ногтями, похожими на самурайские мечи, его никогда не нашел.

- Вы читайте пока, читайте... - повелевающим тоном сказала Елена Анатольевна. - И те места, что мне до конца не ясны, выделены маркером.

Иван взял папку, достал из нее несколько листов бумаги, принялся читать и спустя примерно минуту понял, что не может разобрать ни слова - несмотря на то, что текст документа они составляли вместе. Панкратов читал строчку за строчкой - и не мог уловить в словах смысл, все ускользало от него куда-то в туман.

В какой-то момент он захотел рассказать ей. Рассказать о большом самолете, о звуках скрипки, женщине в погонах и книге на барной стойке. О девочке, пляшущей перед сценой в полумраке кафе, о телефонном звонке в вечность... Рассказать о том, чего не было, о том, что снится ему уже третью ночь - с той самой минуты, как он получил на руки черновой вариант договора с «Brain Engine»...

- Знаете, Елена, я пока не...

На столе внезапно завибрировал ее телефон, прервав Панкратова на полуслове. Она, не двигаясь, одними только глазами взглянула на экран - и вдруг изменилась в лице. Улыбка, машинное движение пальцами по волосам, мимолетный взгляд на Ивана...

- Извините, это важно, - она прикрыла трубку рукой. - Сейчас... Мы с вами все обсудим.

Панкратов кивнул и положил листки на стол. Читать расхотелось окончательно. Он достал телефон, открыл вчерашнюю почту, прочитал.

«Иван, вы любите клубнику с сыром?..»

- Я хотела сказать, что эти документы, которые я готовлю для вас - они дорогого стоят, - сказала Елена Анатольевна, закончив свой разговор. - И вы молодец, Иван, что решились на такое...

- «Пункт восемнадцать дробь два, - вслух прочитал Панкратов. - В случае отказа клиента подписать договор устройство не будет активировано в течение тридцати суток в ожидании согласия. Спустя тридцать суток при отсутствии такого согласия оно будет дистанционно закодировано производителем и снято с обслуживания...»

Прочитав это, Иван аккуратно разорвал лист бумаги. Елена Анатольевна вздрогнула от этого отвратительного звука.

- Что вы делаете? - удивленно спросила она.

- Снимаю, - ответил Панкратов.

- Что? - непонимающе подняла брови Елена Анатольевна.

- Себя, - ответил Иван. - Я снимаю себя с обслуживания.

И он, вынув все листы из папки, разорвал их на части.

- Спасибо, что уделите мне столько времени, - кивнул он, вставая. - Честь имею...

Адвокат смотрела на него в каком-то немом ужасе, не в силах вымолвить ни слова. Панкратов задвинул за собой стул и вышел на улицу, на ходу доставая телефон.

- Валерия?.. Да, добрый день... Да, тот самый Панкратов...

Он улыбался, слыша ее голос - и она чувствовала это.

- Давайте встретимся... Прямо сегодня... К чему тянуть?

Иван выключил телефон и оглянулся в поисках места, где можно было купить цветы. Продавщица в ближайшем ларьке собрала ему букет из красивых алых роз. Панкратов махнул проезжающему таксисту, сел в машину на заднее сиденье, назвал водителю адрес.

Закрыв глаза, сосредоточился, потом прошептал:

- Рейс Белград - Подгорица. У меня есть целых семь месяцев...

Мимо проносился вечерний, сверкающий огнями нарядный город, в котором где-то его ждала женщина. Из динамиков тихо играла знакомая песня. Иван попросил сделать погромче; водитель с радостью сделал это, почувствовав в пассажире родственную душу.

- Огнями реклам, неоновых ламп, бьет город мне в спину, торопит меня,

А я не спешу, я этим дышу, и то, что мое, ему не отнять...

Панкратов тихо подпевал за «Пикником». Когда песня кончилась, они приехали.

После того, как пассажир с букетом зашел в подъезд, таксист увидел, что он забыл какой-то пакет на заднем сиденье. Перегнувшись назад, водитель заглянул внутрь и увидел там книгу.

- «Принцесса стоит смерти», - прочитал он название. - Лукьяненко... Ну, такое я люблю. Будет, чем между сменами заняться...

Он принял очередной вызов и умчался в надвигающуюся темноту.

Начинался дождь...

АКЦИЯ УСТРАШЕНИЯ.

Еще вчера, шагая по улице в магазин или выгуливая собаку, Калининченко ощущал чье-то присутствие лишь на уровне подсознания. Он был уверен в том, что когда-нибудь его деятельность просто обязана вызвать внимание людей, чья работа как раз и заключалась в том, чтобы всячески пресекать труды Калининченко и ему подобных. Но это была уверенность, ничем не подтвержденная - так, кто-то сказал, кто-то видел, к кому-то приходили, а еще кого-то даже куда-то вызывали. Ничего, кроме пустопорожних разговоров, напоминающих страшные рассказы на ночь в пионерских лагерях: «И тогда из шкафа вылезла черная-пречерная рука...»

А уже сегодня эти разговоры были готовы превратиться в реальность. Некто, наделенный полномочиями ломать чужие жизни, приготовился к прыжку.

Впервые Калининченко почувствовал это посередине проспекта. Людей было как никогда много - но он почему-то сразу выделил в мельтешащей толпе двух человек; вроде бы ничем не отличающихся от других, но была в их поведении какая-то закономерность, недоступная пониманию. Это было родом из «Ералаша» - «Я понял, что они не пересекаются - но я не понял, ПОЧЕМУ они не пересекаются». Он понял, что эти люди - по его душу. Но он никак не мог понять, сколько же ему осталось.

Шаги его не стали быстрее; засунув руки в карманы, он прислушивался к шуму улиц, отмечая равномерные удары спортивной сумки по правому бедру. Ничем не отличающийся от тысяч ему подобных - город к началу осени наполнялся молодежью его возраста, так как в городе было довольно много учебных заведений, привлекающих молодых людей с зачатками интеллекта со всей области. Но почему-то те двое выделили из всей толпы именно его - пару раз он соприкоснулся с одним из них локтем, второй внезапно остановился на секунду прямо перед носом у Калиниченко, наклонился, заслоняясь от ветра, закурил и быстро зашагал, будто стараясь убежать, но оставаясь при этом на одинаковом расстоянии.

Двадцать четыре года - не великий срок для того, чтобы протиться со спокойной жизнью и добровольно шагнуть в тюрьму. Калиниченко всегда готовил себя к тому, что в этой жизни он добьется большего, нежели тюремные нары и миска баланды. Но вот так внезапно подкатил к горлу ком страха - те двое помогут ему обрести то, чего он боялся.

- Паша, Паша... - на ходу покачав головой, он вспомнил того, благодаря кому шел сейчас по этой улице, неся в сумке свой приговор. - Чего же ты так не вовремя меня подставил...

Неподалеку в толпе кто-то чихнул на ходу. Калиниченко вздрогнул, отшатнулся в сторону, столкнувшись с несколькими людьми сразу.

- Нервы ни к черту, - выругался он спустя секунду, когда понял, в чем же дело. Жутко захотелось закурить - он подошел к ларьку, протянул мятый полтинник, попросил «Яву». И тут же почувствовал, как те двое подтянулись к нему поближе, чтобы видеть, что же здесь происходит - не передаст ли он что-нибудь продавцу или еще кому, с кем назначена здесь встреча.

Машинально сгреб сдачу, не пересчитав - да и зачем? Сигарета перекечевала из пачки в рот; Калиниченко оглянулся, ища глазами того, кто прикуривал у него перед носом - тот стоял неподалеку, делая вид, что читает афишу. Второго он не заметил, но решил, что тот тоже где-то близко.

Смелость, дурацкая и совершенно неуместная, выиграла в нем. Он решительно подошел к этому человеку, тронул за рукав. Тот вздрогнул, потом увидел улыбающееся лицо, сигарету,

вопросительный взгляд - и, так же широко улыбнувшись, вытащил из кармана пальто зажигалку, чиркнул.

Калиниченко, не отрываясь, разглядывал его. И в какую-то секунду каждый из них все понял.

Один из них не вернется сегодня домой. И Калиниченко мог спорить на что угодно, что это будет именно он.

Потому что так, как посмотрел на него человек, резко перестав улыбаться - так смотрит сама смерть.

Зачем-то кивнув - не в благодарность за огонь, нет - Калиниченко отошел в сторону на пару шагов, прислонился к стене дома, затянулся. Он вспомнил, как лет пять-шесть назад, еще будучи учеником 10 класса, он с толпой ему подобных отморозков ходили в городской парк на «стрелку» с парнями из соседнего района. Человек десять-пятнадцать с одной стороны, столько же с другой, молчаливое противостояние на дистанции, с которой можно было почувствовать злое дыхание противника... А потом, по невидимому сигналу, возглавлявший «их» Фрост и «наш» Чиж подходили друг к другу на расстояние вытянутой руки и останавливались, глядя пристально в глаза.

Никто никогда не мог понять, что они хотели там увидеть, какое впечатление произвести - ибо все всегда заканчивалось одинаково, побоищем, кровью, переломанными челюстями и разбитыми носами. Но они вот так стояли и смотрели, раздувая ноздри - как быки, прежде чем ударить землю копытом и рвануться навстречу. Смотрели, не отводя глаз, сжимая и разжимая кулаки, немного приоткрыв рты и временами облизывая пересохшие то ли от злости, то ли от глубоко спрятанного страха губы. И в эти несколько секунд, максимум минуту, у каждого второго парня с любой стороны этого конфликта мелькала мысль, что они просто должны протянуть друг другу руки, пожать их, похлопать по плечу, обняться, позвать ближайших друзей - короче, половина тех, кто приходил на «стрелки», хотели, чтобы они когда-нибудь кончились. Но другая половина жить без них не могла...

И вот, насытившись ненавистью, утопив свой страх и продемонстрировав всем своим силу и злобу, кто-то кивал - коротко, резко, не отрывая глаз. Второй делал тоже самое в ответ, принимая вызов.

И они знали, что кто-то из них сегодня может не вернуться домой.

- Бессмыслица, - шепнул Калиниченко себе под нос. - Мы тогда не понимали, для чего все это. Зачем мы били друг друга морды, зачем выкручивали руки, оставляли синяки и ссадины?.. Вот те двое, кивнув и отступив на шаг - они знали истинный смысл происходящего; но мы? Что мы делали там...

Он вдруг заметил, что человек, которому он кивнул, стоит и чего-то ждет. Калиниченко вопросительно поднял к нему глаза.

И тот точно так же, коротко и резко, кивнул ему в ответ.

А потом с чувством исполненного долга смешался с толпой.

- И тебе удачи, - ответил на это Калиниченко, стяхнул пепел и осмотрелся.

Людской поток не иссякал. Тысячи людей в час пик шли по своим делам, глядя под ноги и лавируя между живыми препятствиями на уровне подсознания. Они всегда жили здесь, они всегда ходили по городу, как по минному полю. И им не было никакого дела до парня с сигаретой и двух человек в пальто, неотрывно следящих за ним в расстояния в несколько метров.

Калиниченко понял, что игра идет по очень запутанным правилам. Вроде бы в открытую, никто не прячется - а если и прятались, то не так уж и сильно, словно проверяя наблюдательность подопечного. А он оказался очень и очень прозорливым, доверившись интуиции, и не прогадал.

Но при всей открытости этой игре не хватало одного - логики. Если эти ребята знают, кто он, знают, что у него в сумке - почему просто не берут его за белые рученьки и не сажают в быстро подъехавшую к тротуару черную «Волгу»? Ведь цена промаха в игре слишком высока!

- Вот я, - сказал Калиниченко, отшвыривая в сторону окурков. - Вот мои вещи, - он похлопал по сумке рукой. - Так какого черта?

Он представил, как где-то далеко - невообразимо далеко, в прошлой жизни - сидит за компьютером Павел, теребя свою замусоленную майку и неотрывно глядя в экран. Сидит и делает еще одну работу - уже не для Калиниченко, конечно, но для ему подобных... И еще кто-то может попасть под прицел внимательных злых глаз, еще кому-то коротко кивнут на улице, давая понять, что ему не повезло.

- Эх, как не вовремя, - чертыхнулся Калининченко, с досады махнув рукой и не скрывая своего разочарования. - Хотя, как говорится, такие вещи вовремя не случаются... Короче. Я пока жив, сумка все еще при мне, эти парни не держат меня за руки - так не стоит ли подумать, как мне выполнить то, за что я получаю деньги?

Он пошарил глазами по головам плывущих мимо него озабоченных людей, не заметил тех, кто был для него опасен, потом увидел неподалеку знакомую скамейку и решил присесть - все-таки, как ему казалось, парни из этой службы не станут делать свою работу на виду у всех.

- Правда, есть одно условие, - прокомментировал свои мысли Калининченко. - Стоит мне запустить руку в сумку, вынуть товар и протянуть его тому, кто придет ко мне на встречу - и они, как шакалы на падаль, рванут сюда, чтобы взять с поличным.

Опустившись на скамейку, он закинул ногу на ногу и достал вторую сигарету.

- Интересно, этот парень подойдет сюда еще раз, чтобы сделать последние мои минуты на свободе чуть-чуть слаще?

Никто, естественно, не подошел и не щелкнул зажигалкой. Калининченко с сожалением посмотрел на сигарету, потом с ненавистью смял ее и бросил под ноги. Несколько голубей испуганно взлетели над людским морем, с шумом и воркованием - будто сожалея о недоклеванных крошках, которые сейчас ветер перемешивал с табаком.

И тут же из толпы возник второй сопровождающий - он словно материализовался из воздуха, встревоженный рванувшими вверх птицами. Калининченко ухмыльнулся, а потом, вдруг поняв, что пока он здесь, среди людей, ему ничего не грозит, и махнул рукой - мол, ничего страшного, погуляй пока. Человек замер на мгновение, слегка приподнял бровь и ухмыльнулся. Потом толпа поглотила его - как-то внезапно и неуловимо, вот только что он был здесь, и уже нет.

И Калининченко, увидев эту легкую ухмылку, вдруг понял, на что он замахнулся. Это нельзя было назвать игрой с огнем - это было кое-что похуже. Он грозил пальцем силе, против которой у него было ничего; бравада была здесь совершенно ни к чему. Тот ответный кивок, эта поднятая бровь - у Калининченко

заныло что-то внутри, заколотилось сердце, пот выступил на висках.

Он вдруг понял, что обречен. У него было всего два выхода - самому подойти к этим людям и предложить пройти с ними, куда они сами скажут, или же... Или же попытаться бежать - и тогда его просто убьют.

Ноги сделались ледяными вмиг; страх, такой противный и всепоглощающий, пронизал его тело и подчинил душу. Он встал со скамейки, обнял сумку двумя руками и уже собрался было идти к этим двум людям в черных пальто, чтобы сдаться...

Но внезапно в нем возникло чувство, что он не все еще принял для собственного спасения. Далеко не все.

А ведь надо было сделать всего одну простую вещь.

Бежать так, чтобы не поймали.

Чтобы не убили.

БЕЖАТЬ БЫСТРЕЕ СМЕРТИ.

И он решительно поправил сумку на плече (внезапно почувствовав, как она ему мешает, пригибает к земле, хотя весу в ней было пару килограммов, не больше), после чего поправил легкий шарф, который выбился из-под воротника и влился в людскую реку.

В его жизни так уже бывало неоднократно - когда что-то нужно было сделать в срок и от этого зависело его благополучие. Он всегда говорил сам себе: «К назначенному сроку все сделается» - и все действительно делалось. Не сказать, чтобы само, нет - при его непосредственном участии, но, тем не менее, русское «авось» всегда соседствовало с его жизнью. А ведь мог и не успеть...

Так и сейчас. В его голове пока не родилось еще никакого четкого плана, но он был уверен - до конца проспекта пешком идти около получаса, что-нибудь придумается за это время. И он шел, временами осматривая дома по обеим сторонам дороги, вывески, двери, людей по ту сторону прозрачных витражей... До скрипа зубов завидовал сейчас им, неподвластным этим двоим неслышным и невидимым конвоирам, сопровождающим его в отдалении. В том, что они не отстают ни на шаг, сомневаться не приходилось. Один раз остановился, чтобы завязать шнурок - завязать по-настоящему, не ради того, чтобы увидеть слежку; кто-то в толпе неуклюже прошелся по его ногам,

едва не свалив на асфальт - и тут же увидел, как один из них, не скрываясь, сложил руки на груди в десяти метрах и ждал...

Калиниченко шагал, прижимая сумку к животу, словно боялся, что ее могут оторвать и унести. Ощущения человека, несущего перед собой на руках атомную бомбу, перемешивались с мыслями о том, что же чувствуют шахидки за секунду до взрыва. Он всегда ненавидел этот террористический кошмар, мины, начиненные болтами, и фанатизм - но сейчас он был тем самым фанатиком, который прижимал мину к животу и раздвигал своим телом людей, словно корабль.

Он постоянно прокручивал в голове варианты - куда, куда деваться с этого широкого шумного проспекта, куда? Пару раз мелькнула надежда впрыгнуть в автобус - но он тут же представлял, как его будут вести из окна автомобиля цепкие глаза; с подобными мыслями пришлось расстаться. Потом он усталым взглядом проводил несколько такси, глядя, как в них садятся возбужденные, торопящиеся по своим делам люди. Ему дорога в машину с шашечками была заказана...

- Что-то же можно сделать!.. - сквозь зубы говорил он себе, незаметно ускоряя шаг и осаживая себя тут же - не дай бог подумают, что он хочет скрыться, могут запросто застрелить. - Должен быть хоть какой-то выход...

Он уже не надеялся на встречу. Само собой, две его «тени» понимали это, но не оставляли надежду на то, что кто-то все-таки проколется и подарит им еще одно звено цепи. Сам Калиниченко решил, что сделает все возможное, чтобы не засветить того, кто выйдет к нему через триста метров, чтобы забрать сумку.

- Сложно сказать, что я сделаю для этого, - бормотал он, продолжая мерить шагами проспект. - Пожалуй, остается только броситься под какой-нибудь проезжающий грузовик, чтобы уж наверняка... Конечно, они рванут за сумкой, постараются вытащить ее из-под колес! На кой черт им я с переломанной шеей - но вот сумка, а, вернее сказать, ее содержимое! Тут уж они постараются...

И при таком раскладе человек, вышедший на встречу, вряд ли рискнет померяться силами с теми, кто первым выскочит на дорогу, чтобы подхватить спортивную сумку «Nike» с криминальной начинкой.

Калиниченко понял, что рассуждает о самоубийстве, как о чем-то максимально вероятном в своей жизни, о чем-то близком и практически неизбежном - но в то же время он понимал, что очень хотел бы посмотреть на подобную сцену со стороны, представив право быть в ней главным героем кому-нибудь другому...

Другому. Какому-нибудь из тех типов в пальто.

- Вот было бы здорово, - злорадно ухмыльнулся Калиниченко. Он даже остановился на мгновение, и глаза его дьявольски сверкнули. - Чтобы под КАМАЗ... И уже никогда никому не кивнет.

Эти парни из Службы... Трудно было представить все масштабы ее влияния. Легальная их часть была верхушкой айсберга, представляя собой некую таинственную контору, скрывающуюся под вывеской частного сыскного агентства. Все же остальное, покрытое тайной и мраком, было наполнено аурой людей в темных пальто со взглядом убийц.

Калиниченко знал о них понаслышке. Впервые он услышал о Службе полтора года назад, когда получил первое свое поручение от Павла. Тот, протягивая коробочку с двумя дисками, положил ему руку на плечо и предложил присесть на дорожку. Калиниченко опустил на какой-то перекошенный стул в прихожей, надеясь на то, что это не затянется надолго... Однако, затянулось.

Не то, чтобы Паша хотел напугать его. Скорее, это был разговор для создания абсолютно доверительной атмосферы - пусть не кажется, что где-то умалчивается правда. Безусловно, Калиниченко знал, что все, что они делают (причем он в меньшей степени, а сам Павел - едва ли не по максимуму), уголовно наказуемо. Но то, что государство ведет с ними борьбу, было абсолютно логичным и естественным - не переходит дорогу на красный свет, не воруй и тому подобное. А вот то, что у этого дела есть еще одна сторона, открылось как-то внезапно и болезненно.

Калиниченко слушал, раскрыв рот; рука поглаживала вот эту же самую сумку, чья начинка была сейчас предметом вождения его преследователей. Каждое слово падало на благодатную почву; Калиниченко с детства был боязливым, осторожным и нерешительным, поэтому знания о всех неприятностях, что могли случиться на пути к цели, с одной стороны, подбрасы-

вали в кровь изрядную порцию адреналина, а с другой избавляли его от множества подводных камней.

- ...Предупрежден - значит, вооружен, - говорил Павел, сам даже не представляя до конца, насколько точно и буквально звучали его слова в ушах собеседника. - Поверь, не зря за эту работу мне платят очень хорошие деньги - она того стоит. И твоя, соответственно, тоже. Как у любой работы, всегда найдутся те, кому она не нравится и кому тот денежный поток, что проходит через мои, а теперь и через твои руки, очень мешает жить.

Павел тогда замолчал и в подтверждение своих слов протянул Калининченку деньги. Несколько крупных купюр. Повисло тягостное молчание.

- Бери, - через минуту сказал Павел. - Да, ты еще не сделал свою работу. Но это плата не за нее. Это плата за страх, которым я тебя сейчас накормлю - и лишь бы тебя от него не стошнило...

Калининченку остановился. Несколько человек, матерясь и вспоминая черта, ткнулись ему по инерции в спину, обошли с обеих сторон и тут же забыли о нем. Он вдруг понял, что идет слишком быстро и, будучи поглощен своими мыслями, может запросто вляпаться в того, кто протянет руку к сумке и скажет пароль.

На короткое время он стал островком в людской реке, которая очень быстро адаптировалась к нему и обтекала с двух сторон как нечто само собой разумеющееся, как столб или пень, которые всегда были на этом месте. Он стоял, вспоминая всю свою короткую жизнь, чувствуя напряженные взгляды преследователей и сгибаясь под их тяжестью. Захотелось курить.

Он сделал шаг в сторону и выгреб в тихое место из этого бурлящего потока. Какой-то памятник, мимо которого он ходил несколько лет, не замечая его; рядом пара скамеек, на одной две пенсионерки, другая пуста. Он сел так, чтобы не видеть никого и ничего вокруг, спиной ко всем людям, уткнувшись лицом в кустарник, лишь на половину прикрытый высохшей желтой листвой.

Сигарета казалась ему какой-то горькой пилюлей; никотин не успокаивал, а раздражал. Он крутил ее между пальцам, не в силах сосредоточиться на происходящем. Затянувшись чересчур глубоко и резко, он закашлялся. Старушки обернулись на него,

укоризненно покачав головами, но он не видел их, он не видел никого, утянутый в прошлое водоворотом воспоминаний...

- ...Законы жестоки, дружище, - говорил Павел, расхаживая по коридору из стороны в сторону. - Я нахожусь по ту их сторону, за которой сложно кому-либо объяснить свое предназначение - уж слишком оно выходит за рамки разрешенного. Просто не очень много людей способны оценить все то, чем я занимаюсь, уж очень специфическая тематика.

- Я представляю себе, что это за работа, - попытался вставить слово Калиниченко, стараясь делать вид, что его осведомленность помогает им стать ближе.

- Закрой рот, - безо всяких эмоций оборвал его Павел. Калиниченко смутился, закинул ногу на ногу, что делал очень редко, так как был человеком, открытым для общения. - Привыкни слушать - и слышать. Я ведь мог запросто отправить тебя, не предупреждая ни о чем... Просто я очень ценю свой труд, не хотелось бы его похоронить из-за твоей нерасторопности и неосведомленности.

Он вышел куда-то, вернувшись через минуту с зажженной сигаретой и картой города.

- Ты - курьер, - сказал он, затягиваясь и глядя в потолок. - Просто курьер, ничего больше. Ни герой, несущий сумку с дипломатической почтой, ни наркодилер - ничего похожего. Ты курьер компьютерного пирата. То есть меня. Просто я - не совсем обычный... Прямо скажем, я... Короче, это неважно.

Калиниченко кивнул.

- Ну и рожа у тебя, Шарапов, - покачал головой Павел. - Ты хоть когда-нибудь в жизни слышал про Уголовный кодекс?

- Конечно. Неоднократно.

- Да? Интересно... И где же? - подойдя ближе, спросил Павел. Калиниченко вспомнил, как в девятом классе проходил по делу о краже школьного имущества, как они с родителями внимательно слушали адвоката и читали УК чуть ли перед сном и вместо обеда - и решил умолчать об этом факте. Хуже всего то, что он действительно был виноват, но штраф заплатили родители другого парня, у которого на защиту не хватило денег...

Павел отнесся тогда к молчанию Калиниченко уважительно, будто чувствуя - событие, о котором тот не хочет говорить,

было не очень значительным, но оно БЫЛО и заставило изменить кое-какие взгляды на жизнь. Он приоткрыл дверь в туалет, швырнул окурочок в унитаз и развернул карту города, прижав ее к стене.

- Здесь - парк, - сказал он, ткнув пальцем в большой прямоугольник. - Бывал?

Калиниченко кивнул. Парк - место для студентов святое. Несколько пивных точек, целых три бара (один из них, «Пескарь», он посещал чаще других, попивая там с друзьями лучшее в городе пиво).

- Тем лучше, - ответил на кивок Паша, провел пальцем по длинной стреле проспекта и, прихлопнув карту к стене ладонью, будто на ней сидела муха, сказал:

- Будешь идти вдоль по левой стороне. В киоске возле кинотеатра «Искра» купишь пачку «Явы». Присядешь на скамейку, выкуришь сигарету. Выкуришь обязательно до конца, окурочок бросишь себе под ноги. Встанешь, пройдешь до павильона «Юнис» - это почти полкилометра, в это время можешь делать все, что заблагорассудится. У «Юниса» остановишься, поставишь сумку на землю и будешь ждать. Человеку, который подойдет к тебе и скажет «шестьсот пятьдесят мегабайт и ни одним байтом меньше», передашь пакет. Потом пройдешь еще примерно метров пятьдесят и возле бюста Достоевского позовнишь вот на этот номер (Паша протянул бумажку с цифрами). Запомнил? Ничего не скажешь, просто позвонишь. Ну как, не сложно?

Калиниченко смотрел на него снизу вверх, прищурился.

- А если...

- А если что-то будет не так, веди себя, как хочешь - это расценится, как факт слежки за тобой или любой другой нестандартной ситуации.

Калиниченко встал, поднял сумку. Повесил на плечо, устроил поудобней, погладил надпись «Найк», а потом внезапно повернулся и спросил:

- А что там, внутри?

Паша скорчил гримасу и недоверчиво посмотрел на него:

- Не ожидал... Почему-то думал, что вот ты будешь из тех, кто не спрашивает. Что-то было в тебе такое... Короче, ошибся я.

- Не в том дело, что я любопытен, нет, можно оставить мой вопрос без ответа, - Калининченко пожал плечами. - Но мне почему-то кажется, что если бы я знал, что там, я смог бы в нужный момент изменить ситуацию...

- В смысле? - не понял Паша, да и Калининченко тоже сообразил, что сказал как-то непонятно.

- В смысле - мог бы постоять за то, что лежит внутри. Смог бы спасти это, не оставаясь равнодушным курьером.

Павел помолчал немного, а потом сказал:

- Первый раз сходишь «в темную»...

И Калининченко сходил. Двенадцать раз. И только потом Павел рассказал ему, что в сумке. И с тех пор он ходил курьером, четко зная, за что его могут взять.

Он не заметил, как мысли поглотили его целиком. Он превратился в соляной столб, воспоминания проносились в нем перепутанным водоворотом, он уже не в силах был восстановить хронологию событий, не в силах был заставить себя выйти из этого транса...

Что-то внезапно обожгло пальцы. Калининченко вздрогнул и взмахнул рукой. Сигарета, дотлевшая до самых пальцев, вспорхнула над сухой листвой и исчезла вместе с ворохом мимолетных искр. Очнувшись от своих мыслей, он несколько ошалелым взглядом обвел окружающих его людей, прищурился от яркого солнечного света, который, вырвавшись на свободу из плена низких серых облаков, внезапно сделал краски дня ярче и насыщеннее.

Пенсионерки тут же сконцентрировались на нем, приняв то ли за наркомана, то ли за пьяного, зашептались, укоризненно поглядывая на него.

Калининченко вздохнул и пожал плечами. А потом он услышал шаги.

Кто-то, не особенно таясь, походил сзади, разбрасывая носами туфель листву. Калининченко напрягся и прижал сумку к себе. Он понимал, кто это; не мог не понять - слишком уж уверенные шаги.

Рядом с ним на скамейку опустился человек в черном пальто. Не тот, что давал прикурить - второй. Они были в чем-то похожи, как похожи все люди в черном, но черты лица у этого были еще

острее. Он присел, расправив полы пальто, закинул ногу на ногу, после чего кинул взгляд на старушек. Тех как ветром сдуло...

«Ничего удивительного, - подумал Калининченко. - Я бы тоже - бежал от этих глаз, куда только ноги бы унесли».

Тем временем человек, присевший рядом с ним, молчал, щурился от солнца и, казалось, совершенно был не заинтересован в своем соседе по скамейке. Калининченко тихо откашлялся, осмотрелся...

- Не стоит пытаться бежать, - сказал человек, по-прежнему не глядя на него. - И не потому, что я так близко и успею остановить. Просто мне есть, что сказать вам - и, уверен, вам стоит это услышать.

Калининченко напрягся, но пересилил в себе желание бежать без оглядки и расслабил пальцы, сжавшие ремень сумки.

- Все дело в том, что мы знаем, кто вас ждет, - укоризненно покачал головой собеседник. - Знаем уже давно. Кстати, ее видно отсюда, - он вытянул шею, стараясь увидеть кого-то на приличном расстоянии. - Во-он, смотрите...

Калининченко тоже увидел. Она встречала курьера, где и всегда - возле «Юниса». И тут он понял, что машинально делал все так, как будто бы слежки за ним не было. Пачка «Явы», сигарета, выкуренная до конца... «Привычка, выработанная годами!»

- Ведь вы давно уже вычислили нас, - продолжал тем временем человек в черном пальто. - И, тем не менее, она не уходит - хотя, мы знаем, что к ней поступает информация о том, как вы идете. Значит, вы допустили ошибку. Помните Плейшнера? Он сказал пароль и забыл выслушать отзыв, такая досадная промашка. Бедный Штирлиц так и не узнал, что же там произошло.

Калининченко молчал, подавленный собственным идиотизмом.

- А ведь теперь она точно не уйдет. И это несмотря на то, что я нарушил ваше уединение - и об этом ей, наверное, уже сейчас станет известно.

- Почему? - вдруг спросил Калининченко.

- Потому что она, эта несчастная девушка, выбрана нами как объект для акции.

- Какой акции? - шепотом спросил Калининченко, ничего не понимая.

- Акции устрашения, - так же шепотом ответили ему.

Человек встал и медленно и неслышно отошел - совсем не так, как он приближался сюда пару минут назад. Вот он был - и нет...

Калиниченко поднялся со скамейки, ощущая тяжесть в ногах и неотрывно смотрел на девушку в розовой курточке, которая в течение последнего года произносила кодовую фразу про мегабайты. Она стояла немного в стороне от павильона, чтобы видеть вход в него; первый раз Калиниченко даже не ожидал, что это будет девушка...

Тогда, полтора года назад, он даже непроизвольно отступил от нее на пару шагов. Когда прозвучала кодовая фраза, Калиниченко не поверил - он подхватил с земли сумку и сжал ремень в кулаке. Она непонимающе уставилась на него большими карими глазами, потом быстро и практически незаметно для окружающих осмотрелась по сторонам и шепотом спросила:

- Ты чего? Ты... Все услышал?

Калиниченко кивнул, для непосвященного человека он был похож в те мгновенья на него.

- Ну? И чего ждешь? Нам ведь даже общаться нельзя... Давай, что принес - и я пойду.

Почти минуту он боролся с ощущением нереальности происходящего, а потом вдруг осознал весь масштаб происходящего и понял, что не воспринимал все это всерьез - просто как какую-то игру вроде «Зарницы». И лишь с появлением этой девушки он проникся своей работой - ее карие глаза показали ему, что на стороне тех, кому предназначена посылка Павла, есть самые разные люди - разные и по возрасту, и по полу, и по профессии... Именно она тогда включила его в эту сеть - не Павел с его заданием. Она дала ему толчок. И отдав ей в первый раз посылку, он уже знал, что не повернет назад.

Потом он узнал у Павла, что зовут ее Ирина, что она - просто еще один курьер в большой цепи передачи информации. Она брала пакет и так же, по четкой и не требующей никаких дополнительных вопросов инструкции шла дальше. И всякий раз Калиниченко смотрел ей в спину и понимал, что чисто по-человечески хочет помочь ей донести эту ношу... Но было нельзя.

...Он вдруг увидел, что рядом с девушкой встал один из тех, в черном пальто. Встал, как ни в чем не бывало, разгля-

дывая подходящие автобусы, будто бы выбирая, на каком ехать. Девушка автоматически отступила от него на шаг, совершенно не обращая внимания на то, кто же этот человек. Ничего удивительного, на лбу у него не было написано, что он из Службы.

Калиниченко замер, не понимая, что происходит. Ведь теперь он не смог бы подойти и передать посылку - это понимали все, кто участвовал в операции со стороны противника. Агент стоял возле курьера, полностью перед этим рассекретив себя. Зачем? Что все это значит?

Он с досады пнул ворох листвы перед собой и сжал кулаки. Он ничего не мог поделать с происходящим...

И когда Ирина вдруг покачнулась и ухватило рукой за стоящее рядом дерево, Калиниченко с трудом подавил вскрик. Она как-то вдруг потеряла опору под собой, будто земля стала вращаться все быстрее и быстрее. Человек в черном пальто сделал вид, что не обращает внимания на происходящее, хотя в этой ситуации ему было бы проще всего протянуть ее руку, узнать, в чем дело и усадить на скамейку под навесом автобусной остановки. Но он не сделал этого.

Он повернулся к Калиниченко лицом, и хотя между ними было почти сто метров, он словно знал, что тот смотрит на него в эти секунды.

Помахав рукой, «Черный» медленно растворился в толпе людей, ринувшихся к подошедшему автобусу. Никому не было дело до девушки, которой вдруг сделалось плохо. Ирина медленно сползала по стволу к земле, не осознавая, что же произошло. Калиниченко, раскрыв рот и ловя воздух, как рыба, выброшенная на песок, в ужасе наблюдал за всем этим.

Вот она уже сидит на земле, прислонившись спиной к дереву. Руки шарят по груди, голова на безвольно болтающейся шее склонилась к плечу. Несколько попыток подняться были неудачны...

Кто-то положил руку на плечо. Калиниченко вздрогнул и отшатнулся. Второй «черный».

- Ну как? - спросил он, присаживаясь на скамейку и притягивая Калиниченко к себе сильной рукой за карман куртки. Тот не удержался, плюхнулся рядом, не сводя глаз с Ирины. Пара

мужчин на остановке обратили-таки внимание на нее, подошли, один присел рядом. - Интересно?

Калиниченко вдруг почувствовал сильное душевное волнение. Где-то в груди родился вулкан ненависти, он задышал мощно и шумно, как после забега на стометровке...

И в бок ему тут же уперся ствол пистолета.

- Не делайте глупостей, - железка ткнулась под ребро, погасив вулкан более чем наполовину. - Вы же видите, мы можем все...

- Что с ней? Что вы сделали? - не поворачивая головы, спросил Калиниченко.

- Мой напарник выстрелил в нее из пистолета с глушителем. В этой суматохе на остановке вряд ли кто обратил внимание сразу - а сейчас, я уверен, уже поздно.

Калиниченко и сам так думал, вспоминая, как Ирина опускалась на землю. Люди вокруг нее уже образовали плотное кольцо из любопытных, кто-то звонил по мобильному.

- Да вы так не переживайте за нее, подумайте лучше о себе, - предложил собеседник. Давление ствола на ребра несколько ослабло.

- Зачем вы это... - начал было Калиниченко, но ствол, снова ткнувшись в тело, заставил замолчать.

- Казнь непокорных и усмирение колеблющихся очень часто можно сочетать, это опыт десятков поколений, подтвержденный многими историческими фактами с начала времен - услышал он ответ. - Я думаю, что все происходящее произвело на вас неизгладимое впечатление.

Калиниченко угрюмо покачал головой, потом обхватил голову руками и согнулся практически пополам; в глазах потемнело, навалилась такая жуткая усталость, что захотелось упасть на усыпанную листьями землю, погрузиться в нее с головой и впасть в некое подобие спячки...

- Разрешите взглянуть, - вежливо попросил сосед по скамейке. Отказывать было глупо; Калиниченко, не глядя, расстегнул сумку и вытащил завернутый в газету пакет; протянув его просящему, он снова обхватил голову, закрыв лицо.

- Благодарю.

Газета была аккуратно развернута. Черный полиэтиленовый пакет лег на скамейку. Сотрудник Службы извлек из внут-

ренного кармана «Палм», вытащил из пакета горсть флеш-карт, ссыпал их все, кроме одной, обратно, оставшуюся вставил в слот.

- Знаете, я, в принципе, видел многое из этого... Поверьте мне. МНОГОЕ. Но каждый раз, когда я открываю очередной файл с... С подобного рода информацией... Меня бушуют двойственные чувства...

- Вы способны чувствовать? - сквозь плотно прижатые к лицу ладони спросил Калиниченко. - Вы, стреляющие в незащищенную девушку среди бела дня, в упор, исподтишка, вы можете что-то чувствовать?

- Поверьте, у любого человека, на какой бы работе он не находился, всегда остается способность испытывать разного рода эмоции, - прикасаясь стилусом к поверхности экрана, ответил агент Службы. - Вы просто привыкли к тому, что жизнь полярна, что ваш полюс - это верх совершенства, а противоположная сторона обречена на серое прозябание...

Калиниченко разогнул спину, задрал голову и посмотрел в серое осеннее небо. Слезы, которые так и норовили вырваться из глаз, моментально высохли, осталось только желание отомстить. Желание **ПОВЕДИТЬ**.

- Ну, и что же вы видите там? - спросил он, кивнув на «Палм». - Попробуйте изменить мой взгляд на вас, на серое общество, служащее бездушным идеалам!..

Он был готов кричать, однако ухмылка агента сбила его воинственный настрой:

- Черт побери, мне кажется, что ваша организация выбрала на роль курьера какого-то истеричного типа... Вам бы валерьянки выпить, юноша, или корвалола. Не надо лекций, не надо цитат, ничего не надо. Я знаю, все что здесь написано, наизусть...

- Лжете! - Калиниченко повернулся к агенту всем телом. - Или... Хотя нет, постойте... Но тогда как же вы...

- Чтобы знать врага, надо знать и его идеологию. Это - единственный способ не наделать ошибок самому.

Он еще раз прошелся стилусом по поверхности экрана, что-то написал на нем, сохранил, вытащил «флешку» и бросил в пакет.

- Вы знаете, что там может быть еще?

Калиниченко замотал головой.

- Жаль. Можно было бы подискутировать, у меня сегодня какой-то творческий подъем, - агент встал, прошелся рядом с задержанным, потом остановился напротив и укоризненно спросил:

- Сотрудничать будем?

- Нет, - сразу же ответил Калининченко.

- Подумайте, - настойчиво сказал агент и как бы невзначай оглянулся в ту сторону, где сейчас суетилась оперативная бригада. - Взвесьте все «за» и «против»...

Калининченко нервно переплел пальцы рук, облизнулся и почувствовал, что губы сухие и обветренные. Страх высушил его и продолжал отнимать силы. Он вспомнил, как глупо и дерзко попытался принять вызов, когда понял, что его ведут - надо было сопротивляться из последних сил, пытаться скрыться, сбежать, но нет... Этот идиотский кивок, как объяснение в любви - после него деваться уже было некуда.

Он встал рядом с агентом, взглянул ему в глаза. Тот выдержал этот взгляд безо всякого труда, заставив парня отвернуться. Калининченко покачал головой и крепко задумался.

На одной чаше весов была жизнь. Жизнь с пониманием предательства, с игрой против бывших соратников. Жизнь, в которой была убитая Ирина, подставленные и растоптанные Службой друзья и знакомые. И при этом - какая-никакая, но все-таки ЖИЗНЬ.

На другой чаше тех же самых весов была смерть.

Он стоял, не в силах представить себе эти дьявольские весы - почему-то всплывали перед глазами какие-то грубые обшарпанные лотки, которые он частенько видел на рынке, покупая картошку. Качающиеся тарелки, уравновешенные гири, местами гнутые, местами ржавые; все это было родом откуда-то из до-революционной России, из нищеты и разрухи... И вот на одной чаше - душа, на другой - тело. Чашки в равновесии. Но это - пока, до поры, до времени.

Лицо Ирины, исчезающее за молнией черного мешка, пробивалось сквозь эти картины размытым пятном. Калининченко чувствовал, что где-то здесь таится ответ на вопрос о сотрудничестве; где-то по ту сторону этой смерти. Зря они сделали все это у него на глазах - лучше бы просто скрутили, вывернули карманы, вытряхнули все «флешки» на асфальт и растоптали их,

пусть прилюдно, пусть дерзко и очень уж назидательно, пусть унизительно... Но зато Ирина бы осталась жива.

Ведь сказано же: «Не убий».

И решение пришло. Не зря ему пригрелись эти проклятые весы...

- Ведь сказано же: «Не убий», - повернувшись к агенту, произнес он вслух то, о чем только что подумал.

- Ай, бросьте, - отмахнулся тот. - Это все на меня не действует, проверяли...

И он, решив, что Калиниченко собрался поговорить с ним на душещипательные темы, отвлекся. Все лишь на секунду. На мгновенье. И этого было достаточно.

Парень взмахнул руками и толкнул агента. Тот споткнулся о скамейку, нелепо выгнулся и упал навзничь, хватаясь руками за воздух. Калиниченко рванулся к нему, ухватился за пистолет, который выпал из руки агента, приставил его к черному пальто и нажал на спусковой крючок.

Тугой толчок в ладонь. Агент сложился пополам и, выпучив глаза, простонал что-то нечленораздельное. Калиниченко толкнул его в лоб, заставив упасть обратно в листья, прижал другой рукой к земле. Он был уверен, что за ними сейчас пристально наблюдают, что его поступок уже проанализирован, что ответ будет если не молниеносным, то достаточно быстрым.

Но он нашел время наклониться к уху раненого и тихо сказать:

- Это действует всегда. Проверяли.

А потом он схватил со скамейки пакет, высыпал кучу «флешек» - сколько поместилось в ладонь, переложил их в карман куртки, огляделся по сторонам, увидел в ста метрах бегущего к нему человека с пистолетом.

- Давай, давай, - бесстрашно сказал он этой приближающейся фигуре, бросил оставшиеся карты в кучу листвы, выхватил из пальто лежащего агента зажигалку, поджег. Пламя моментально вспыхнуло, дым бело-синими клубами расстелился по земле, подгоняемый ветром.

Вытянув руку с пистолетом в сторону бегущего, он заставил того изменить траекторию движения, хотя стрелять не собирался. Агент пригнулся, спрятался за деревом, понял, что против-

ник попался серьезный. Попасть с такого расстояния Калиниченко точно бы не смог; он прекрасно понимал свои возможности. И тогда он вспомнил, как Павел пару месяцев назад говорил с ним перед очередным заданием...

- ...Работа наша такова, что ход событий порой трудно предугадать, - он сидел на подоконнике и курил, выпуская дым в открытую форточку. - Вот, например, ты - что бы ты предпринял, будь перед тобой угроза быть схваченным?

Калиниченко нахмурил лоб. Он, конечно, подумывал об этом иногда, но как-то не всерьез, будто на самом деле такая возможность представлялась ему призрачной.

- Ну, в первую очередь надо избавиться от пакета...

- И уничтожить весь мой труд, - выпустив струю дыма, сердито сказал Павел. - Если бы ты знал, как порой бывает сложно сделать все это, ты так не разбрасывался флэш-картами и дисками, словно мусором.

- Наверное, я не это имел в виду, - поправился Калиниченко. Он и на самом деле имел в виду совсем другое. - Каким-то образом спрятать их до лучших времен или привлечь к процессу кого-нибудь случайного, со стороны, передать на сохранение, пообещать найти потом...

- А если не найдешь?

- Вероятность того, что человек, получивший пригоршню карт с подобным содержанием, заинтересуется ими и не передаст Службе - пятьдесят на пятьдесят...

- Ошибаешься, - Павел выкинул окурок, потом посмотрел в окно и задернул штору. - Ошибаешься на порядок. Ты, похоже, идеалист.

Соскользнув с подоконника, он подошел к Калиниченко и похлопал его по плечу.

- Пойми, есть убеждения, а есть страх. И ведь те, кто хотел создать теперешний порядок, знали, как сыграть на страхе. Поверь мне, лишь один из десяти или даже меньше - смогли бы оставить флешки у себя. А уж сколько из них воспользуются информацией, которая содержится на них, не знает никто. Остается надеяться лишь на тех, кто не изменился - и не изменил. Только к ним ты всегда можешь прийти. Только к ним, ибо у них нет страха.

- Почему? Разве они не смертны? Ведь страх именно перед смертью заставляет людей быть покорными.

- Смертны все мы. Просто есть предназначение. И они следуют ему, даже если придется умереть. Поверь, я не принадлежу к их числу, я просто делаю свою работу, потому что они хорошо платят - именно поэтому я не предаю их, даже если Служба даст вдвойне.

- Не понял, - недоверчиво наклонил голову Калининченко. - Если дело в деньгах - то почему не взять в два раза больше?

Павел усмехнулся.

- Проверяешь? Небось, до сих пор обижен на меня за то, что я тебя тоже проверял? Все дело в том... Те деньги, что они заплатят мне, пойдут на венки и оркестр. Служба не идет на компромиссы, это уже проверено.

- Кем?

- Теми, чьи оркестры уже отзвучали.

Он вышел в другую комнату, вынес очередной пакет; Калининченко положил его в сумку, встал и отправился на задание...

Сердце колотилось внутри, раскачивая тело. Переложив пальцы на стволе поудобнее, Калининченко глушителем поворочил горящую кучу листов, с радостью заметил в ее глубине покореженные пластиночки, выпрямился и, машинально прижав ладонью тот карман, где хранились оставшиеся карты, побежал.

Перескочив маленький заборчик возле памятника, он оказался на неширокой улице, примыкающей к проспекту. Сквозь еще не ставшее тяжелым дыхание он бормотал себе ориентиры, по которым предстояло двигаться.

Павел после того разговора не вызывал его к себе недели три, если не больше; то ли с работой не ладилось, то ли заказчики не выходили на связь. А когда условный сигнал все-таки пришел, и Калининченко оказался снова в квартире у Паши, тот безо всяких предисловий объяснил ему, что цепь - под угрозой. Складывалось впечатление, что еще в прошлый раз он чувствовал опасность, но вот решил предупредить о ней только в тот момент, когда чувства стали более реальными и ощутимыми.

Он очень нервничал тогда, беспокойно выглядывая из-за штор, рассыпал горсть карт по полу и собирал их трясущимися

пальцами. Калиниченко смотрел на него непонимающими глазами и думал о том, что очень уж скоро их игра в «Зарницу» стала похожей на Соппротивление времен Второй Мировой. А как хотелось еще поиграть...

В тот раз все обошлось. Он доставил карты Ирине, цепь в очередной раз сработала, информация ушла к заказчику. Калиниченко успокоился, но никак не мог выбросить из головы - да и не имел права - адрес, который знал теперь. Паша дал его на тот случай, если передать флешки будет некому.

Он как будто видел тогда мертвую Ирину, обхватившую дерево окровавленными руками, будто чувствовал, что страх и боль скоро придут и станут диктовать свою волю. И вот теперь, уворачиваясь от прохожих и перебегая дорогу перед отчаянно сигнализирующими машинами, Калиниченко думал, что Павел в те минуты был просто наделен даром предвидения.

Очередная машина клюнула носом, когда он рванул через дорогу во двор. Визг тормозов, многоэтажные матюги вдогонку. Черт с ним, главное, цел остался. Бежать, бежать!!!

Люди практически не обращали внимания на то, что у него в руке пистолет. Неотъемлемая черта больших городов - равнодушные к происходящему. Правда, временами эти самые равнодушные люди толпами окружали чьи-то растерзанные тела, чтобы вдоволь поглазеть на чужие страдания, но только не сейчас. Бегущий парень со взглядом загнанного волка их интересовал не больше, чем тараканы у соседа в доме напротив.

Где-то позади, довольно далеко, раздался очередной визг шин, впивающихся в асфальт. Преследователь тоже не особенно интересовался правилами дорожного движения, подрезая автомобили. Калиниченко боялся даже оглянуться, опасаясь того, что споткнется и потеряет драгоценные секунды. Вариант остановиться, спрятаться и выстрелить в спину приходил ему в голову, но он подгонял себя в беге, очень беспокоясь за груз, который нес сейчас. Ведь против него играл профессионал, который мог почувствовать ловушку за километр и обыграть незадачливого парня, вздумавшего сыграть со Службой в прятки.

Чья-то собака, носившаяся по двору, попыталась было рвануть за ним с громким лаем, хозяин одернул ее, вернул на место; но оскаленная пасть с каплюющей слюной придала Калини-

ченко такое ускорение, что он уже не чувствовал под собой земли. Он бежал, не замечая ни луж, ни тлеющей листвы, заботливо подожженной дворниками; он, как опытный шпион, уже когда-то проделывал эту процедуру - правда, шагом. Он изучил эту дорогу - на всякий случай, не мог не изучить. Слова Павла жгли его изнутри; он проходил этот путь, кидая взгляд на большой висячий замок с кодом, неслышно шевелил губами: «Сначала двести восемь, потом, через две секунды - пятьсот шестнадцать, потом уже там, внутри, нажать на стене вторую от верхней правой петли плитку...»

Он никогда не думал, что придется вот так - мчаться сюда, к спасению и себя, и информации, сжимая в руке пистолет, из которого только что ранил человека (а тот, возможно, уже умер...)

Он почувствовал, что устал. Дышать стало тяжелее, вот-вот в левом боку резко заколет селезенка, это он уже про себя знал, никогда в школе и институте не отличаясь физической подготовкой. Не умел он бегать на длинные дистанции, умудряясь полностью выкладываться на первых же сотнях метров и превращая остальные пару километров в мучение и издевательство над своим телом и душой преподавателя. Губы пересохли, язык грозил прилипнуть к небу, напоминая наждачную бумагу, смазанную для верности «Моментом».

Вдруг стало ясно, что самое тяжелое, что может быть в жизни - это пистолет, который внезапно обрел такой вес, что просто тянул руку, плечо, а следом и все тело к земле. Вот только расстаться с ним было чертовски трудно, ибо он придавал хоть какую-то уверенность во время этой сумасшедшей погони, оставляя надежду на выстрел, хотя бы на один.

Хотя бы себе в голову.

И Калиниченко тащил оружие в руке, стараясь поменьше размахивать им на бегу, прижав к груди и временами ослабляя хватку вспотевших пальцев.

До цели оставалось еще около двухсот метров, когда что-то обожгло ногу - несильно, но очень чувствительно, Калиниченко едва не потерял равновесие. Теплая струйка побежала по левой ноге, на брюках выступило пятно крови.

Особой боли не было, ранение оказалось касательным, но Калиниченко вдруг понял, что враг сейчас находится на рассто-

янии прицельного выстрела, и подготовка агента такова, что он на бегу способен этот выстрел сделать. Он продолжал бежать, понимая, что в любую секунда пуля может вонзиться ему в спину, в шею, в голову, что жизнь вот-вот закончится, и он рухнет в очередную горящую кучу листвы лицом и превратится в мерзкий обугленный шашлык...

И тогда он внезапно остановился и развернулся лицом к тому, кто только что стрелял в него.

Агент, бегущий, словно робот, держал на вытянутой руке перед собой оружие. Он был готов к такому внезапно обороту событий, поэтому выстрелил мгновенно, Калиниченко даже не успел сообразить, что произошло. Удар пришелся в грудь.

Толчок был не сильным, но очень и очень болезненным. Импульс, горячий и всепоглощающий, пронзил его насквозь, вырвав на спине кусок плоти. И когда Калиниченко вдруг понял, что воздух вырывается из ран со свистом, разбрызгивая мелкие кровавые пылинки, то автоматически ответил выстрелом на выстрел.

Глушитель сухо щелкнул. Во дворе мало кто понимал, что происходит перестрелка - все было бесшумно и загадочно. Поэтому никто из людей, что находились в этот час на улице, не понял сразу, почему человек в черном пальто, бегущий куда-то по своим делам, вдруг остановился, будто налетев на невидимую стену, и упал на клумбу, нелепо раскинув руки.

Калиниченко смотрел на это пару секунд, потом колени подкосились, и он опустился на землю, встав на четвереньки и тяжело, с кашлем и стонами, дыша. Стало немного полегче, первая боль - резкая и отключающая мозги - ушла, сменившись постоянным ощущением забитого в область сердца гвоздя. Шум в ушах нарастал, дневной свет становился зеленоватым.

- Двести восемь, пятьсот шестнадцать... - прошептал он сам себе, замотал головой и встал. Его качнуло так, что он с трудом удержался на ногах; посмотрел на лежащего в тридцати метрах агента, ухмыльнулся.

- Кто же из вас мне кивнул, а? - спросил он у самого себя. - Наверное, ты...

Он махнул пистолетом в сторону убитого, потом удивленно взглянул на ствол в руках и отшвырнул его в сторону, проводив

взглядом. К людям во дворе пришло понимание происходящего, они в спешном порядке покидали двор, разбегаясь, как от прокаженного. Калиниченко это позабавило:

- Ну-ну, давайте... Вызовите милицию. Хотя ребята из Службы будут здесь раньше.

Он вдруг понял, что нечего стоять здесь, посреди двора, с дыркой в груди, теряя кровь и последние остатки разума. Надо было идти - туда, куда сказал Павел. Он, Калиниченко, перестал сегодня существовать, как звено цепи - да и сама цепь, похоже, накрылась медным тазом.

- Эх, Паша, ищи новые каналы, - произнес Калиниченко и нисколько не удивился, поняв, что не слышит своего голоса. Там, внутри, легкое превращалось в маленький кровавый мешочек, поджатый к ключице, воздуха не хватало все больше и больше.

Калиниченко повернулся и пошел туда, куда вела единственная сейчас в его жизни дорога. Он был уверен, что дойдет, потому что куча флешек в кармане придавала ему силы.

Через пару минут он увидел бомбоубежище. Огромный курган земли, насыпанный посередине пустыря, венчали вентиляционные шахты. Калиниченко подошел к дверям, оперся окровавленной рукой на створку; замок с кодом был на прежнем месте.

Он трясущимися пальцами провернул кольца сначала один раз, потом, спустя две секунды, второй. Он чувствовал, что за ним наблюдают, только не мог понять, откуда - видеорекамер нигде не было видно, да их и не могло быть.

Дужка замка клацнула и ослабла, потом сама, будто не была стальной, поползла, давая возможность открыть одну из створок. Из последних сил Калиниченко толкнул ее, вошел в темноту, прикрыл за собой и нащупал справа дверную петлю.

- Ну, где же ты, где, ну... - пальцы скользили по кафелю; внешне одна из плиток подалась в стену.

Снаружи дужка замка вернулась на место с сухим щелчком, кольца провернулись сами, не давая случайному человеку узнать хотя бы часть кода.

Калиниченко оказался в полной темноте. Глаза сами собой закрылись, не было никакой возможности разглядеть в этом мраке хоть что-нибудь. Нашарив стену тоннеля, ведущего не-

много под уклоном вглубь, он прислонился к ней всем телом и медленно побрел, борясь с желанием лечь.

Иногда ему казалось, что он слышит чьи-то шаги, чьи-то голоса. Вот - вот кто-то покажется из темноты с фонариком, подхватит его за руку, ответит... Куда ответит? Что там ждет его? И кто?

Что-то изменилось в воздухе. Какой-то запах... Внезапно ноги потеряли опору. Лестница. Калиниченко нащупал первую ступеньку, шагнул и стал считать ступени вслух. На сороковой у него закружилась голова, он резко, против своего желания, сел и прислонился к стене спиной.

- Эй... - позвал он в темноту. - Хоть кто-нибудь... Я же не мог прийти сюда зря.

Тот запах, что поднимался откуда-то снизу, стал сильнее. Калиниченко пытался понять, что это такое, но сравнить было не с чем - ничего подобного он никогда не нюхал. Что-то горько-сладкое, наплывающее волнами...

Он попытался встать, но не смог. Такое впечатление, что он лишился и рук, и ног. Никакая сила не могла поднять его; он пару раз схватил ртом воздух, боль заставила застонать.

- Ведь я же не мог... Зря.

Он вытащил из кармана пару флешек, сжал их в кулаке, закусил губы и тихонько вздохнул.

... Когда внизу расцвело пятно света, Калиниченко был уже мертв. Рука с зажатыми в ней флеш-картами упала, раскрыв ладонь. Прислонившись к стене, он сидел и ждал...

Человек осторожно приблизился к нему, освещая фонариком безжизненное лицо; луч скользнул на грудь, на рану, потом наверх, отметив кровавую полосу вдоль стены.

- Прости, - шепнули губы. - Поверь, мне жаль...

Он посветил вокруг, подобрал с пол упавшие карты, потом аккуратно вытащил из кармана оставшиеся; из внутреннего кармана пиджака достал студенческий билет, прошептал про себя имя.

Присев на ступеньку рядом, человек помолчал, думая о чем-то своем; тяжкий вздох горечи завершил его раздумья. Он встал и принялся спускаться вниз, туда, куда должен был отнести доставленный груз.

Запах, горько-сладкий, с каждой ступенью становился все сильнее. Человек, достигнув последней ступени, толкнул обеими руками бетонную дверь бомбоубежища и оказался в зале, освещенном десятками свечей. Несколько человек по краям зала стояли, склонив головы. На стенах были развешаны иконы, горели лампы; голубой дым, местами густой, а кое-где рассеивающийся, пахнувший так сладко и горько, стелился меж колонн, упирающихся в потолок.

Человек подошел к алтарю, протянул облаченному в рясу служителю флешку. Тот вынул из-под рясы «Палм», вставил карту и глядя в экран, стал читать:

- Ныне приступих аз грешный и обремененный к Тебе, Владыце и Богу моему; не смею же взирати на небо, токмо молюся, глаголя: даждь ми, Господи, ум, да плачуся дел моих горько...

А человек, доставивший карту служителю, отошел в сторону; ему надо было поставить свечу за упокой раба божьего Сергея.

Они жили в мире, где религия была официально запрещена под страхом смертной казни, вот уже шесть лет...

КАЖДЫЙ РАЗ...

Тихонов очень не любил это ощущение - когда закладывает уши в самолете. Он знал, что надо сильно, широко зевнуть - и тогда эта заложенность исчезнет. Но вот то, что исчезает она через громкий болезненный щелчок - вот что было самое неприятное...

Иллюминатор был справа. Он смотрел, как самолет делает вираж над городом. Край крыла мелко вибрировал (Тихонов вспомнил, как в детстве, летая самолетами к бабушке в Ростов, всегда показывал отцу на трясущееся крыло и просто требовал ответа - а что будет, если...) Соседи по ряду сидели, как и было приказано, согнувшись и укрыв голову руками. Крики в салоне казались оглошшему Тихонову очень далекими; по проходу прошел один из этих гадов с автоматом, выкрикивая что-то на своем языке. Когда он поравнялся с Тихоновым и увидел, что тот спокойно смотрит в окно, не выполняя приказа, то закричал еще громче, привлекая внимания второго такого же уroda с пистолетом.

Они вдвоем встали напротив непонятого пассажира, один щелкнул затвором, второй ткнул стволом вниз, приказывая склониться. Тихонов медленно протянул к нему левую руку и показал средний палец, после чего повернулся к иллюминатору и постарался все запомнить, как следует - до столкновения с Всемирным Торговым Центром осталось чуть больше минуты.

11 сентября 2001 года стремительно пронеслось вместе с ним по небу Нью-Йорка, сокращая расстояние до девяносто первого этажа с каждой секундой...

*****

Сон приходил урывками, какими-то фрагментами, сквозь которые проступали стрелки часов на мрачной стене напротив окна. Погрузиться полностью в спасительное забытие не представлялось возможным, потому что так уж повелось у Тихонова - он всегда такими ночами ждал телефонного звонка. Лежа на кушетке в кабинете, наслаждаясь доступной в данное мгновение тишиной и спокойствием, он не давал себе забыть о том, что уже через секунду этот покой может быть нарушен громкой, отвратительной трелью телефона в полумраке комнаты. Зная за собой рефлекторную привычку вскакивать по звонку практически не задумываясь, он всегда оставлял в коридорчике свет - чтобы спроне не налететь головой на угол книжной полки, что просто демонически нависала над столом.

Спал он, как всегда - не раздеваясь, лишь сняв халат да выложив из карманов несколько ключей, «Паркер» и несколько мелких денежных купюр (вся эта мелочь имела обыкновение разлетаться в разные стороны вовремя ворочаний во сне, а потом с огромным трудом возвращалась на прежнее место в карманы). Комната тускло освещалась телевизором, на экране сменяли друг друга ночные сериалы; встать и выключить его желания не было, пульт около полутора лет назад украла какая-то сволочь - короче, телевизору предстояло честно отработать до утра...

Звонок был, как всегда, чертовски предсказуем. Этот мерзкий звук Тихонов слышал уже шесть лет - ровно столько, сколько работал дежурантом в хирургическом отделении городской больницы. Со словами «Ну вот, поспал, мать его...» он подско-

чил, как ужаленный и, босиком пробежав через кабинет, поднял трубку:

- Тихонов... - пересохшими губами прохрипел он, сам от себя не ожидая подобного тембра голоса. На том конце возникла пауза - видимо, там тоже сначала не поняли, с кем имеют дело:

- Сергей Алексеевич?.. Это вы?

- А кто же еще здесь может быть в три... В полчетвертого ночи, - уточнил он, кинув взгляд на часы, в которых отражался голубой прямоугольник телевизора.

- Сергей Алексеевич, тут позвонили... Короче, везут, надо вам срочно... Огнестрельное...

- Куда?

(А в голове сразу «Только бы не в грудь и не в живот...»)

- Я пока не поняла... Они просят реанимацию и операционную! ...Фельдшерица, подгоняя четырех солдат, вытаскивающих носилки из залитой кровью «санитарки», на бегу рассказывала Тихонову, задыхаясь от волнения:

- Они пулемет... Ставили на танк... Сломалось что-то, так они... Сняли, часа три возились, а потом... А он обратно никак... Короче, он двумя руками взялся за ствол, к животу... А кто-то толкнул... Там на спине... А входное в проекции печени...

Тихонов и так уже все понял, едва увидев обмотанное ватниками тело прапорщика - темно-вишневая кровь напитала бинты, вату, бушлат, теплые штаны. Он знал все наперед на ближайšie полчаса-час...

На разрезе - простреленные печень и правая почка, снесена напрочь вся поясничная область («Вот так пулеметный патрон!» - подумал про себя Сергей, заталкивая в брюхо полотенце, мгновенно пропитывающееся кровью); анестезиолог пытался быстро прикинуть кровопотерю и объем переливания, санитарка не успевала выносить окровавленное белье, операционная сестра на ходу натягивала перчатки... Все были при деле, но дело обещало оказаться бесперспективным.

Через двадцать минут все уже было кончено; Тихонов медленно стянул с себя перчатки и только потом заметил, что рукава халата по локоть багровые от крови. Ассистент, молодой хирург-практикант, положив стерильные еще пока руки на труп, ждал разрешения отойти от стола. Тихонов понял его, кивнул;

парень сделал несколько шагов в сторону, присел на подоконник. Было хорошо видно, что его изрядно трясет; даже маска не могла скрыть, как широко он зевает, что говорило о сильном эмоциональном перенапряжении.

Тишина в операционной продолжалась недолго - все вновь вошло в привычную колею, только теперь процесс был подчинен перевозке тела в морг. Тихонов разрешил переложить труп со стола, наплевав на правило «двух часов» - ждать тут было нечего, ни через два часа, ни через десять этот молодой прапорщик уже не придет в себя. Санитарка подвязала умершему челюсть, закрепила руки на груди и прицепила клеенчатую бирку на большой палец правой стопы.

- Выкатите в коридор, когда машина подойдет... - попросил сестер Тихонов и пошел переодеваться...

Потом они сидели с ассистентом в ординаторской, писали посмертный эпикриз и рассуждали о смысле жизни - о том, как много нужно вложить в человека, чтобы он стал человеком, и как просто пуля превращает в ничто, в облачко пара, все то, что когда-то было высокоорганизованным существом, а стало кучей упорядоченной биоорганики. Беседа протекала неторопливо, философски, прерывалась рассуждениями о ходе операции и несколькими кружками кофе. Парень постепенно отошел от кошмара быстрой и неотвратимой смерти, дрожать и нервно смеяться прекратил, даже высказал несколько логичных замечаний о происшедшем (в основном касающихся бардака в армии - где запросто можно получить пулю в живот в мирное время от собственного товарища). Тихонов заметил на это, что в мирное время именно это чаще всего и случается, после чего полностью сконцентрировался на своей писанине и через двадцать минут ее закончил уже в полной тишине - ассистент спал, положив голову на руки и забыв выключить настольную лампу, которая светила ему сейчас прямо в затылок.

Тихонов аккуратно, стараясь не шуметь, встал из-за стола, вышел в коридор и проводил в окне глазами санитарный автомобиль, увозящий погибшего в морг.

- Давно такого не было, - сказал сам себе хирург, закурил на крыльце, глядя на следы машины, оставшиеся на тонком слое снега, выпавшего за ночь. - Слишком уж все просто...

Сигарета кончилось на удивление быстро, Тихонов не замечал, что делал очень сильные глубокие затяжки. Взглянул на часы - до конца смены осталось около двух часов. Ночь была темной, морозной. Тихонов задумался - какого черта им понадобилось заниматься с пулеметом в такое время? Кто из них за секунду до выстрела знал, что сейчас прервется чья-то жизнь?..

*****

От: MailList.ru Кому: MailList list45309 Subscriber

Тема: «Faces of the Death - 24».

«В прошлом выпуске нашей рассылки мы обсуждали тему СМЫСЛА СМЕРТИ. Обычно все люди пытаются найти смысл в прямо противоположном явлении - в жизни. Мне лично кажется, что это достаточно бестолковое занятие - найти его в столь однообразном явлении, как жизнь. Вот СМЕРТЬ - насколько она интересна сама по себе, сколько видов имеет, какую глубокую нагрузку несет!..

Я получил много откликов на свое рассуждение - хоть и краткое, довольно путанное, но, тем не менее, несущее в себе некое рациональное зерно. Отклики разнообразны - от осуждающих до откровенно подхалимских, восхваляющих мою концепцию. Это порадовало меня, вашего покорного слугу. Но больше всего вдохновило меня само количество этих откликов, мнений и суждений. Примерно три с половиной тысячи писем я получил на свой майл, еще около девяти сот человек пытались связаться со мной по ICQ. Я рад, что наша аудитория разрастается, что в диалог вовлекаются новые люди. Сегодня мы с вами продолжим разговор...»

Сжатые зубы, усталый взгляд; нервные трясущиеся пальцы быстро набирают ответ; руки быстрее мозга реагируют на появление опечаток, «Backspace» нажимается автоматически, допустить ошибки не дает высшее образование. Слова выстраиваются в строчки, предложения накатывают друг на друга, отставая от хода мыслей. На тихое щелканье клавиш накладывается шепот - губы машинально проговаривают каждое слово, следующее за напечатанным.

- ...Мое мнение...не совпадает... Там надо... Вы сами видели когда-нибудь... Нельзя об этом говорить, как... Хочу поделиться с вами...

Еще через несколько минут письмо было окончено. Тихонов облизал пересохшие губы и нажал «Send».

*****

Через двое суток после дежурства «со смертельным исходом» Сергей вышел на очередную смену с тягостным ощущением того, что у него началась «черная полоса». Так он сам называл несколько дежурств подряд с загруженными работой ночами.

В течение последнего месяца ему везло, как никогда. Пациенты поступали в основном днем; оставалось много времени на чтение, телевизор и самосозерцание. Каждый раз, идя на очередную смену, Тихонов успокаивал себя мыслью о том, что вот сегодня все это, конечно же, кончится, больные повалят как с фронта (это он делал с одной-единственной целью - обмануть самого себя...) И ничего не происходило, словно некая сила оберегала доктора от тяжелой работы. Так прошло восемь дежурств. А на девятое Тихонов похоронил прапорщика с простреленной печенью.

Он ловил себя на мысли, что постоянно вспоминает этого безвременно ушедшего молодого парня. Сергей успел разглядеть черты его лица, прежде чем оно изменилось до неузнаваемости гримасой боли и не скрылось под маской анестезиолога. У него была родинка на правой (на правой ли?..) щеке, такая маленькая, какая-то детская...

Тихонов исподлобья взглянул на телефон. Что ему сулят сегодня звонки из приемного отделения? Телефон, словно ему не по нраву было то, как на него посмотрел хирург, тихонько буркнул короткими сухими звонками, а потом разродился длинной трелью.

- Межгород, - глупо пошутил сам с собой Тихонов и обреченно поднял трубку.

...Спустя два часа, стоя на крыльце хирургического корпуса с сигаретой, он даже забывал затягиваться - настолько все было

неестественно, глупо! Молодой парень, курсант, вступился за свою девушку на дискотеке и получил ножом в бедро. Жизнь вытекла из него вместе с кровью через раненую бедренную артерию; «Скорая» просто опоздала, все старания Тихонова по остановке кровотечения ни к чему не привели. Мальчишка умер на столе от кровопотери, не совместимой с жизнью.

Примчавшийся как на пожар седой майор, начальник медицинской части училища, широко раскрыв глаза, сидел на кушетке в ординаторской хирургии, раскачивался из стороны в сторону и никак не мог смириться с мыслью о том, что курсант погиб.

- Отличник... Всегда был на хорошем счету у преподавателей... Как же так...

Тихонов молча налил полстакана водки из холодильника, плеснул в кружку воды из-под крана и подал оба сосуда майору. Тот вскинул на хирурга испуганный взгляд, быстро протянул руки, и точно зная, где и что налито, не ошибся - вода отправилась следом за водкой, а не наоборот. Майор закашлялся, но ненадолго, после чего попытался продолжить причитать, но Тихонов не стал его слушать - оставив в кабинете, вышел в коридор и дописал посмертный эпикриз на посту у сестры.

Опять за окном рыкнул стареньким мотором санитарный «УАЗик», увозя тело курсанта; опять тягостно было на душе от неотвратимости случившегося. В очередной раз Тихонов склонил голову перед тем, что у врача не все и не всегда получается так, как хотелось бы. Он вернулся в кабинет, потревожив задремавшего начмеда скрипом двери, открыл холодильник и налил себе в освободившийся стакан на треть.

Стакан охлаждал руку. Сергей поднял его на уровень глаз, покрутил, разглядывая эту отраву через грани.

- Водка не улучшает настроение, она его усиливает, - изрек он старую студенческую мудрость. - То есть, если мне сейчас плохо, то будет совсем хреново.

Раздумав выпивать, он поставил стакан на салфетку, покрывающую холодильник и обернулся к майору. Тот вновь заснул, прислонившись спиной к стене. Это напомнило Тихонову, как три дня назад точно так же, только за столом, спал его ассистент.

Он вдруг понял, как каждый из окружающих его людей - коллеги, медсестры, санитарки и все остальные, прямо или косвенно связанные со случаем, умирающими в больнице трагедиями - каждый заключил со смертью молчаливый договор. В двух словах это можно было сформулировать так: «Я тебя не замечаю - и ты меня не трогай». Поэтому-то так вымученно улыбались все вокруг, перекладывая трупы на носилки; потому-то все старались не замечать происходящего, каждый по-своему - кто-то засыпал, кто-то выпивал водки, кто-то погружался в рутинную работу с головой.

Старался не замечать и Тихонов. Но что-то сломалось в нем за эти три дня, за эти две смерти. И он не мог заснуть, не мог заглушить боль алкоголем, не мог молчать. Очень хотелось с кем-нибудь поговорить...

Сергей взглянул на майора, который уже захрапел, отвалив челюсть едва ли на плечо. Этот человек не тянул на подобного собеседника; срочно был нужен кто-то другой.

Тихонов посмотрел на часы - до смены еще далеко. Он вытащил из дипломата ноутбук, подключился к сети...

*****

От: MailList.ru Кому: MailList list45309 Subscriber

Тема: «Faces of the Death - 25».

«Я озабочен, друзья мои. Но я и обрадован. Я получил ответ - и я немного взволнован, ибо среди нас появился некто, чьи побуждения и мотивы совпадают с моими, как две капли воды.

Повторюсь - я озабочен. Озабочен тем, каким же образом стоит теперь поступить. Сердце подсказывает мне, что я должен выделить этого «некто» из общего диалога. Но разум мой твердит иное - нельзя оставить вас всех на том этапе, на котором мы сейчас находимся. Тешу себя надеждой, что этот «некто» в скором времени сможет наравне со мной влиять на умы и сердца нашей аудитории.

Сегодня я хочу немного развить тему неотвратимости смерти - как непереносимой части жизни. Напомните себе - испытывали ли вы хоть раз горечь утраты? Если нет, то сегодня вам нет смысла читать дальше, лучше будет отвлечься, заняться чем-

нибудь на досуге в ожидании следующего моего монолога. Тем же, кто уже прошел через это хотя бы единожды - им я рекомендую внимательно изучить мои постулаты...»

*****

...Тихонов медленно водил глазами по экрану, удовлетворенно кивая в некоторых местах, наиболее близких его пониманию проблемы - тому пониманию, которое родилось именно сегодня. Рассылку «Лики смерти» он получал недавно, со 14 выпуска; он уже не помнил, на каком сайте нашел ее, почему решил подписаться, но читал с нескрываемым интересом. Как врача, его всегда интересовали подобные парамедицинские темы - на этот раз монологи автора, именующего себя просто «Некрос», попали на подготовленную почву.

Как и большинство врачей, Тихонов имел у себя за спиной свое собственное кладбище. Были на этом кладбище и дети, и старики, и полные сил молодые мужчины, которым бы жить да жить, да глупость какая-нибудь обрывала их существование. Они падали с балконов, замерзали насмерть в снегу, нарывались на нож, разбивались в автомобилях, брались за оголенные провода - и никто из них не учился на ошибках других. Все они - сто тридцать с лишним человек (Тихонов когда-то попытался проследить свой «боевой путь», но очень быстро сбился со счета и махнул на это рукой - в конце концов, если кому-то это все не нравится, пусть он идет из хирургов в массажисты в женскую баню!) - все они были уверены, что их минует горестная стезя безвременного ушедшего, и они проживут долгую счастливую жизнь.

Почему-то именно гибель молодых, полноценных, способных на многое в жизни и не успевших реализоваться и на пятьдесят процентов - именно их было особенно тяжело вспоминать.

Капитан, сгоревший в танке во время плановых учебных стрельб - командир роты, умнейший во всех отношениях человек - и досылал снаряд в ствол деревянной киянкой, которую брал с собой в башню именно для подобных случаев.

Молодая девушка, заснувшая в микроавтобусе с пьяным водителем за пять минут до того, как эта сволочь врезалась в сто-

ящий на обочине трейлер - ее нашли в двадцати метрах от места аварии, и нашел не кто иной, как сам виновник, оставшийся практически без единой царапины.

Мальчишка, решивший за пару бутылок пива помочь женщине, захлопнувшей дверь в квартиру - он спускался со своего балкона к ней на седьмой этаж и сорвался, поскользнувшись на обледеневших перилах...

Тихонов мог продолжить этот ряд, кажущийся бесконечным. Всех этих людей он оперировал, несмотря на то, что повреждения, полученные ими, были несовместимы с жизнью. Все они умирали либо на столе, либо в раннем послеоперационном периоде, в ближайшие сутки-двое.

Обнаружив в Интернете сайт «www.necros.com», он решил осмотреть его тщательнее, чем обычно поступал с подобными ресурсами, носящими громкие имена. Содержание неожиданно оказалось занимательным, администратор сайта неплохо потрудились, собирая в одну большую упорядоченную кучу все, что в этом мире относилось к смерти - способы самоубийств, фото смертников, хронологию различных катастроф и стихийных бедствий, сопровождавшихся массовой гибелью людей, мнения тех, кто вернулся «оттуда», пережив клиническую смерть. И Тихонов не заметил, как втянулся. Он посещал этот сайт ежедневно, почерпывая все новые и новые сведения о том, что относилось к самой мрачной стороне существования.

Себя он не считал ни сумасшедшим, ни маньяком, заикленном на суицидальных наклонностях. Но вот проблема выбора - кто и по какой причине уходил из жизни, - вот эта проблема захватила его целиком.

Он стал одним из самых активных участников диалога с администратором. Периодически получал письма, адресованные ему лично - автор сайта, довольный таким активным участником проекта, отправлял ему благодарности и поощрял дальнейшие беседы. Тихонов приводил случаи из своей собственной практики, пытаясь найти ответ - в чем целесообразность происходящего? Ведь уже давно канула в лету борьба за существование, люди стали погибать не от голода и холода (хотя и это в наш просвещенный век еще пока встречается), а от технических проблем (транспорт, электричество), от моральных травм (де-

прессии, алкоголизм), от войн, к которым большинство из погибших были непричастны (локальные конфликты, терроризм). Так почему же те, кто мог бы еще послужить миру, родить ребенка, создать произведение искусства, вылечить человека, наконец, просто быть примерным семьянином и воспитывать детей - почему они уходят от нас в самый, казалось бы, неподходящий момент?

На это «Некрос» прислал ему короткое письмо, в котором был всего лишь один вопрос: «Что вы сами можете назвать в данной ситуации «подходящим моментом»?» Тихонов откровенно растерялся. Он и представить себе не мог, что существует обратная сторона монеты - что конечная целесообразность смерти есть данность, которая наступает ВСЕГДА и У ВСЕХ. А по большому счету, практически любой человек достоин жить вечно - неужели можно сформулировать некое правило, оправдывающее саму смерть, кроме биологических законов старения?

Их последующий диалог с «Некросом» был следующим:

Тихонов: «Очень трудно обозначить «подходящий» момент - но зато практически всегда можно определить несвоевременность случившегося».

«Некрос»: «Обоснуйте».

Тихонов: «Я бы назвал несвоевременностью то, что человек был в состоянии выполнить еще больше половины задуманного в жизни, но некая случайность - будь то смертельная болезнь или травма - обрывают цепь его существования».

«Некрос»: «А если бы человек остался жить - но не сделал бы ничего из того, что хотелось бы нам с вами?»

Тихонов: «Почему нам?»

«Некрос»: «А как же? Ведь это именно мы считаем, что он просто обязан был выполнить некие планы на ближайшую половину жизни - мы, а не он. Вполне возможно, что он сам за полчаса до гибели посчитал свою жизнь сделанной на все сто процентов, что больше нечего желать и пробовать, некого любить, не о чем сожалеть. Разве вы сами никогда не замечали за собой подобных выводов? Постарайтесь вспомнить, и вы поймете, что я прав...»

Сергей, положив ноутбук на колени, постарался представить, как тот прапорщик поднимает ствол пулемета к своему

животу с мыслью о том, что жизнь кончена, все уже позади и «нечего больше желать», как писал «Некрос». Мысль оказалась полностью абсурдной, и Тихонов отогнал ее, как совершенно неверную.

- Я не согласен, - сказал он сам себе. Тот диалог из коротких писем, происшедший около двух недель назад, сейчас всплыл в памяти Тихонова именно потому, что термин «несвоевременность» привязывался абсолютно четко к обоим погибшим за три дня парням. Сергею очень захотелось возобновить общение с «Некросом» один на один; двое суток назад он уже отправил ему письмо с комментариями по поводу последних рассылок, в которых его далекий собеседник уходил куда-то в сторону Великого Разума и готов был просто сорваться в религию.

Так и сложилось очередное письмо «Некросу» - в короткую фразу «Я НЕ СОГЛАСЕН...»

*****

Он шел домой по шумному проспекту, не замечая, что от усталости шаркает ногами по асфальту. Тягостное чувство неустроенности, незавершенности, обиды не покидало Тихонова; он не видел никакого просвета в происходящем, не мог повлиять на ситуацию, не знал, что делать. Вдруг ощутилась какая-то бесполезность его профессии - на десять спасенных всегда найдется один, кому еще жить бы и жить, но вот он, Тихонов, не смог ничего сделать, потому что сама судьба останавливает сердце человека.

Сухие улицы без снега производят зимой довольно грустное впечатление; настроение доктора было сродни этим улицам - он самому себе казался каким-то высушенным, выпотрошенным. Работа ему в настоящий момент казалась чемоданом без ручки - и нести тяжело, и бросить жалко. Вся надежда была на пару банок пива, ждущих дома в холодильнике, да на Интернет. Женой Тихонов еще не обзавелся, детьми, соответственно, тоже, мать была за несколько тысяч километров, поэтому на семейную теплоту надеяться не приходилось.

Сергей, даже не поднимая взгляда от собственных ботинок, прекрасно знал, где сейчас находится. Вот рядом проплыли вит-

рины «Электроники», далее несколько киосков с ликероводочной продукцией сомнительного качества, потом хлебный магазин... А теперь пора было поворачивать на пешеходный переход, обозначенный светофором. И когда Тихонов поднял взгляд, чтобы отметить, сигнал какого цвета горит на светофоре, прозвучал громкий, режущий уши, противный визг тормозов.

Сергей, не понимая до конца, что случилось метнулся взглядом туда, где взвилось облако дымка и пыли из-под колес «Жигуленка». Следом раздался глухой удар. Закричала женщина. Время остановилось.

Доктор потом часто вспоминал этот случай, ставший переломным в его судьбе, и каждый раз наталкивался на тот факт, что все-таки картина в его мозгу запечатлелась неполная. Очень четко запомнился тот факт, что на светофоре горел красный для пешеходов - это краем глаза он зацепил. Еще он сумел запомнить взгляд того мужчины, что стоял рядом с ним, готовясь перейти на ту сторону - что-то вроде «Ох, блин, и бывает же такое!..» Потом вновь засвистели тормоза, пронзительно и плаксиво предвещая следующее столкновение - несмотря на то, что люди еще толком не поняли, что же произошло в самом начале.

Удар железа о железо; потом хруст стекла; еще один женский крик. И только после всего этого - звон бьющейся об асфальт стеклянной банки.

Прошло полторы-две секунды. Тихонову показалось, что у него остановилось сердце. Ему очень захотелось вдохнуть - глубоко-глубоко. И в эту секунду ему под ноги неизвестно откуда упал мужчина.

Тихонов мгновенно отшатнулся - от внезапности. Он ожидал чего угодно - столкновения двух или более автомобилей, сбитую собаку и черт знает, что еще, но... В момент, когда на пешеходном переходе раздался тот самый глухой удар - сбили человека. Слепая сила подняла тело в воздух, практически полностью убрав его из поля зрения Сергея; а потом по иронии судьбы бросила именно ему к ногам.

Продолжая делать шаги назад, Тихонов машинально заметил переломанные ноги; да и сама поза, в которой неподвижно лежало тело мужчины, не предвещала ничего хорошего. Доктор поднял глаза на окружающих - почему-то большинство из

тех, кто присутствовал при трагедии, смотрели именно на него, а не лежащего на земле. По обеим сторонам улицы уже столпилось около тридцати человек, выглядывающих друг у друга над плечами.

На переходе стояли две машины - белый «Жигуленок» со смятым капотом и продавленным лобовым стеклом и воткнувшаяся ему в багажник темно-зеленая «Волга». Водители из машин не выходили - да они просто еще не успели выйти, не успели осознать происшедшее. Сам Тихонов тоже пока до конца не включился в события, участником которых он невольно стал.

На белых полосах перехода валялась довольно большая хозяйственная сумка; вокруг раскатились выпавшие из нее картошины - крупные, чистые, одна к одной. Рядом лежала расколовшаяся на несколько частей трехлитровая банка - вокруг нее замерзала большая темная лужа.

И только когда Тихонов понял, что на дороге сейчас превращается в ледышку самое обыкновенное пиво, его охватил ужас - такой, какого он никогда не испытывал, даже находясь рядом с самыми безнадежными ранеными и больными. Он видел всякое - оторванные ноги, простреленные головы, распадающиеся раковые опухоли; и никогда ему не было так страшно, как в эти секунды, видя перед собой умирающего человека, еще минуту назад мечтавшего выпить пивка в кругу друзей...

Куда-то улетучились все знания врача, оказались намертво забыты неотложные мероприятия. Сергей стоял и смотрел, как несколько человек, отделившись от толпы зевак, кинулись к пострадавшему, перевернули его на спину и принялись оказывать первую помощь. Тихонов абсолютно отрешенно наблюдал за происходящим.

ЭТО БЫЛО УЖЕ СЛИШКОМ. Это просто не могло быть правдой. Сбивались все его страхи и переживания; его жизнь оказалась наполненной «несвоевременными» смертями. Человек, несущий домой три литра пива, не думал о том, чтоб расстаться с жизнью - у него было не выполнено как минимум одно дело, ради которого стоило пожить еще немного. Все-таки три литра - это три литра...

«Хорошо, что они не знают, что я врач», - тягостно подумал Тихонов, равнодушно глядя на то, как чьи-то не очень ловкие

пальцы пытались нащупать пульс у умирающего на сонной артерии. Подходить совершенно не хотелось; да и незачем было - один из тех, что добровольно вызвались оказывать первую помощь, поднялся с колен и махнул рукой, следом встали остальные трое. И толпа, окружавшая их, поняла, что случилось непоправимое, и загалдела громче. Водитель «Жигулей», с каменным лицом наблюдавший за всем сквозь паутину раздавленного стекла, вышел из машины и сделал несколько нетвердых шагов к трупцу...

*****

Тихонов не помнил, как оказался дома. Его словно не существовало те двадцать минут, что он, пошатываясь из сторону в сторону, словно крепко выпивший, шел домой. Не зажигая в коридоре свет и не снимая обуви, он вошел в зал и упал в кресло. Глаза закрылись сами собой; внезапно накатил озноб, мелко застучали зубы, затряслись пальцы. Усилием воли он сумел подавить все это, потом встал, снял дубленку и бросил на пол там, где стоял.

Сейчас он мало чем отличался от водителя «Жигулей», сбившего пешехода. Его жизнь тоже сломалась на самой середине, сломалась неотвратно, жестоко, будто проверяя Тихонова на прочность. Его взгляды на жизнь и смерть изменились кардинально - в данный момент времени он даже не представлял, что может произойти в следующую секунду с ним самим, как распорядится судьба с его мечтами и планами.

- Только бы не со мной... Нет... Только не со мной, - шептал он, стоя у задернутого шторами окна. - Мы не защищены... Никто.

Он чувствовал, что ломается. Что еще немного, и можно идти и сдаваться в психушку. Сергей абсолютно четко увидел самого себя, лежащего под колесами «Жигулей»; рядом валялся растрепанный портфель с разлетающимися листками ненаписанной кандидатской диссертации; шапка откатилась на несколько метров, волосы трепал холодный зимний ветер, а остекленевшие на морозе глаза упрямо пялились в разбитый экран ноутбука...

- Нет! - закричал Тихонов, дергая штору; струна карниза жалобно пискнула, и половина роскошной портьеры провисла почти на метр. - Я буду жить! ВЕЧНО!

Он вспомнил свои детские представления о вечной жизни - полное недоверие к тем взрослым, что уверяли в обратном, никаких страхов перед неизбежностью, которая казалась если не абстракцией, то реальностью явно недостижимой и вряд ли когда-нибудь достижимой. Сейчас, по прошествии стольких лет, он вновь, как в детстве, уверял себя в этом - но на этот раз находясь под влиянием жуткого страха, подаренного ему самой судьбой.

Секундой спустя он понял, что ему неудержимо хочется водки. Ноги сами принесли его на кухню, из холодильника была извлечена еще не начатая бутылка. Примерно сто пятьдесят граммов перекечевало из нее в стакан; Тихонов резко выдохнул, выпил, схватил со стола засохший за день кусок хлеба. Сунул его себе в рот, закашлялся.

- Какой черт занес меня в медицину в восемнадцать лет?! Что я тогда мог себе представлять обо всех ужасах этой профессии? Чтобы спокойно относиться к тому, что происходит, я должен иметь железные нервы! А я человек! И я больше не могу! Если Некрос мне не ответит сегодня на все вопросы - я...

Тихонов пока еще не знал, что он сделает, если ему не удастся разрешить все свои проблемы через Интернет. Но он точно знал, что ничем хорошим это не кончится.

Тем временем алкоголь начал действовать. Потеплело внутри, появилась приятная слабость в ногах, захотелось присесть. Сергей вернулся в комнату, вытащил из портфеля ноутбук, установил его на стол.

«Нет доступа к Интернету», - прочитал он через несколько секунд. Если бы компьютер мог, он бы приписал: «Отключен за неуплату». Тихонов уныло ткнул в иконку «Оперы», появилось сообщение «Сервер не найден». Выпятив губу, Сергей тихонько выругался, прошелся «мышкой» по меню, открыл «Избранное», ткнул в привычный адрес - www.necros.com.

И внезапно на отключенном от Сети ноутбуке перед ним запахнулось окно - но не привычное, с логотипом «Некроса» и эпиграфом на латыни (что-то из «Божественной комедии»), как

понял, впервые встретившись с этим сайтом, понял Тихонов; - все, что он разобрал там, так это подпись автора - Данте Алигьери). Перед ним открылся «Гостевой вход для подписчика 45309» - на черном фоне только этот заголовок и кнопка «Enter». Номер принадлежал Тихонову; Сергей, недолго думая, нажал кнопку.

Экран посветлел, ушли мрачные темно-серые тона, украшавшие сайт «Некроса». Страница, на которую он попал, была довольно приятно оформлена, основным цветом был синий. Какие-то неброские завитушки, все тот же Данте, вновь появившийся на своем привычном месте. И на весь экран большое количество текста, набранного без замысловатостей, простым «Таймсом». Никаких стрелок, ссылок, баннеров (а этим-то «Некрос» вообще никогда не грешил!). Только текст.

«Приношу свои извинения, - начал читать Тихонов. - Вам в течение последних трех дней были доставлены неприятности; я имею к ним непосредственное отношение. Заявляю категорически - ничего личного между нами нет и никогда не было; все те, мягко скажем, неудобства, причиненные Вам, были совершены без всякого умысла относительно Вас лично. За последние 72 часа вы пережили 3 чужих смерти. Две из них - по долгу службы, последнюю - по воле случая. Прошу Вас забыть на время мои рассуждения о смысле жизни и смерти, носящие условно-философский характер - толку в них всегда было мало, а вот итог оказался более чем удачным. Все 25 рассылок имели под собой одну-единственную задачу - найти Вас. И мне это удалось. Я смог-таки из десятков тысяч человек выделить одну ЛИЧНОСТЬ, способную испытывать сильные эмоциональные переживания. Ваши письма были тщательно проанализированы; по данным исследования были смоделированы три пройденных вами ситуации. Результат превзошел все ожидания...»

Тихонов вдруг понял, что читает вслух. В горле от волнения пересохло, голос звучал хрипло, жутковато. Но в данный момент оторваться от чтения и пойти на кухню за водой или соком он был просто не в состоянии.

«...Вы единственный человек, сумевший отреагировать на происходящее в полном соответствии с условиями задачи. Вы переживали смерть посторонних для вас людей как нечто, слу-

чившееся с вами или вашими близкими людьми. Вы единственный, кто сумел испугаться и проникнуться этим страхом по-настоящему. Но это не все. Людей, испытывающих страх перед смертью, девяносто девять из ста. Вы же - один из пятнадцати тысяч восьмисот человек (размер нашей выборки), вы единственный, кто не заключил договора со смертью, кто не закрыл на нее глаза. И поэтому Вы сейчас читаете эти строки...

Вам - избранному (не только из 15 тысяч человек, нет - из всех живущих на Земле) - дается шанс. ВАМ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ПОБЕДИТЬ СМЕРТЬ. К сожалению, не свою собственную - этого не дано. Вы сможете спасти жизни других людей - как и когда это будет происходить, мы сможем обсудить в следующий раз, да Вы и сами все поймете. Когда судьба отмерит срок и Вам - надеюсь, к тому времени кто-то другой (может быть, я сам) сможет спасти Вас. Когда в следующий раз вам придется взглянуть в глаза умирающему - все будет в Вашей власти. Если вы согласны - загрузите с этой страницы файл, отмеченный в конце страницы золотой звездочкой, и запустите его на своем компьютере, внимательно следуя указаниям на экране. О результатах я узнаю, можете за это не переживать...»

Тихонов прокрутил страницу дальше и в самом низу нашел маленькую ссылку на файл с буквенно-цифровым именем. Кликнув по нему, он запустил загрузку, а сам дочитал до конца.

«...Надеюсь, что Вы останетесь довольны. Не переусердствуйте в своем желании помочь - даже в том новом качестве Вы все равно будете не всеильны. Если станет трудно - перечитайте «Зеленую милю» Стивена Кинга.

Respect Yourself. Necros».

Тем временем файл, маленький ехе-шник, уже оказался доставленным Тихонову. Не раздумывая, он запустил его. То, что произошло потом, перевернуло его представления о реальности...

Экран перед ним распахнулся, как будто его развернуло ветром во всю стену. Потом вставшая перед ним радужная стена, состоящая из бликов, обернулась вокруг него волшебной сферой, окутав и превращая в фантастический кокон. Теряя сознание, Тихонов тщетно пытался удержаться на плаву в цветной круговерти - он лишь понимал, как постепенно, капля за кап-

лей, этот кокон проникает ему в мозг, раскрывшийся гигантской воронкой, обнаженный, пульсирующий, жадно впитывающий нечто непонятное и страшное.

Его ослабнувшее тело, не удержавшись на стуле, поползло вбок; рука, не выпуская мышку, рефлекторно ухватилась за нее, словно этот маленький хвостатый предмет мог чем-то помочь; как всякий врач, теряя сознание, успел подумать: «И никого рядом нет...»

Мышка врывалась из его слабеющей руки и повисла, свалившись со стола; Тихонов упал на пол, подвернув под себя руку и ударившись лбом о диван, стоявший рядом. Вокруг Тихонова, переставшего быть единой личностью, проносилось множество чужих лиц; большинство из них было искажено неприятными гримасами, некоторые были в крови. Стонущий зов откуда-то издали пронесся рядом с Тихоновым, он просто физически УВИДЕЛ крик миллионов людей, а потом ему стало ясно, что это был предсмертный вопль - всеобщий, всепоглощающий...

Сергей, тихо постанывая, лежал рядом с диваном, прижавшись щекой к ковру. На экране ноутбука появилось сообщение: «Complete. I'm sorry...»

*****

Как всегда, он стоял у операционного стола. Как всегда, тихо переговаривались сестры, щелкали зажимы, короткими гудками звучала наркозная аппаратура. Ничего особенного.

Если не считать того, что у больного, лежащего сейчас перед ним, из левой яремной вены вялыми толчками пыталась вытечь жизнь. Капля за каплей, капля за каплей...

Его привезли сразу после ужина; Тихонов только собирался посмотреть что-нибудь по телевизору, субботний вечер обычно был наполнен неплохими фильмами. Оказалось, не судьба; так же, как не судьба оказалась молодому парню перелезть через забор, усеянный острыми зубьями по типу наконечников копий (сейчас многие грешат безвкусицей, украшая свои стены подобным). Ноги, которые несли его к любимой девушке, в попытке сократить путь примерно наполовину, соскользнули в самый

неподходящий момент, заставив напороться шеей на шип. Загадкой осталось для всех то, как он сумел освободиться самостоятельно - видимо, страх помог ему в те мгновенья. На счастье, в двух шагах от него оказался случайный прохожий, который поймал попутную машину...

Тихонов никак не мог выделить концы разорванных сосудов; рана моментально заполнялась кровью, стоило только убрать из нее тампон. Ассистент послушно держал крючки, уже смирившись с неизбежностью; его взгляд блуждал где-то за окном, разглядывая верхушки деревьев. Пару раз чертыхнувшись, Сергей на несколько секунд закрыл глаза, сосредотачиваясь. И внезапно перед ним в темноте опущенных век вспыхнул радужный кокон, охвативший его со всех сторон. Попытка открыть глаза ни к чему ни привела; казалось, что веки распахнулись широко-широко, до боли в висках, но темнота, периодически вспыхивая цветными бликами, не покидала его. А потом в голове будто бы переключили канал приема, как в телевизоре - с сухим щелчком, мгновенной сменой картинки и внезапным появлением звука.

Тихонов сидел в неизвестной ему машине; руки сжимали полированный руль из красного дерева, схваченный в середине зеркально сияющей центральной гайкой с эмблемой «Мерседеса». А потом понял, что стрелка спидометра лежит где-то у правой границы, возле 240 километров в час. С каждым метром, который пролетал стремительный «Мерс», он становился другим человеком - вот Сергей понял, что он в машине не один, кинул взгляд в зеркало заднего вида...

Автомобиль летел по какому-то хорошо освещенному мягким оранжевым светом туннелю, дорога, размеченная на четыре ряда в одну сторону, со свистом исчезала под колесами. Машины, шедшие в правых рядах, сигналили вслед улетающему Тихонову, будто предупреждая о превышении скорости. Сергей быстро взглянул вправо - рядом с ним сидел огромный мужчина в деловом черном костюме, пристально всматривающийся вперед и нервно барабанивший пальцами по коленям. И еще женщина, сзади была женщина...

Пассажиры на переднем сиденье внезапно протянули вперед руку и произнесли короткое слово, понятное на всех языках:

- Paparazzi...

Тихонов еще ничего не видел впереди, кроме появившегося вдалеке зева туннеля, выпускающего машины наружу. Но слово, произнесенное соседом, заставило крепче сжать руль; скорость его не пугала, она была привычной, естественной, в какой-то мере даже необходимой. Сергей прищурил веки, стараясь разглядеть хоть что-нибудь там, где оранжевый свет превращался в желтый.

И когда впереди возник небольшого роста человек в ярко-красной куртке, на фоне оранжевого освещения практически невидимый, Тихонов сумел заметить его только по вспышке, сверкнувшей у того где-то рядом с головой. «Фотоаппарат», - угадал Сергей, принял немного левее и в момент, когда машину повело в сторону, он понял, что пьян, причем пьян недюжинно, и как до этого ехал по прямой - было просто удивительно.

Перед глазами промелькнуло удивленное лицо фотографа-пaparazzi, так и не понявшего до конца, что ему можно было попрощаться с жизнью, если бы не пьяное движение рулем. А потом на капот надвинулась опора туннеля, стоящая на широкой разделительной полосе. Сосед по «Мерсу» выдохнул - коротко и стремительно:

- Diana...

Женщина сзади закричала. Прежде, чем прозвучал гром удара, Сергей догадался, кого он вез сейчас на заднем сиденье. Капот вспух бугром точно посередине, руль резко вздрогнул; руки, сжимавшие его, выломали полированный круг с центральной гайки и кинули тело вперед, прямо на рулевую колонку. Она вошла в грудь со страшным хрустом, ломая ребра и позвонки. Тихонов закричал, пронзительно и беспомощно; пассажир к тому времени уже вылетел на бетон сквозь разлетевшееся в пыль лобовое стекло; умирая, Сергей увидел справа от себя свесившееся через спинку переднего сиденья женское тело в тонком, как туман, платье. Безумие безысходности пронзило Тихонова стрелой, так же, как рулевая колонка нанизала его тело. Он не должен был умереть сейчас; впереди было слишком много намеченных целей. Но потом двигатель лег ему на ноги, и он все-таки умер...

- ...Сергей Алексеевич?

Вопрос прозвучал будто бы виновато. Ассистент дотронулся до его правой руки, прижимающей тампон к ране. Хирург вздрогнул; осознание того, что он жив и невредим, участило пульс до предельно возможного, в ушах зашумело. Тихонов ошалело оглянулся по сторонам, не отпуская горячий кровавый тампон и вдруг понял, что за тем полминуты, что он разбился вместе с принцессой Дианой, здесь заняли две-три секунды - которые Сергей простоял с закрытыми глазами, изображая задумчивость и сосредоточенность.

Тихонов молча кивнул, зачем-то потрогал свою грудь, будто убеждаясь в ее целостности, отнял салфетку от раны и четко увидел два конца разорванной вены - приносящий и отводящий. Кровотечение утихло; не особенно раздумывая о причинах, Тихонов принялся за восстановление сосуда. Через полтора часа операция закончилась - победой.

Выйдя из операционной, Тихонов медленно побрел по коридору, осмысливая происшедшее. При попытке вспомнить свои ощущения вновь заболело в груди - там, куда воткнулась рулевая колонка «Мерседеса» принцессы Дианы. Захотелось глубоко вдохнуть - в надежде, что это ощущение исчезнет вместе с расправившейся грудной клеткой.

Тянущая боль действительно ушла; но куда было девать эту жуткую автокатастрофу, случившуюся несколько лет назад? Сергей понимал, что он был там не как во сне, в галлюцинации - он был там **НА САМОМ ДЕЛЕ**. Он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** умер там, врезавшись в опору туннеля в попытке увернуться от папарацци на скорости свыше двухсот километров в час. Он был **ЗА ЧЕРТОЙ**. И вернувшись **ОТТУДА**, он сумел спасти парня.

Ценой своей смерти он смог вытащить из-за грани другого человека. Тихонов осознал размеры того эксперимента, который производил сейчас над ним «Некрос», и ужас пронизал его с головы до пят. Умирать каждый раз, когда будет необходимо оказать помощь человеку, заглядывающему в глаза смерти - кто сможет выдержать такое?! Остановившись в коридоре, Тихонов ухватился рукой за стену и потащил с лица маску, которую забыл снять в операционной. Стало душно, хотелось просто глотать воздух, а не вдыхать его, вдохов казалось мало. Со стороны он был похож на рыбу, выброшенную на песок.

Проходивший мимо больной замедлил шаг и попытался заглянуть в глаза хирургу - ему показалось, что врачу стало плохо. Сергей отмахнулся рукой с маской - мол, идите, все в порядке. Больной молча кивнул и отправился в палату. С трудом преодолев оставшиеся до кабинета метры, Тихонов устало повалился на диван.

Пока медленно закипал чайник, Тихонов спокойно сидел с закрытыми глазами. Ему срочно нужно было задать вопрос «Некросу» - можно ли от всего происходящего отказаться? Почему именно он? Что за странный способ спасти человеческие жизни? Хотя кому, как не врачу, владеть подобным методом возвращения душ - пройти самому по тому ярко освещенному туннелю, погибнуть с Дианой или еще с кем-нибудь, или в полном одиночестве (ведь никто, по мнению Тихонова, не мог сказать, куда и когда в следующий раз зашвырнет его). А если он там погибнет по-настоящему?!

И самый интересный вопрос - если перед Тихоновым будет лежать действительно безнадежный больной, которому в принципе уже нельзя помочь (или по возрасту, или по тяжести травмы), то что тогда предпримет его... Новая сущность, что ли.

Вздыхнув, Сергей открыл глаза, поднялся и подключился к Интернету. И тут случилось то, чего он меньше всего ожидал - сайт «Некроса» встретил его ошибкой 403, нарушением прав доступа. Тихонов оказался в числе тех, кому нельзя было получить даже гостевой вход. Сколько ни бился над этой проблемой Сергей, сделать он ничего не мог. Потом догадался проверить почту.

«ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ЭТОГО НЕЛЬЗЯ, - прочитал он. - ТАК БУДЕТ КАЖДЫЙ РАЗ... А ВОТ ОШИБОК - ИХ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО». На этом общение Тихонова с «Некросом» закончилось.

Сергей вздохнул, налил себе кофе и подошел к окну, ставшему к тому времени уже темным - наступил вечер, взошла луна, на улице зажглись фонари, осветившие прилежащий к больнице парк. «Каждый раз..., - подумал он. - Надо привыкать жить с этим». Темнота за окном просто требовала пофилософствовать. Но не было рядом нужного собеседника - был один, так и тот исчез, внезапно, по-английски, именно тогда, когда очень нужно найти ответы.

В дверь постучали. Сергей вздрогнул, едва не пролив кофе, обернулся. В кабинет заглядывала дежурная медсестра.

- Там из приемного звонят...

У Сергея похолодело внутри в ожидания продолжения. Он молча смотрел на сестру.

- Мальчишка с велосипеда упал, просят бровь зашить...

Руки предательски затряслись. Тихонов кивнул и поставил кружку на подоконник - боялся пролить горячую жидкость на ноги. «Слава богу, - пронеслось в голове. - Два раза в день было бы слишком...» Он сделал большой глоток и, обжигаясь, кивнул медсестре. Потом выключил компьютер и вышел из кабинета. Его ждала работа. Умирать сегодня было пока не надо...

*****

...Шум двигателей в «Боингах» практически не слышен; поэтому так хорошо Тихонов разбирал то, что говорили друг другу люди, сидевшие вокруг него. Что-то о смерти, о том, что скоро все кончится, что террористов убьют, а их самих освободят. Сергей слушал их, искренне переживая за происходящее. Его взгляд приковывала к себе маленькая девочка, постоянно выглядывающая в проход незаметно от матери, потерявшей сознание от страха.

То, что происходило сейчас с Тихоновым, совершалось уже в четвертый раз. Разбившись полтора месяца назад с принцессой Дианой, он еще пару раз тонул где-то в океане. Для него это оказалось еще более страшной пыткой - имея представление о происходящем в основном по кадрам из «Титаника», он и представить себе не мог, что такое на самом деле «тонуть». Идя ко дну в первый раз, он вытащил с того света одну дурочку, сделавшую криминальный аборт; во второй раз окунувшись в ледяную воду, он сумел помочь истекающему кровью школьнику, упавшему со второго этажа (на спор собирался выпрыгнуть, но в последний момент сквозняк перед самым носом захлопнул оконную раму, парень вышиб ее собой, повредив плечевую артерию).

Нельзя сказать, что чем дальше, тем легче становилось Тихонову - вдохнуть обжигающе холодной соленой воды не поже-

лаешь никому. Но уже со второго раза он СМИРИЛСЯ. От подарка «Некроса» укрыться было некуда. Вот и сегодня - стоя над телом молодой женщины, совершенно случайно напоротившейся в подъезде на нож наркомана, он уже с самого начала операции чувствовал, что скоро радужный вихрь увлечет его куда-нибудь. Тихонов видел, что ему не справиться самому, несмотря на все меры, им предпринимаемые. И когда цветная струна вошла в его тело, он с радостью поспешил навстречу очередной смерти...

Сидя в кресле и физически ощущая два дула, направленных ему в спину, он сожалел только об одном - ни одного человека более он не мог спасти, только свою больную! А что станет с теми, кто летит в этом самолете? Кто спасает таких, как они - кому еще очень и очень рано покидать этот мир, за кого распорядились вот эти сволочи-камикадзе! Кто поможет этой девочке, которой на вид лет восемь, остаться в живых? Кто спасет ЕЕ?

И тут они врезались...

Тихонов пытался унять сердцебиение, и не мог. Перед ним лежала женщина с лапаротомным разрезом; зажимы, окружавшие рану, ярко блестели, отражая свет бестеновой лампы. Глаза хирурга впились в рану; все стало ясно и просто.

- Поднимите повыше, - коротко бросил он ассистенту, держащему крючки. - Готовимся шить...

Держа в руках иглодержатель с шелковой лигатурой, он вспомнил свое падение с высоты в четыреста метров.

Когда страх заслонил от Сергея весь мир, внезапно исчез сильный свистящий шум ветра и раздался мягкий голос - словно кто-то, пролетая мимо Тихонова, решил с ним заговорить.

- Ты не один...

И тогда Тихонов увидел, как где-то невообразимо далеко восходит на свой эшафот «Некрос», чтобы в очередной раз умереть. И закричал - что-то невразумительное, во весь голос. А потом раскинул руки, словно Икар, и так и долетел до земли - радуясь чьей-то жизни...

СЛУГА

Вчера посмотрел «Ночной Дозор». Нет, я, конечно, его читал. И «Дневной» тоже; а вот неделю назад купил «Сумеречный», только руки все никак... И, думаю, вряд ли дойдут.

Сложно все это рассказать.

Но придется.

Помните саму книгу - тема равновесия и контроля проходит через нее красной нитью. Философия, не самая понятная, да и не очень толковая по сути, ничего не объясняющая, а лишь говорящая тебе (если ты, конечно, склонен верить подобной чуши) - «Помни - где-то есть люди, защищающие тебя от зла, мрака и боли; люди, принимающие на себя удар; люди, живущие этим и ради этого».

Где-то есть люди...

Наверное, я начинаю не с того. Опережаю события. Хотя нет ничего хуже хронологии, слепого следования времени и фактам. Разве не интересны, не интригующи голливудские фильмы, прерывающиеся на прошлое, уносящие в будущее, показывающие параллельные и виртуальные сюжетные линии? Еще как! Примеров масса - «Подозрительные лица», «Шоу Трумэна», «21 грамм»... Я всегда любил фильмы, в которых понятно, о чем идет речь, только в последние двадцать секунд; вот только весь фильм чувствуешь себя полным идиотом...

Я готов, как никогда, к тому, чтобы попытаться насытить свой дневник сюжетной линией, перекрестиями прицелов и словесных баталий, чудесами и буднями - готов претендовать на нечто, напоминающее «Ночной Дозор». И при этом очень не хочу оказаться вторичным, оказаться вялым, безвкусным подражателем.

Не хочу оказаться выжатым и вновь опущенным в воду пакетиком чая.

Хотя... Как сказать, как сказать. Выжатым... Пожалуй, этого у меня не получится - даже если я очень постараюсь.

Из моего пакетика всегда выйдет неплохая заварка.

Вы когда-нибудь слышали такой термин - «писательский скилл»? Полгода назад, когда я пытался выложить на просторах Интернета свои произведения - первые, неокрепшие, зеле-

ные рассказы - один из читателей сравнил меня с зубрами, с классиками жанра и ткнул пальцем в тексты, посчитав, что (цитирую) «...У того же Лукьяненко писательский скилл выше будет».

Был. Теперь уже нет. За это время я поднабрал в свои мозги такую кучу дерьма, что построить многоэтажную фразу, которая в начале вызовет у читателя смех, а в конце слезы, для меня давно не проблема. Не верите? Перечитайте эту страницу - разве я ошибаюсь?!

Так... Увлёкся, как обычно. Теперь надо вернуться к тому, с чего начал. Вот блин, всегда упирался в начало - первые строки порой настолько бессмысленны, что поражаешься, откуда берется все остальное; никакой логики, на дворе март, а в окна врывается «свежий осенний ветер». Чуть.

Давайте так. Я просто буду рассказывать. О себе, о своей жизни. О том, как все произошло, и почему я никогда не прочитаю «Сумеречный Дозор».

Помните, я начал с того, что где-то есть люди? Эдакие Люди с большой буквы, эти, будь они неладны, Иные, или еще какие-нибудь - «а вы друзья, как ни садитесь, все ж в музыканты не годитесь»?

Так вот. Никого нет. НИ-КО-ГО. Нет и никогда не было. И даже не надейтесь. Не придут. Не спасут. Не помогут.

Вранье все это. Чистой воды. «Братя Гримм все придумали...»

А ведь знаете - так жаль... Честно. Аж зубы скрипят, настолько нелепо все...

Ладно. Вперед. А вы потом сами решайте. Я уже решил. На счет «Сумеречного Дозора». Не буду читать. Простите уж, господин Лукьяненко.

То, о чем мне хочется рассказать, случилось не так уж давно, три дня назад. Конца и края не видно тому кошмару, что поселился в душе. А начало всему положило мое желание заработать. Банальное начало. Когда человек понимает, что ему не хватает на жизнь, это самое понимание повергает его в шок. Правда, прежде он пытается охватить взглядом окружающее пространство и найти, где же можно поднять деньги с земли; вот тогда и выясняется, что он никому не нужен - и, соответст-

венно, никто не собирается ему платить. Знаний и умений недостаточно, чтобы предложить себя на рынке услуг, наглости тоже пока не насобирал, воровать не научился, на второе образование времени нет, а работать на бензоколонке или автостоянке глупо, ибо можно растерять и все то, что еще пока есть в голове.

Когда я сам посмотрел на свою жизнь со стороны и понял, что мне не светит доставать деньги из любого кармана брюк, этот самый шок поразил меня в самое сердце; однако не все было так плохо, как я описывал несколькими строками выше. Кое-что я все-таки умел.

Я умел УЧИТЬСЯ.

И мне пришлось в голову, что я просто обязан научиться чему-нибудь. А когда мой взгляд упал на компьютер, до сегодняшнего дня бестолково стоявший на столе, то понял, что моя будущая работа будет связана именно с ним.

Я опустил перед компом на стуле, посмотрел на свое отражение в темном экране монитора и спросил сам у себя - а чем бы я хотел заниматься? Что такое может увлечь меня и принести не только радость от работы, но и реальный доход? Что даст мне повод вновь уважать самого себя?

Мне кажется, что ряд людей, читающих сейчас эти строки, уже догадались, что же именно я выбрал. Нет, не идиотские затеи типа кражи виртуальных денег, взлома далеких и таинственных систем, похищение паролей и прав доступа - ничего похожего. Мне вообще всегда претило хакерское искусство, да и за искусство-то я его не считал, так - баловство одно. Сидишь за компьютером, пьешь пиво, разглядываешь строки в консоли, делаешь какие-то выводы, радуешься каждому открытому порту... Чушь. Хотелось чего-то более реального, чего-то, что можно, грубо говоря, подержать в руках.

И я нашел. Все оказалось просто.

Программирование.

Каково? Я, честно говоря, сам сейчас не могу объяснить, как же так получилось, что я обратил внимание на написание баз данных. Вроде бы и реального приложения подобных умений в моей жизни никогда не было - но, тем не менее, я кивнул сам себе, вышел на улицу и через пару часов вернулся домой с несколькими книгами под мышкой.

Я чувствовал, что сумею; я просто обязан был научиться. Дело было не только в возможности обрести заработок - включились уже какие-то другие механизмы самореализации, необходимость подобного образования приятным зудом отзывалась во всем теле...

Да и слово какое приятное - «Дельфи».

Сразу давайте договоримся - никаких споров о том, что лучше; я выбрал Паскаль, вы можете пробовать все остальное. Примите это за константу. Другого варианта на этих страницах не будет.

Итак, я разложил перед собой книги, нашел в Интернете ряд ссылок и погрузился с головой в процесс осознания всего того, что скрывается за словом «Дельфи». И, едва я прочитал первые несколько слов, то понял, что охватить все нахрапом вряд ли удастся. Короче, я застрял на этих циклах, операторах, процедурах, методах и объектах. Вроде бы все по отдельности было до ужаса логично и элементарно - но только попробуешь хоть что-то сделать, как выходит какое-то бессмысленное нагромождение - бесконечные ошибки при компиляции и тому подобная дребедень.

Конечно, я начинал, как и все, с банального «Hello, world». Конечно же, у меня все получилось - такие вещи просто не могут не получиться. Хочешь понять, как работает программа дяди Борланда - создай форму, кинь туда кнопку, напиши процедуру «Close», запусти, нажми кнопку - и форма закроется. Замечательная получается игрушка.

Вот только программа, состоящая из голого поля с торчащей посередине кнопкой никому почему-то не нужна - даже в качестве прикола. Это я понял сразу...

Может быть, кому-то все, что я сейчас рассказываю, может показаться неинтересным. Но вот, елки-палки, читают же в большинстве своем глупые и непонятные посты в Facebook, который стал едва не новой формой сетевой религии - почему вам не прочесть то, как какой-то паренек из глубинки взялся изучать «Дельфи». Тем более - все, что будет дальше, напрямую с этим связано.

Все дело в том, что слишком уж много в нашей жизни отводится случаю - хотя огромное число философов, авторов класси-

ческой литературы и еще куча всяких людей, занятых исследованием базиса человеческого существования, считают, что это не так; что все очень закономерно вытекает одно из другого и при желании всегда можно выстроить очень и очень логичную цепочку между двумя, казалось бы, никак не пересекающимися событиями.

Вот и я - человек, живший до поры до времени по законам этих людей, внезапно проникся ролью случая в истории. И, будучи поставлен перед фактом, скажу вам - если уж случаев не бывает, то все, что произошло со мной - стопроцентное исключение из этого правила.

Пытаясь сообразить, что же мне делать дальше, раз уж мозгов не хватает, я понял, что без наставника в этом деле не обойтись. И вот тогда я вспомнил про Ткачева.

Про Мишку Ткачева, с которым мы учились в одном классе. Он после школы выбрал информатику, я - литературу и журналистику. Безусловно, Мишка в то время понятия не имел, правильный ли ход он делает. Что такое одна тысяча девятьсот девяностый год? Никаких «Пентиумов», «Винду» напишут еще только через пару лет, программы кропают на каком-то Бейсике - короче, болото. И, тем не менее, выбор он сделал - и, как выяснилось, верный.

Мало какая отрасль рванула за столь короткие сроки так далеко вперед. Пожалуй, космонавтика - и та тормознула на многие годы с развалом всего и вся. А вот компьютеры, программирование и прочие атрибуты хай-тека могут дать кому и чему угодно много очков форы. Мишка удачно устроился в этой нише, освоив все тот же Паскаль, пропитавшись им насквозь, словно верой. Иногда казалось, что он даже говорит, стараясь строить фразы исходя из законов языка не русского, а алгоритмического.

Человек своего рода свихнувшийся - так можно было охарактеризовать его; но все оказалось гораздо хуже. Мне очень неприятно об этом вспоминать, но факт остается фактом - у него было еще одно увлечение, которое сыграло немаловажную роль во всем происходящем, поэтому не могу о нем не упомянуть.

Имя этому увлечению - «огненная вода».

Бесконечно долго можно говорить о том, сколько хороших людей сгубила эта жидкость и сколько еще погубит. Не хочу вы-

ходить за рамки моего рассказа, черпая сочувствие и сожаление из образа Ткачева; просто... В общем, его просто жаль.

Он пил, сколько я его помню. В смысле, помню-то я его со школы, тут я немного погрешил против истины. Пить он начал года, наверное, три назад - и никто из его друзей не мог никогда толком сказать, что же послужило толчком к падению. Не было в его жизни ни горя, ни смертей, ни неразделенной любви...

Почему-то вдруг подумалось - а что я знаю про него по-настоящему? Может, и было все это - но я склонен считать иначе.

Короче, вспомнил я про Мишку и тут же понял, что ни к кому другому за помощью идти смысла нет - ведь лучше Ткачева объяснить чего-нибудь о компьютере и программах не мог никто. Вот только застать его надо было трезвым, лучше с утра - пусть даже больной, но еще с ясным рассудком, он все-таки лучше, нежели с заплетающимся языком и перепутанными пальцами, не попадающими в клавиши. Часы к тому времени показывали уже послеобеденное время, я покачал головой, прикинул свои финансы и решил, что завтра утром возьму немного пива и буду использовать его в качестве приманки - если захочет полечить голову, будет более сговорчивым.

Такой подход может показаться жестоким, но - друзьями закадычными мы с Ткачевым никогда не были, да и знал я о том, что жмот он порядочный; если не захочет делиться информацией, то клещами из него ничего не вытащишь. Поэтому - как говорили иезуиты, «цель оправдывает средства».

По деньгам - хватало бутылок на пять. Если разливное, то выигрыш получался приличный. Приняв решение, я успокоился, запустил новую игрушку и оторвался по полной...

На утро я первым делом рванул на «точку», взял четыре литра свежего «Жигулевского», несколько пакетиков «Кириешек» и помчался к Ткачеву, чувствуя, как в кармане куртки бьется и просится наружу мой винчестер - мало ли сколько инфы сумею стясти с Мишки?

Насчет его утреннего состояния я оказался прав - дверь мне открыл человек, обозленный на все и вся, мутный взгляд блуждал где-то поверх моей головы, трясущиеся пальцы звенели ключами, закрывая замки за моей спиной. В воздухе стоял запах перегара, корейских салатов и еще чего-то, приторно-слад-

кого. Я не мог сразу понять, но когда увидел возле вешалки женские туфли, голубую блузку на кресле и ткнулся взглядом в закрытую дверь спальни, то понял, что это какие-то дешевые духи.

- Чего тебе? - спросил Ткачев, впустив меня и глядя по-прежнему куда-то мимо. В ответ я молча поднял перед его глазами пакет. И хотя угадать его содержимое простому человеку с первого мгновенья было практически невозможно, Мишка выпрямился, как бамбуковый прут, глаза сверкнули, он схватил меня за руку повыше кисти и быстро завел на кухню.

Я почувствовал, что с первых же шагов теряю инициативу - Ткачев видел во мне просто «Скорую помощь». Я попытался вырваться - безрезультатно. На столе оказались две больших пивных кружки, ловким движением Мишка выхватил у меня пакет, открутил пробку с одной из пластиковых бутылок, опрокинул ее, пена и пиво рванулись в кружку...

Знаете, алкоголизм ведь все-таки болезнь. Если понимаешь, что этот человек болен, начинаешь относиться к нему несколько по-иному. С жалостью, что ли. С некоей долей понимания, что не сам он уже рвет пробку с бутылки, что это больной организм приказывает ему, что сейчас делать, какими глотками и какую жидкость пить. Мозги, уставшие и воспаленные, требуют увеличить дозу этилового спирта в метаболизме. Никакой прихоти, никакого управления своими желаниями - деваться уже некуда. Был человек - и нету.

Было горько смотреть на то, как он ждет, когда наполнится кружка. Был бы, наверное, поздравнее, наклонил бы ее, лил медленно, ждал, когда опадет пена; сейчас все не так - плюхнул бутылку, белая шапка рванулась на стол, он схватил кружку обеими руками и жадно прильнул к ней, не замечая, как покрывается пеной от подбородка до колен.

Он напоминал человека, только что вышедшего из пустыни. На какое-то мгновенье мне показалось, что я пришел не по адресу - уж очень плохо он выглядел. Но с каждым глотком к нему возвращалось все то человеческое, что вечером было похоронено в стакане. Он поставил кружку на стол, протянул руку за спину, ловким движением ухватил за кончик полотенца и утерся.

Из спальни что-то пробурчали.

- Не обращая внимания, - сказал Ткачев и налил себе вторую, полную. На этот раз он был чуточку осторожнее, расплескав гораздо меньше. - Спасибо тебе, - вставил он пару слов между глотками.

Мне ничего не оставалось, кроме как кивнуть и ждать, когда же и третья кружка уляжется на свое место в желудке. Ткачев поставил ее на стол, сжал губы и зажмурился, прислушиваясь к тому, что происходило сейчас в его организме.

- Неправильно проведенная опохмелка ведет к запою, - сказал он, не открывая глаз. - Стоп!

И взглянул на меня. Я поразился перемене, которая случилась с ним за последние несколько минут. Передо мной стоял абсолютно вменяемый, спокойный, слегка покачивающийся человек с осмысленным взглядом.

- Так ты зачем пришел? - спросил Мишка, видя мое замешательство. - Ведь не затем же, чтоб меня пивом напоить?

Конечно же, нет. Я смотрел на него, не в силах произнести ни слова. Из спальни снова что-то крикнули. Противный, визгливый девчоночий голос. Ткачев указал мне на табуретку, после чего пошел в комнату. Там что-то прошуршало, скрипнула дверь - похоже, в спальне кто-то одевался. Через несколько минут цокот каблучков подтвердил мои мысли, девушка вышла в коридор, взглянула на меня, хмыкнула... Я даже не потрудился ее рассмотреть - прекрасно понимаю Ткачева, он и сам был неприятно удивлен, увидев ее трезвым. Тем временем девица подошла ко мне, взяла со стола недопитую бутылку, обеими руками поднесла ее ко рту и опустошила.

Я подумал, что хорошо сделал, не выставив на стол вторые два литра. Ткачев подошел, пихнул даму в спину и закрыл за ней дверь. Потом высыпал в ладонь горсть сухариков и сквозь хруст предложил мне пройти в комнату; я подчинился, подхватив с пола пакет. Сам Мишка взял кружки.

Комната разительно отличалась от кухни с жутким бардаком на ней. Похоже, к компьютеру и всему, что с ним связано, Ткачев относился с благоговением.

Я увидел два больших книжных шкафа с кучей специальной литературы; несколько стопок журналов, перевязанных бечевкой, по углам компьютерного стола; пара принтеров - довольно

дорогой лазерный и струйная «дешевка»; несколько разобранных компьютерных корпусов со свисающими наружу проводами расставлены вдоль окна; на маленькой книжной полке возле двери - множество раскуроченных мобильных телефонов (вот уж не думал, что он и в них разбирается). Но больше всего меня поразили книги.

Почти все они были на английском языке. Специздания от самого дядюшки Борланда; какие-то пособия, самоучители, справочники команд. Когда я увидел все это, то первое, что понял - мне никогда не овладеть программированием. Ткачев догадался, что именно поразило меня, похлопал по плечу и сказал:

- Впечатляет? Меня тоже.

- Неужели ты все это читаешь в оригинале? - спросил я, не в силах поверить.

- А то... - он развел руками; несколько сухариков упали на пол, он тут же кинулся их поднимать со словами «Пока не раздавили...»

Я присел на диван, собрался с духом и объяснил Ткачеву, зачем пришел. Тот выслушал меня, нахмурив брови и тщательно пережевывая «Кириешки». Трудно было понять - нравится ли ему все, что я говорю, готов ли он поделиться своими знаниями со мной или нет. Он медленно шевелил челюстями, изредка откидывая голову в своем кресле и прикрывая глаза; чувствовалось, что ему стало несравнимо лучше после выпитого пива. Иногда он кидал взгляд на пакет со второй пластиковой бутылкой, но предложений открыть ее пока не поступало.

Тем временем я выговорился; изложение проблемы поиска финансов заняло у меня много времени, а уж попытки внятно объяснить, почему я собрался зарабатывать деньги при помощи «Delphi», было вообще сложно.

Ближе к концу разговора Ткачев зевнул - широко, длинно; я было испугался, что его сейчас разморит, он заснет и из моей затеи ничего не выйдет, но он внезапно наклонился ко мне и сказал:

- Попробуем...

После чего достал из пакета вторую бутылку, открыл ее и медленно и аккуратно налил себе и мне по кружке.

Запустив программу, он пригладил волосы и взглядом предложил мне передвинуться поближе. Я принес из кухни табуретку, присел сбоку.

- Все просто, - сказал Мишка. - Главное - чтобы ты умел логически мыслить. Не факт, что Дельфи будет указывать тебе на ошибки сама. Если ты не в состоянии написать простейший алгоритм, если ты будешь путаться в циклах, потому что не увидишь в них элементарной логики - то путь, что ты выбрал, явно не для тебя.

Я кивнул, понимая все это не хуже его самого.

- Поэтому - слушай и запоминай. Базы данных начинаются всегда с самого простого и самого главного - с цели. Что именно и как ты собираешься упорядочить; зачем тебе все это, и как потом ты вытащишь из своей базы нужные данные. Короче, главное - правильно скомпоновать таблицы и установить между ними связи...

И он принялся мне объяснять все с самых азов. Поначалу я просто слушал, потом принялся записывать в блокнотик. Ткачев, потихоньку отхлебывая из кружки пиво с опавшей уже пенной, постепенно накачивал меня информацией.

Как много зависит от того, каким языком и насколько понятно человек объясняет тебе решение некоей проблемы! У меня через несколько минут общения с Мишкой сложилось впечатление, что он только и создан для того, чтобы читать лекции по информатике, программированию и еще многих дисциплинам, имеющим отношение к точным наукам. Настолько просто и удобоваримо продрались мы с ним через дебри Паскаля, что я даже не заметил, как пролетело около двух часов. Только количество пива в бутылке отмечало ход времени - оно постепенно перекочевало из пластиковой емкости в Мишку, сделав его еще более разговорчивым; вот только речь его стала какой-то вязкой, неуверенной, лишь пальцы все так же быстро порхали над клавиатурой да «мышка» пока ни разу не промахнулась...

Постепенно я начинал понимать - и передо мной все более четко вырисовывались все перспективы того дела, за которое я решил взяться. Я уже видел людей в строгих костюмах, несущих мне чеки за программы, написанные для их мегакорпора-

ций; директоров, предлагающих мне высокие посты в их компаниях; короче, пока все на экране делалось руками Ткачева, жизнь казалась радужной.

- Теперь попробуй сам, - внезапно сказал он мне чуть ли не посередине своей очередной фразы. - Берем в руки приборчик, тычем пальчиками в кнопки, короче - работаем. А я пойду на кухню, сварганю что-нибудь... Вроде яичницы.

Я занял его место, взглянул в расчерченную на бумажке схему и принялся набрасывать тренировочную базу - кое-как, едва ли не на коленке. Время от времени я прислушивался к тому, что происходит на кухне - какое-то шипение, стук кастрюли, шум льющейся воды; Мишка всю хозяйничал там, полностью отойдя от похмельного синдрома.

Примерно через полчаса я понял, что овладел некими начальными навыками. Я делал таблицы, присоединял их к проекту, подключал сетки, просматривал данные, компилировал, запускал - все работало. Правда, я понимал, что работает все пока по одной причине - исключительно из-за простоты. Сделать ошибку в том, что я построил, было невозможно.

Это меня и радовало, и пугало одновременно. Я чувствовал, что мое желание работать пока ничем не подкреплено - так, мелочи какие-то.

Ткнувшись пару раз в незнакомые мне функции, я все-таки сумел сделать какую-то ошибку, развел руками и крикнул на кухню:

- Мишка!

И тут же понял, что оттуда не доносится ни звука, только потягивает чем-то горелым. Я выскочил из-за компьютера и бросился на кухню.

Картина была довольно типичная. Мишка спал, навалившись грудью на стол; на плите благополучно начинала гореть яичница; а рядом со спящим Ткачевым стояла полупустая бутылка водки и стакан.

- Эх, елки-палки! - я ринулся к плите, спасая комнату от вони и возможных пожаров. - Нашел свою зачанку!

Сами понимаете, после почти двух литров пива, влитых, грубо говоря, на старые дрожжи, хлебнуть еще грамм двести водки - задача не для слабых. Сам я, пожалуй, явно бы не риск-

нул устроить себе подобную проверку - мои способности на этом поприще несравненно ниже.

Сковородку я залил водой и поставил в раковину поверх горы невымытой посуды. Самого Мишку подхватил под мышки и поволок в комнату на диван. По дороге он пару раз открыл глаза, глупо рассмеялся и попробовал мне помогать, но ноги у него заплетались, от чего стало еще хуже. Пришлось пихнуть его коленкой под зад, он успокоился и больше не мешал. Положив на диван, я накрыл ему ноги каким-то драным пледом непонятно цвета и разочарованно взглянул на компьютер.

Похоже, что наше обучение на сегодня закончилось. Я опустился в кресло, крутнулся в нем пару раз, разглядывая квартиру Ткачева и вслушиваясь в его громкое сопение. Жалко было бросать, едва начав; я попытался продолжить делать то, что начал, опять напоролся на какие-то непроходимые ошибки и бросил. А потом мне вдруг пришло в голову, что неплохо было бы попробовать делать хоть что-нибудь путем слепого копирования. Ведь должны же быть у Ткачева на компьютере какие-то свои собственные разработки, глядя на которые, можно разобратся во многом - а что не получится, так он ведь не будет вечно пьяным!

Я вытащил винчестер из своей куртки и полез под стол. Наладив все, что нужно, я принялся изучать содержимое Мишкиного компьютера и довольно быстро нашел его рабочие документы, папки с исходными кодами, нереализованными проектами, какими-то наработками и просто непонятно с чем. Место на моем диске было более чем достаточно; я выделил все, что посчитал нужным и запустил копирование.

Информация принялась перекачиваться на мой винчестер. Я внимательно следил за ползущей синей полоской и быстро сменяющимися друг друга процентами и думал о Ткачеве. Насколько неприятно все это было видеть; падение человека, с которым ты учился вместе не один год и никогда не видел в нем никаких предпосылок к подобному развитию событий. Мы сидели с ним на одном ряду через две парты, всегда писали один вариант и на контрольных по математике он неизменно решал всему ряду - и мне в том числе. Учителя видели в нем будущую звезду точных наук, поэтому никто не удивился, когда он выказал же-

вание поступать на информатику; его благословили, написали кучу достойных характеристик, подготовили к вступительным экзаменам - и он благополучно прорвался в университет.

Помню, после первого курса классный руководитель собрал нас всех вместе - в первый и последний раз. Мишка тогда пришел со своей будущей женой (женился он потом быстро, через месяц, так же быстро и развелся, никому не объяснив причины - детей у них не появилось, вечные скандалы, грызлись по мелочам). Он всех нас грузил своими познаниями в кибернетике, логике и еще куче всяких дисциплин, которые они изучали; наши девчонки смотрели ему в рот и с ненавистью обсуждали за глаза его невесту. Его все любили...

Куда все подевалось? Что случилось с ним, что развернуло его к жизни на сто восемьдесят градусов? Такие вещи не происходят беспричинно; толчок приходит либо извне, либо изнутри. Каждый из подобных Ткачеву может поведать душещипательную историю о том, как все это случилось. Не стоит верить их словам буквально, просто посмотри им в глаза - там есть ответ.

Вот только почему-то в глазах Мишки этот ответ читался очень и очень плохо. Я поймал себя на том, что не отрываясь смотрю на него, пытаюсь проникнуть в его тяжелый пьяный сон, почувствовать его, понять...

Компьютер пикнул, сигнализируя, что обмен закончен. Я вздрогнул и вышел из оцепенения, навеянного размышлениями о жизни. Мишка что-то пробурчал, перевернулся на другой бок и потянул плед, стащив его с ног на голову. Я снова нырнул под стол, восстановил статус кво, сунул изрядно потеплевший винчестер в куртку; потом задумался на мгновение и отправился на кухню.

Остатки водки я вылил в раковину, пустив сильную струю воды, чтобы утопить в стоке даже запах. Сполоснул стакан, прибрался немного на столе, собрал пивные бутылки в углу в большой целлофановый пакет; мне почему-то захотелось отблагодарить его за его знания, за ту информацию, что я сейчас переписал себе и которая, возможно, сделает из меня достойного программиста. Подойдя к двери, я последний раз оглянулся на Мишку, крепко спавшего на диване, вышел на площадку с двумя мусорными пакетами и захлопнул замок.

В тот день, швырнув пакеты в мусоропровод и направившись домой, я и не подозревал о том, что моя жизнь, а точнее, восприятие ее, уже очень скоро бесповоротно изменится. Я нес в кармане куртки огромную кучу информации, которая, как потом оказалась, была способна похоронить многие представления о добре и зле...

Придя домой, я не торопясь, разделся, зашел в комнату, положил винчестер на стол посреди учебников и дисков, сел в кресло и задумался. Черт его знает, что меня там посетило, уже и не вспомню - но просидел я довольно долго. И это несмотря на то, что руки у меня потихоньку чесались; мне не терпелось поскорее начать, но я сдерживал себя по непонятным причинам.

По непонятным тогда... Сейчас-то я прекрасно понимаю себя; мне сложно было вернуться из Мишкиного мира в свой, в нормальный, упорядоченный, ТРЕЗВЫЙ мир. И мне было стыдно, что я здесь, а он - там.

Правда, это быстро прошло. Примерно за полчаса. Несколько вздохов, пару раз протер глаза, хмыкнул, покачал головой - и прошло. Как рукой сняло. Было ощущение, что я принял какую-то таблетку, действие которой потихоньку вытравило из меня всю эту чернуху. Я встал, прошелся по комнате, присоединил винчестер и принялся просматривать все то, что скопировал у Ткачева.

Информации получилось очень и очень много. Около тридцати проектов, в них десятки, сотни юнитов, модулей и прочей дребедени, которая носила гордое имя «Дельфи». Кое-что можно было понять сразу по названиям проектов, но основная масса, похоже, была известна лишь Ткачеву, ибо нумеровалась в каком-то хитром порядке цифрами и буквами.

- Черт ногу сломит, - бурчал я, глядя на все это. Часть скопированных проектов можно было запустить - я делал это, глядя на то, с какой легкостью распахиваются передо мной хранилища данных совершенно разных размеров и направлений. - Ну, вот это, пожалуй, я пойму - какая-то фирма по продаже сигарет... А вот это, похоже, чья-то библиотека...

Медленно, но верно я проникал в суть некоторых работ Ткачева. Решив сделать для себя небольшой сборник самых основных процедур, я выдерживал их из кода, собирал в от-

дельный справочный файл, классифицируя по понятным мне принципам. Спустя несколько часов я накопил достаточную базу для того, чтобы начинать хотя бы слепое копирование - уподобиться студенту, занимающемуся зубрежкой перед экзаменом.

Мне оставалось просмотреть всего три проекта на предмет вытаскивания из них чего-нибудь интересного. Один из них был большим каталогом фильмов, второй - чем-то вроде бухгалтерской программы, правда, я так и не понял, в чем суть и что именно там считалось. А вот третий...

Это был список людей. Ничем особенным не объединенных, никаких общих черт у них я не нашел. Просто - большой список, даже не большой, а огромный. Фамилии, имена, адреса, даты рождений, знаки Зодиака, еще кое-какие непонятные графы с обилием цифр. Напротив строчек стояли галочки; меня все это заинтересовало вначале постольку, поскольку в коде этой базы могли быть интересные процедуры по поиску и сортировке (Ткачев всегда отличался нестандартным подходом к своей работе, стоило ожидать и здесь каких-то программерских хитростей и красивых действий).

Я открыл редактор кода, прошелся по нему взглядом, выхватил то, что уже понимал - обработчики нажатий кнопок, некоторые простые циклы... И постепенно понял, что эта база - пожалуй, самое сложное и непонятное из всех проектов, сохраненных на компьютере Мишки. Масса обращений в никуда, к таким виртуальным вещам, как Зодиак и ему подобные - как все это могло работать, трудно было сказать.

Я проверил некоторые непонятные моменты по учебникам и не нашел в них ничего похожего. Ни одна из процедур, обращающихся к полям с цифровыми группами, к полям с таинственными значками, не была определена в книгах. Складывалось впечатление, что Мишка пользовался какими-то недокументированными возможностями «Delphi», не описанными нигде - ни в книгах, ни в справочной системе, ни на сайтах поддержки. Возможно ли, что он сам создал какие-то средства разработки? Вполне, он был человеком очень и очень одаренным, способным на многое - я бы не удивился ничему, в том числе и такому повороту событий.

Поначалу я хотел бросить изучение этого хитрого проекта ввиду того, что моего ума в настоящий момент едва хватало на простые вещи, описанные в каждом справочнике - разбираться в неведомых командах, рожденных явно не без помощи бутылки, у меня не было ни сил, ни желания, ни времени.

Тем временем за окном уже стемнело; глаза болели, желудок требовал очередной порции калорий. Я решил на сегодня закончить; себе я казался чуть ли не героем, победившим некоего древнегреческого мифологического монстра - во мне просто бурлила сила программиста, настолько я был уверен в себе, что собирался уже завтра дать в газету объявление о написании баз данных и пройтись по нескольким фирмам в городе в попытках найти достойную работу. Отсутствие диплома не пугало меня - в нашем теперешнем обществе это было далеко не самое главное; я был уверен, что смогу произвести впечатление на тех, с кем придется разговаривать, а в качестве доказательства моих знаний и умений я мог привести Мишкины проекты... В размышлениях прошло некоторое время, а когда я вынырнул из грез, то понял, что неподвижно сижу в кресле и смотрю на запущенную Ткачевскую базу. Ту самую, со знаками Зодиака.

Совершенно не помню, когда я ее включил. Просто она оказалась запущенной; я пялился в эти фамилии, даты рождения, весь этот табличный сюрреализм и мне казалось, что сама программа чего-то хочет от меня.

- Борисов Сергей Степанович, двадцать второе января, Водолей, это что за абракадабра... А вот Тимофеев Владимир Николаевич, четвертое марта, потом Рыбы, потом звездочка, человечек, потом список выпадает, а там по латыни... Или по-гречески...

Я шептал все это себе под нос, одновременно прокручивая список людей, стараясь узнать, что же там, в конце. На две тысячи семьсот восемнадцатой строчке таблица кончилась. Не то чтобы у меня устал палец крутить колесико - но все-таки столько информации! Я вдруг подумал - а почему у Мишки на компьютере оказалась не пустая база для клиента, а заполненная? Это что, его личный проект, он сам следил за всеми этими галочками и уродцами, за всякими словами, жутко звучащими на русском языке? Или кому-то было лень работать с базой, и этот «кто-то» доверил вбивание строк Ткачеву?

Тот еще вопрос. Действительно, почти три тысячи позиций в базе - это ведь не пять минут работы. Или Ткачев когда-то забросил все свои дела и только и занимался тем, что заносил сюда данные, либо постепенно, шаг за шагом, по две-три строчки в день, создавал все это нагромождение Водолеев и Скорпионов, расставляя, где надо, галочки...

Или галочки расставлял уже не он?

В общем, вся моя работа была забыта. Я уже не рвался писать свое резюме, не бомбил Интернет в поисках ответов на вопрос о трудоустройстве - я только и думал обо всех этих Петровых, Борисовых, Михеевых и иже с ними, расставленных в таблице, исходя из таинственной логики.

Интересно, проснулся к тому времени Ткачев или нет? Подозревал ли он о том, что кто-то смотрит сейчас в те же строчки, что и он? Это осталось тайной для меня - хотя периодически я возвращался к этому вопросу; но это уже потом, когда я - лишь поверхностно! - сумел проникнуть в решение проблемы.

Колесо вертелось под пальцем туда-сюда, строки двигались вверх-вниз; временами я залезал в меню, пытаюсь сквозь череду модальных окон продраться туда, где совершалось главное действие. Ведь если люди вносились в таблицу - значит, это кому-то нужно.

- Предположим, - сказал я сам себе, - что галочки означают, что эти люди соответствуют какому-то условию. Или выполнили его. Или еще чего-нибудь... Да, или с ними что-то сделали - ну, я не знаю, подписали на журнал «Знаки Зодиака», выдали гуманитарную помощь, еще какая-нибудь фигня!.. Но почти три тысячи человек!

Честно говоря, не знаю, что сбивало меня с толку больше - количество людей в списке или все эти значки, сопровождающие каждого из них. Попытался войти в таблицу через редактирование - база тут же спросила у меня пароль.

- Ага, - сказал я. - Уже что-то.

Меня посетила мысль натравить на окно для ввода пароля какую-нибудь программу - почему-то казалось, что пароль сюда придумывал явно не Ткачев; скорее, автором доступа был сам хозяин базы. Вряд ли у него хватило фантазии на большее, не-

жели «qwerty» или «password», но не стоит недооценивать противника. Я пошарил в недрах компьютера, извлек необходимую программу, но что-то меня остановило.

Я зашел в базу еще раз - но не через «Редактировать», а через «Добавить».

И никакого пароля не появилось.

Добавлять строку в базу можно было свободно. Вот так и доверял неведомый хозяин Ткачеву - добавляй, кого скажу, а изменить ничего не можешь. Я покачал головой, щелкнул пальцами и сделал то, о чем вы, наверное, давно уже подумали - только, может, не в том ключе, что пришло в голову мне.

Да, я решил добавить в базу еще одну строку. Еще одного пользователя.

И, что самое интересное, никогда не мог потом объяснить, почему поступил так, как получилось. Обычно в таких случаях я вносил в регистрационную форму некоего Ивана Панкратова, виртуальный персонаж, выдуманный мной еще в институте для авторизации своих первых статей. Я знал и дату рождения Ивана, и много чего еще - многочисленные форумы в Интернете тоже проглотили кучу моих «левых» Панкратовских данных. Я с ним сроднился; я не мыслил себя без него.

Но почему-то в этот раз я внес в список свои настоящие данные. И проследил, чтобы все было абсолютно правильно - дата и место рождения, знак Зодиака, и (обратите внимание на то, что требовалось в этом непонятном списке) любимое время года, любимую музыку, любимый запах, сексуальные пристрастия, потом наудачу выбрал из огромного количества непонятных рисуночков, которые я посчитал «смайликами», симпатичную одноклазую мордашку; в списке на латыни щелкнул не глядя - ни одного из тех слов я не знал, и никаких ассоциаций с русской речью они не вызывали.

В общей сложности получилось восемнадцать пунктов. Нажал «Сохранить и выйти», посмотрел на результат своего труда. Строка с моими данными оказалась две тысячи семьсот девятнадцатой.

«Завтра будет трудный день», - решил я и собрался идти спать. База закрылась без лишних вопросов, сохранив мою строку в своих недрах. Монитор легонько мигнул и погас.

И в этот момент зазвонил телефон. На часах было почти одиннадцать часов, близилась полночь. Я вздрогнул и удивленно взглянул на брошенную на диван трубку. Звонки повторились.

- И понадобился же я кому-то... - пробормотал я и протянул к телефону руку.

В этот момент стоит вернуться к началу и вспомнить мои первые слова. Именно с этого момента начинается мое осознание жизни в новом ее качестве - в понимании того, что существует только одна сила в мире, способная хоть что-то изменить - и эта сила ТЫ САМ. Я уверен, что я прав - потому что оказался, в общем-то, на краю пропасти; и только я сам смогу выпутаться из всего этого.

...Я взял трубку и нажал кнопку. Свистящий, шипящий и шепелявящий Ткачев попробовал сказать мне в ответ «Алло» и, похоже, уронил телефон. В трубке раздался какой-то грохот, потом гудки. Я пожал плечами и подумал, что если ему будет нужно, он перезвонит. Наверняка перепутал день с ночью и хочет еще пива.

Телефон, конечно же, зазвонил вновь. Как-то громко и тревожно, что-то шевельнулось во мне, говорящее о том, что не так все просто и дело совсем не в пиве. Я снова нажал кнопку.

- Ты... Откуда ты там? - спросил Мишка.

- Я живу здесь, - ответил я на дурацкий вопрос. - Ты что, не знаешь, куда звонишь?

В те мгновенья моей стремительно утекающей прошлой жизни я все еще верил в сумбуренность и случайность этого звонка. Я до сих пор верю в это - хотя все уже случилось. Мне постоянно кажется, что жизни после звонка не существует. Пожалуй, каждый из вас может вспомнить нечто в своей жизни, какую-то знаменательную точку отсчета, которая повергла вас в шоковое состояние. Кто-то въехал на своих «Жигулях» в «Ланд Крузер»; кто-то узнал, что болен СПИДом... Дерьма много. И оно всегда когда-то начинается. Что-то из Стивена Кинга. Помоему «Дерьмо случается», так он говорил. А может, и не он. Да неважно все это.

- Я знаю, - сказал Ткачев (и я понял, что он достаточно трезв, просто, похоже, только что проснулся). - Это ты, это твой номер, и ты там.

- Где?

- В базе.

Я замолчал надолго. Мне даже вспоминается сейчас, что я сидел с открытым ртом, слушал удары своего сердца и чувствовал, как во рту копится куча слюны, которую, если не проглотить вовремя, придется выпустить себе на рубашку.

- Где? - еще раз спросил я, прекрасно понимая, о чем идет речь.

- Ты знаешь, где, - сухо сказал Ткачев. - Чем ты ей насолил? Или тебя заказали? Вспоминай, только быстро - у тебя есть враги? Явные, тайные? Может, девчонка какая - ну, там, дала, а ты бросил? Короче, вспоминай всякую чушь! Только быстро!

Я не понимал ровным счетом ничего. При чем здесь база? Кому я насолил и зачем?

- Ткачев, - тихо спросил я. - У тебя все в порядке?

- Конечно же, нет, - бросил он в трубку. - Ты что, ничего не понимаешь?

- Нет, отчего же, я понимаю, - покачал я головой. - Я понимаю, что я в базе, и что меня заказали... Ты, вменяемый, Мишка?

На том конце откашлялись, а потом зарядили в меня семиэтажным матом. Я отодвинул трубку от уха, выслушал эту тираду и хотел уже разъединиться, но Мишка вдруг заорал мне что-то, и я решил послушать дальше.

- Эй, там! - орал он, будто знал, что его маты я слушал на отлете. - Ау-у!!

- Я все еще здесь, - ответил я.

- Я знаю, это похоже на разговор двух дебилов...

Он замолчал, и я успел подумать, что это похоже на разговор одного дебила.

- И все-таки, - продолжил он. - Я думаю, есть смысл спросить тебя - ты знаешь, сколько лет я пью?

- Лет пять, - брякнул я, особо не задумываясь. Товарищу Сталину пару лет туда, пару лет сюда - не срок.

- Точно. Пять с половиной. Ты видел меня сегодня. Как ты думаешь, почему я до сих пор не допился до белой горячки?

Я понятия не имел. У каждого это по-разному... А он словно услышал мои мысли.

- Каждый, безусловно, спивается по-разному; я - не такой, как все. Я НИКОГДА не сопьюсь.

Я услышал это «никогда» и подумал, что сейчас будет что-то нудное на тему выдающейся индивидуальности и суперогранизма, но его комментарий добил меня окончательно.

- Дело в том, что я очень нужен - ТАКОЙ. На крючке.

- Кому? - пожал я плечами.

- Хозяину базы. Точнее, хозяйке.

- И как же она контролирует твое бытовое пьянство?

- Прокрути таблицу, найди строку номер семьдесят шесть...

Я так и сделал; и я знал, что там найду. «Ткачев Михаил Станиславович...» И галочка стояла.

- Что это значит? - спросил я, с прищуром глядя в экран. - Там в строке много непонятного - как и во всей таблице...

- Это значит, что на мне порча. Меня сделали алкоголиком - и никто не может это изменить...

- Так... - протянул я и отъехал в кресле от стола. Очень интересно. Порча. Средневековье какое-то. Джордано Бруно и инквизиция. Ведьмы и прочая нечисть.

- Не веришь? - ухмыльнулся Ткачев, и я понял, что сейчас разговариваю с абсолютно трезвым человеком. - Понимаешь, она боится компьютера. Но кто-то напел ей, что в наш век высоких технологий даже такие профессии, как ведьма, нуждаются в информационной поддержке. Она пришла и попросила меня написать базу данных. Что-то не очень навороченное, да ты и сам видишь. Пришла пять с половиной лет назад. Я выполнил ее требования. База получилась хорошая, все работало без ошибок.

Я верил Ткачеву. У него не могло получиться плохо. Вот только - странная у заказчицы профессия.

- Конечно же, она не сказала, кто она и зачем в базе нужны какие-то странные значки, немного латыни и пометки на каком-то древнем языке, поддержку которого я сдул из Интернета с сайта любителей всей этой оккультной науки.

Я прокрутил таблицу, нашел эти значки, напоминающие клинопись фараонов.

- Вижу, - буркнул в трубку и продолжил слушать.

- Ей, наверное, лет пятьдесят или чуть больше. Вроде бы, в таком возрасте не боятся компьютеров панически, как это отра-

жалось в ее глазах. Она не хотела работать сама, просила меня, обещала платить за ведение всего этого хозяйства. То есть, собиралась приходить раз в одну-две недели, приносить мне информацию и ждать, когда же я внесу ее в формы. Поначалу я согласился... А потом, после двух месяцев такого сотрудничества, когда список перевалил за пятьдесят, я нашел в сети переводы слов, вбитых в базу на латыни. Конечно, перевод приблизительный, поскольку тонкости этого мертвого языка утрачены, но можно перевести так - «сглаз», «порча», «приворот» и еще несколько таких терминов. Я перевел поближе к славянским корням, вполне возможно, что много лет назад все это называлось иначе. Но смысл остается одним и тем же.

Я понял, что слушаю, затаив дыхание. Казалось, что я даже перестал моргать.

- Как ты думаешь, что я сделал?

- Ты спросил.

- Точно. И появилась строчка номер семьдесят шесть. Когда она пришла с очередным обновлением, я уже был готов. Готов на все сто два процента. Меня закружило в водовороте клубов, баб, бутылок, стаканов, рюмок и всей этой алкогольной гадости. Когда кончились деньги, кончились и клубы, остался только стакан. И я своими собственными руками внес себя в базу - а она смотрела на меня и стряхивала пепел от сигареты прямо на пол моей квартиры. Уходя, она сказала: «Пей, не бойся. Не сопьешься». Не оставалось ничего, кроме как поверить...

- Зачем она все это классифицировала? - спросил я. Вполне разумный вопрос, как мне показалось.

- У нее поразительная работоспособность, - ответил Ткачев. - Такую уйму людей просто невозможно держать ни в голове, ни в записной книжке. Ведь уже скоро закончится третья тысяча... Ты пойми, я ведь пью, но вижу, что происходит на моем компе. Ты сдул все базы...

Я пристыжено смолчал.

- Ладно, молодец, чего там, учись. Но как ты оказался в этой ведьминой таблице?

- Откуда ты знаешь? - вырвалось у меня. Логично утверждать, что Мишка просто не мог быть в курсе того, что эта строчка появилась.

- Я пробовал это стирать - оно не стирается. Я пробовал изменять - но она очень часто и как-то хитро меняет пароли. Я пробовал уничтожить физически - винчестер оказывался целым...

- Не может быть! - вырвалось у меня. - Ну, там, молотком...

- Пробовал. Вот только подниму молоток - а у меня в печень как шарахнет что-то изнутри! Будто сторож там сидит. Я даже один раз на УЗИ сходил, все боялся даже сам не знаю, чего... И, знаешь, печенка-то у меня лучше, чем у тебя будет, я уверен. Не обманула тетка. Просто подсадила на огненную воду, а убивать не собирается.

- Утопить? - спросил я.

- Тетку?

- Винчестер.

- Я с ним даже из комнаты выйти не могу; так что не то, чтобы в озере - в ванной не получается.

- Да... - протянул я и вдруг понял, что совершенно свободно разговариваю с Ткачевым на темы, не существовавшие для меня еще полчаса назад. Разговариваю так, будто мы с ним в кино собрались или в театр и думаем, кого бы из девчонок пригласить. - Так откуда ты знаешь, что я там есть?

- Вот тут самое главное. Я пробовал копировать - это единственное, что получается. И лучше бы я этого не делал - потому что эти базы начинают жить самостоятельной жизнью.

- То есть? - я понимал все меньше и меньше, но интересу наравне со страхом во мне появлялось все больше и больше.

- То есть изменения, сделанные в одной, появлялись везде, в каждой таблице. Примерно год назад она все-таки купила себе компьютер. Я скопировал, показал, объяснил. И попросил у нее снять с меня это дерьмо. Она только рассмеялась.

- И она оставила копию базы тебе? - не понял я Ткачева.

- Да.

- Зачем?

- Чтобы я никогда не бросил пить - даже если она порчу снимет.

- В смысле?

- Я ведь вижу, что она делает. Просто я не могу предупредить этих людей - они появляются в базе постфактум, когда работа уже сделана. Она уже соорудила очередной сглаз, приворот или

еще какую пакость, поставила галочку и спокойно пошла спать. А я смотрю, как еще один человек погибает, а сделать ничего не могу...

- Я... Понимаешь, я сам... Сам себя впечатал. Так, шутки ради. Я же не знал...

- Сам?! - Ткачев чуть не задохнулся на том конце линии. - Ты... Придурок! Идиот! Да ты...

У него не было слов. У меня тоже. И я вдруг понял, что мы оба - я здесь и он там - мы оба смотрим на пустой чек-бокс для галочки и понимаем, что где-то далеко отсюда, в ведьминой квартире, в базе возникла еще одна строка, которая ждет своего часа.

- Миша, кто она? - спросил я. - Я думаю, что можно что-то сделать. Ее надо найти, ее надо остановить...

- «Ночного Дозора» начитался? - ехидно спросил Ткачев. - Ее никто не остановит.

- Но ты же знаешь, кто она и где живет, так скажи, я пойду сам...

- Насчет «Скажи» у нее тут целая система разработана, - вздохнул Мишка.

- Какая?

- Чтоб сказать не смог.

- Не сможешь?

- Смог бы - сам бы давно убил. Черт побери, мне так выпить хочется... У тебя пива не осталось?

- Нет, - ответил я и понял, что он не скажет...

Через секунду в трубке раздалась гудки. Что же, он и так много сделал. По крайней мере, он не смолчал - он позвонил. Представляю, как его там сейчас заворачивает в дугу. Теперь запьет на неделю - а ведь сказал всего лишь маленькую часть правды...

С тех пор прошло три дня. Я решил выйти из дому только вчера. Почему-то вспомнил слова Ткачева и посмотрел «Ночной Дозор». А потом вернулся и, не отрываясь, смотрел на свою строчку в таблице. Галочки не было.

Ее нет и сейчас, когда я пишу эти строки. Никто не знает, когда ведьма обратит внимание на то, что в таблице появился кто-то без ее ведома. И неизвестно еще, чем же она наградит МЕНЯ.

А у Мишки все время «занято»...

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ...

Абсолютный мрак. Чернота. Ни единого проблеска света. Ни единого звука. Ни единого дуновения тепла.

Здесь вообще ничего не может происходить. Здесь все заканчивается.

И среди этой темноты и всепоглощающей тишины - тихий щелчок. Потом - маленький, со спичечную головку, зелененький огонек. Отчетливо потянуло теплом...

И сразу мрак, тишина и холод перестали быть абсолютными. В мире, как водится, все относительно. Теплей особенно не становилось, да и огонек был не в состоянии осветить все вокруг. Но все-таки - что-то стонулось здесь, в этом месте.

Пока еще непонятно, что именно. И самое главное - зачем...

* * * * *

Комнатка была маленькой - но не потому, что ее такой построили. Она была на семьдесят процентов захламлена какими-то ящиками и коробками, между которыми хозяин выстроил некоторое подобие проходов, напоминающих окопы второй мировой войны. Кругом нагромождения старой одежды, в одном из углов широкой дурно пахнущей стопкой стояли старые покрывки от грузовиков с напрочь стертým протектором.

Если войти в дверь и направиться налево - мимо вечно раскрытого шкафа непонятного предназначения, вдоль череды пустых коробок с надписью «Доширак» - то можно было наткнуться на выдавший виды стол с остатками пицци и несколькими пустыми бутылками под ним. Этикетки выдавали в хозяине дома человека пьющего, причем пьющего изрядно - подобный бардак в доме мог воцариться лишь при полном отсутствии других интересов у личности.

По правую руку от двери вы найдете достаточно необычный книжный шкаф - авторы наверняка будут неизвестны ни вам, ни кому бы то ни было другому. Фамилии на слух громкие, на память же - абсолютно незнакомые; много книг на латыни, на английском, что достаточно дико в данной обстановке. Побывав возле этого шкафа, можно представить себе жилище Робинзо-

на, натаскавшего с корабля на берег кучу ненужных вещей, которые лишь отдаленно напоминали ему о цивилизации - корешками книг, затейливыми названиями...

Еще одна странность здесь - но далеко не самая выдающаяся - это освещение. Глядя на все то, что окружает вошедшего сюда человека, очень трудно представить, что может быть так светло среди всего этого хлама. При первом взгляде вокруг сложно даже сказать, откуда сюда пробивается дневной свет, - похоже, что окон здесь нет, однако это не так. Они есть, причем они - это единственное, что выпадает из общей картины. Два огромных окна, едва ли не от пола до потолка; рамы сделаны с истинной любовью человека к дереву; тончайшая резьба везде, где только мог достать инструмент. Стекла отмыты до блеска, до состояния, в котором ты готов пройти сквозь них - настолько они незаметны.

На противоположной от окон стене, на которую совершенно случайно, минуя очередную преграду из ящиков, падает солнечный свет, висит большой, почти во весь человеческий рост, плакат Алсу. Девушка выглядит довольно вызывающе, фотография получилась достаточно фривольной - но хозяин дома вряд ли в состоянии отличить молоденькую звезду Евровидения от какой-либо другой примы нашей эстрады. Плакат там с другой целью - вдоль всего тела певицы, сверху вниз, идет календарь на год, огромные буквы и цифры, видимые издали. Вот это-то и является главным в плакате.

Каждое число в календаре обведено фломастером ярко-зеленого цвета - чтобы лучше бросалось в глаза. Похоже, что у хозяйина дома слабое зрение - а если рассмотреть календарь поближе, то засомневаешься и в его памяти.

Рядом с каждой - **С КАЖДОЙ!** - датой, возле зеленого кружка, ручкой дописаны непонятные обозначения, начинающие на «СТР.» Выглядит это примерно так - «СТР. 12», «СТР. 17» и так далее. Довольно загадочно, а потому крайне интересно. Самым большим числом возле этих «СТР.» оказалось 435 - но думается, что это не предел. У некоторых дат число менялось, и не однажды; ручка правила их, разрывая бумагу - хозяин в такие моменты находился в изрядном подпитии. В какой-то из дней он пририсовал бедняжке Алсу усы, бороду и рога, добавив ей им-

позантности и шарма - грубая плакатная бумага свисала у нее на лице лохмотьями, оставленными шариковой ручкой.

Кто же ты, загадочный поклонник Алсу, рисующий на ее изображении загадочные числа с загадочными целями?

Ответ можно найти двумя способами.

Первый лежит на подоконнике. Огромный полевой бинокль цвета хаки, позволяющий увидеть все то, что другие хотят скрыть от ваших глаз. Судя по всему, чистота окон объясняется именно необходимостью что-то очень тщательно рассматривать сквозь толстые линзы оптики. Рядом с окном можно увидеть некое подобие треноги для большего удобства - но, судя по всему, ей пользуются нечасто, она покрыта пылью и довольно неаккуратно прислонена к стене, так и норовя упасть.

Второй - очень и очень необычен. Это «Анна Каренина», стоящая в том самом шкафу с неизвестными авторами рядом. Почему именно эта книга Толстого служит тому делу, которому посвятил себя наш герой? Нет ответа. Наверное, в какой-то момент времени она оказалась ближе всех к его дрожащей от выпитого спиртного руке. Тем не менее - факт остается фактом. Если открыть книгу на первой же странице, то именно там, где все уважающие себя люди хотя бы раз в жизни видели фразу о счастливых и несчастных семьях, можно найти запись, сделанную аккуратно, но как-то нетвердо: «1 Января. Соловьев - сектор 14, возле березы. Кацман, сектор 21, со звездой. Мухин, сектор 2, клумба».

Слова идут прямо поверх печатного текста, правда, при желании его можно разобрать, но стоит ли он того, чтобы читать именно про Облонских? Кажется, что информация насчет Соловьева и Кацмана гораздо интереснее. Если полистать книгу дальше - можно встретить то же самое, меняются лишь фамилии, сектора, некие особенности типа деревьев, цветов, каких-то железок...

А теперь попробуйте свести все воедино - маленький захлащенный домик с идеально чистыми стеклами, бинокль на подоконнике, некое подобие амбарной книги поверх строк великого писателя... Не нужно глубоко копать - истина лежит на поверхности.

Представьте себе следующую картину. Человек, являющийся хозяином этого жилища, сидит за столом, тяжело опус-

тив руку на бутылку водки, ощущая ее горлышко и изменяющуюся тяжесть; вторая ладонь накрыла стакан; глаза пусты и одиноки. Рот слегка полуоткрыт, тонкая ниточка слюны свисает до поверхности стола; он кривит рот в непонятной гримасе, шумно выдыхает, снимая ладонь с посуды и опрокидывая водку в себя.

Морщины взрывают его лицо широкой сетью, спирт будоражит внутренности и заставляет закипать разум. Он резко опускает обе ладони на стол, ударяя ими по обе стороны от бутылки. Внезапно с улицы раздается звук, заставляющий его вздрогнуть - но не от страха, а от нетерпения. Этот звук он ждет каждый раз на протяжении последних семи или восьми лет - единожды сбившись со счета, он уже не помнит, сколько времени проведено здесь.

Ноги с трудом поднимают его из-за стола. Он идет к шкафу с книгами, шаркая по полу, как старик, хотя на вид ему еще далеко до человека немощного и больного. Руки опираются на обе стороны созданного им прохода, раскачивая тело; он что-то бубнит себе под нос, слова плохо различимы, лишь общий фон может донестись до стороннего наблюдателя. Возле шкафа он останавливается на несколько секунд, собираясь то ли с силами, то ли с мыслями. Мутные глаза, в которых отчетливо виден уровень принятой жидкости, внимательно осматривают полки, словно забыв, за чем именно он пришел.

Вот она - «Анна Каренина». Почему-то он засунул ее в этот раз достаточно высоко, приходится подниматься на цыпочки и тянуться, тянуться... Книга, потревоженная слабыми от алкоголя пальцами, падает ему на голову. Он чертыхается, не успевая прикрыть макушку руками, получает ощутимый удар, книга падает на пол - его движения замедленны и пародийны, он явно неуклюж в своем теперешнем положении.

Приходится нагибаться, книга пару раз выскальзывает из его рук, он вновь выражает свое недовольство - на этот раз потише, но поувереннее. Наконец, она у него в руках.

С ней вместе он подходит к Алсу. Усатая девушка смотрит куда-то мимо него в сторону окна. Он криво усмехается ей, после чего спрашивает, какое сегодня число. Судя по всему, молчание Алсу его не устраивает, он прищуривает глаза, глядя в кален-

дарь, потом проводит по нему пальцем и по одному ему понятно-му признаку вспоминает, что на дворе девятнадцатое августа.

- Смотрим, смотрим... - шепчет он себе под нос, уткнувшись пальцем в август и медленно подводя взгляд к зеленому кружочку, в центре которого стоит цифра «19». - Страница шестьдесят восьмая...

И он аккуратно открывает книгу на шестьдесят восьмой странице, плотоядно облизываясь.

- Мичурин, одиннадцатый сектор... Помню, как же... Панов, шестой сектор... Тоже помню... Стоит глянуть, что на улице...

Не закрывая книги, он подходит к окну и поднимает бинокль. Вместе с книгой это делать неудобно, он переворачивает ее обложкой вверх, кладет на подоконник. Бинокль прилипает к глазам.

Вначале ничего не происходит. Он просто водит головой из стороны в сторону, пытаясь найти источник звука, который пока никуда не исчез. Наконец, взгляд застывает. Он увидел.

По каким-то ему одному известным признакам он шепчет: «Сектор восемь... Или девять. Нет, все-таки восемь...» Смотрит, не отрываясь, минут пятнадцать проходит в полной тишине, звук, который насторожил его постепенно стихает, вместо него слышится шум отъезжающей машины, накладывающийся на людской гомон.

Бинокль и книга вновь меняются местами; человек просматривает страницу снова и снова, после чего решительно захлопывает «Анну Каренину» и направляется к двери.

- Что-то кушать хочется, - ухмыляется он, прихватывая у самого выхода матерчатую сумку, залатанную в нескольких местах. Дверь громко скрипит, выпуская его наружу.

На улице тепло и свежо. Ветерок приятно обдувает щеки, под ногами тихо потрескивают доски крыльца. На двери за его спиной - вывеска.

«ОАО ВАЛЬКИРИЯ. Ритуальные услуги».

Он - кладбищенский сторож. Сегодня он опять не уснет голодным. В восьмом секторе - свежая могила. А это значит - немного закуски и пара рюмок водки.

Надо было поторопиться - все-таки восьмой сектор достаточно далеко. И еще сегодня годовщины у семи человек в разных

секторах. Стоит обежать и их - вдруг родственники заскочат. Если помнят, конечно. В последнее время что-то стали забывать.

Он ступил на тропинку, ведущую вглубь его подведомственного кладбища. Тележка для цветов стояла за углом дома; он ухватил ее за ручку и поволок за собой.

Каждый выживает, как может.

* * * * *

Связующая нить. Тоненький проводок серебристого цвета. Он вьется в этом мраке и холоде, соединяя своими жилами жизнь и смерть, начало и конец. Зеленый огонек, взбудораживший тьму, отражается на нем. Только этот провод является сейчас центром Вселенной; только благодаря ему в это мгновение вершатся судьбы; только ради него происходит то, что происходит.

Но сигнал по нему идет пока только в одну сторону.

Правда, так будет продолжаться недолго. Еще десять часов. Потом станет теплей...

* * * * *

Казаков спрыгнул с подножки автобуса на конечной, поправил на плече сумку и огляделся. Автобус, рыкнув, отъехал в обратный путь, открывая весь кладбищенский пейзаж.

Парень оказался на просторной асфальтовой площадке, отмеченной знаком о разрешенной парковке. Ни одной машины на ней не было, да в столь поздний час он и не надеялся застать здесь кого-либо. За спиной оказался домик сторожа, прямо перед глазами - огромная куча изношенных покрышек, накопленная для следующей зимы; с их помощью отогревали землю для копачей (не у всякого хватало денег на трактор, а люди были в состоянии поддеть лопатой землю при минус двадцати только предварительно разведя на ней костер).

Вокруг - вотчина смерти. Оградки, оградки... Высокие и низкие, витые и строгие, цепи и столбики. Дизайн был угнетающе разнообразен. Казаков повернулся вокруг всем телом, осматриваясь, и зябко передернул плечами.

- Зачем я здесь? - спросил он у самого себя. - Нет, я, конечно, понимаю, зачем - но все-таки... Кладбище, памятники, мертвые с косами... Романтика. Самое главное - лишь бы все было не зря.

Он решительно взбежал по откосу к домику сторожа, тихо и аккуратно прижался к стене и заглянул в окна. Пусто.

Рядом, прислоненные к стене, стояли лопаты. Остро отточенные, сверкающие на солнце, с отполированными черенками. Казаков воровато оглянулся, протянул руку к одной из них, вытащил из сумки тряпку, обернул лезвие и стал отходить в сторону тропинки.

- Знать бы, где он лежит... - покачал головой Казаков, отойдя от домика метров на двести вглубь кладбища и поняв, что уходит незамеченным. - Но нельзя же было идти со всеми и остаться там - это было бы очень заметно. Нет, нельзя, точно нельзя, - убедил он сам себя еще раз, перехватил черенок лопаты поудобнее и зашагал вдоль могил, отыскивая свежую.

Местами на земле попадались вянущие под летним солнцем розы - Казаков аккуратно перешагивал их, стараясь не наступить. Атмосфера была и без того гнетущей - а тут еще эта красота, брошенная на тропинку в память о ком-то безвременно ушедшем.

- Куда меня черт несет? - сам себя спрашивал Казаков, глядя по сторонам на чужие фотографии на памятниках. - Стоит ли то, что я ищу, того кошмара, который я затеваю? И ведь я даже не на сто процентов уверен, что ищу там, где надо...

На него накатила волна неуверенности и депрессии. Он даже замедлил шаги, лопата вдруг показалась крайне тяжелой и неудобной, захотелось ее бросить, вернуться на автобусную остановку и дожидаться последнего на сегодня рейса. Глубоко вздохнув, Казаков вспомнил, что его ждет в случае успеха, и мысли об автобусе испарились сами собой.

Перехватив лопату, он заставил себя шагать дальше. Могилы сменяли друг друга по обеим сторонам тропинки; березы чередовались с ивами, розовые кусты - с шиповником. Неожиданно тропинка рванула в обе стороны, расширяясь и раздвигая границы. Прямо перед Казаковым оказался свеженасыпанный холмик, обложенный металлическими венками. Траурные букеты с черными лентами венчали могилу.

Казаков замер от неожиданности. Ему казалось, что на поиски он потратит гораздо больше времени, может быть, не один час - и тут такая удача! Он обошел могилу так, чтобы увидеть надпись на памятнике.

- «Михаил Лукашенко», - прочитал он. - Точно. Мишка здесь.

Он положил лопату на землю и огляделся. Тишина казалась всепоглощающей, ветер утих; где-то далеко лаяла собака.

- С чего начать? - спросил он сам себя. - Особенно если учесть, что мое занятие не очень-то распространено среди людей, а побойсь по разрытию могил никто еще не придумал.

Он приблизился к могиле и оттащил в сторону венки, сложив их более-менее аккуратно - ведь потом предстояло сделать все, как было. Земля была рыхлой, почти воздушной - Казаков ткнул в нее носком ботинка, прикинул, сколько сил и времени может уйти, чтобы добраться до того, кто лежит там, внизу. Хотелось бы уложиться побыстрее, но тут уж как пойдет - он не особенно был уверен в своей физической подготовке. Утешало лишь одно - на улице было лето...

Он развернул лезвие лопаты, отложил тряпку в сторону, воткнул острие в землю, проверяя заточку. Лопата с легкостью погрузилась на несколько сантиметров. Казаков удовлетворенно кивнул и откинул первую порцию земли в сторону.

- Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб... - шептал он себе под нос слова известного романа. Работа спорилась.

* * * * *

Тихий шелест. Едва различимый звук, похожий на шуршание. Он возникает редко, раз в десять-пятнадцать минут; но он раздвигает тишину и мрак на несколько мгновений, давая понять - здесь что-то происходит. Что-то таинственное, загадочное, непознанное. Серебристая нить ждет. Она лежит совершенно неподвижно, ибо здесь нет движения - здесь полный покой и вечное постоянство.

* * * * *

Тележка грустно поскрипывала за спиной. Сторож решил подойти к свежей могиле в последнюю очередь, осторожничая - вдруг нашлись чересчур скорбящие родственники, которые надумали остаться у памятника подольше.

- От греха подальше, - сказал он сам себе. - Конечно, можно было туда сразу - но лучше уж потом. Сейчас к Мичурину, в одиннадцатый. Он тут всего три года, думаю, что пока не забыли...

Бетонные плиты в самом начале пути сменились обыкновенной, пусть и широкой тропинкой. Ноги были не очень тверды после выпитого, но направление держали точно и безупречно. Несколько поворотов у одних ему известных ориентиров, пара ударов тачкой об ограду, чертыхание сквозь зубы - и вот он уже у знакомой могилы.

Честно говоря, они все были ему знакомы. Примерно треть из них он выкопал собственноручно, на первых порах образования кладбища на месте старого снесенного микрорайона - тогда, будучи помоложе, он заключил договор со смертью, причем обоюдовыгодный. Оставаясь ее слугой на протяжении семи лет, он отметил, что его миновали все болезни, кроме одной (не считая хронического алкоголизма, о существовании которого он не подозревал в принципе). Начав простым рабочим, незаметно выбился в бригадиры, обладая с детства сноровкой особого рода - он умел совершенно правильно распределять как свои, так и чужие силы для достижения результата. Под его руководством бригада стала зарабатывать гораздо больше, подчинялись ему с радостью, стиль и правила руководства не оспаривали. Он этим гордился, стал пить больше, чем обычно - находя в этом еще одну прелесть существования.

Короче, деньжата водились, семьи не было, да и не хотелось, работа была по плечу - силушкой бог не обидел. В общем, эта захватская удаля просто обязана была дать трещину в самый неподходящий момент.

Так и случилось. В один из зимних дней он поскользнулся на каменистой горке возле очередной отрытой ямы и упал вниз. Казалось бы, всего два метра...

Больничная койка. Сложнейший перелом правого бедра. Врачи собирали его ногу по частям, матерясь сквозь зубы - они

понимали, что свои силы могли бы направить куда-нибудь в более приличное русло.

Через восемь месяцев он вернулся. На его месте давно уже работал другой человек, который не умел так красиво руководить и так много пить, из-за чего его авторитет не поднялся выше уровня могильного холмика. По старой памяти, глядя на его хромоту, которая с течением времени стала практически незаметной, ему нашли теплое местечко в кладбищенской сторожке. Осваиваясь с новой специальностью, он совершал обходы знакомой с давних пор территории и смотрел на нее совсем другими глазами. Поначалу, глядя на плачущих над могилами людей, он испытывал позабытое чувство горечи и сожаления, временами его тревожила совесть; постепенно он понял, что нельзя сопереживать всем и везде. Душа его отрешилась от людских страданий, мысли приняли совершенно другое направление.

Он принял свою новую работу целиком и полностью. Кладбище стало для него новым домом - как раньше было работой. Он не охранял его - он им жил. По ночам он был здесь единственным живым существом, не считая стай бродячих собак.

Зарплата была мизерной - и то, чем он раньше брезговал, стало его кормить. Руки сами спокойно укладывали в холщовую сумку взятые с могил конфеты, печенье, в глотку отправлялись налитые до краев рюмки. Если на чьих-то поминках в годовщину смерти накрывались столы, - а у «новых русских» это практиковалось не первый год - то добыча была, безусловно, более шикарной. В его календаре такие дни он отмечал ярко-красным фломастером, никогда про них не забывая (и зная, что и другие не забудут, уж очень сильны были у людей подобного склада привычки и предрассудки, гуляли они на могилах от души, с песнями, криками и стрельбой).

Короче, жить он научился. Правда, иногда приходилось выполнять свои прямые обязанности - ночные обходы, уборка прилегающих территорий, заготовка резины на зиму; однако все это занимало лишь незначительную часть его времени. Кладбище поглотило его целиком - он изучал ограды, памятники и надписи на них, привыкал ко вкусам тех, кто приходил поминать усопших (кто какие цветы любит, кто что пьет

и в каких количествах; никогда не забывал за день-другой до прихода людей к своим родственникам прибрать столы и скамейки, выгрести мусор, чем приятно удивлял - за что и бывал вознагражден; а уж просить он научился, делал это с навыками высшего пилотажа и не стыдился ничего - ни денег, ни обглоданных окорочков, ни расплесканной нетвердой рукой чарки).

Нельзя сказать, что жизнь его радовала. Жить среди мертвых - кому такое будет по душе? Временами, сидя за столом в своем домике за очередной бутылкой какой-нибудь дешевой настойки, он вспоминал те дни, когда был независим, молод, полон сил - и пьяные слезы расплывались его душу, вырывая из глубин сознания радужные воспоминания, смешанные с воем собак за окном.

Вот и сейчас - двигаясь по маршруту, который, как он знал, был кратчайшим для его нужд, он тоскливо вспоминает прошлое, вытесненное из его жизни траурной музыкой, пьяными толпами и жестяными венками, обмотанными черными лентами. На могильной плите он видит полную рюмку прозрачной белой жидкости, блюдце с печеньем, конфетами; ветер потихоньку ворошит твердые листья искусственных цветов. Шаг непроизвольно ускоряется, тележка стучается об ограду и выскальзывает у него из рук, но он не замечает этого; калитка жалобно скрипит, впуская его на огороженную территорию, рюмка сама взлетает вверх, к трясущимся губам, после чего содержимое ее исчезает в глотке. Аккуратно вытерев губы, он поднимает блюдце, жадно хватая печенья и, разбрасывая вокруг себя огромные крошки, перемалывает его наполовину выпавшими зубами.

Через пару минут наступает очередная пора благоденствия. Водка вступает в свои законные права. Сторож опускается прямо на могильную плиту, несмотря на то, что рядом стоит скамейка - у него просто нет ни малейшего желания сделать еще пару шагов. Конфетные фантики разлетаются от налетевшего ветра; он благостно улыбается своим мыслям...

Внезапно что-то выводит его из состояния равновесия с самим собой. Какой-то звук, который кажется одновременно привычным, и каким-то неправильным. Через минуту он понимает

всю неправильность - этого звука в такое время дня здесь обычно не бывает.

Звук удара лопаты о камень.

Он поднимает брови в немом вопросе, потом начинает вертеть головой в надежде увидеть, откуда же доносится столь непонятный звук.

Безрезультатно. Отсюда не видно. С трех сторон кладбище закрыто маленькими, но уж очень зелеными березами, на которые в последнее время пошла мода - саженцы запикивали почти к каждой могиле. С четвертой стороны виден его домик, до которого было почти полкилометра.

Он понимает, что надо прямо сейчас встать и выяснить, кто это в его владениях орудует лопатой в столь неподходящее время - да и по какому праву он это делает. Однако ноги отказываются его слушать - он пытается подняться, падает, вновь встает и снова приходится упасть прямо на плиту.

Снова клацанье лопаты.

- У-у... - в бессильной пьяной злобе воет сторож. - Убью...

И в этот момент до его ушей ветер доносит чей-то голос. Оттуда, откуда слышится неприятный, противоестественный звук.

Человек напевает песню. Что-то про розы.

Потом его мозги, затуманенные алкоголем, наконец-то выдают ему точное направление на звук.

Там были похороны. Сегодня. Полтора часа назад. Тот самый восьмой сектор, в который он побоялся направиться сразу же по окончании процессии.

- Сейчас... - шепчет о себе под нос. - Только встану...

Он оглядывается мутными глазами по сторонам, видит свою годами проверенную тележку, ползет в ее сторону на четвереньках, и только вцепившись в нее, находит силы подняться в полный рост. Кто кого катит, непонятно.

Звук служит ему ориентиром и одновременно стимулом. Лопата звякает с завидным постоянством.

Но выводит его из себя именно песня.

Что-то про розы...

* * * * *

Казаков налегал на лопату, стараясь успеть в то время, что ему было отведено. Земля постепенно перемещалась с холмика в кучу рядом; скоро стало видно, что Казаков точно вышел на контуры ямы и начал погружаться в нее. Работа была достаточно тяжелой; облегчало ее лишь то, что земля, перепаханная руками трех копачей, была похожа на пух, в котором периодически встречались камни. Грунт был на редкость мягким, песчаник с небольшой примесью чего-то, напоминающего щебень.

Не очень быстро, но на редкость регулярно, как заведенный, Казаков махал черенком по принципу «Бери больше, кидай дальше, пока летит - отдыхай». И как-то незаметно он втянулся в процесс на таком уровне, что перестал замечать сам факт труда и погрузился в мысли о Мишке Лукашенко, лежащем сейчас внизу, у него под ногами.

Мишка с детства - они дружили с Казаковым лет с пяти - был расположен ко всякого рода пакостям и черному юмору; учителя на протяжении десяти лет учебы в школе плакали навзрыд, пожиная плоды его упражнений в издевательствах. Кнопки, подложенные на стулья, платья, измазанные мелом, «липовые» звонки с урока, стрельба из рогаток и прочая школьная фигня были только стартовой площадкой для подрастающего мини-террориста. Драться он не умел, и поэтому все свои подвиги никогда не связывал с грубой силой, блистая интеллектом совсем не там, где это было необходимо по школьной программе.

Научившись снимать подфарники с иномарок, на которых родители приезжали за своими чадами в школу, он нажил неплохой капиталец и ни разу не был пойман, что уверило его в полной безнаказанности. Постепенно он понял, что в школе есть только один интересный предмет - физика; он с огромным интересом пытался понимать - и понимал - устройство электрических цепей, способы приема и передачи радиоволн и видеосигнала; дома родители не могли нарадоваться на мальчишку, который вдруг подружился с паяльником. Правда, когда к ним в дверь ворвался взбешенный сосед, который каким-то чудом сумел понять, что делится сигналом с кабельного телевидения с семьей Лукашенко - возникли проблемы, первые проблемы в жизни Михаила. Он был отлучен от любимого занятия, поса-

жен под домашний арест, родители дали соседу денег и вежливо попросили заткнуться. После чего отец властно поговорил с сыном и выяснил для себя много интересных вещей.

Например, он узнал, что познания сына в радиотехнике велики для уровня девятого класса; что такие порывы и умения надо поощрять, а не рубить на корню; что того набора деталей, что сын умудрялся доставать у разного рода торговцев крадеными платами, явно не хватает для Мишки. Подумав пару часов над происходящим, отец сделал, на его взгляд правильный выбор. И Лукашенко оказался в радиотехническом кружке.

Там он довольно быстро выбился в лидеры, преподаватели не успевали за ним в его стремлении овладеть новыми приемами работы и познать то, что в мире являлось передовой технологией. Очень скоро для Мишки не осталось никаких секретов в радиусе нескольких сот километров от дома - он сканировал огромное количество частот, расшифровывал множество сигналов, беседовал с десятками таких же, как он, безумных любителей радиотехники. И все это он проделывал при помощи аппаратуры, которую сделал сам.

А еще через год он узнал, что есть такая штука, которая в состоянии многое взять на себя, не мешая человеку продумывать новые и новые ходы, не мешая планировать и торжествовать - и эта штука называется «компьютер». После этого у Лукашенко просто «сорвало крышу».

Как-то постепенно он отошел от своего любимого паяльника в сторону компьютера. Уже не пахло канифолью в комнате, уже не стучались в дверь загадочные друзья из соседнего подъезда в надежде продать какую-то супер-детальку, без которой очередное устройство вряд ли заработало бы; уже не свистело и не пикало что-то среди ночи в комнате сына, заставляя родителей натягивать одеяло на уши. Все свелось к щелканью «мышки» и мягкому постукиванию клавиш.

Компьютер дома появился, конечно же, не сам собой. Отец в очередной раз использовал свой излюбленный прием, поговорив с сыном по душам и потребовав объяснить смысл происходящего. И если у Мишки порой в школе не хватало аргументов для того, чтобы объяснить, почему из щелочи и кислоты получается соль и вода, то здесь он блеснул десятками аргументов.

И, что интересно и необычно - отец согласился, ничего не поняв. Он просто вздохнул, вдруг осознав тот факт, что пришла новая религия, новая технология - и ему в ней уже нет места. А потом вытащил из своей записки деньги и отправил сына в ближайший компьютерный магазин...

Оттуда парень вернулся с довольно неплохой машиной. И с тех пор всегда оставался благодарен отцу за понимание.

Как-то само собой получилось, что все, чем занимался Миша на компьютере, носило негативный оттенок. И не потому, что он был весь такой отрицательный с самого детства, совсем нет. Просто это было чертовски увлекательно - разрушать... Принцип «Ломать - не строить» оправдывался в Интернете на все сто процентов - гораздо проще взять что-то, сделанное не тобой и до тебя, при помощи этого забраться туда, где ты никогда не был хозяином и воцариться там на время - щупая чужие файлы как чужую жену. Он любил это - видеть сделанное руками программистов, которых он никогда не увидит, и которые никогда не узнают о нем; видеть, как эта стройная конструкция, написанная на языках, ему не доступных, да и особенно не нужных, разрушается, превращается во что-то неудобоваримое... Взять и нарисовать голую задницу на странице сайта крупного банка - это, конечно, не самое крутое развлечение в жизни, не Диснейлэнд; но зато сам. Своими руками.

Об одном можно сказать положительно - как только в руках у Миши оказался комп, он вдруг вспомнил о том, что существуют точные науки. То, что раньше казалось абсолютно ненужным - типа квадратных уравнений и тригонометрических функций - внезапно обрело смысл. Нет, он не начал заниматься математикой и системным программированием - но он начал ДУМАТЬ.

Думать так, что порой сам удивлялся своим открытиям. И не беда, что очень многим вещам он так и не научился - для этого существовали книги, специалисты и Сеть. Самое главное - он умел правильно поставить вопрос и не менее правильно и разумно выбрать алгоритм решения поставленной задачи.

Далеко не всякий человек в состоянии правильно решить, в каком порядке он будет исследовать магазины, чтобы совершить ряд необходимых покупок. Не всякий в состоянии решить

задачу по ремонту какой-нибудь хозяйственной мелочи в доме так, чтобы произвести как можно меньше шума и разрушений, сопровождающих подобные работы, как правило, в ста процентах случаев - независимо от сложности. Как только Лукашенко овладел компьютером - родители не могли нарадоваться на свое чадо. То, что отец делал за десять движений, сопровождая каждый дар молотка матом - это давалось сыну намного быстрее и эстетичнее. То, что не могла сделать мать, пытаясь приготовить обед и одновременно перестирать кучу белья разных цветов и фактур - все это мгновенно в уме распределял сын, после чего матери оставалось только следовать его инструкциям.

Он стал логичнее - а значит, для общения с компьютером подходил едва ли не идеально. Он не был творцом - скорее, исполнителем; авторы вирусов, эксплоитов и хакерского софта могли бы петь ему дифирамбы за внимательное и трепетное отношение к их творениям. То, как он использовал чужое оружие для того, чтобы достигать собственные цели, могло войти во многие учебники по сетевой защите, взлому и препарированию чужих компьютеров. Порой ему казалось, что все уже сделано - все уже написано, применено, из всего уже высосан максимум КПД; но нет - очередной рейд по хакерским сайтам, очередная порция уязвимостей и, как следствие, новая порция нападений, хулиганства и всякой другой гадости, делающей Мишку Лукашенко счастливейшим из смертных. Так мог радоваться киллер - очередной модификации глушителя или появлению механизма стрельбы без отдачи, или еще чему-нибудь, могущему помочь отправить на тот свет как можно больше людей без вреда для собственного здоровья.

Лукашенко и был сродни киллеру-профессионалу. Как-то так получилось, что у него появились заказчики - на всякую работу есть спрос, нашлись желающие и на такую, что предлагал Мишка. А предлагал он ее рьяно - используя анонимные доски объявлений в Сети, оставляя сообщения в хакерских конференциях, проводя какие-нибудь показательные взломы сайтов с последующим громким хвастовством в Интернете. Поначалу мало кто откликался на подобное кликушество - слишком много таких «мальчиков со сканерами» бродило по Сети в единицу времени, слишком много подобных подвигов приравнялось к ха-

керству, будучи на самом деле обыкновенными «пантами».

Отсутствие понимания поначалу оставляло его равнодушным - он прекрасно отдавал себе отчет в том, что у его славы должна быть некая экспозиция, должно пройти время, за которое он просто обязан примелькаться в ряду таких же, как и он сам, стать вначале более заметным, а потом втереться в доверие к авторитетам.

Периодически его работы попадали на страницы сайтов, коллекционирующих взломы - и тогда он гордился этим и ждал предложений, проверяя почту по пять-шесть раз в день. Каждый раз, когда в диспетчере сообщений появлялась надпись «Новых писем нет», он со злостью шипел на весь свет, на слепых котят, не видящих ничего на экранах своих мониторов, на самого себя за очередное бездарное и незаметное творение - короче, виноваты были все вокруг.

И вот однажды пришел ответ - более чем откровенный и желанный. Предлагали, уговаривали, хотел, подсказывали, сами просили совета - ребята неизвестно откуда, со сложно читаемыми никами запросто взяли его в команду, после чего он постепенно выбился среди них в негласного лидера. Он манипулировал людскими ресурсами, раздавал задания, помогал не справившимся, наказывал неумелых и самоуверенных - короче, взялся за дело всерьез и надолго...

Казаков был одним из тех, кто оказался в той команде. Каким-то образом он оказался ближе других к Лукашенко; они сдружились с Мишкой поначалу виртуально, а потом и в реале. Дружба оказалась крепкой - они встретились, будучи жителями одного города, после чего их встречи стали носить регулярный характер; именно в такие минуты рождались самые необыкновенные их проекты. Тот, ради которого он сейчас орудовал на кладбище лопатой, был создан и разработан именно в такие минуты...

* * * * *

Что-то изменилось вокруг. Не потому, что шум и потоки тепла нарушили сложившееся здесь равновесие - просто добавилось нечто, чего раньше не было, нечто, сдвигавшее время и

пространство. Сверху послышался шум, равномерный и не очень приятный - что-то шуршало, царапало, стучало, скрипело. Серебристый провод внезапно вздрогнул, когда откуда-то сверху упала маленькая крошка земли. На несколько секунд шум затих; потом начался вновь.

Мраку, холоду и тишине пришел конец. Осталось только дожждаться.

Он дождется.

* * * * *

Тележка движется, словно танк. Человек, толкающий ее перед собой, не замечает никаких преград; за спиной остались десятки затоптанных клумб, несколько сломанных скамеек и пара оборванных чугунных цепей - как он умудрился сделать это, оставалось только догадываться.

- Какие к черту розы... - ругался сторож, медленно продвигаясь к цели. - Какие розы, я спрашиваю...

Никто не отвечал ему. Тот, кто производил те самые звуки, что взбудоражили сторожа, его явно не слышал, да и не подозревал о том, что к нему приближается кто-то с вполне обоснованными претензиями. Лопата звякала, комья земли взлетали в воздух, чтобы приземлиться невдалеке; сторож, покачиваясь из стороны в сторону, нащупал в кармане конфету, одной рукой развернул ее, сунул в рот, отвлекся на сладкий приторный вкус...

И тут же, споткнувшись о какую-то железяку, которых в большом количестве можно было найти в этой части кладбища, рухнул на землю, как подкошенный. Руки выпустили тележку; комок слюны, щедро загустевший от шоколадной конфеты, ринулся куда-то в глотку. Удар головой и спазм в горле совпали. Он попытался крикнуть и с ужасом понял, что задыхается. Воздух - тот самый воздух, которого было полно вокруг, который только секунду назад свободно проникал к нему в легкие - неподвижно застыл перед ним; он словно увидел его, застывший и желанный. Широко раскрытые глаза в ужасе смотрели на себя со стороны - кровь, льющаяся откуда-то из большой раны на виске, окрасила траву и тропинку рядом с его головой. Солнечный свет, приобретший непонятный зеленый оттенок, перестал до-

ставать до его зрачков; тошнота, слабость, пот, дрожь в теле - все это обрушилось на него вместе со страхом смерти. И уже теряя сознания от удара головой, он вдруг почувствовал, как в горле что-то стронулось с места, комок сладкой и вязкой слюны рванулся в желудок.

И воздух, такой же сладкий и желанный, ринулся в легкие. А через мгновение наступила тьма.

* * * * *

Казаков решил отдохнуть. Недолго, несколько минут. Отдых был жизненно необходим - стало сводить кисти рук от напряжения. Сколько земли было перекидано за это время, что он здесь - трудно сосчитать. Он стоял в могиле уже почти по плечи - правда, он не ставил себе цели раскопать ее полностью до того состояния, в каком она была, когда туда опускали гроб. Получалось, что он рыл колодец, ведущий его непосредственно к изголовью.

Положив лопату поперек вырытой ямы, он подтянулся и выбрался наружу. Захотелось прилечь, вытянуть ноги. Казаков не стал долго думать над тем, как отзовется его усталый организм на лежание на сырой земле - лег, поднял глаза к небу.

Вечерело. Скоро должны были показаться звезды. Казаков потянулся, скрипнув всеми суставами; скосив глаза в сторону насыпанной кучи земли, он оценил свою работу. А потом зажмурился и вспомнил Лукашенко...

Когда-то им с Мишкой крупно не повезло. Они-таки вляпались. Их разудалое хакерство привело к тому, что, сами того не зная, они сломали то, что ломать крайне не рекомендовалось. Базу одного ночного клуба.

Вроде бы ничего особенного; подумаешь, какой-то ночной клуб. Что там может быть сверхъестественного? Но это было не так...

Люди, сильные мира сего, использовали этот клуб для отмыывания больших сумм «грязных денег». Все деньги, проходившие через его бухгалтерию, имели «черный след». Ни Лукашенко, ни Казаков сотоварищи этого не знали - да и не думали об этом.

Их красиво вычислили - люди по ту сторону линии фронта были не в пример подкованнее и авторитетнее. Вычислили настолько точно и безукоризненно, что оставалось только прийти к Лукашенко домой, взять его за белые ручки, отвести в ближайший карьер и пустить там пулю в лоб - и это несмотря на то, что сам Мишка никакого интереса к содержимому базы не проявил, данными не воспользовался и вообще: наплевал на все, кроме самого факта взлома.

Профи из бригады, ответственной за безопасность и тайну перемещения «черных» финансов, вычислили Лукашенко при входе в систему, отследили его адрес в Интернете - вплоть до подъезда, настолько шикарной картой города обладала команда обороняющихся. Мало того, что все Мишкины действия фиксировались в журнале - писались логи, отмечалась вся сетевая активность его друзей, все телефоны стояли на «прослушке» - кроме того он сам был объектом пристальной слежки. Про него знали все - какие сигареты и какие чипсы предпочитает, по каким дням ходит в магазины, а по каким на рынок; знали имена двух его девушек (при этом не удивляясь, что они ни разу не встретились - парень алгоритмизировал даже личную жизнь, графики обеих подруг не пересекались никоим образом). Дополнительно в банк данных заливалась информация о его родителях, соседях по лестничной клетке и еще много чего другого - вдруг пригодится?

Сам Мишка никогда не относил себя к категории преступников, которых тянет на место давних развлечений во второй раз - он никогда не заходил на один сервер дважды. Так что хозяева ночного клуба находились в полной безопасности - ничего с сервера Мишка не вынес, кроме морального удовлетворения; никакая информация не стала его достоянием, он и не пытался пробиться сквозь дебри чужих паролей. Но знать, что в городе существует хакер подобной квалификации и не принять превентивных мер - означало когда-нибудь попасть под мощный пресс его сканеров и брутфорса. И тогда пароли могли не выдержать...

Переломным моментом можно считать тот день, когда руководитель группы сетевой защиты ночного клуба «Селена» был ознакомлен с содержимым планировщика Мишки, который был не менее красиво, чем все остальное, утянут с его компью-

тера. Вор у вора дубинку украл... И тогда стало ясно, почему Михаил Лукашенко, один из самых удачливых хакеров последнего десятилетия, часто отказывается от высокооплачиваемой работы.

Каждый вечер у него в планировщике стоял пункт «Импровизация». И вот эта самая импровизация выбила его противника из колеи напрочь. Он вдруг понял, что парень просто не в состоянии жить без «лома». Так и виделось, как он садится за комп ровно в двадцать три часа, кладет пальцы на клавиатуру, как на рояль, и думает - кого же сегодня? Кто жертва на этот раз?

О подобном образе выбора цели было доложено человеку, занимающему в финансовой цепочке руководящее положение. Стало ясно, что Лукашенко создан для того, чтобы находить дыры в чужой защите - и когда он сломает все, что можно сломать, он подпилит ножки того стула, на котором будет сидеть...

...Казаков встал с земли, отряхнулся, скептически оценил глубину вырытой на данный момент ямы, поплевал на ладони и, подхватив черенок, спрыгнул в нее.

- Зачем все это было нужно? - говорил он сам с собой, роясь в могиле и выбрасывая вверх комья песчаника, смешанного с какой-то желтоватой глиной. - Идиотское завещание... Прямо Джимми Хендрикс! «Положите со мной в могилу гитару...» Нахрена было хоронить вместе с ним ноутбук? Любитель эффектов ты, Мишка! Ты хоть представляешь, сколько тут еще копать?..

...Лукашенко, конечно, любил всякого рода эффекты - внезапность, красоту, наглость и много чего другого, что примешивал к своему труду. Вот только умирать он не собирался. Потому и не верил - до последнего...

Когда к нему пришли плечистые ребята в строгих костюмах, он даже не сразу понял, о чем речь. Все было настолько красиво и интеллигентно, что он просто поддался на эту атмосферу Аль Капоне и Америки тридцатых и, сам того не замечая, подыгрывал им в своей собственной смерти. Ему даже было позволено написать завещание.

Он сделал это. Написал. Точнее будет сказать, напечатал, сохранив его на ноутбуке. Текст был адресован Димке Казакову.

Конечно, среди тех, кто пришел его убивать, нашелся человек, способный понять смысл написанного и попытаться найти

там некую тайнопись, шифр, код. Но Лукашенко в последний день своей жизни был более чем гениален. Понять его смог только Димка...

Потом его вывели, усадили в джип, вывезли за город... Сопротивлялся он или нет - не знает никто. Последние минуты его жизни остались загадкой для всех - как он вел себя, пытался ли освободиться или нет, старался ли спасти свою жизнь... Факт остается фактом - нашли его через сутки с простреленным сердцем. Еще через несколько часов Казаков вместе с сотрудниками милиции читал завещание.

Глядя на эти строки, можно было заподозрить все, что угодно - но только не то, что видел там Казаков, с трепетом читая завещание, оставленное ему тем, кого уже не было в живых. Сотрудники отдела по расследованию убийств пытались вытянуть из Димки хоть какое-то признание. Но Казаков молчал, потому что послание было более чем всеобъемлющим - при некотором стечении обстоятельств Казаков оказывался единственным наследником всего того, что Лукашенко успел добыть за свою короткую хакерскую жизнь.

Расследование зашло в тупик - никто и никаким образом не смог объяснить мотив убийства и найти тех, кто был к нему причастен. Просто-напросто все, кто был заинтересован в происходящем, получили некую долю информации, ни к чему не обязывающую - и на этом все закончилось. Мишка унес свою тайну в могилу. И только Казаков знал, что надо делать...

* * * * *

Свет ворвался в глаза, такой внезапный, неожиданный и яркий... Зрачки уменьшились в размерах, лучи остановились на полпути. Стон сорвался с губ произвольно, как неотъемлемая часть действительности - не застонать было невозможно. Глаза метнулись по кругу - ни на чем не останавливаясь.

Пальцы сами собой ухватились за пустоту, потом напряглись, вытянулись, как спички, цапнули несколько раз воздух - и вот она, тележка. Оставалось только встать...

На это сил понадобилось намного больше, чем хотелось. Головокружение обрушилось на него, как какая-то болезнь - за-

кружило, завертело, захотелось упасть и расслабиться, отдаться на волю волн, захвативших сознание...

Через несколько секунд зрение вернулось с прежней четкостью. Сторож привстал, попытался распрямить ноги, и сразу же ухватился за голову - туда, где выросла большая припухлость, где тонкой струйкой текла кровь...

Тошнота ввинчивалась ему в мозги, как сверло.

Он старался избавиться от нее, защищаясь, как мог. Но вдруг снова раздался звук, вогнавший его в то состояние, в каком он находился все последнее время...

Снова лопата звякнула о камень.

И он понял, что должен остановить того, кто это делает.

Должен. Иначе его существование теряет смысл.

Он - сторож. Надо остановить. Надо... тележка скрипнула, начав снова двигаться следом за ним. Он остановит... Конец пути был близок.

Кто бы это ни был - он прекратит свою работу.

Иначе...

* * * * *

Казаков копал, как заведенный. Лопата мелькала перед его собственными глазами, комья земли взмывали над краем выкопанного им колодца, чтоб исчезнуть в куче песчаника. Внезапно лопата стукнула по дереву.

Он замер, аккуратно повозил острием лезвия по тому месту, которое издало деревянный звук, и увидел обтянутую красным бархатом крышку гроба. Работа подходила к концу.

Он опустил на колени и руками расчистил место в изголовье, которое он сумел освободить от земли. Колодец получился не очень широким, но присесть в нем на колени удавалось без особых проблем.

Руки ощутили крышку гроба, пальцы прочувствовали ткань, которой он был обтянут... Казаков встал во весь рост, протянул руку к своей сумке, что лежала сейчас наверху. На свет был извлечен гвоздодер - не очень большой, так себе - лишь бы выдернуть гвозди из крышки, лишь бы добраться до Лукашенко.

Крышка гроба поддавалась без особых усилий - и это несмотря на то, что половина гроба была под землей, туда Казаков просто не добрался, не хватило сил. Да это особо и не требовалось - самое главное было у Мишки на груди, там, куда положили ноутбук.

Сердце екнуло не один раз - когда хрустели доски крышки, когда рвалась ткань. Через несколько минут Казаков увидел лицо Мишки.

Смерть не щадит никого - непреложный закон жизни. Лицо друга, оказавшегося в таком молодом возрасте за чертой, напоминало жуткую маску с бразильского карнавала. Расплывающиеся по лицу пятна неопределенного цвета, отвратительный запах, словно осязаемым облаком рванувший вверх - все это заставило Димку вскрикнуть. Пусть негромко, пусть коротко, - но все-таки он не сумел сдержать страха и боли.

Застыв на минуту, Казаков думал о том, как он заставит себя прикоснуться к телу, как сможет достать из-под его сложенных на груди рук компьютер и сделать то, ради чего он здесь. Слюна застыла вязким комком, сердце заколотилось все быстрее; он засунул руку под крышку, которая от его усилий все-таки треснула, и провел пальцами по костюму, в котором Мишку хоронили.

Ткань мягко убежала под рукой; отворот, галстук... Наткнувшись на руки, он снова вскрикнул от неожиданности. Страх и желание сделать все как можно быстрее притупили его внимание; если бы он в этот момент посмотрел по сторонам, то заметил бы, что рядом с ним появилась дополнительная тень.

Кто-то стоял за спиной...

- Ну давай же! - торопил Димка сам себя, пытаясь вытащить ноутбук. Он почему-то находился под действием мифа о том, что все мертвецы твердые и холодные, как камень, поэтому был неприятно удивлен и в очередной раз испуган мягкостью ладоней и теплом, поднимающимся из гроба.

Потом он увидел тот самый провод, о котором упоминалось в предсмертном письме Лукашенко. Никто так и не понял, что и с какой целью пытался сказать в завещании Мишка. Знал лишь Казаков.

Он вытащил ноутбук на свет, откинул крышку и поразился тому, что компьютер уже был включен - Лукашенко, стоя перед лицом смерти три дня назад рассчитал все очень и очень точно.

Димка взялся за кончик серебристого провода и пошарил ладонью по отвороту Мишкиного пиджака. Скоро его пальцы наткнулись на маленькую, с булавочную головку, клемму, к которой он и присоединил провод.

Костюм, напичканный металлической сеткой, был огромной спутниковой антенной. Когда-то давно, еще будучи подающим большие надежды радиолюбителем, Лукашенко ради каких-то опытов сделал из своего пиджака передвижную радиостанцию, пропустив через него сотни мелких проводов в виде сети. Теперь это его изобретение, о котором не знали даже его родители, должно было выполнить свою последнюю задачу.

Когда провод пристегнулся к клемме, Димка откинул крышку ноутбука, вызвал консоль и, вытащив из кармана рубашки листок с несколькими командами, внимательно их повторил, набрав с клавиатуры.

На экране появилась довольно медленно ползущая полоска синего цвета.

Казаков смотрел на нее, не отрываясь. Со счетов ночного клуба «Селена» утекали деньги. Все деньги. И Казаков становился их единоличным владельцем.

Этакий прощальный поклон из могилы. Никто и никогда не отследит этот сигнал, отправленный Мишкой Лукашенко после своей смерти. Полоска ползла, ползла к финишу...

Тысячи, десятки тысяч долларов. Чьи-то жизни. Чьи-то смерти. Чье-то величие, боль, радость, признание... Все это становилось собственностью Димки Казакова.

И когда лезвие лопаты, оставленной наверху, развалило ему голову пополам, он даже не успел удивиться или испугаться. Он просто перестал существовать.

Полоска доползла до конца. Короткое «бип» совпало со звонком рюмки, разбитой о памятник. Шумный выдох, потом отвратительный хрипящий кашель. Лопата падает на землю.

- Паскуды, - шепчет сторож, разглядывая лезвие, окрашенное кровью. - Могилы разрывают... Придется поработать...

И он, с трудом шевелясь, начинает закапывать лежащего на дне ямы убитого Казакова - сначала спихивая ему на голову землю ногами, потом подхватив лопату.

Камни и песок сыпались на раскрытый экран ноутбука, постепенно пряча под толстым слоем грунта тайну денег «Селены». Сторож старался успеть до захода солнца - букетов вокруг могилы было очень много, надо их еще собрать, довести до домика, освежить колодезной водой и приготовить для перепродажи.

Скоро последние следы Димкиной крови исчезли с лезвия лопаты. Похоронив Мишку Лукашенко второй раз за один день, сторож принялся укладывать розы на тачку.

Голова у него уже не болела...

НОЧНАЯ РАБОТА.

Тушина уже очень давно не вызывали среди ночи - так давно, что он напрочь позабыл, как трезвонит в квартире телефон после полуночи. Досматривая пятый или шестой сон, он с непониманием вслушивался из глубин Морфея в странный и неприятный звук, доносившийся из ниоткуда. Он тащил Тушина из-под одеяла в сторону прикроватной тумбочки помимо его воли - где-то внутри еще прятался врач «Скорой помощи», отпахавший свои одиннадцать лет в реанимационной кардиобригаде. И как ни хотелось зарыться под подушку, как ни хотелось продолжать смотреть сон, в котором школьные друзья вперемешку с коллегами посреди незнакомого леса жарили шашлык - пришлось открыть глаза и протянуть руку...

«Не дай бог ошиблись номером», - подумал он, пристраивая локоть на подушку.

- Да... Да, это я.

В трубке звучал взволнованный голос Венечки Смирнова:

- Петр Михайлович, вы должны приехать... Это... Я не возьму на себя смелость...

- Криминал? - сонно спросил Трушин, отметив про себя, что Вениамин даже не извинился за столь поздний - или уже ранний - звонок. - Ты там что, один?

- Так получилось, Петр Михалыч... Я отпустил лаборантку, у ее сына сегодня юбилей, двадцать лет. Она так просила, что я не смог отказать. И теперь...

- Так, стоп, - прервал тираду Трушин. - Смирнов, ты пока еще представляешь, кому ты звонишь?

- Да, - коротко выдохнул на том конце провода Венечка. - Вы думаете, это так просто было - взять и ваш номер набрать в полвторого ночи? Я тут вокруг телефона уже десять минут хожу и сам себя уговариваю.

«Так... Полвторого. Хоть время узнал».

- Ты можешь толком рассказать, зачем я тебе понадобился?

- Вы решите, что я пьян, Петр Михалыч. Или еще что-нибудь. Я вам вызову такси и сам заплачу, только вы приезжайте, пожалуйста, потому что они тут не уходят, а я просто боюсь... Дальше лезть...

- Они? Кто такие «они»? - переспросил Тушин, догадываясь об ответе.

- Милиция. Вы же сразу сказали - «криминал».

- Я не сказал, я спросил. Это разные вещи. В общем, поверим на слово, что ты так просто среди ночи мне бы не позвонил. Такси не надо, сам доберусь, у меня машина во дворе.

Тушин положил трубку, сел на кровати, нащупал тапочки. Что там за чертовщина у Смирнова?

Встав, он прошел в ванную, залез под душ, поддал холодной, чтобы быстрее проснуться. Мышцы заходили ходуном под кожей, пытаясь дрожью спасти Тушина от ледяных струй. Выдержал он всего минуту, потом выскочил из-за полиэтиленовой шторки и принялся энергично растираться. Сон как рукой сняло, осталась только усталость, ощущение того, что не отдохнул, как следует, сон не досмотрел...

Иногда он вспоминал свои «скорпомощные» будни - и четко помнил, что после трех часов ночи не испытывал к больным ничего, кроме плохо скрытого раздражения. Люди, вызывавшие его в такое время, обычно болели давно и сильно, но почему-то считали, что самое главное - это пережить ночь, дожидаться утра и вот уже тогда... Но практически никто с ночами не справлялся - ни сердечники, ни больные животы, ни почечные колики. Приходилось - наряду с уколами анальгетиков и таблетками нитроглицерина читать унылые злые лекции на тему «Где вы были раньше?» Люди частенько обижались, несколько реже извинялись - но ответа на свой вопрос Тушин так за все годы работы так и не добился. Пожатие плеч, разговоры типа «Я думал, пройдет» или «Да не хотелось вас беспокоить...» его, че-

стно говоря, раздражали. Кого же еще беспокоить, если не «Скорую помощь»?

Вот и сегодня к нему вернулось давно забытое чувство - кого там еще принесло на ночь глядя? Правда, помощи просил его коллега, подчиненный - это накладывало определенные обязательства. В таких случаях надо молча идти и делать свое дело, беря часть ответственности - или всю - на свои плечи. Вполне возможно, что мнение Тушина окажется последней инстанцией, которая снимет все возникшие вопросы. Иногда достаточно было только его имени и авторитета. Из головы не выходило то, что Смирнов даже не стал ничего объяснять по телефону - он просто поставил Тушина перед фактом. Дело, по мнению Венечки, того стоило.

Петр Михайлович оделся, вышел во двор. «Ракушка» стояла прямо напротив подъезда, более удачного расположения гаража трудно было желать. Металлическая дверца лязгнула, складываясь, из темноты показался капот его автомобиля.

Машина мягко выехала из гаража; Тушин, продолжая рассуждать о том, что же могло случиться, сел за руль и направился к своему месту работы, где его ждал Венечка Смирнов.

В пути он долго размышлял о том, по каким причинам решил сменить свою работу - такую беспокойную и нужную, нужную до слез, до криков и мольбы профессию врача скорой помощи на... Как бы это помягче выразиться...

- Да говори уже прямо, - вслух сказал Тушин. - Надоело тебе слушать крики и видеть все эти слезы. Надоело. Хотя - неужели на новом месте этих слез стало меньше?

По сути дела, ответ был положительный. Меньше. Причем реально меньше. Да и были эти слезы какими-то уравновешенными, что ли. Сам Тушин старался их не замечать, считая все это издержками профессии, к людям не выходил, ничего никогда не рассказывал, решаясь на разговоры только в крайних случаях. Для этого у него были подчиненные, которые умели хорошо и складно объяснять, что да как.

Петр Михайлович аккуратно вел машину по ярко освещенным улицам ночного города и вспоминал свою молодость на «Скорой». Вспоминал коллег, фельдшеров, водителей; он помнил каждую машину, на которой совершал свои выезды сутки

через трое, а иногда и чаще; он и сейчас мог найти такие районы города, о которых имели довольно слабое представление даже таксисты. Помнил каждую смерть и каждого спасенного... Хотя вряд ли - скорее всего, он лукавил. Невозможно помнить столько людей, которых ты доставил в центральную клинику больницу, ногами открывая дверь в приемное отделение. Невозможно помнить свое кладбище - можно только вспоминать отдельные холмики на нем, отметки о прожитых годах. Он и пили почти всегда молча, умалчивая о том, о чем думали - хотя их вечеринки порой бывали крайне шумными, пока кто-нибудь не начинал говорить о работе. И тогда чья-нибудь жена тихо кивала таким же, как она - терпеливо ждущим, когда все кончится. И все мирно кончалось, все расползались по своим норам до следующей смены.

Но в какой-то момент все сломалось и покатило к черту. Тушин вдруг понял, что кроме цинизма и наплевательского отношения к смерти, в его душе не осталось ничего. Ничего, что могло бы удержать его от морального разложения на работе. Несколько раз он достаточно равнодушно провожал в последний путь людей прямо на носилках внутри машины - а потом узнавал, что они чьи-то родственники, знакомые, друзья. Его это перестало задевать - так, как задевало раньше, в институте, а потом в первые годы работы.

И он ушел. Ушел, удивив всех своих коллег - мало кто решался на такой поступок. Ушел, сидел полгода дома, осмысливая свой внутренний статус. Жена молчала, терпеливо ожидая, когда к ее грошовой зарплате учителя добавится хоть что-то. И когда это «что-то» добавилось - собрала вещи и ушла к матери.

Конечно же, он нашел работу. Конечно же, он не смог уйти из медицины. Просто медицина бывает разная. Жена не поняла.

Он ушел из мира живых и стал патологоанатомом. Ему удалось возглавить патологоанатомическое бюро - правда, опыта работы у него было немного, но должность оказалась больше административная, хозяйственная. Он пошел на нее едва ли не с радостью - так ему претило видеть сам процесс умирания, что он был готов оказаться по любую его сторону. Выбрал сторону смерти. С живыми он был не в состоянии продуктивно общаться - не хватало ни желания, ни терпения. Бессмыслица получа-

лась; он даже не мог толком проконсультировать соседей по подъезду - они раздражали его, как раздражает пяточная шпора. Глупо, больно - и ничего не поделаешь.

В мире смерти все оказалось проще - люди плакали меньше. Он погрузился в пучину свидетельств о смерти, хозяйственную волокиту, ремонт холодильников, работу со студентами, отдавшими себя судебной медицине. Сам понемногу читал специальную литературу, пытался вскрывать - благо, бог силой не обидел. Вначале под руководством опытных коллег, потом сам - что попроще. Про себя называл свое бюро, ставшее ему вторым домом - «Бюро грустных услуг». По городу, как грибы после дождя, расползались всякие «Валькирии», «Тихие обитатели», «Обелиски» - Тушин не хотел опускаться до подобного уровня. Никаких названий. Никаких акционерных обществ. «Нельзя наживаться на смерти» - в этой фразе встречаются два слова, которые не могут существовать вместе. Он закрывал глаза на то, что его товарищи по работе берут деньги. Сам не брал. Во-первых, он не был профессионалом - а, следовательно, мог взять деньги за ошибку. Во-вторых - смотри выше.

Иногда он задумывался - есть ли на свете причина, которая заставила бы его принять деньги за свою работу. Болезнь близких; безвыходное положение вроде пожара, унесшего все, что ты нажил; обыкновенная внезапно проснувшаяся человеческая корысть. Факторов было много, но ни один не доставал до Тушина. Он тащил на себе «Бюро грустных услуг» за обыкновенную зарплату, чем снискал небывалое к себе уважение. Одни врачи помогали ему на вскрытиях, другие втихую исправляли его ляпсусы в надиктованных протоколах, третьи просто не забывали угостить его чашкой кофе. Уважали его все. Не все понимали...

Дорога стала практически пустынной, скучной и однообразной. Тушин включил радио, пытался вслушаться в трепотню неспящих ди-джеев - разговор у них явно не клеился, чьи-то телефонные звонки все время обрывались, они нервничали, пытались шутить, причем пару раз довольно удачно, но на общем фоне Тушин даже не улыбнулся. Они словно чувствовали, что сейчас их слушает человек, едущий на встречу со смертью - пусть не со своей, но все-таки... Петр Михайлович покачал головой; не

хватало только дождика для полного счастья, чтобы ветер кидал листья пригоршнями в лобовое стекло, и они прилипали бы, и только «дворники» были в силах сгрести их вбок, расшвыривая по дороге.

И, конечно же, дождь пошел. Несильный такой, еле заметный; в свете фар встречным автомобилям Тушин вдруг заметил, что стекла машины засверкали мелкими точками. Он хмыкнул сам себе, поздравляя за прозорливость; потом прикрыл маленькую щель в окне двери, через которую хотел покурить, включил печку. Спустя минуту вспомнил, что так и не разобрался с режимами обогрева - постоянно путаясь в клавишах кондиционера, он опять нажал что-то не то, окна стремительно покрывались туманом, настолько плотным, что он машинально протянул руку перед собой и протер ладонью лобовое стекло. В получившийся квадратик с трудом различалось, что же происходит на дороге.

Мелькнули сбоку и пропали где-то вдали красные габариты обогнавшей его машины. Брызнул в глаза светоотражатель на знаке «Крутой поворот». Пронеслись мимо несколько полосатых столбиков и длинный отбойник вдоль какого-то забора из красного кирпича. Знакомые ориентиры были сейчас размытыми, нечеткими, появлялись внезапно и так же внезапно исчезали. Тушин немного занервничал, напрягся. Руки на руле быстро вспотели; пришла мысль о том, что давно уже пора сбросить скорость, остановиться, взять тряпку из кармана на двери и, как нормальный человек...

Из темноты вырос, как исполинский гриб, стоящий на обочине «дальнобойщик», не обозначенный огнями. Водитель, остановившийся на ночь в отсутствие кемпинга. Машина, в десять раз выше и в сто раз тяжелее его седана. Контейнер, не помещившийся целиком на обочине, выпирал на трассу, как грыжа.

Тушин едва успел увидеть отблеск, отразившийся от габаритного огня. Он рванул рулем так, как уворачиваются от летящего в лицо камня - сам наклонился за рулем, будто пытался спрятаться за приборную доску.

Машина была послушна, проявив все качества, присущие высшему европейскому классу. Занос был коротким, покрышки слегка взвизгнули на влажной, еще не намокнувшей основа-

тельно дороге. Перед глазами промелькнули штрихи разделительной полосы, очередная порция листвы метнулась на капот. Каким-то десятым чувством поняв, что от удара он ушел, Тушин дал по тормозам, даже не пытаясь вернуть машину на прежнюю траекторию. Его кинуло на руль; все, чего он ждал в это мгновение - когда же она остановится. Он был бы рад чему угодно - пусть она уткнется в ограничительный столбик, пусть скатится в кювет, пусть это будет дерево или дорожный знак. Просто пусть она остановится...

Тормозной путь был длинным. Машина далеко ушла на полосу встречного движения, скособочившись от торможения с незначительным заносом. В полосу, освещенную фарами, попала противоположная обочина с порванной покрывкой на ней.

- Сто-о-ой! - закричал Тушин и потянул на себя руль, как штурвал самолета. И машина, бросив вперед из-под заблокированных намертво передних колес кубометр земли, замерла. Тишина длилась всего секунду; ошалевший от происшедшего Тушин с трудом приходил в себя, чувствуя, как слабеют руки и начинается жуткое сердцебиение. Он отшатнулся от руля, будто тот был покрыт копошащимися гусеницами - с отвращением и испугом; отодвинулся назад, позабыв, что у машины есть двери.

Потом он закричал. Это была жуткая смесь мата и простого крика, мольбы о помощи и проклятий; ударив несколько раз по рулю и вызвав из недр машины длинный гудок, он, наконец-то, вспомнил, кто всему виной. И тогда он вышел из машины.

Все, что случилось потом, он запомнил на всю жизнь.

Навсегда.

Внезапно налетевший порыв ветра был так силен, что Тушин едва не вывихнул себе плечо, пытаясь удержать открытую дверцу. Пыль, дождевые капли, листва, мусорные пакеты - все это взвилось с обочины, закручиваясь в маленький приземленный смерч; Петра Михайловича качнуло вместе с машиной, которая, как парус, откликнулась на ветер жуткими вибрациями. Воздушная масса, будто живая, пересекла дорогу, оставаясь видимой из-за бликов фар на мокрой листве. Смерч ударил в подножие исполинского тополя метрах в ста пятидесяти от Тушина дальше по трассе.

И огромное, просто гигантское дерево, неожиданно качнувшись, упало поперек дороги, разломившись при ударе пополам, пышные ветви тополя вздрогнули, наполовину обронив листву.

Петр Михайлович не мог произнести ни слова. Он обернулся в ту сторону, где стоял трейлер, заставивший его затормозить, чтобы понять, видел ли водитель все случившееся, и обомлел - **ОБОЧИНА БЫЛА ПУСТА.** «Дальнобойщика» нигде не было.

Он явно не мог исчезнуть так быстро - большегрузная машина с огромным контейнером. Не мог, и все. И тем не менее - его не было...

* * * * *

Венечка Смирнов всегда подавал надежды - всю жизнь, сколько себя знал. Для него «подавать надежды» означало то же самое, что для какого-нибудь ученика сантехника «подавать ключи». Его надеждами питался не он сам, а те, кто его окружал - коллеги и соратники.

В тусклом свете молодого дарования выросли и ушли в большую жизнь уже несколько достаточно крупных бездельников, против которых оказался бессилён Тушин с его чистой душой, не способной к конфликтам с бездарностью. Он же сам продолжал оставаться для заведующего светом в окошке, оказавшись не способным к написанию даже самой обычной кандидатской.

Работая, как вол, он наравне с Тушиным тащил все, что только можно, ковыряясь в дерьме, приставляя отрубленные головы к телам, разыскивая на истлевшей одежде следы от ножа и пули - и так уже четыре года после института. Закончив с отличием и получив «красный диплом», он, сам того не ожидая, оказался там, где был и по сей день. Многие считали его просто дурачком - для него же быть с самим Тушиным означало добиться в этой жизни практически всего. Авторитет начальства был высок - и хотя Вениамин довольно быстро понял, что как судебник и патологоанатом Тушин пока еще далек от совершенства, но человеческие качества у него всегда были на высоте.

Смирнов знал, что за глаза их с Тушиным называли «Чай вдвоем» - они частенько задерживались на работе допоздна за чашкой чая (практически никогда за рюмкой горячительного).

Одному из них было некуда спешить УЖЕ, другому - ЕЩЕ. Венечка не обзавелся семьей в свои двадцать шесть лет, с большим трудом представляя себе, как будет знакомиться со своей будущей женой. «А чем вы занимаетесь?» - «Да так, трупы вскрываю...» Тушин много раз пытался его переубедить в том, что обязательно найдется кто-то, кто будет дьявольски заинтересован его профессией (при этом не забывая о собственной жене - полной противоположности данных заверений). Смирнов выслушивал его внимательно, как отца, потом наливал еще чаю, доставал из вазочки конфету и погружался в свои мысли.

И никто, даже самый проницательный его друг Петр Михайлович Тушин, понятия не имел в эти мгновенья, о чем же думает молодой специалист. А думал Венечка Смирнов об удаче.

О синей птице.

И мечталось ему в такие минуты совершить какое-нибудь открытие, которое перевернет все взгляды в медицине - на жизнь, на смерть, на строение человека, на его мысли и чувства. Это должно было быть такое открытие, за которое не обязательно давать Нобелевскую премию - но пусть запомнят Венечку Смирнова В ВЕКАХ. Вот такой он был корыстный в своих мыслях.

А потом вновь начиналась работа, и он погружался в нее с головой, забывая об открытиях и врачебных подвигах - просто у каждого из нас есть своя мечта; и в краткие моменты отдыха Смирнов предавался этим достаточно безобидным мыслям.

Сегодня его мечта готова была материализоваться.

Когда он пришел сегодня в ночную смену, он еще и понятия не имел о том, что работа, которая свалится ему на голову, будет необычной. Все как всегда - зашел в раздевалку, сменил свой строгий костюм на халат, проверил в кармане перчатки и «Паркер», мазнул под носом ароматизатором и вышел в секционный зал.

Работа в тот момент стояла. Прямо перед носом - пара тел на каталках из морга городской больницы. Инфаркты. Фигня. Перевел глаза направо - в углу черный мешок с «молнией». На нем - только маркировка с места обнаружения. Значит, еще не тронули. Жаль, почему-то именно сегодня не хотелось быть «рыбаком».

Уходящий с дневной смены Бобровский подошел, похлопал по плечу:

- Смотри, червячки свежие... На рыбалку не собираешься? - и, рассмеявшись, направился в раздевалку. Смирнов попытался улыбнуться; это у него плохо получилось.

- Ну, в порядке поступления, или как? - спросил он себя. - Может, есть какие-то личные пристрастия?

Пристрастий не оказалось. Заглянул в журнал, отметил, кто в каком порядке поступал; пара санитаров перекинули деда с ближайшей каталки на секционный стол, подложили под шею и плечи деревянный брусок. Голова глухо стукнулась о каменную столешницу.

Лаборантка заняла свое место за столом, положив перед собой фотоаппарат и несколько пустых майонезных баночек. Смирнов коротко кивнул и принялся диктовать ей - все по протоколу.

Спустя минут двадцать, может, двадцать пять, когда выпотрошенное сердце было взвешено на весах и разрезано, когда участок некроза в нем был выявлен и диагноз подтвержден, когда оставалось только лишь зашить тело - дверь в секционный зал внезапно распахнулась.

Ее открыли ударом ноги.

Венечка машинально поднял руки - как хирург за операционным столом, которого отвлекли от работы непрошенные гости. В зал стремительно ворвались несколько человек в милицейской форме; в пяти шагах от двери они замерли, оглядываясь.

Вспомнился старый анекдот: «Приходит мужик на работу, а там - гора трупов!.. - А кто убийца? - Да никто, мужик в морге работал...» Хотя, в общем-то, Венечке было не до смеха.

Вошедшие слегка опешили от того, что увидели - двое последних даже сделали несколько шагов назад. Но потом кто-то, кто еще оставался в коридоре, громко скомандовал - неразборчиво, но внушительно; все расступились, и еще четыре человека в форме внесли в зал носилки с - Венечка ни секунды в этом не сомневался - трупом своего коллеги.

Все трупы, конечно же, выглядят по-разному. В зависимости от того, где, как и когда умирал тот или иной человек. Но вот то, что все они МЕРТВЫ - этого нельзя было не узнать. Живой чело-

век, даже находящийся в крайней степени терминального состояния, никогда не выглядит подобным образом - неестественно.

И Смирнов понял, что предстоит внеочередная работа. Он вопросительно развел руки, словно спрашивая у всей этой милицейской братии - что, собственно, происходит? На его немой вопрос быстро ответили.

Чеканным шагом в зал, замыкая странную процессию, вошел человек с большими звездами на плечах. Венечка, за всю свою жизнь не запомнивший даже погоны рядового, с трудом мог представить, кого в столь поздний час занесло к нему в морг, но сам вид этих звезд парализовал его волю - пусть на какое-то время, но Смирнов полностью выпал из жизни, застыв с разведенными руками, как Будда, и разглядывая красные лампасы, что притягивали его взгляд, словно магнит. Тем временем человек, оглядев зал, остановил свой взгляд на том теле, что лежало сейчас перед Вениамином, кашлянул куда-то в сторону, прикрыв рот кулаком и сказал:

- Долго еще?

- Да, в принципе... Минут десять. Вот... Зашиваю.

- Подождем, - он снова кашлянул и медленно отошел назад на несколько шагов. - Перекур, - кинул он за спину. Потом хмыкнул и добавил:

- Кто не курит, может оправиться.

Венечка проводил взглядом тех, кто с позволения начальства рванул на улицу, пожал плечами и принялся зашивать тело. Он хоть и волновался, но дело делал быстро и аккуратно; лаборантка заканчивала протокол, делала надписи на баночках с макропрепаратами и надеялась на честное слово доктора, который пообещал ей короткий рабочий день - у ее сына был сегодня торжественный день, двадцатилетие, она собиралась пробежаться по магазинам и приготовить праздничный обед.

Пальцы, прижимавшие к кусочку мешковины толстую слегка закругленную иглу, немного подрагивали. Пару раз Венечка ронял иголку, неловко нагибался вниз, стараясь разглядеть ее на кафельном полу в переплетении теней, и чувствовал на себе тяжелый взгляд офицера (что-то внутри нашептывало ему, что это, по меньшей мере, генерал, но вот в каком конкретно звании?..) Офицер курил медленно, уравновешенно,

словно всю свою жизнь провел в окружении мертвецов и формалина. Изредка он бросал взгляды на стены, где Венечка в свое время развешал разного рода репродукции из жизни нечисти, вампиров и подобной им оккультной чепухи. Все, кто работал с ним в морге, давно к этому привыкли - похоже, что и генерал делал это с искренним любопытством, не выказывая и тени неприязни.

- Хм... - издал офицер неопределенный звук возле большого плаката с изображением Дракулы. На плакате был изображен кадр из «Ван Хельсинга», ничего особенно выдающегося; генерал выдохнул дым прямо в дьявольскую физиономию вампира и медленно прошел вдоль стены дальше.

Венечка сделал еще несколько стежков, подтягивая нитку всякий раз, когда видел, что разрез немного расходится. Труп на столе приобретал более-менее человеческие очертания...

- А это? - генерал ткнул окурком в плакат с кадром из того же фильма, на котором был изображен Франкенштейн. - Что за чертовщина?

Вопрос, судя по всему, был обращен в пустоту. Из двоих оставшихся в помещении людей в форме один явно был не готов к вопросу и смутился; сделав вид, что ему здесь не по себе, он медленно вышел в дверь у себя за спиной и пропал. Второй же, напротив, спокойно приблизился к начальству, протиснувшись между довольно упитанным генералом и столом с телом на нем.

- Франкенштейн, товарищ генерал-майор! - бодро прокомментировал он увиденное на картинке. «Генерал-майор...» - отметил про себя Венечка. - Чудовище, человек, собранный по кусочкам...

- Примитивно вы описываете, - внезапно сказал Вениамин, сам не ожидая от себя подобной смелости. Генерал обернулся к нему и пристально посмотрел в глаза.

- Как умеет, - защитил он своего подчиненного. - Мне и этого достаточно...

- Понимаю, - коротко кивнул Венечка и подумал: «Зачем я влез? Хрен с ним, с Франкенштейном... Чего они приволокли-то?» Продолжая зашивать, он принялся разглядывать то, что мог увидеть со своего места.

На носилках лежал человек в милицейской форме. На погонах - это было видно четко - было три больших звезды и два про света. Пришлось напрячься, чтобы понять хотя бы тот факт, что звание достаточно высокое - еще чуть-чуть, и начинаются генералы. Никаких внешних повреждений на теле видно не было, форма немного испачкана грязью, словно его волокли по земле. Следов крови нигде не обнаруживалось...

«Странно, чего это с ним случилось? Судя по эскорту, тут явно не инфаркт. Ладно, чего гадать - еще три минуты, и залезу внутрь, все узнаю...»

- Галина, возьмите себе в помощники вот, товарища (он махнул рукой в того, кто пытался объяснить генерала сущность Франкенштейна) и разденьте того, на носилках... Да, я помню, что собирался вас отпустить. Вы только помогите раздеть - и можете быть свободны.

Лаборантка оставила все свои дела и направилась к носилкам. Офицер тоже подошел следом за ней. Они расстегнули китель, сняли галстук...

- Думаю, до пояса будет достаточно, - внезапно произнес генерал, когда Галя принялась расстегивать ремень на брюках.

- Зато я так не думаю, - вмешался Венечка, к этому времени закончивший свою работу. - Мне он нужен полностью...

- Слушайте меня... - отшвырнул генерал окурков на пол. - Мне нужно знать... Что... У него... В голове! И все!

Смирнов вздрогнул.

- В... В голове? А что там?.. Что в голове может быть такого? Вы бы хоть объяснили мне, что случилось!

Генерал подошел к нему вплотную - так близко, что врач ощутил его прокуренное дыхание.

- Меньше знаешь - лучше спишь. Вскроешь черепную коробку, напишешь нам бумагу о неразглашении и забудешь, что мы здесь были!

Смирнов понял, что генерал говорит так, чтобы Галина его не слышала.

- Бабу свою гони отсюда быстрее! И не дай бог она проболтается...

Венечка коротко кивнул, повернулся к носилкам, где застыла в ожидании лаборантка:

- Галочка, вы свободны... Завтра без опозданий...

Он развел руками в стороны, словно объясняя, что не виноват, но - такие вот обстоятельства... Лаборантка понимающе кивнула и выскочила в раздевалку. Через минуту цокот каблучков сообщил о том, что она умчалась домой.

- Приступайте! - приказал генерал. - И чем быстрее, тем лучше для всех нас!

Венечка подошел к носилкам, присел на корточки рядом с полуобнаженным трупом и прикоснулся к правому запястью. Он так делал всегда перед вскрытием каждого, кого приносили к нему в более или менее целом виде. Он уже не помнит, почему это стало своего рода ритуалом, но без этого работа уже не обходилась - Венечка словно просил прощения у того, кто лежал перед ним, за то, что сделает с его телом в ближайший час.

Кожа оказалась еще не совсем холодной.

- Когда он умер?

Генерал взглянул на часы и ответил:

- Пятьдесят минут назад.

Венечка кивнул, поднялся и попросил помочь поднять тело на стол. И случилось невероятное - сам генерал шагнул к нему, подsunул руки под плечи и поднял глаза на своего помощника в ожидании:

- Ну, чего ждем? Давай, по-быстрому!

Втроем они закинули тело на стол, как пушинку - похоже, генералу сил было не занимать. Форменные ботинки на ногах умершего глухо стукнулись друг о друга; генерал отряхнул ладони и отошел на пару шагов в сторону.

- Если надо помочь, доктор - не сомневайся, поможем, - сказал он, оглянувшись в поисках стула и присел возле стеклянного шкафа с инструментами. Венечка кивнул, зашел со стороны головы, подsunул под плечи деревянную подставку с выемкой для шеи и приподнял веки мертвеца, желая заглянуть в глаза...

От внезапного вскрика врача генерал резко выпрямился и подбежал к столу. Смирнов вдруг осознал, что за истекшие мгновенья оказался на пару метров от трупа; пальцы его мелко и предательски тряслись.

- Что там такое? - генерал встал между мертвецом и врачом.

- Что вы видели?

Венечка вибрирующей рукой молча указал на лицо. Генерал посмотрел туда, куда ему указали, указательными пальцами отодвинул веки, как и доктор несколько секунд назад.

Глаз - не было. Вместо них - неровные шары с перемешанной внутри разноцветной массой. Никакого подобия зрачков, радужки - ничего. Какие-то жуткие глобусы Юпитера...

- Твою мать... - процедил сквозь зубы генерал. - Вот как оно, значит, бывает...

И он внезапно замолчал, поняв, что брякнул лишнее.

- Что бывает? - зацепился за последние слова Венечка. - Что все это значит?! Я не могу работать, не понимая, что делаю! - голос его сорвался чуть ли не на визг.

- Вам придется делать свою работу, - генерал полез в карман за еще одной сигаретой. - Судьба, знаете ли. Так получилось, что выбор пал на вас. Случайный выбор, поверьте. А сейчас - хватит криков. За работу, уважаемый. Как ваше имя?

- Вениамин, - уже тише сказал Смирнов.

- Очень приятно. Афанасий Сергеевич Ливанов, генерал-майор милиции. Для начала хватит...

Ливанов кивнул в сторону инструментов.

- Помогать?

Венечка замотал головой:

- Мне в начале же надо все задокументировать... Протокол и все такое. Сфотографировать, измерить, описать. Есть руководящие документы, которые это регламентируют.

- Понимаю, Вениамин. Но - не сейчас. Да и вообще - вряд ли понадобится. Ты, главное, голову вскрой. Мы его потом унесем, никто и не узнает. Считай, халтурка... А ведь у патологоанатома такое вряд ли встречается. Насчет вознаграждения не заморачивайся - деньги, если хочешь, вперед.

Он полез в карман и вытащил толстый бумажник.

Смирнов смотрел и слушал, будто загипнотизированный. Он вообще плохо понимал, что здесь происходит. Машинально поправив свет над столом, взял из рук генерала несколько купюр, отметив про себя, что это доллары, после чего вынул из шкафа необходимые инструменты и встал у изголовья.

Снятие скальпа - дело не самое трудное, особенно если нож отменно наточен, а за плечами сотни подобных вскрытий. Кожа

вместе с волосами была снята с затылка кпереди и закрыла собой ужасные глаза, обнажив окровавленные кости черепа. Вениамин прошелся по ним пальцами, определил отсутствие линий переломов, попробовал руками, как вращается шея и убедился, что позвонки целы.

Генерал наблюдал за ним с нескрываемым интересом. Он курил уже неизвестно какую по счету сигарету, наполнив дымом прозекторскую. Вот Смирнов взял пилу, пристроил ее ко лбу мертвеца...

Звук был неприятным. Ливанов вдруг понял, что ему хочется выйти отсюда на воздух - не потому, что вдруг стало плохо, нет. Звук... Чертово жужжание пилы... Он с трудом подавил в себе желание сбежать и заставил себя смотреть.

Скоро появились красные опилки, это говорило о том, что зубья раздирают сосудистую оболочку мозга. Смирнов в нескольких местах ударил долотом, снова подправил распил ножовкой...

И вдруг на стол из черепной коробки вылилась густая жидкость, желто-розовая, словно лимонад. Вениамин отступил на шаг, глядя, как крупные капли стекают на пол, и понял, что столько жидкости в норме внутри быть просто не может. Он аккуратно подцепил отпиленный свод и не успел его подхватить - кость упала на пол с отвратительным грохотом.

Смирнов удивленно и одновременно с ужасом смотрел внутрь открывшегося черепа. Генерал подошел и тоже заглянул туда, где полагалось быть мозгу.

ВНУТРИ НИЧЕГО НЕ БЫЛО.

Череп был пуст - лишь кое-где, в естественных ложбинах осталась та самая желто-розовая жидкость, что залила стол и пол. Основание черепа было гладким и ровным, без признаков повреждений.

- Что это значит? - наконец, оторвался от созерцания пустоты Смирнов. - Кого вы мне привезли?

Он вплотную приблизился к Ливанову и понял, что ответа не дождется - судя по всему. Тот ожидал чего угодно, но только не того, что увидел.

Через несколько секунд генерал сумел выдавить из себя что-то, похожее на кашель; более никаких звуков добиться не уда-

лось. Смирнов провел пальцем по внутренней поверхности черепных ямок, убеждаясь в том, что все это не сон.

- Советую рассказать мне хотя бы часть правды - если, конечно, больше вам от меня ничего, кроме этой работы, не надо, - процедил сквозь зубы Венечка. - Или вы сейчас уходите, и я забываю о вас, как о страшном сне, или придется делиться...

- Не думаю, что в этом есть смысл, - внезапно вышел из ступора генерал. - Хотя... Вы бы могли здесь провести анализ той жидкости, что оказалась в черепе? У вас для этого хватит ума, времени, аппаратуры?

- Зачем? - спросил Венечка. - В этом есть какой-то глубинный смысл? Что надо было сделать с человеком, чтобы его мозги превратились в кисель? И не говорите мне, что там их не было с самого рождения, как у всех ваших работников?!

- Смысл есть всегда, - Ливанов отошел в сторону, вынул из кармана сотовый телефон и набрал чей-то номер.

- Да, это я... - тихо говорил он, особо не таясь от ушей Смирнова. - Буткевич мертв. В голове - пусто... Не у меня, у него. Не надо мне хамить, сами понимаете, вина целиком ваша. Да, мозги превратились в какую-то слизь... Мощностъ? Я думаю, он сам решил, какую мощностъ выставить на генераторе...

Ливанов отодвинул телефон от уха, демонстративно не слушая булькающую тираду в ответ; Смирнову не удалось разобрать ни слова, но, похоже, гнева на генерала вылилось сверх всяких пределов.

- Не думаю, что... Что?! Через... У меня мало времени, чтобы принять решение. Это очень маленький срок. Я не... Черт!

Он выключил телефон и посмотрел на Смирнова, словно собираясь сказать ему нечто сверхъестественное.

- Что?.. Что случилось? - Венечка даже стал ниже ростом.

- Везут. Еще шестерых. Я думаю, что будет то же самое - кисель вместо мозгов.

Ливанов опустил на стул и прислонился к шкафу. Инструменты сиротливобрякнули внутри; пустые баночки из-под майонеза, предназначенные для макропрепаратов, издали загадочную тоскливую мелодию.

Все стихло.

И тогда Смирнов вспомнил о Тушине...

Машины он оставил у самых дверей; быстрый взгляд на милицейскую «Волгу», на пару УАЗиков; какие-то причудливые подозрения... Несколько человек курили в сторонке, о чем-то перешептываясь и сплевывая себе под ноги. Огоньки сигарет ярко вспыхивали в темноте возле морга, освещая напряженные измученные лица.

- Как-то многовато их... - буркнул Тушин себе под нос, открывая скрипучую дверь. - Лучше бы на дорогах стояли, всяких дальнбойщиков бы к порядку призывали, глядишь, и поспокойнее бы... Было на дорогах, - закончил он, войдя внутрь и столкнувшись нос к носу со Смирновым. Тот нервно шагал поперек коридора, глядя куда-то в пустоту, и теребил ставший уже навсегда серым халат. Фартук валялся неподалеку на полу, имея на себе множество разводов бурого цвета.

- Что случилось? - спросил Тушин. - Только коротко, - он сделал предостерегающий жест рукой, поняв, что Венечка сейчас пустится в пространные объяснения. Смирнов, наткнувшись на этот взмах ладони, проглотил рвущиеся наружу слова, выдохнул, закрыл глаза, досчитал про себя до десяти и сказал:

- Семь трупов.

- Неплохо для ночи, - изрек Тушин, направляясь к себе в кабинет. - Не останавливайся, докладывай на ходу.

- Все семеро - высокие милицейские чины, - семенил сзади Петра Михайловича Венечка, - Аж генерал приехал на них посмотреть, кстати, фамилия Ливанов, генерал-майор, чего-то очень сильно скрывает. И кто-то на него ох как орет по сотовому...

Тушин внезапно остановился; Венечка ткнулся ему в спину.

- Ты меня вызвал потому, что тебе в тягость семь вскрытий сделать за ночь?

- Вы что, Петр Михайлович! - едва не задохнулся Смирнов. - Как вы могли так подумать? Я ленью никогда не отличался... Просто там такое... Такое!

- Что там может быть? - недоверчиво спросил Тушин, войдя в кабинет и натягивая на пиджак халат; потом понял, что что-то не так, снял пиджак, за ним галстук и вдруг понял, что даже среди ночи оделся, как на прием к мэру.

- У них что-то с мозгами, - развел руками Смирнов. - И я думаю, только Ливанов знает, что случилось. Я вскрыл одного. По приказу генерала - только череп. Там пусто. Только полтора литра какой-то таинственной жидкости розового цвета...

- Нормальный милицейский череп, - брякнул, не вслушиваясь в слова Смирнова, Тушин. - Пусто... То есть как - пусто?!

- Вот то-то и оно, - развел руками Венечка. - А вы - лень, лень... Суть-то в том, что у остальных шестерых, которых привезли через тридцать минут после первого, симптомы те же. Полное отсутствие глазных яблок в том понимании, в каком мы себе можем их представить. Какие-то водянистые шары... Как желток с белком перемешано все, вот только цвет коричневый. Ну, а раз с глазами такая фигня, то я даже вскрывать без вас не стал. Сказал генералу. Он подумал и согласился, чтобы я вам позвонил. Вот так вы здесь и оказались.

Тушин застыл, сумев засунуть только левую руку в помятый рукав. Правая сделала какой-то неопределенный жест в воздухе - нечто вроде «Ага... Страшная сказка на ночь...» Смирнов смотрел на него, не в силах понять, что творится внутри у заведующего - поверил, не поверил, что скажет, какими словами выматерит...

- Короче, кадаверы качественные, - внезапно раскрыл рот Тушин и закончил одеваться. Халат с громким хлопком вытянулся на спине; Петр Михайлович сунул руки в карманы, взглянул прямо в лицо своему сотруднику и, казалось, даже прислушался к дыханию - не пил ли? - Ну-с, идем.

И они отправились в секционный зал.

Войдя в помещение, освещенное несколькими яркими операционными лампами, Тушин немного прищурился и тут же отыскал глазами генерала. Ливанов медленно переходил от стола к столу, вглядываясь в лица тех, кто лежал на них. Столов было всего четыре; трое остальных, которым не нашлось места, остались на носилках около стены с дверями, ведущими в холодильники. Кто-то аккуратно сложил им на груди фуражки; неподалеку, на столике для инструментов, на серо-коричневой простыне, лежали три кобуры с пистолетами и четыре укороченных «Калаша».

Генерал увидел новое лицо, махнул рукой. Тушин коротко кивнул, явив свои аристократические штучки даже здесь, в морге.

- Показывай, - подтолкнул он Венечку. Они подошли к вскрытому черепу. Петр Михайлович машинально протянул руку, но вдруг понял, что без перчаток и на полпути остановился. А через секунду любопытство пересилило.

Он провел пальцем по костям черепных ямок, ощутил каждую выемку, каждое отверстие, каждый бугорок... Этого просто не могло быть. Человек, который еще час назад в милицейской форме шел по улице, имея на поясе пистолет Макарова, а в кармане удостоверение, внезапно лишился мозга! И не просто лишился - то, что было мозгом, стало какой-то цветной жидкостью; Тушин приблизил к глазам мокрый палец, внимательно рассмотрел его, потом понюхал...

Смирнов был готов поспорить на все, что угодно, что Тушин сейчас лизнет каплю, готовую упасть на пол. К счастью, этого все-таки не случилось, доктор вытер палец о полу халата и поднял взгляд на Смирнова. Тот молча пожал плечами и отодвинулся в сторону, потому что услышал, как сзади к ним подходит генерал.

- Что вы на это скажете? - спросил Ливанов. Спросил так, будто они продолжили начатый давно разговор, будто не надо было представляться, что-то объяснять, о чем-то просить.

- Пока - ничего, - коротко ответил Тушин. - Поживем - увидим. Вениамин, возьмем ну... Хотя бы вот этого.

И они отошли к следующему столу. Венечка сбегал за ножовкой и скальпелем, открыл потихоньку кран с водой у изножья. Они вдвоем запрокинули тело на деревянный чурбак, свесив через него голову, Смирнов взял в руки шланг и направил вялую струйку воды себе под ноги, на канализационную решетку стока.

Тушин решительными движениями принялся выполнять ту же работу, что и Венечка около часа назад; сразу же среди сопровождающих нашлись желающие выйти подышать свежим ночным воздухом. Зал опустел - если можно назвать пустым зал, в котором, кроме двух врачей и генерала милиции лежит семь трупов. Привычно жужжала ножовка, привычно стучало долото... И под ноги докторам вылилась желто-розовая жидкость.

Смирнов успел подставить банку. Около стакана набралось, остальное пришлось смыть в канализацию струей воды. Лива-

нов смотрел на все происходящее отсутствующим взглядом, постукивая пальцами по кобуре. Тушин видел перед собой пустой череп и не понимал, проснулся ли он полтора часа назад или все это ему снится...

- Все то же самое, - произнес Ливанов, ни к кому не обращаясь. - Думаете, стоит продолжать? - и он махнул рукой на остальных.

Петр Михайлович присел у окна, покрашенного до половины белой краской, и попытался в маленькое отверстие, выколупанное чьим-то ногтем много лет назад, разглядеть, что творится на улице. Покачивающийся фонарь выхватывал из мрака какие-то непонятные очертания, тени то удлинялись, то исчезали совсем...

- Что вы от меня хотите? - спросил он генерала после пары минут раздумий. - Чтобы я объяснил вам, что это такое? Мне кажется, это под силу сделать вам - но никак не мне. Ведь неспроста все эти тела оказались здесь, неспроста их сопровождает человек с большими погонами, неспроста... Ведь столько человек никогда сразу не умирает - если только не случается что-то, из ряда вон выходящее. А тем более - сразу семь сотрудников вашего ведомства.

Ливанов наклонил голову, слушая все это, потом подошел и встал рядом, прислонившись к стене.

- Вы правы, - он взглянул поверх белой краски, в сторону деревьев. - Но у меня нет другого выхода. Я вел этих людей... Я отвечаю за них. И еще отвечу. Я сам понимаю, что продолжать нет смысла. В остальных пяти головах, скорее всего, то же самое.

И тут всех удивил Венечка.

Он отступил на шаг, прикусил губу. И произнес:

- Петр Михайлович... Это - синяя птица...

- Что? - не поняв, о чем речь, спросил генерал.

- Это бывает раз в тысячу лет... Чтобы такая удача... - Венечка развел руки в стороны, пытаясь обнять воздух. - Ведь такого никогда еще не было! Никто не знал, что такое может быть!

- Удача?! - поднял брови Ливанов - Смерть семерых подчиненных - удача?! Что вы несете?

- Да это же Нобелевская премия, как вы не понимаете! - закричал Венечка в пустоте зала. - Мы в одном шаге от грандиоз-

ного открытия! С этими людьми случилось что-то из ряда вон выходящее, мы просто обязаны описать это, явить это миру и получить всю причитающуюся нам славу первооткрывателей!

Тушин выслушал эту тираду и опустил глаза в пол. Он был уверен, что все не так просто и радужно...

Генерал сжал кулаки, пальцы хрустнули; Смирнов вздрогнул от этого звука и посмотрел в глаза Ливанова. Тот с трудом сдерживал себя.

- Во-первых, это государственная тайна... - начал генерал, но тут же понял, что говорить надо не об этом. - Да причем здесь... Я могу вам все объяснить. Если хотите. Правда, вы станете невольными соучастниками. Но я ни за что не хотел бы, чтобы из этой истории получилась нобелевская премия. Она по определению недостойна...

Он хотел было продолжить, но Тушин внезапно остановил его жестом и спросил:

- Чем нам будет грозить это знание? Парой подписей в бумагах? Смертью? Чем? Только честно. Вполне возможно, я не захочу слушать.

Ливанов замер на полуслове. Казалось, он не ожидал подобного вопроса. Оттолкнувшись от стены, генерал прошел вдоль столов к тем трупам, что лежали на носилках, прикоснулся к пистолетам на столе. Было видно, что ему нужно время, чтобы собраться с мыслями. Пауза затягивалась. Нетерпеливый Смирнов переводил взгляд со своего заведующего на генерала и ждал. Ждал и Тушин.

- Кто-нибудь из вас испытал сегодня что-то необычное? - спросил Ливанов оттуда, от стола с оружием. - Ну, какие-нибудь видения, неприятные ощущения, черт его знает, что еще! Я не могу описать весь спектр тех явлений, что могли посетить вас! Я просто не в состоянии - потому что не имею об этом полного представления!

Тушин поднялся и, склонив голову, с силой зажмурил глаза. Дальнобойщик на краю дороги.

Визг тормозов, листья, которые ветер швырял ему на лобовое стекло.

Падающее дерево.

Запах горелой резины.

- Было, - ответил он. - Было. Вы можете это объяснить?

- Могу. Хотите ли вы это услышать?

- Теперь - да, - кивнул Тушин. - Одно из таких видений волей или неволей спасло мне жизнь по дороге сюда. Говорите.

Венечка опустил на тот стул, что освободил Петр Михайлович и прислонился затылком к холодному кафелю.

- Сегодня на одном из секретных полигонов Министерства внутренних дел проводилось испытание нового оружия... Не совсем нового, аналоги существуют уже некоторое время, но по силе сегодняшней экземпляр превосходил все, что было раньше, в разы. Поскольку по определению у милиции не может быть какого-то сверхмощного оружия - и это действительно так, тут уж поверьте - то полигон находится совсем рядом с кольцевой. Практически среди людей...

Ливанов остановился, собираясь с мыслями. Первые предложения дались ему явно с большим трудом, он находился под мощным давлением чувства долга и государственной тайны - двух составляющих, которые сопровождали его на протяжении всей службы.

- Вы где живете, доктор? - обратился он к Тушину. - Не отвечайте, для меня главное район. Где-то на севере Москвы?

Петр Михайлович кивнул.

- Значит, я угадал, - Ливанов криво улыбнулся. - И вас зацепило...

Тушин хотел спросить, чем зацепило и почему, но вдруг понял, что Ливанов сам все расскажет. По порядку. И Ливанов продолжил:

- Это оружие - из того разряда, что называют психологическим. Уже давно над нашим - и не только над нашим - ведомством витает мысль: «Как бы научиться воздействовать на умы толпы, чтобы не дать ей совершать всякие противоправные действия?» Извините, ничего не поделаешь, язык казенный, привык. Так вот, всякого рода излучатели, устройства для подавления воли пытались изобрести давно. Проверяли их разными способами - на животных, на заключенных... Вроде бы работало, но - эффект был уж очень непостоянным. То, что заставляло одних убежать в страхе, у других вызывало лишь улыбку.

- Разброс был огромным, - вставил слово Тушин. - Но ведь это логично - человеческий мозг настолько непредсказуем, что просчитать все варианты воздействия на ментальную сферу невозможно.

- Вы правы - но лишь частично, - ответил Ливанов. - Да, разброс ответов велик. Но варианты конечны. Теперь мы это знаем.

- То есть - оружие создано? - внезапно спросил Венечка. - И вот это... - и он ткнул пальцем в носилки перед генералом. Тушин вздрогнул - он еще не зашел в своих рассуждениях так далеко.

- Это - не совсем то, о чем вы думаете, - железным голосом произнес Ливанов. - Но это - результат действия изобретенного оружия. Действия не по назначению.

- То есть? - Петр Михайлович подошел вплотную к генералу и остановился рядом, тоже положив пальцы на оружие. Так ему было немного спокойнее, хотя он чувствовал, что предательская дрожь скоро распространится на все тело.

- То есть... Секретная информация, - отступил на шаг Ливанов. - Я не могу объяснить, из-за чего, но скажу - они покончили с собой. Все. Это самоубийство.

- Коллективное самоубийство? Из этого вашего секретного оружия? - широко раскрытыми глазами смотрел на генерала Тушин. - Но почему?!

Ливанов снова сделал шаг назад. Чувствовалось, что близость доктора выводит его из равновесия, он стал шумно дышать и покраснел.

- Понимаете, у них был выбор... Не могу, секретная информация!! - закричал он, схватил со стола автомат и направил его на Тушина. - Что вы тянете из меня клещами, как прокурор? Не ваше дело!! Отойдите!

Петр Михайлович отступил немного назад и с грустью взглянул на Ливанова. Он несколько не боялся оружия - он был уверен, что генерал не выстрелит. Тушин понимал, еще несколько минут разговора в подобных тонах - и генерала хватит инфаркт.

- Отошел, отошел... - тихо сказал доктор. - Опустите автомат. Лучше расскажите - облегчите душу.

Ливанов отвел ствол в сторону, но не опустил «Калашников».

- У них был выбор, понимаете?! Применить это оружие против людей или против себя, - Ливанов говорил быстро, Тушин едва понимал слова. - Завтра в Москве будет... Черт его знает, что будет завтра твориться в Москве, а все мои лучшие люди мертвы! Они не поняли простой мысли - что если не они будут использовать это оружие, на их место найдут других, не понимающих всего кошмара происходящего!

- Они применили его против себя, - закончил монолог генерала Тушин.

- Да, - кивнул Ливанов. - Они включили генератор на полную мощность, встали вокруг и один из них - я даже могу догадаться, кто, я служил с ними много лет... И один из них произвел воздействие. Проще говоря, нажал кнопку.

- Какое сегодня число? - внезапно спросил Тушин

- Второе... Нет, уже третье октября, - машинально сказал Ливанов.

- Ладно, неважно... По-моему, все было не так. Сначала один из них попробовал его на себе - и погиб, - пристально глядя на Ливанова, проговорил Петр Михайлович. - А потом оставшиеся в живых решили, что уйти надо всем. И вот тогда они тоже покончили с собой. И этой волной зацепило меня... Когда я ехал сюда, у меня были кратковременные галлюцинации - спасшие мне жизнь. Нечто вроде дара предвидения. И теперь, генерал, никто не знает, во что превратились мои мозги.

Ливанов с трудом откашлялся, выслушав все, что сказал ему сейчас Тушин.

- Что это за оружие? Поподробнее, пожалуйста, - Петр Михайлович мягко, но настойчиво потребовал от генерала правды.

- Генератор эмоционального фона, - Ливанов совсем опустил руки, ствол автомата был направлен в пол. Смирнов, до этого не отрывающий глаз от оружия, немного успокоился и полностью сосредоточился на том, что говорил генерал. - Такая штука, которая может - а теперь я точно в этом уверен - может заставить людей совершать запланированные поступки.

- Какие? Что будет завтра в Москве? - спросил Смирнов.

- Уже не завтра - сегодня, - ответил ему, не поворачивая головы, Ливанов. - Будет война. Маленькая война. Политика, с этим ничего не поделаешь. Я один из посвященных. Я отвечал...

И пока еще отвечаю за ментальную составляющую. Мое спецподразделение будет воздействовать на людей с помощью генератора.

- Какая к черту война?! На дворе двадцатый век, Москва, о чем вы говорите?! - Тушин вплотную приблизился к Ливанову, но тот уже и не делал попыток отступить.

- Я же говорю - политика... Еще полвека потом никто не разберет, кому и что было надо. Сидите завтра дома - и все обойдется.

- Уже ничего не обойдется, уже есть жертвы, разве вы не понимаете?! - Тушин не находил себе места.

- Это - не жертвы, - изменившимся, каким-то чужим голосом произнес Ливанов. - Это - ничтожная толика... Никто и не заметит... Завтра у Дома правительства будет бойня. Я давал присягу. Я не смогу уйти так, как они - у меня не хватит сил. Отойдите, - и он повел стволом в сторону Тушина.

- Петр Михайлович, лучше отойдите от этого сумасшедшего! - крикнул со своего места Смирнов.

- Вот-вот, Петр Михайлович, он дело говорит, - Ливанов усмехнулся. - Отойдите - а я буду замечать следы.

Едва Тушин отошел в сторону, генерал поднял автомат и выпустил очередь в носилки у дверей. Грохот автоматной очереди заставил людей с улицы вбежать внутрь. Ливанов остановил их жестом, отрицательно покачал головой, потом продолжил. Пули рвали форму на милиционерах, гнули и вколачивали в тела значки и ремни; Тушин заметил, что генерал старается попасть им в головы. Через минуту магазин кончился; стало тихо.

В ушах тихонько звенело. Петр Михайлович подошел к носилкам, посмотрел. Понять, от чего погибли эти люди, патологоанатому было бы нетрудно. Ни одна рана не кровоточила, любой студент догадается, что они нанесены после смерти.

- Врач - поймет, - угадал мысли Ливанов. - В крематории разбираться не будут. А эти, - он кивнул на трупы на столах, - их я заберу в мешках. Эй, где вы там? - позвал он остальных. - Выносим. Кто-нибудь догадался вызвать грузовик?

Пока трупы выносили, оставляя на полу брезентовые лохмотья от простреленных носилок, Ливанов отошел в сторону и позвонил кому-то по сотовому.

- Я думаю, имеет смысл расстреливать трупы, которые будут сегодня на площади... - говорил он в телефон. - Кто там будет разбираться, от чего они умерли... Да, если что-то пойдет не так, мы поднимем мощность до критической... Готовьте крематории, ставьте там своих людей, которые не будут задавать вопросы... Я готов. Приказывайте.

И они все ушли. Во дворе рыкнул грузовик, увозя в кузове в пекло крематория тайну существования страшного оружия.

Тушин заложил руки за спину и принялся расхаживать вдоль столов, пиная звонко бряцающие на кафеле гильзы.

- Надо бы прибрать, - сказал он. - Завтра не объясним никому, что здесь было.

- А на полу? Там, где носилки стояли? Там же кафель расстрелян, - Смирнов подошел поближе, носком ботинка пошевелил осколки.

- Завтра... Я думаю, что здесь завтра будет много работы, - Петр Михайлович повернулся к Венечке. - Ночной работы. Что там сказал Ливанов? «Сидите завтра дома - и все обойдется...» Ты едешь? Я подброшу, если хочешь.

Смирнов кивнул, продолжая смотреть себе под ноги. Потом он наклонился, поднял одну гильзу и сунул в карман халата.

- На память, - сказал он сам себе. - О третьем октября одна тысяча девятьсот девяносто третьего года. Вы будете сидеть дома?

- Не знаю, - сухо ответил Тушин. - Вряд ли. Ливанов же обещал. Ночная работа...

Они переоделись, сели в машину Тушина и уехали в ночь.

А где-то уже грохотали танки...

ОСНОВНОЕ ОТЛИЧИЕ.

*...И хотя его руки были в крови,
Они светились, как два крыла...
«Наутилус Помпилиус» - «Воздух»*

Один из самых символических образов безысходности - разрушенный мост.

Я живу этим образом уже несколько недель.

Мост длиной в вечность. Старый каменный мост, выложенный брусчаткой. Через каждые двадцать метров - ниши со стоящими в них каменными цветами. Где-то внизу - тихое журчание многотонных масс безымянной реки.

Мост выгнут над рекой в виде дуги; его центральная часть выше уровня берегов на несколько метров, поэтому сам мост виден лишь до половины. Когда я подошел к нему, и проселочная дорога внезапно стала каменной брусчаткой моста - он был ЦЕЛЫМ. По крайней мере, мое зрение было обмануто; я осмотрелся по сторонам и сделал первый шаг...

Камни, скользкие после прошедшего недавно дождя, стучали под моими каблуками глухо и таинственно. С каждым шагом я отдалялся от одного берега и приближался к другому. Уже несколько каменных цветов осталось за спиной; уже видны были самые высокие деревья на том берегу; я машинально прибавил шагу...

В середине моста отсутствовали три пролета. Шестьдесят метров. Мост был срезан словно ножом.

Я остановился на самом краю, не веря в происходящее. Опоры моста на противоположной стороне уходили вниз, в темноту, скрываясь в воде. Пальцы рук сами собой сжались в кулаки. Через несколько минут я понял, что готов шагнуть с моста в реку - словно для того, чтобы проверить, не выдержит ли меня воздух. Какие-то остатки здравого смысла оттолкнули меня назад. Я пятился от провала, потом развернулся и пошел обратно.

Вот тогда я и подумал:

- Что я делаю не так?..

* * * * *

Вид из окна был отвратительный - впрочем, как и все вокруг. Какие-то гаражи, сараи, несколько покосившихся мусорных баков с горками дерьма вокруг; два проржавевших кузова от «Москвичей» (или еще чего-нибудь, на них похожего); большие, вытянутые вдоль двора лужи - мутные, мрачные, не отражающие в себе ни неба, ни стен; и над этим бардаком через задний двор - яркий свет прожектора, простреливающий все насквозь. Нечеткое пятно луны сквозь облака даже не пыталось с ним бороться.

Стекло в окне участвовало в этом ужасающем параде мерзостей, придавая всему какие-то расплывающиеся очертания, уродуя все прямые линии и превращая их в непонятные синусоиды. Между рамами валялись осколки разбитого стекла и большая ржавая гайка - какие-то вундеркинды постарались...

Коломенцев скривил губы в усмешке, не понимая сам, над чем именно он пытается посмеяться. Отойдя от обшарпанного подоконника, он осмотрел себя - не первой свежести и далеко не белый халат, стоптанные больничные тапочки (все от бедности, на сменную обувь не хватает денег, пришлось взять у санитарки из хранилища!); потом посмотрел на свои руки, мысленно выругал за то, что последнюю перевязку выполнил без перчаток, поленившись их надеть. Следы крови, оставшиеся на запястье правой руки (как умудрился залезть в рану!) смутили его.

- Теряю навыки, - сказал он сам себе. - Хотя, по идее, опыт не пропьешь...

Он вытер руку о халат, прислушался к урчанию в животе, вздохнул и только собрался уйти к себе в кабинет, как в огромные лужи, так ненавидимые Коломенцевым, влетела белоснежная «Скорая», моментально разметавшая грязь по двору и своим дверцам. Маячок бросал на стены блики красного и синего цветов, добавляя к антиутопии за окном напоминание о бренности существования.

- Твою мать... - тихо произнес Коломенцев, после двух часов ночи не испытывающий к больным ничего, кроме ненависти. - Солнце зашло, и в стране дураков закипела работа...

Скрип тормозов, громкий дребезжащий звонок. Где-то в глубинах коридора чертыхающаяся санитарка, которую подняли с кушетки из-под теплого одеяла, ковыляла к двери, прихрамы-

вая на больную ногу. Грохнула дверь, слышались торопливые шаги и крик:

- Вы когда-нибудь, уроды, засыплете эти лужи или нет?! Я на смену из мойки выбрался, а у вас тут, как в хлеву!

- Чего ты орешь? - спросил, подходя, Коломенцев. Водитель «Скорой» (а это был именно он, принципиальный молодой парень, на «Скорой» недавно, гонору выше крыши, из мойки он, надо же!), размахивая руками, наступал на санитарку. Следом фельдшер волок в двери какого-то вялого, практически висящего у него на руке парня с окровавленными предплечьями под полностью промокшими повязками. Последним, как и подобает авторитету, в холл приемного отделения городской больницы вошел врач, нашаривая в кармане сигареты и зажигалку.

Огонь осветил мрачное помещение, выхватив склоненное к зажигалке лицо доктора - равнодушное к происходящему и усталое. Первая затяжка окутала лицо дымом; Коломенцев хотел возмутиться, но передумал, провожая взглядом пострадавшего, которого сильные руки водителя машины волокли к кушетке. Санитарка торопливо собирала с нее свою постель, роняя подушку и еще какие-то тряпки совершенно непонятного назначения.

Парень едва не рухнул на пол - за пару метров до кушетки силы полностью оставили его, ноги подкосились, и он был близок к падению. Врач бригады, краем глаза следивший, так же, как и Коломенцев, за раненым, хотел было что-то сказать, но воздержался от замечания, про себя отметив то, как сам Коломенцев отреагировал на его сигарету. Он вздохнул, поправил на шее фонендоскоп и протянул направительный лист.

- Вены резал, - коротко сказал он, выпуская дым с явным наслаждением. - Да это и так понятно.

Коломенцев кивнул, машинально взял листок и сунул его в карман.

- Давно нашли? - спросил он в свою очередь.

- Минут тридцать. А сколько времени он просидел на лавочке у подъезда, сказать не могу...

- На лавочке? - удивленно поднял брови Коломенцев.

- Да, его заметила какая-то пенсионерка, которая страдает бессонницей. Выглянула в окно, а там это чудо сидит, руки в крови, под ногами лужа. Она нас и вызвала.

- Кровопотеря?

- Черт его знает... Ну, до полулитра, - пожал плечами доктор.

- Давление держит. Так что...

- Суицид?

Доктор вновь пожал плечами - складывалось впечатление, что он вообще думает в настоящий момент о чем-то другом.

Коломенцев кивнул головой, понимая, что больше он ничего не добьется, после чего подошел к парню на кушетке, медленно раскачиваясь из стороны в сторону. Спустя несколько секунд Коломенцев понял, что сам потихоньку качается туда-сюда, непроизвольно копируя действия раненого. Он чертыхнулся про себя, зевнул, прикрывая рот рукой, и сквозь зевок спросил:

- Тебя как зовут, приятель?

В ответ - тихое мычание и раскачивание под скрип кушетки.

- Ты меня слышишь?

Никакой новой реакции. Коломенцев повернулся к врачу бригады, чтобы задать ему пару вопросов, но ответом ему был пустой холл и шум отъезжающей машины.

- Молодцы... - сквозь зубы сказал Коломенцев, вытащил из кармана перчатки, со звонким шлепком натянул каждую из них, после чего аккуратно прикоснулся к повязкам. Бинты, промокшие и отяжелевшие от крови, так и просились под ножницы.

Парень внезапно прекратил раскачиваться, поднял к Коломенцеву абсолютно пустые глаза... И доктор впервые в жизни, словно в замедленной съемке, увидел, как у человека РОЖДАЛАСЬ МЫСЛЬ.

Что-то всплыло из глубин абсолютно безжизненных зрачков; словно электрический ток пробежал под кожей рук, ментально заставив пальцы задрожать. Парень вздохнул резко и глубоко, потом опустил глаза куда-то в пол, прищурил веки, пытаясь разглядеть что-то под ногами у Коломенцева, и внезапно спросил:

- Что я делаю не так?

Коломенцев замер, не зная, что сказать. Этот голос заставил его замереть без движения; из головы испарились практически все мысли о первой помощи. Он, не замечая, что сквозь повязки периодически выпотевают крупные капли крови, прислушался

к говорившему, потом тихо склонился к нему и спросил в ответ:

- О чем это ты?

- Там... - махнул головой в сторону дверей парень. - Там - целый мир. А я что-то делаю не так. Не так, как все.

- Как кто - все?

- Все, кто смог. Кто сделал, как надо. Кто заслужил это право...

Коломенцев покачал головой. Достаточно типичная картина - человек обвиняет себя в непохожести, в неудачливости, в невозможности противостоять миру вокруг себя и ищет выход из создавшегося положения в смерти. Частенько он видел здесь таких, как этот парень - временами по два-три человека за дежурство. Что поделать - большой город, неравные возможности, лунные фазы, наркотики в подворотнях... Болезнь цивилизации.

- Синдром эмоционально-волевых нарушений, - проговорил Коломенцев. - Ты как резал, вдоль или поперек?

- Поперек, - машинально ответил парень - он явно был сейчас где-то в другом месте, там, где «все делают так, как надо».

- Эх ты, дурачок... Надо же вдоль, - хмыкнул Коломенцев. - Шагай в перевязочную, я тебе сейчас все объясню - как, где, когда и сколько раз...

Раненый встал, его заметно качнуло. Коломенцев подставил плечо, провел к операционному столу, аккуратно снял с него куртку, не доверяя этого странного парня санитарке.

Уже лежа на столе, парень вдруг заплакал - тихо, тоскливо, как-то по-детски. Коломенцев на пару секунд прислушивался к этим всхлипам, потом решительно позвал в перевязочную сестру и снял повязки.

Все было именно так, как он и ожидал - множество насечек разной глубины и длины на обоих предплечьях. Местами кожа разошлась на приличное расстояние, из двух ран нешироким ручейком текла темно-алая кровь.

Коломенцев еще раз прислушался к плачу пациента, потом решительно абстрагировался от происходящего и плеснул на раны перекись водорода. Кровавая пена потекла в лотки, подставленные медсестрой.

Коломенцев прикинул, что зашить придется минимум в пяти местах, не считая сосудов, попросил спирт, обработал края раны (чем заставил пациента просто зашипеть от боли) и сказал:

- Ты, когда резал, обезболивающее не принимал?

Парень сквозь шипение и стон замотал головой, давая понять, что нет, не принимал.

- Ну, значит, и шить будем без анестезии, - удовлетворенно произнес Коломенцев и зарядил шелковую лигатуру в изогнутую иголку. - Будем делать так, как надо...

- Вы... Вы не знаете, как надо! - вдруг крикнул парень (медсестра навалилась ему на ноги, не давая подняться). - Что вы в этом понимаете! Там... Там ЦЕЛЫЙ МИР!

- Это я уже слышал, - миролюбиво ответил Коломенцев, хватая зубчиками пинцета края одной из ран. Парень пискнул от неожиданности, закусил губу и приподнялся над столом.

- Лежи, дурак, - проводя нитку, коротко бросил Коломенцев. - Чем меньше дергаешься, тем быстрее закончим.

Парень внял его убеждениям; все последующие уколы иглы он перенес молча, скрипя зубами и громко дыша через нос. Коломенцев вошел во вкус уже через минуту - ровнял швы, подворачивал края для лучшего соприкосновения, следил за линией ран. Медсестра, приготовив несколько лигатур наперед, зевая, прислонилась к стене и дремала.

Периодически парень на столе начинал что-то бормотать - что-то невнятное, обрывочное. Коломенцев и не стремился разобрать эти слова - ему они не мешали, работа спорилась, он не обращал на это внимания. Изредка наружу пробивались громкие слова, типа «Я же знаю, что дальше будет...», «Там я уже был...» и еще несколько слов, больше похожих на матерщину.

Спустя двадцать минут операция была закончена. Коломенцев срезал последние нитки, положил спиртовые повязки и швырнул перчатки в таз.

- Ты в следующий раз делай такие вещи днем, - сказал он парню, помогая подняться со стола. - Сразу столько проблем решишь...

- Хорошо, - серьезно ответил пациент. - Днем... Да, днем.

Коломенцев пожал плечами и вышел в коридор. Оставалась маленькая формальность - заполнить несколько документов и операционный журнал; после этого можно смело передавать парня в психушку, ибо клиент был созревшим по полной программе.

Пациент вышел из перевязочной следом за доктором.

- Тебя как зовут-то? - не оборачиваясь, спросил Коломенцев.
- Или ты на этот вопрос принципиально не отвечаешь? Так знай, мне по барабану, напишу «неизвестный». В психушке из тебя все равно всю правду вытянут... Там, знаешь, есть такие таблетки...

И тут он понял, что шаги за спиной стихли. Коломенцев быстро оглянулся и успел заметить, как распахнулась оконная рама в коридоре; парень выскочил на улицу и помчался через лужи, сверкая в луче прожектора чистыми повязками.

Коломенцев проводил его взглядом, положил обратно в карман ручку, которой собирался писать операцию и пригладил волосы на голове, вспотевшие под колпаком:

- Вот гад... - сказал он сам себе. - Хотя... Леди с дилижанса - кони в курсе дела.

Санитарка, ворча себе что-то под нос, заканчивала мыть пол в коридоре, заляпанный пятнами крови. Коломенцев посмотрел на розовую воду у нее в ведре, тыльной стороной ладони прошелся по своей щетине на щеках и подбородке, представил себе чашку дымящегося кофе, с сожалением цыкнул зубом и пошел в кабинет, где ему предстояло провести время до утра (при условии отсутствия пациентов).

Компьютер, стоящий на столе, вышел из спящего режима, едва врач прикоснулся к «мышке».

- «Там целый мир...» - передразнил Коломенцев парня. - Вот - целый мир!

И он запустил один из пары сотен пасьянсов...

Он еще не знал, что эта их встреча - не последняя.

* * * * *

- Что я делаю не так?

Ответа не было. Да и вряд ли я смогу его получить. Все, кто знает - давно уже на том берегу.

Наверное, мост - это не символ. Это просто путь. Символ - те люди, которые были на том берегу. Те, кто сумел пройти туда. Те, кому не показался страшным и зловещим провал в шестьдесят метров. Те, кто...

КТО ДЕЛАЛ ВСЕ ПРАВИЛЬНО.

...Помните, как говорили в детстве? «Чешется - значит, заживает...» Страшно чешутся руки под бинтами. Я знаю, что они не помешают мне в моей борьбе с чертовым мостом - но уж очень жива во мне память о той боли...

Нет, она не остановит меня и в следующий раз. Но я должен попробовать еще. Каждая новая попытка ненадолго поднимает меня в собственных глазах - но лишь на время. До тех пор, пока я не увижу провал моста.

Завтра я войду в воду выше по течению. Надеюсь, бинты мне не помешают.

Я ТОЖЕ ХОЧУ СДЕЛАТЬ ВСЕ ПРАВИЛЬНО.

Как чешутся руки...

* * * * *

Футбол сегодня был, как никогда, безобразен. Коломенцев смотрел его только с одной целью - чтобы хоть что-то смотреть. Его уже до такой степени раздражал вид из окна, что даже такой ужас, как наша высшая лига, не годящаяся в подметки никому, вызывала хоть какой-то интерес.

- Ну что ты... Ну куда?! - временами пытался он прикрикнуть на бестолковых игроков, безнадежно махал рукой, отворачивался от экрана на пару секунд, но потом вновь и вновь возвращался к просмотру. - Нет, ну кто так подает, а? Ты что, слепой? Ведь всем же ясно, куда надо бить! А, черт...

Наконец, он решительно встал, намереваясь выйти на крыльцо - вдохнуть свежего осеннего воздуха, поговорить с курящими на крыльце больными. Первый тайм закончился, на второй явно не хватит терпения - так чего же сидеть здесь и насиловать свою нервную систему?!

Работы пока не было, что случалось редко; обычно народ валом валил в дежурную больницу, спасаясь от всяческих напастей. Коломенцев за свои двенадцать лет работы насмотрелся здесь всякого, готов был к чему угодно и себя особо на работу не настраивал.

Уличный воздух немного взбодрил; отвратительное настроение, навеянное идиотским футболом, постепенно улетучивалось с

каждой затяжкой «Явы». Коломенцев прищурился, глядя на заходящее солнце, махнул рукой паре больных - помнил он их с трудом, но раз уж они ему улыбнулись, значит, это он их принимал.

Почему-то вспомнился тот парень, что сбежал с его дежурства после того, как была оказана помощь. По нему определенно плакала психушка - все дело было только во времени; днем раньше, днем позже, но это должно было бы случиться.

- Ген суицида обязан сработать, - сам себе сказал Коломенцев, бросая окурки в урну; рассыпая искры, тот ударился о край чугунной пепельницы, отлетел в сторону, и Коломенцев был вынужден затопать тут же вспыхнувшую кучу сухой листвы.

Вдалеке завывала сирена. Коломенцев с досадой пнул погасшую листву, сунул руки в карманы и вошел внутрь приемного отделения. Медсестра что-то говорила в микрофон, общаясь с подъезжающей бригадой; похоже, дело было серьезным.

- Реанимация! - крикнула она в окошко, прежде чем выскочила в коридор. Потом она помчалась в реанимационную палату; зашипел кислород.

Тормоза закрипели у самых дверей. Коломенцев услышал, как клацнули носилки, превращаясь в каталку; кто-то рванул входные двери, кто-то крикнул на улице, разгоняя любопытных.

Спустя секунду бригада «Скорой» в полном составе ворвалась в холл. Никто уже не упрекал врача в том, что в очередной раз машина влетела в грязную лужу посреди двора, никто не старался качать права - каждый делал свое дело.

- Повешенный... - на ходу бросил врач смены, толкая каталку. Фельдшер бежал с другой стороны, не давая телу упасть с каталки на особо крутых поворотах. Коломенцев быстрым шагом присоединился к процессии, машинально подхватив болтающееся запястье левой руки, свешивающейся набок, стараясь нащупать пульс.

И увидел, как из-под рукава куртки торчит кусок бинта.

Глаза Коломенцева метнулись к другой руке, которую поддерживал фельдшер. Бинты были и там. И только тогда врач взглянул на лицо человека на каталке.

Это был тот самый парень.

- Вот черт... - только и смог сказать он, внезапно остановившись и выпустив руку. Тем временем пациента вкатили в реани-

нимационную и точно пушинку, перебросили на стол. На лицо легла кислородная маска.

Коломенцев медлил всего несколько секунд; потом в голове что-то включилось, и он рванул следом за бригадой. Фельдшер перехватил у дежурной медсестры маску, она тем временем цепляла электроды к ногам и рукам парня, намереваясь снять кардиограмму.

Коломенцев рванул на теле самоубийцы одежду; в сторону полетели пуговицы от рубашки, затрещала майка. В последний раз кинув взгляд на бинты на руках, он сложил ладони крест-накрест и, приложив их к груди, качнул что есть силы.

Тело трепыхнулось; Коломенцев, как заведенный, толкал и толкал сердце. Тихо шипел кислород; медсестра периодически вскрикивала, когда видела на кардиограмме пульсовую волну, но это было всего лишь действие рук Коломенцева. Войдя в ритм, врач позволил себе поднять глаза на лицо того, кому он оказывал помощь.

Посиневшие губы не хотели менять цвет на розовый; сердце не работало, дыхание не восстанавливалось. Глаза, неподвижно смотревшие в потолок, выражали непонятную никому предсмертную грусть, которую Коломенцев видел уже так часто - и все никак не мог ни понять ее, ни смириться с ней.

- Зрочки? - коротко кинул он стоявшему у изголовья фельдшеру.

- Пока узкие, - ответил тот, наклонившись к маске.

- Работаем, - сказал врач сам себе, быстро вытер пот со лба и почувствовал, как заныла спина и плечи. Тонкая борозда поперек шеи парня навела на грустные мысли; через минуту Коломенцев приказал медсестре включить дефибриллятор, взял в руки электроды, кинул взгляд на стрелку набирающегося заряда, крикнул «Руки!» и, не дожидаясь, когда его команда будет выполнена, приложил пластины к груди и нажал кнопку.

Сухой щелчок заставил тело на столе выгнуться дугой.

- На кардиограмме?!

- Ничего, - ответила медсестра.

- Больше! - крикнул Коломенцев, не оборачиваясь. За спиной пискнула кнопка.

- Руки!

Еще удар.

- Есть! - радостно произнесла медсестра. - Есть! Ритм синусовый, правильный!

- Кислорода побольше!

Шипение стало более отчетливым. Коломенцев оглянулся и увидел, как в вену парня капает адреналин.

- В реанимацию! - сказал врач. Фельдшер немного ослабил хватку на маске; медсестра принялась сматывать длинную ленту кардиограммы; врач бригады, все это время стоявший в ногах пациента и не принимавший участия в оказании помощи, подошел к Коломенцеву, похлопал его по плечу и вышел в коридор.

И в эту секунду человек на столе внезапно поднялся на локтях, смахнул с лица маску, крутанув головой, и захрипел:

- Мост!!! Пустите меня... На мост!!!

Звук был мерзкий, скрежещущий, словно пила. Коломенцев пригнулся, точно за спиной выстрелили из пушки. Медсестра выронила ленту кардиограммы, взвизгнула, отступила на шаг, споткнулась о столик с инструментами и упала на пол, роняя вокруг все, что только можно.

Силы оставили парня в ту же секунду; он повалился обратно, ударившись головой о кушетку. Все замерли, не в силах осмыслить происходящее.

- Псих, - внезапно раздался из дверей голос врача бригады, заглянувшего в реанимационную палату на шум. - Это же коню понятно...

- Сделайте ему сибазон, - тихо произнес Коломенцев. - И вызовите сюда кого-нибудь из психиатрического отделения - нужна грамотная консультация...

- Чтобы положить человека в психушку, необходимо его согласие, - прокомментировал решение Коломенцева коллега со «Скорой». - Причем лучше всего письменное согласие...

- Это не мои проблемы, - не оглядываясь, сказал Коломенцев. - Просто этот парень за неделю здесь второй раз...

- Второй? - удивился доктор. - Чего это он так?

- В первый раз резанул вены и сбежал отсюда прямо с операционного стола, - глядя на размеренно и спокойно дышащего пациента, еще недавно желавшего свести счеты с жизнью. - По-

хоже, что тогда жизнь показалась ему все-таки довольно дорогой штукой.

- А повод к суициду? Тогда что-нибудь было известно?

- Ничего. Я помню лишь одну его фразу - по его словам, он что-то делает не так. Сложно сказать, к чему это относилось... Вы позвонили в дурдом? - внезапно спросил он у сестры, внимательно слушающей своего врача. - Чего вы рот раскрыли, делом займитесь!

Медсестра обиженно фыркнула, вышла в коридор. Скоро до врачей донесся ее голос - она с кем-то разговаривала по телефону.

Психиатр не заставил себя ждать, несмотря на то, что отделение вынесено на другую территорию и находилось в двухстах метрах от основного корпуса больницы. Войдя решительной походкой в реанимационную палату, он осмотрел всех присутствующих - у Коломенцева сложилось впечатление, что он, глядя в глаза каждому, тут же выставлял всем диагнозы.

- Итак?.. - спросил он вроде бы у всех сразу, не обращаясь ни к кому конкретно. - Чем могу?..

Коломенцев вкратце рассказал обо всем, чему они были свидетелями и участниками. Психиатр кивал практически каждому слову, произносимому врачом, от чего у Коломенцева, привыкшего всегда смотреть в глаза собеседника, возникло ощущение укачивания. Упомянув о предыдущей попытке самоубийства, Коломенцев отметил некий загадочный блеск в глазах психиатра; тот вынул из кармана халата маленький блокнот, кое-что набросал в него, потом спросил:

- Документы у парня есть? Откуда он вообще взялся?

Коломенцев быстро прошелся по карманам куртки пациента, не нашел в них ничего и развел руками.

- Джон Доу... - кивнул психиатр.

- Что? - переспросил Коломенцев у него. - Это такая болезнь?

- Нет, так в моргах Америки записывают неопознанные трупы, - ответил тот, рассмеялся и спрятал блокнот. - Как у парня со здоровьем?

- До трупа далеко, - сказал Коломенцев, который не понял шутки психиатра. - Дышит сам, я думаю, что кольца трахеи не пострадали. Судя по всему, он не успел повеситься в полном смысле этого слова...

- Успел, - вставил слово врач «Скорой помощи». - Просто ветка дерева, на которой он пытался свести счеты с жизнью, обломилась. Судьба декабристов преследует даже таких идиотов...

Психиатр покачал головой и потребовал:

- Заводите историю болезни, я жду его максимум через полчаса. У нас есть палата интенсивной терапии, там он будет под присмотром первое время. Интересно, очень интересно... Что-то про мост, вы говорите?

Коломенцев кивнул.

- Ну-ну, - сказал сам себе психиатр. - Все они в чем-то похожи - у кого-то мост, у кого-то инопланетяне...

Он в последний раз обвел всех пристальным взглядом и вышел в коридор.

- Кто что лечит, тот тем и болеет, - очень тихо, чтобы никто не услышал, произнес Коломенцев. - Оформляйте парня, - кивнул он медсестре и направился к телевизору узнать, чем же там все-таки закончился тот самый идиотский футбол...

* * * * *

Как притягивают взгляд эти пузырьки... Мелкие, суетливые, натякающиеся на преграды, превращающиеся в сверкающую пыль...

Флакон. В нем две иглы. К одной подсоединена система, которая, плавно изгибаясь, заканчивается в вене на левом предплечье. Вторая - воздушка. По ней во флакон поступает воздух. Те самые пузырьки, которые отмечают падение капелек в фильтре - упало несколько капель, во флаконе взвилась кверху гроздь пузырьков. Я смотрю на этот воздушный вихрь, возникающий с завидной периодичностью, и чувствую, как в меня вливается нечто, заставляющее меня забыть... Забыть... Забыть...

Иногда я думаю, что скоро забуду, как дышать. Таблетки, капельницы, процедуры; потом снова - капельницы, процедуры, таблетки... Раз в два дня - беседы с врачом. Человек страшный и добрый одновременно. Его глаза говорят, что он знает обо мне все. Толстая история болезни на столе между ним и мной - свидетельство его кропотливой работы. Я сажусь на стул напротив и слушаю все, что он мне говорит.

Мы вспоминаем моих школьных друзей, учителей, детство... Я заметил, что даже к самым противным и горьким воспоминаниям стал относиться равнодушно - меня напичкали чем-то таким, что чувства превратились неизвестно во что; в нечто ненужное, липкое, тягостное, от чего избавляешься с радостью, едва ли не с восторгом.

Они здесь знают свое дело. Правда, они никак не могут понять одного - если я все это понимаю, значит, их лекарства не так действенны, как хотелось бы. Раз у меня осталась способность к критике, раз я вижу пузырьки во флаконе и ненавижу иголку в вене - значит, я остаюсь самим собой.

ПОТОМУ ЧТО У МЕНЯ ЕСТЬ МОСТ.

Я должен по нему пройти. Это случится в тот день, когда меня отпустят домой - врач говорит, что мое выздоровление не за горами.

Я жду его с нетерпением - с таким нетерпением, на какое способен человек, напичканный феназепамом и говорящий, как обдолбанный наркоман. Я жду медленно - но процесс неизбежен.

Врач не смог пробиться к самому главному - он не знает, что послужило толчком. Почему я вскрыл вены. Почему я полез в петлю. Я сделал вид, что не помню. Он сделал вид, что поверил. Не удивлюсь, если он стремится узнать это больше всего на свете. Жаль, что я не могу взять его с собой, на мост - туда, где между упавшими опорами журчит темная быстрая вода...

Я ступлю на тот берег, чего бы мне это стоило.

Иначе незачем жить.

* * * * *

Парень сидел в кресле, наклонившись вперед и опираясь обеими руками на подлокотники. Глаза его смотрели куда-то вбок, губы непрерывно шевелились, читая одному ему известную молитву.

Артемьев уже достаточно хорошо изучил своего пациента. Правда, он сумел узнать только его имя - Никита; практически все остальные данные остались неизвестными. Ни где он живет, ни с кем - Артемьев упирался в его молчание, как в стену. Исто-

рия болезни, наполненная рассуждениями психиатра и тестовыми листами, была не то чтобы толстой, нет - многие истории по объему и весу могли бы переплюнуть средний по размерам томик Никиты. Она была незаконченной...

Многие ответы на вопросы так и не были найдены. Артемьев не сумел узнать, где же находится этот самый мост, о котором порой мог долго рассуждать Никита. Врач прекрасно представлял себе всю местность возле этого моста, словно побывав там наяву - он уже и во сне начинал видеть склонившиеся к реке ивы, поросшие травой берега, бетонные сваи, переплетенные паутиной арматуры, каменные цветы, журчание воды...

Артемьев склонялся к тому, что этого моста не существует, что это плод воображения пациента; фабула бреда. Обычно было достаточно просто такому опытному психиатру, как он, определить, где в словах пациента содержится логическая ошибка, на которой построено все дальнейшее рассуждение; здесь же, в случае с Никитой, он не смог пробиться сквозь стену недоговоренности и недомыслия...

- Никита... - сухо кашлянув, начал Артемьев. - Мне не хотелось бы, чтобы между нами было что-то личное, чтобы ты видел во мне врага...

- Я уже давно здоров, - внезапно ответил Никита. - Я хочу домой. Я больше не буду...

- Что не будешь? - спросил Артемьев и почувствовал себя воспитателем из детского садика.

- Я хочу жить, - ответил Никита. - И я больше не доставлю вам беспокойство.

Артемьев напрягся. В этой фразе слышалось что-то другое - вроде «В следующий раз я буду удачливее...» Сжав под столом кулаки и хрустнув костяшками пальцев, доктор через силу улыбнулся и кивнул:

- Я понимаю тебя, Никита... Понимаю настолько, насколько ты сам пустил меня в свой мир. Но - окно в этот мир крайне мало для того, чтобы я мог сделать какие-то определенные выводы. Я вынужден констатировать факт, что готов тебя выписать, дав кое-какие рекомендации на будущее. К сожалению, ты уйдешь один, и никто не будет сопровождать тебя в том мире, что

находится за решетками наших окон. Знай, что ты всегда можешь найти здесь понимание и защиту...

Никита, не поднимая глаз на доктора, передернул плечами. Со стороны это выглядело так, будто бы он четко определяет ложь в словах психиатра и реагирует на нее сообразно степени лжи.

- И все-таки - я хочу задать один вопрос, который не дает мне покоя все время, что ты находишься под моим наблюдением, - после небольшой паузы продолжил Артемьев. - Этот вопрос - камень преткновения во всем, что связано с тобой. Знаешь, у нас существует принцип - лечить надо не болезнь, а человека, но только в том случае, когда не существует неизвестных. В нашем с тобой случае этих самых «иксов» и «игреков» больше чем достаточно - и все они проистекают...

- От моста, - внезапно закончил Никита, быстро подняв глаза на доктора. Артемьев непроизвольно вздрогнул, нарушив собственное неписаное правило - никогда не показывать страх перед пациентами.

- Ты...прав, - ответил он парню внезапно осипшим голосом. - Именно эта деталь не дает мне ключей к разгадке твоего поведения. Я видел много людей, подобных тебе - но только подобных. Все они были горды рассказать мне о том, что привело их сюда - ибо они боготворили свой мир и готовы были поделиться его составляющими со мной, с человеком, который никогда этого не увидит и не почувствует. Ты же пошел по другому пути - ты рассказал мне про мост, но так и не сказал, где же он находится.

- Вы не поверите, - не сводя глаз с губ доктора, произнес Никита.

- Я верил во многое, - понимающе кивнул парню Артемьев. - Еще большему не верил ни на грош. Поэтому прошу тебя - прежде чем ты встанешь и покинешь это учреждение, скажи мне - где этот мост, который заставил тебя... Заставил тебя посмотреть на жизнь иначе.

Никита вновь опустил глаза в пол. По его позе, движениям пальцев, нервно постукивающих по подлокотникам, было видно, что в нем происходит какая-то внутренняя борьба. Артемьев понимал, что перегнул палку - запросто можно было ввергнуть пациента в очередной психоз, но ему очень хотелось риск-

нуть - вполне возможно, что Никита, соблазненный открытой дверью, перед уходом поделится самым сокровенным.

Пауза затянулась. Психиатр прислушался к тишине; слух словно обострился, Артемьев слышал, как тяжело дышит Никита, принимая какое-то тягостное решение. Не один раз доктор находился в подобных ситуациях; самому себе он был похож в такие минуты на следователя, в кабинете которого человек собирался признаться в убийстве - страшном, жестоком и нелепом.

Никита медленно поднял голову и посмотрел в глаза Артемьева. Врач выдержал этот взгляд - недаром специально занимался выработкой этого умения, тренировался никогда и не перед кем не отводить глаз, ибо нередко только это помогало справиться с человеком, вырвавшимся за пределы разумного. Правда, где-то в груди сердце на мгновение застыло на месте, а потом ринулось вперед, будто догоняя потерянные удары; в кончиках пальцев появилось какое-то странное покалывание.

- Понимаете, доктор... - начал Никита, и Артемьев поразился происшедшей с ним перемене - на него смотрел сейчас человек, еще более вменяемый, чем сам психиатр, настолько живым, сверкающим и добрым был взгляд карих глаз, направленных вглубь души врача. - Я могу вам сказать... Да, могу. Просто мне тяжело будет расставаться со своей тайной - как и каждому человеку, хранящему нечто в глубине своего сердца. Моя тайна намного дороже всех тех, что поверяли здесь, в этом кабинете, вам ваши пациенты. Дороже потому, что все они были больны - я же, в отличие от них, полностью здоров...

Артемьев вдруг пожалел, что задал свой вопрос «на дорожку». Он ясно представил себе, как Никита шел бы сейчас по одному ему известному маршруту по мокрой после дожде листья тротуара, с каждым шагом удаляясь от больницы, и, представив это, пожалел еще больше. Ему очень не понравилось начало - скорее всего, придется разочароваться и в конце.

- А, поскольку все решения, касающиеся моей жизни я принимал абсолютно здраво, опираясь на одному мне известные непреложные факты, о которых вам, само собой, ничего не известно, я считаю... - он внезапно замолчал, словно прислушиваясь к чему-то. - Слышите? Слышите, как журчит вода?

Артемьев машинально взглянул на раковину возле двери, ожидая увидеть там течь и лужу на полу, но через секунду понял, что имеет в виду парень, а затем увидел усмешку у него на лице. Тот явно был рад произведенному эффекту.

- Вот так-то, уважаемый доктор, - сказал он Артемьеву. - Весь смысл моего мира в том, что он - МОЙ. Совершенно незачем делиться им с кем бы то ни было - тогда он потеряет свою привлекательность. Но вам - ВАМ! - я скажу...

Он наклонился немного вперед, словно собираясь начать с нуля некую крайне доверительную беседу. Артемьев сделал то же самое абсолютно автоматически, слегка подвинувшись вместе с креслом к столу, который разделял его и пациента. Никита впился в него глазами, прищурился и сверкая какими-то бесовскими огоньками; губы медленно и практически незаметно шевелились, будто пробуя алфавит на вкус и не зная, с какой же буквы начать.

- Я хочу сказать вам «Спасибо», доктор, - тихо проговорил Никита. - Ваши таблетки, ваши процедуры, от которых я скрежетал зубами, пропуская через себя ток, ваши бесчувственные медсестры и санитары, привыкшие к чужим страданиям, к... (он попытался подобрать слово, ненадолго замолчав и прищелкнув пальцами) ...к чуждости нас, как личностей, как людей, по их мнению, просто не способных на то, чтобы быть такими, как все - они преподнесли мне урок.

- Какой? - поинтересовался Артемьев.

- Проще некуда. Можно сформулировать так - «Хочешь пройти через мост - молчи», - грозно сказал Никита; в следующую секунду он, опередив достаточно тренированного психиатра, введенного его длительными рассуждениями едва ли не в ступор, схватил со стола беззаботно оставленную перьевую ручку и вонзил ее в глаз Артемьеву. Тот с криком повалился с кресла на пол, пытаясь нашарить под столом кнопку вызова санитаров.

Никита легко перепрыгнул через стол, оказавшись точно над Артемьевым. Коленом он придавил его шею; звуки стали тихими и хрипящими, руки били по сторонам, будто отмахиваясь от стаи мух. Парень с размаху ударил врача кулаком в лицо; ручка обломилась, оставив перо в глазнице. Артемьев сумел на

секунду освободить горло и издать душераздирающий крик, в котором слились воедино вопль о помощи и предсмертный страх.

- Никогда!.. - хрипел в такт доктору Никита. - Никто!.. Не пройдет по моему мосту... Я сделаю это... Сам... Сегодня...

Колено с силой надавило на гортань. Раздался какой-то хруст, с губ Артемьева сорвался кашель с кровью; брызги попали на лицо Никите, но тот их не замечал, глядя на то, как задыхается и умирает человек, по распоряжению которого он в течение почти месяца находился в этих стенах.

Тело доктора постепенно замирало в цепких объятиях убийцы. Струйка крови, вытекшая из угла рта, заставила Никиту несколько ослабить хватку, но он не переставал контролировать ситуацию, будучи в любую секунду готовым к тому, чтобы возобновить борьбу. Пациент, внезапно переставший быть пациентом, перехвативший управление в свои руки, сумевший обмануть бдительного психиатра - улыбался, глядя на то, как умирал врач. И если бы кто-то мог видеть его в эту минуту, то этот человек убедился бы в том, что перед ним - одержимый. Одержимый идеей, страстью, кошмаром, чем угодно; человек, распроставшийся с этим миром всерьез и навсегда.

Никита поднялся над телом убитого врача и взглянул в окно, закрытое ажурной решеткой. Там была свобода, такая желанная и необходимая...

- Домой... - шептал он себе под нос. - Домой...

Наклонившись к трупу, он пошарил в карманах халата. Металлическая отмычка быстро попала к нему в руки. Подойдя к дверям кабинета, он оглянулся в последний раз и спросил тишину:

- В чем основное отличие психиатра от пациента?

И сам себе ответил:

- В том, что у психиатра есть ключ.

Вставив отмычку в замок и тихо повернув ее, стараясь не привлекать внимания тех, кто мог оказаться по ту сторону, он вышел в коридор. Никто из персонала не попался ему навстречу; он благополучно миновал этаж, на котором находилась кафедра психиатрии, просочился сквозь две группы студентов, не обративших на него ни малейшего внимания, после чего через

фойе с кадучками фикусов, расставленных по периметру, выбрался на улицу.

Надо было торопиться. Артемьева, конечно же, скоро найдут; вспомнят, с кем из больных он собирался встретиться сегодня утром. Короче, дело быстро получит ход. На руку Никите только одно - он сумел остаться практически неизвестным в глазах, ни его адреса, ни фамилии не было в истории болезни. Это задержит преследователей - правда, скорее всего, ненадолго. Слишком уж маленький город...

Надо спешить.

МОСТ ЖДЕТ.

* * * * *

Я снова здесь.

Призрак Артемьева маячит где-то за спиной. Я так четко вижу «Паркер» в его левом глазу, что невольно хочу протянуть к нему руку и вытащить ее оттуда, как занозу. Почему-то здесь, на берегу этой до боли знакомой реки, рядом с брусчаткой, переходящей на мост, я вдруг отчетливо понимаю, что жалею о содеянном. Незачем было убивать врача - это было уже слишком...

Я был в шаге от свободы - от честной, заслуженной свободы. Я должен был просто рассказать Артемьеву о своем мире, рассказать всю правду - и он бы меня отпустил. Распахнул бы передо мной дверь в свой мир - туда, где такие люди, как он, никогда не совершающие ошибок и живущие по правилам, знать не знают о моих мучениях и страданиях; люди, которые никогда не смогут пройти по мосту...

Склонив голову, я смотрю на свое отражение в воде. Водоросли, мягко стелющиеся по течению, извиваются, напоминая каких-то заторможенных змей. Течение сегодня несколько слабее, чем обычно; похоже, что где-то в верховьях засуха. Вода отступила, обнажив пару метров берега. Деревья, показавшись из воды, жадно склоняют к ней свои ветви; кажется, еще несколько сантиметров, еще одно усилие - и они начнут захлеб пить прозрачную воду своими листьями, большими и мясистыми. Им придется подождать до следующего дождя...

Но не мне. Я не могу больше ждать. Я должен пробовать, искать выход из положения. Я так и вижу лица людей на том берегу - иногда они выходят довольно большими группами к воде и машут мне руками, призывая следовать за ними. Я готов - но не знаю, как. Я просто машу в ответ рукой и прошу совета...

Они не слышат. Сытый голодного не разумеет. Ну, да бог с ними со всеми.

Я иду к мосту. К трижды проклятому мосту, без которого моя жизнь потеряла всякий смысл; мост, из-за которого я два раза был на краю пропасти и один раз отправил своими руками человеческую жизнь за этот край...

Почему-то вспоминаю Индиану Джонс; тот момент из фильма, когда он по совету отца шагнул в пропасть - шагнул для того, чтобы остаться в живых и встать на невидимый мост. Кажется, я готов к тому, чтобы повторить подвиг Индианы - есть ощущение, что все дело именно в этом; все дело в смелости. Надо просто принять решение - мост ждет. Быть сильным и смелым, вдохнуть полные легкие воздуха на этом конце моста - а выдохнуть уже на том...

С каждым шагом расстояние до провала уменьшается. Я пытаюсь решить на ходу, что лучше - придержать шаг, собраться с силами, после чего совершить подвиг Индианы, или все-таки лучше идти, не задумываясь и не останавливаясь ни на секунду? Пора бы мне уже определиться...

Впервые обратил внимание на то, что изменилась одна маленькая деталь - раньше у меня в руках ничего не было, а теперь... Теперь я держу в руках ключ от кабинета Артемьева.

Отмычка, которая своей формой и функциональностью напоминает ключи проводников в поездах. Потертая, поцарапанная... Сколько дверей, сколько людей было закрыто этим ключом за стенами психушки - и сколько было выпущено на свободу? Металл приятно лежит в ладони; я вспоминаю, как открыл дверь кабинета, оставив в нем труп врача...

Мерзость. Но мост превыше всего.

...До провала метров двадцать, не больше. Начинают слабеть ноги. Я чувствую, что не смогу шагнуть в бездну. Хотя, черт возьми, какая там бездна?! Подумаешь, упаду в воду, выплыву, вернусь, пройду снова...

Снова? Зачем? Если воздух не выдержит меня, то для чего идти снова? Ведь других путей нет...

Поздно думать. Жаль, если Артемьев умер зря. Но ведь люди на том берегу как-то там оказались...

Если только...

ЕСЛИ ТОЛЬКО ОНИ НЕ БЫЛИ ТАМ С САМОГО НАЧАЛА.

...Все, край. Брусчатка кончилась.

Шум воды бьет в уши.

Я сжимаю ключ от кабинета Артемьева сильнее, до боли в суставах. И шагаю в воздух...

А через мгновение ноги несут меня по мосту. Но уже с другой стороны.

Силы оставляют меня. Я неуверенно иду к людям, которые внезапно стали ближе; они машут мне руками и бегут навстречу...

Колени подгибаются сами. Брусчатка больно бьет по ногам; мир вздрагивает, покачивается, но не валится, как карточный домик - я чудом остаюсь в сознании. Переход отнял много сил.

Переход? Перелет? Телепортация?

Чушь... Все должно быть очень и очень просто. Загадка всегда сложна; отгадка всегда элементарна; именно поэтому люди часто чувствуют себя оплеванными, даже решив задачу - слишком уж все банально...

Я пытаюсь подняться. Люди все ближе. Я уже слышу их крики; они бегут, расталкивая друг друга, размахивая руками...

Размахивая руками... Руками...

И ключ падает на брусчатку.

Основное отличие... ЕГО НЕТ. Мы здесь все одинаковые.

У меня хватает сил оглянуться - прежде чем они окружают меня.

Мост тает в дымке. Он больше не нужен.

Я - последний. Все уже здесь...

* * * * *

Коломенцев был на последнем издыхании - его сменщик не пришел сегодня утром. Запил, сволочь, и все это знают, и никто ничего не предпринимает. Главврач похлопал Коломенцева по плечу, вздохнул, что было красноречивее всех слов, и оставил его на вторые сутки.

И тут все как с цепи сорвались! Две травмы - два уroda-мотоциклиста. Потом аппендицит, но это, по большому счету, фигня. Справились. Потом приперлась какая-то ненормальная баба, которая требовала осмотра только заведующего отделением - правда, так и не удалось понять, чем она больна, но времени она отняла столько, что у Коломенцева сначала появилась, а потом исчезла головная боль, а она все говорила, говорила...

Когда на улице скрипнули тормоза «Скорой», Коломенцев, честно сказать, даже обрадовался. Он прошел сквозь недовольную всем и вся, но, судя по всему, абсолютно здоровую женщину и практически выскочил на крыльцо. Дверь, хлопнув за спиной, отрезала недовольную стерву от доктора.

Каталку уже вытащили. Тело, лежащее на ней, было накрыто простыней. Коломенцев недоумевающее поднял брови навстречу врачу бригады.

- Труп?

Тот кивнул, вытащил сигарету, медленно, насколько позволяли трясущиеся пальцы, закурил, сплюнул под ноги и бросил взгляд на каталку.

- Извини, что сюда подъехали. Он вот только что отошел... Думал, успею.

Коломенцев пожал плечами.

- Бывает. Кто там? И что случилось?

- Парень. Молодой... Вышел из окна на глазах у половины двора.

- Высоко?

- Седьмой этаж.

Врач подошел к каталке, откинул простыню - так, что Коломенцеву было не видно отсюда лица погибшего.

- Молодой... Эх... Мы вообще-то быстро приехали - у меня там вызов был в паре кварталов, так мы все бросили, благо никто не помирал, примчались на всех парах.

Он глубоко затянулся, вспоминая, как все было.

- К нему никто не подошел - всем было страшно. Я, конечно, их понимаю - там жуткие переломы, кровичка льет из носа... А он, знаешь, лежит, глазами лупает, как будто ему и не больно. И все время повторяет: «Ключ... Ключ...» Черт его знает, что за ключ такой! Я сначала подумал, что он из тех, кто ключи забы-

вает, а потом в окна лазает с верхних этажей - но нам бабулька одна сказала, пока мы его по частям собирали, что он прямо из своего окна, из своей квартиры...

- Ключ? - пожал плечами Коломенцев.

- Вот именно - ключ, - утвердительно кивнул врач. - Там сейчас милиция орудует, так что они вскорости и сюда пожалуют. Мы сейчас его в морг отвезем, а ты просто будь в курсе - мало ли что спросят, скажешь - видел, знаю, отправишь к судебникам...

Коломенцев кивнул, подошел к каталке, откинул простыню от лица...

Перед ним лежал тот самый парень, которому около месяца назад он зашивал раны на руках, а спустя несколько дней реанимировал после неудавшегося повешения. Коломенцев закурил губу и машинально взглянул на его предплечья. Раны уже зажили, оставив после себя тонкие полоски рубцов; правое предплечье было сломано в двух местах, наружу торчали острые отломки костей.

- Сумел-таки... - не удержался Коломенцев от тоскливого замечания.

- Что, знакомый? - спросил доктор, садясь на переднее сиденье «Скорой».

Коломенцев пожал плечами:

- Да нет, не то чтобы знакомый. Так, крестничек... Виделись.

- Здесь?

- А где же еще? - Коломенцев аккуратно уложил простыню на израненное лицо, засунул руки в карманы, словно делая вид, что он тут не при чем.

- Понятно... - протянул доктор, захлопнул дверь и включил радио. Из открытого окна вместе с сигаретным дымком потянулась легкая музыка.

Коломенцев проводил глазами фельдшера, который катил труп в сторону морга. Простыня колыхалась на ветру, промокнув над головой красным...

Парень сумел найти дорогу в заоблачный край. Стремился он туда с завидным упрямством.

- Ключ, - сказал сам себе Коломенцев. - Леди с дилижанса...

* * * * *

Вас когда-нибудь озадачивали навязчивые воспоминания? Какая-то забытая вещь стучится в мозги, и вы не можете ничего предпринять - только вспоминать, вспоминать, перебирать множество вариантов, ибо не в состоянии ничего делать, все валится из рук, мысли вращаются вокруг этих самых воспоминаний. Кажется, что стоит немного напрячься - и все! И так может продолжаться очень и очень долго, до того самого великого мига озарения, которое снисходит на тебя, как дар божий, вырывая из замкнутого круга. Так можно вспоминать своих старых друзей, лица, голоса, цвета, запахи... К этому списку можно добавить фильмы, книги, стихи и песни, забытые вещи, привычки...

А еще можно вспомнить самого себя.

Только вначале надо забыть.

Как я сумел забыть настоящую жизнь, окунувшись в приду-манную.

Чертов компьютер...

Я очень много играл. Играл во все типы игр - арканоиды, ролевые, стратегии, стрелялки, симуляторы. Во все, что вы сейчас сможете вспомнить, и во все, о чем вы никогда не узнаете.

И эта железная шарманка со своими трижды проклятыми героями виртуальности поглотила меня. Все, что мне было надо - хорошая видеокарта, последние драйверы, быстрый процессор, куча места на харде и самые свежие игры!

Не было такой игры, всех секретов которой я бы не раскрыл! Порой сам себе я казался всемогущим - этаким бог с джойстиком или «мышкой», для которого не было проблем при прохождении очередного уровня. Каждый убитый мной бот, каждая выстроенная крепость, каждое захваченное государство - все это приближало меня к тому, что уже очень скоро я перестал отличать действительность от игры; законы геймерства, правила виртуальных миров в моем мозгу стали реальными.

Я мог все. Любая игра раскрывала передо мной свои тайны максимум за час - и я не мог объяснить эти успехи никому, даже самому себе. Складывалось впечатление, что я просто рожден для того, чтобы играть, ибо никакого другого предназначения я не видел.

Временами я терпел неудачи - не без этого, что уж греха таить. Производители игр тоже были не лыком шиты - из года в

год их творения становились все более и более изощренными, уровни больше, загадки сложнее. Но я не сдался ни разу.

Никогда и ни при каких обстоятельствах я не бросал игру, не пройдя ее до конца - и ни разу не использовал то, что называют читерством. Никогда я не использовал коды, никогда не запускал трейнеры, облегчающие жизнь тем, кому лень было накапливать жизнь, опыт, боеприпасы и много еще всякой дряни, без которой прохождение игры оказывалось невозможным. Я был идеальным игроком с точки зрения тех, кто эти игры делал.

Но такое положение вещей, как оказалось, не могло существовать бесконечно. Наступил момент, который показал мне, что я не всемогущ.

Этот чертов мост... Последний уровень в игре, которую я сам себе подарил на день рождения. Прошел ее практически на одном дыхании; я слился с ней, я жил ею. Дорога была трудной, захватывающей, финал был уже близок...

И я застрял - впервые в жизни. Об этот мост разбились все мои принципы, все радости и победы. Я не мог пройти уровень, не мог закончить игру - и это несмотря на весь свой богатейший опыт в подобных мероприятиях.

Я не помню, сколько раз я пытался сделать это - в голове осталось лишь ощущение того, что я едва ли не телесно перенесся туда, к реке, стараясь найти путь на противоположный берег. Мне казалось, что уже давно не нужны «мышка» и клавиатура - там, в этом мире, я перемещался сам по себе, спотыкаясь о провал в шестьдесят метров, который просто невозможно было преодолеть.

И впервые я совершил то, о чем потом пожалел - правда, ненадолго. Я не помню, как резал себе руки - в бешенстве ли, в страдании или еще как; отрезвило меня только то, как игла хирурга вонзалась в кожу. Я пришел в себя, собрался с силами и попробовал вновь.

И снова не получилось. Вот тогда я потерял веру в себя.

Зачем я полез в петлю - трудно объяснить. Опять же, этот проклятый мост управлял мной, как хотел; люди с того берега, которые сумели-таки перебраться на противоположную сторону, доводили меня до безумия.

Не знаю, сказать ли спасибо тем, кто вытащил меня из петли или проклясть их на веки вечные. Но они дали мне право на третью попытку преодолеть мост.

И она удалась. Я был там, на том берегу...

Лучше бы я умер в петле.

Все, кто встретил меня там - все до единого - держали в руках ключи, такие же, как у меня. Они размахивали ими как флагами и поздравляли меня с победой, а я не понимал ничего, крутил по сторонам головой и надеялся увидеть хотя бы одного человека, у которого руки были бы свободны. Тщетно.

Игра была закончена, но не для меня. Этот проклятый виртуальный мир заставил меня выйти в Интернет и просмотреть информацию об игре. То, что я узнал, повергло меня в шок.

В игре была ошибка. Последний уровень был потенциально непроходим. Преодолеть финальную сцену можно было только при помощи патча, дающего возможность миновать мост безо всяких усилий.

При помощи ключа от кабинета Артемьева...

Я так и не понял, как в моей руке оказалась эта чертова отмычка, как она вместе со мной перенесла меня через мост, после чего поставила в один ряд с теми, кто занимается подобными штуками каждый раз, когда в бессилии опускаются руки.

Как бы то ни было - мне пора заканчивать с этим. Ради игры я убил человека - это о многом говорит. А ключ...

Этому нет объяснения. Но он стер грань. Основное отличие исчезло. Я не болен - но я и не здоров. И пусть у меня есть ключ - мне не место среди вас.

Черт побери, где в этой квартире окно?..

НЕ БУДИТЕ АРАГОРНА...

День начался очень удачно - Кирилл умудрился спихнуть лоховатому покупателю неплохую комплектацию, пристроив внутрь бэушный винчестер, который попросил перепродать один из хороших знакомых. Пересчитав деньги после ухода крайне довольного обладателя новенького «Целика», он с видимым наслаждением засунул в карман своих джинсов пару тысяч рублей.

Опустившись во вращающееся кресло за кассовым аппаратом, он положил руки на клавиатуру, запустил «Контру». Судя по реакции, где-то в недрах мастерской через пару дверей отсюда встрепенулся дремавший с глубокого пивного бодуна Шишок - он умело, несмотря на постоянную тошноту и головную боль, подключился к игре, брякнул пару идиотских острот в своем стиле и, не долго думая, погиб на первых же шагах. Кирилл улыбнулся - Шишок всегда погибал самым первым, но, тем не менее играть с ним было интересно; если парню удавалось избежать прицельного огня, то его действия порой отличались непредсказуемостью, умением грамотно мыслить и удачно работать в паре.

Игра сегодня как-то не особенно захватывала Кирилла; деньги в кармане стимулировали пораньше уйти с работы, оставив за себя кого-нибудь из технической группы. Он несколько раз поймал себя на том, что смотрит на часы не то с сожалением, не то с нетерпением. Когда его убили в тринадцатый раз, он без всяких угрызений совести отключился, бросив напарника где-то рядом с кучей «терроров», и крикнул так, чтобы тот услышал его в своем закутке:

- Шишок, давай сюда, ты мне нужен!

Что-то громко скрипнуло, хлопнула дверь. Иван Шишкин ввалился - другого слова подобрать было нельзя - именно «ввалился» к Кириллу в офис с чашкой горячего кофе. На шее у него, намотанная вокруг пару раз для гарантии, за какой-то надобностью висела «мышка».

Слова застряли в горле у Кирилла, едва он увидел этот болтающийся девайс. Сразу полезли на ум всякие пошлости, гадости и черный юмор. Кирилл развел руками и указал на кресло ря-

дом с собой - на то, в котором обычно сидели покупатели в момент составления заказа.

Иван опустил в кресло с размаху - руками он за поручни хвататься не стал по непонятным соображениям, просто хлопнулся сверху, словно хотел раздавить в кресле какого-то мерзкого клопа. Стойка жалобно скрипнула, зашипел воздух. Чашка кофе опустилась прямо на свежую пачку прайс-листов, оставив на верхнем коричневый мокрый круг.

Кирилл прокашлялся от всего этого - хотя будто могло быть иначе... Нет, с Шишком так всегда, его даже не старались когда-либо выдергивать поближе к обществу из глубины сборочного цеха. Парень, которому от роду было лет шестнадцать-семнадцать (ну, в крайнем случае возраста почти призывного), постоянно оставался крайне неряшливым, неумытым-непричесанным; во время еды всегда чавкал, как поросенок, чай втягивал из чашки с таким свистом, что рядом просто страшно было находиться; его джинсы не знали утюга и «Ариэля», волосы оставляли желать лучшего (хотя бы расчески...) Короче, контрольный выстрел три раза в день после еды еще мог каким-то образом спасти общество от этого морального уродца, если бы не... Если бы не его феноменальное «чутье железа».

Парень собирал компьютеры так... Трудно подобрать нужные эпитеты. Если бы все так делали детей, как он компы - с любовью, умом, чуткостью и вниманием, то, черт возьми, общество, в котором мы сейчас жили, отличалось бы в положительную сторону. Знаете, как часто говорят - «Да он с закрытыми глазами...» Вот чушь собачья! Не надо с закрытыми, ты открой их - и делай так, как Шишок!

- Короче, чувак, - начал Кирилл, когда все эти мысли в одно мгновенье пронесли у него в голове. - Во-первых, сейчас эта чашка полетит тебе в башку. Во-вторых... Вот правильно, убери, подложи болваночку, я тут как раз одну запарол... Во-вторых, будем жить по принципу «Партия, дай порулить!» Порулить хочешь?

- Чем? - спросил Шишок. Кирилл на пару мгновений засомневался в своих желаниях. Может, не стоит? Но желание уйти было сильнее всех голоса разума:

- Конторой, - коротко бросил он.

Шишок взял кофе, отхлебнул; потом закинул «мыша» за спину, будто шарфик, и кивнул.

- Свалить надо? - спросил он у Кирилла. - А шеф?..

- Шеф не появится, - успокоил Кирилл. - Он где-то за городом, на вилле некоего представителя могущественной расы бизнесменов... Короче, на «стрелке» он. Деньги делят. Или делают.

Шишок кивнул так, как кивают люди однозначно «посвященные» - легонько, снисходительно, с едва заметной усмешкой. Это он умел - сделать вид, что знает гораздо больше, чем другие. И очень многие, не умея соотнести его жутковатый образ едва ли не бомжа с этой самой усмешкой, создавали о нем неверное представление... Кирилл пропустил сей факт мимо своего сознания, ибо привык к нему до невозможности. Главное было настроить Шишка на работу.

- Понимаешь, Иван, - Кирилл так хотел уйти с работы, что готов был даже вспомнить имя Шишка, - ты у меня на доверии... Да не только у меня, у всех, кто здесь работает... И у шефа...

Врал он беззастенчиво, потому что цель была велика - и эта цель по имени Наташка должна была его ждать сегодня возле института ровно через сорок минут. И если на Шишкина времени будет потрачено мало, то на метро он успевал. Почти.

- У меня - так уж получилось - сегодня очень важное дело. настолько важное, что даже сам шеф, я думаю, проникся бы его срочностью и нужностью («Чего бы еще брякнуть для важности?..»). Я должен... Просто обязан уйти, - вспомнив фигуру Наташки, добавил он. - До конца рабочего дня еще почти полтора часа. Ты за сегодня собрал четыре неплохих компа под заказ, да еще штук шесть или семь готовых - на всякий случай. Ты славно потрудился («Господи, что я несу!..») Было бы неплохо, если бы ты подменил меня здесь, за столом менеджера. Случись что, ты и консультацию грамотную можешь дать, и комп готовый принесешь.

Шишок, периодически поднося ко рту свой кофе, со свистом втягивал обжигающий напиток (Кирилл этот звук заставлял вздрагивать всем телом). Он будто бы не замечал, что можно обжечь губы и язык; он вообще никогда не дул на горячее, перенося его со спартанским хладнокровием. Короче, в этом человеке странностей было гораздо больше, чем можно было себе представить.

- Вот тебе ключ от сейфа, - содрогаясь внутри от того, что сейчас делал, протянул Шишкину брелок Кирилл. - Печати внутри. Вот ключик от кассового аппарата... Но ты лучше, если будет возможность, чек не пробивай, скажешь, пусть придут завтра с утра - если кому надо.

Кирилл проследил за тем, как ключи исчезли у Ивана в нагрудном кармане необъятной жилетки «Made In China».

Все. Приговор подписан. Случись что - не отмоешься. Но - «Кто не рискует - тот не пьет шампанского». Кирилл вздохнул, опустил руку на плечо Ивана, хотел что-то сказать, но не нашел нужных слов и, молча кивнув, вышел, притворив за собой дверь.

Шишок, будто ничего и не произошло, продолжал методично отхлебывать из чашки постепенно остывающий напиток. Со стороны могло показаться, что он просто не заметил, как остался один.

Постепенно чашка опустела. Шишок стрельнул по сторонам глазами и снова опустил ее на испачканные прайс-листы. «Мышка» соскользнула с шеи на пол.

- «...Щас полетит в башку!» Ой, напугал, - безо всяких особенных интонаций повторил слова Кирилла Шишок, однако убрал чашку в раковину, три верхних листа из стопки прайсов смял и выкинул в корзину для бумаг. Потом медленно, заложив руки за спину, зашагал вдоль стеклянных витрин со всякой мелочевкой типа картриджей, «мышек», болванок, мультимедии и книжек по «1С».

- Фигня все это, Кирилл Андреевич, - глядя на разложенные по полочкам девайсы свысока, нравоучительным тоном произнес Шишок. - Вот у меня в сборочной - другое дело...

Пройдя подобным образом вдоль всех витрин несколько раз и убедившись в полной бессмысленности существования Кирилла как человека, никогда не испытывшего кайфа от погружения процессора в гнездо, Шишок вернулся в кресло и попытался возобновить предательским образом брошенную игру, но тут случилось именно то, чего боялся Кирилл, покидая рабочее место.

В контору вошли трое. Мама, папа и сыночек лет двенадцати от роду. Этакие Дурсли из небезызвестного «Гарри Поттера». Иван, особо не посещавший кинозалы, этот фильм не пропус-

тил. По непонятным причинам (по непонятным для сотрудников конторы, которые были несказанно удивлены) он сходил на две первые части этого фильма по три раза. Что он пытался там разглядеть, осталось для всех загадкой - но факт есть факт. Трижды за время проката каждого блокбастера он разглядывал приключения этого идиота-очкарика, каждый раз делясь впечатлениями с окружающими, словно видел все это впервые. Все уже знали содержание наиболее понравившихся Ивану диалогов, были наслышаны о его пристрастиях в плане ролей, актеров, сцен и спецэффектов. Кое-кто стал поговаривать, что Шишок непонятным образом подзаряжался интеллектом от этой довольно бестолковой сказки, поскольку человек, которого в жизни интересовали только книги по сборке и модернизации компьютера, внезапно начинал говорить длинными удобоваримыми фразами, правильно употребляя падежи и переставая при этом грызть ногти. А уж если Шишок прекращал это свое суперзанятие, которому отдавался с хрустом и причмокиванием целиком и полностью все свободное время - то о воспитательном влиянии Гарри Поттера на Ивана Шишкина можно было писать докторскую диссертацию по психологии олигофренов.

Итак, они вошли. Отец еще с порога грозным взглядом окинул довольно большое помещение конторы, оценивающе покачал головой и пихнул сына вперед. Тот просто вылетел на середину комнаты и в ужасе замер. Шишку захотелось заглянуть ему за спину - он на сто два процента был уверен, что там прячется пороссячий хвостик.

- Ну, - коротко и сурово сказала мать. Мальчишка напрягся так, будто от дверей сейчас должен был прилететь подзатыльник. - Ты в этом понимаешь побольше нас с отцом. Надеюсь, что у тебя хватит ума выбрать что-нибудь подходящее твоим мозгам в двенадцатилетнем возрасте.

«Насчет возраста угадал», - подумалось Шишку. Он медленно нащупал под столом снятые кроссовки (в очередной раз напоминая себе поменять носки, из огромных дырок в которых торчали большие пальцы) и уже втайне потирал ладошки, представляя, как завтра утрет нос Кириллу, небрежно выложив тому на стол долларов эдак семьсот-восемьсот. «Вот, понимаешь, вчера в твоё отсутствие удачную сделку провернул...»

Мальчишка, шмыгнув носом, осторожно протянул руку к прайсам, взял верхний листик, бросил быстрый взгляд исподлобья на Ивана и погрузился в чтение. Губы медленно шевелились, произнося, как заклинания, названия комплектующих. Отец приблизился к сыну, заглянул через плечо в прайс, потом взял второй из стопки и махнул жене:

- Думаю, тебе тоже должно быть интересно, - и необычайно увлеченно принялся так же, как сын, шептать себе под нос - но на этот раз цены. Пауза, прерываемая покашливанием отца семейства, временами натыкающегося в тексте прайс-листа на суммы, не вписывающиеся в его понимание проблемы, затягивалась.

Шишок встал из-за стола, отошел к окну. Бормотание за спиной его мало интересовало. Обычно люди, плохо знакомые с предметом, выбирали то, что просто нельзя было совместить в корпусе по причине полной непереносимости одних деталей другими. Уткнувшись лбом в стену возле оконной рамы, Иван раздвинул жалюзи, которые Кирилл опустил для лучшей контрастности на мониторе. Открылся неплохой вид на огромную круглосуточную автостоянку.

Шишок любил смотреть на автомобили, когда не было работы. У него никогда не было своего средства передвижения (кроме велосипеда в детстве), поэтому он особенно не комплексовал по этому поводу - просто его всегда радовали совершенные формы и целесообразность. Так же, как он разбирался в гигагерцах и мегабайтах, он запросто различал марки машин, не заглядывая на эмблемы и серебристые буквы на багажнике (чего не могли сделать большинство его знакомых, видевших во всем этом «нечто на колесах»). Количество «лошадей» под капотом тоже не было для него секретом - как он безо всякого труда помнил назначение всех джамперов на материнских платах последних поколений, так и двигатели самых перспективных автомобилей были разложены по ярусам в его узко направленном техническом мозгу.

Вот и сегодня он отметил появление возле крайней правой прожекторной стойки двух новеньких, сияющих «Ауди» угольно-черного цвета. Еще без номеров, с белыми транзитными прямоугольниками за стеклами, они производили впечат-

ление марсианских зондов. Даже с расстояния в шестьдесят-семьдесят метров Шишок был абсолютно уверен в шикарной отделке приборной панели - красным деревом с лаковой полировкой.

«Живут же люди...» - внутри засверлила тоскливая мысль. Даже такому человеку, как Шишок, волей судьбы загнавшему себе в специфические профессиональные рамки (и не жалевшего об этом), было грустно от осознания подобных вещей. Иван потерся лбом о стену, вспомнил, что не заплачено за квартиру (причем уже два месяца) - и в этот момент его тронул за плечо Дурслъ-младший.

Шишок повернулся и увидел в его глазах такую тоску, что мальчишку сразу стало жалко. Судя по всему, он явно не представлял себе, что хочет.

- Ну, - спросил он у родителей, поднявших на него глаза с нескрываемым недоверием, - какой компьютер вам нужен?

- Подешевле, - моментально среагировала мать. Сын втянул голову в плечи.

- Хм... - отец почувствовал, что так можно в глазах продавца выглядеть не совсем подходящим образом. - Не так уж чтобы...

Жена дернула его за рукав; он смутился и тут же отыгрался на сыне:

- Ну, а ты, оболтус, что скажешь?! Шел сюда, так хоть спросил бы у друзей в школе - может, они посоветовали...

- Да я спрашивал, - попытался возразить пацан, мечтавший только об одном - скорее бы все это кончилось. И в этот момент за окном завывали «сигналки» - сразу несколько, практически в унисон. Шишок машинально отвернулся от покупателей и взглянул на стоянку. И тут же неприятно заныли скулы.

Те два «Ауди»... Их «хрустальные» огромные фары, их лобовые стекла - все было разбито вдребезги; на сверкающих зеркальных капотах были видны огромные вмятины. Но ладно машины... В нескольких метрах от них на коленях стоял охранник (Шишок догадался по униформе и по резиновой дубинке, лежащей в паре шагов от него). Ладони его были плотно прижаты к лицу. Он раскачивался из стороны в сторону все сильнее, сильнее... Через несколько секунд он упал набок, руки ослабели и открыли лицо...

Шишок отшатнулся от окна и повернулся к покупателям. Увидев его глаза, женщина сделала несколько шагов к двери. Отец машинально встал между ней и Иваном, потом, ничего не понимая, попытался заглянуть через плечо Шишкина на улицу. Увиденное потрясло его.

- Его убили?! - чуть ли не крича, всплеснул он руками, отодвинул Шишка в сторону и, чтобы было лучше видно, растянул в сторону полосы жалюзи. - Надо вызвать милицию! Где телефон?

Шишок понял, что уже не владеет ситуацией. Завтра не придется говорить Кириллу об удачной сделке, не придется хвастаться вырученными долларами - да и вряд ли когда представится подобная возможность еще...

Тем временем мужчина трясущимися руками набирал номер, а его сын, забыв о компьютерах и раскрыв рот, смотрел на стоянку. Шишок тоже вернулся к созерцанию происходящего и увидел то, что не заметил сразу - из-за дальнего «Ауди» были видны ноги лежащего на земле второго человека в камуфляже - еще одного охранника. Судя по неподвижности фигуры, этому пострадавшему было тоже несладко.

- Что же это такое? - прошептал Иван себе под нос, прижавшись к стене спиной.

- Алле!! - орал в трубку мужчина. - Черт подери, алле! Что здесь за ерунда? - крикнул он Шишку; тот наклонил голову набок и равнодушно ответил:

- Через восьмерку...

Вновь запыкали озвученные кнопки телефона. Шишок взглянул в сторону стоянки еще раз и убедился в том, что виновника всего происходящего не видно - тот, кто это сделал, довольно быстро вышел из поля зрения.

Мальчишка тем временем прижался к матери, шепотом объясняя ей то, что он увидел, и указывая на окно. Шишок отметил про себя, что звонок у отца не получался - что-то не клеилось на том конце провода, что-то не ладилось на наших суперсовременных телефонных линиях, выходящих из строя от обычного дождика. Нервная барабанная дробь, которую выбивали ногти отца по столу, не давала сосредоточиться Ивану, мешала принять какое-то решение.

Внезапно вой сигнализаций на стоянке стих - и стало ясно, что все продолжалось не больше минуты-двух, хотя сумбур, воцарившийся в умах присутствующих, тянул на пару часов какого-то террористического кошмара. И эта внезапно наступившая тишина за окном заставила всех замереть там, где они стояли - мужчина не донес телефонную трубку до аппарата, на который хотел ее швырнуть в гнев, его жена раскрыла рот в немом вопросе, да так и не задала; мальчишка сделал жест пальцами правой руки, что-то из дворового жаргона хотело сорваться с его языка - да так и замер с открытым ртом.

Шишок громко икнул, чем нарушил навалившуюся тишину. На него посмотрели так, будто он мог навлечь этим звуком на всех вокруг себя Гнев Господень. Иван боялся выглянуть в окно; боялся увидеть там нечто, могущее ввергнуть его в шок. Он вообще не переносил вида крови, а сегодня понял это окончательно и бесповоротно. Не впервые в жизни он видел рядом с собой чье-то физическое страдание, чью-то боль, жестокость, непонятный вандализм... Для его семнадцати с половиной лет - слишком уж много.

На лестнице, ведущей в контору, раздались шаги - медленные, уверенные. Бум, бум, бум - гудела металлическая лестница. Первый этаж, второй... Оставались еще пара десятков ступенек, и площадка перед дверью.

Шишок почему-то сразу понял, что это возвращается Кирилл. Да просто больше некому было прийти сейчас сюда, только главному менеджеру. Наверное, что-то там у него обломилось, в его важном, срочном и заочно одобренном боссом деле - вот он и решил вернуться. Сейчас он войдет - и все сразу встанет на свои места, он дозвонится, куда нужно, сделает, что нужно. Кирилл всегда решал проблемы быстро, играючи - у него был талант к тому, чтобы обходить подводные камни, мели и рифы, наводить мосты, соединять несоединимое и договариваться со всеми вокруг.

Шесть...Пять... Четыре... У мужчины в такт шагам стал подергиваться угол рта. Три... Два... Один... Тишина. Потом шорох перед дверью и звук, который разрушил ту идиллию, что пыталась воцариться в мозгу Ивана - звон металла. Что-то клацнуло там, на площадке, и отзвук долго и протяжно пытался исчез-

нуть, и все не мог, не мог... Потом дверь распахнулась - как-то сразу, внезапно. Вот она еще закрыта - а вот уже ветер ворвался в контору, шум улицы, далекий лай собаки...

На пороге возник человек. Едва увидев его, женщина, стоявшая в нескольких шагах от входа, ближе всех ко вновь прибывшему, вскрикнула, шарахнулась в сторону и, зацепившись за большую коробку, упала между столами. Сын кинулся к ней, но остановился под тяжелым взглядом гостя. Шишок ощутил некое волнение где-то под коленками, слабость и желание провалиться сквозь землю - и чем глубже, тем лучше.

С глухим звуком упала на аппарат телефонная трубка.

Человек сделал шаг внутрь и закрыл за собой дверь.

- Мерзкие гоблины! - прошипел он сквозь зубы и красиво описал круг своим огромным сверкающим мечом, возникшим откуда-то из-за спины, перед глазами тех, кто был в комнате. Гудение воздуха заставило пробежать по спине у Шишка волну мурашек; захотелось сесть на пол.

- Вы, собственно... Кто? - попытался взять инициативу в свои руки мужчина, глупо и абсолютно неестественно задав этот вопрос. Голос дрожал; к своей жене он почему-то не кинулся.

Человек, словно не услышав его вопроса, медленно сделал еще два шага, вонзил острие в пол и огляделся. Во время возникшей паузы Шишок сумел рассмотреть гостя.

Мужчина высокого роста, около двух метров, что было на голову выше Ивана; волосы длинные, волнистые, схваченные поверху тоненьким матерчатым обручем; впечатления ухоженных они не производили. Растительность на лице оставляла двойное впечатление - то ли он забывал бриться в течении недели, либо это была попытка стать похожим на Антонио Бандераса. Все его мощное, накаченное тело скрывалось под мрачной расцветки плащом почти до пола, где-то на спине был виден капюшон - объемный и, судя по всему, способный выдержать неплохой ливень. На груди плащ был немного распахнут, под ним виднелась кожаная куртка со шнуровкой. Легкие укороченные сапоги на ногах дополняли картину Робин Гуда. Ну, и конечно же, меч - Шишок сомневался в своей способности замахнуться им повыше пояса. Размеры были под стать гостю - когда он стоял, уперев острие в пол, то рукоять доставала ему до пояса (и даже немного вы-

ше). Лезвие сверкало начищенной полированной рельсовой сталью (ничего другого на ум не приходило - только блестящие в яркий солнечный день рельсы, уходящие за горизонт).

Суровый пронзительный взгляд медленно перемещался по полкам, словно оставляя людей в конторе напоследок. Человек не спешил; он внимательно рассмотрел все, ни одна мелочь не укрылась от его глаз. Губы беззвучно и неторопливо шевелились; пальцы на шарообразном противовесе рукоятки периодически разжимались и снова сжимались в напряженный кулак.

Под его ногами тихо заверещала упавшая женщина; она не видела, где стоит вошедший, но чувствовала, что он где-то совсем рядом. Человек с мечом наконец-то позволил себе заметить ее. Он опустил глаза в пол, приподнял меч, продолжая сжимать его крепко, до хруста в пальцах. Шишок напрягся - от макушки до пят его пронизала судорога ужаса.

- Враг близко... - едва слышно сказал человек с мечом. - Не время... Не время...

Острые вошло в пол, как гильотина - коротко, жестко. Каблуки на одной из туфель женщины срезало, словно бритвой. Еще секунда - и Иван готов был ощутить бегущую между ног теплую струйку мочи...

Мужчина зачем-то вытянул перед собой руку, словно загоразживаясь от этого кошмара с мечом и попытался что-то сказать, но слова застряли у него в горле; ничего, кроме каких-то шипящих звуков, не вылетело из его рта. Он аккуратно обогнул стол, какими-то дурацкими приставными шагами приблизился к сыну и задвинул его себе за спину резким движением.

Тем временем гость остановил свой взгляд на Иване; того словно пришили к стене. Глаза били наотмашь; они проникали куда-то вглубь, в душу, в мозг, в сознание. Пульс подскочил до немыслимых цифр, на лбу выступили крупные капли пота.

- Ты... Неужели ты не узнал меня? - спросил у Ивана человек с мечом.

Шишок отрицательно замотал головой - так часто, что чуть не упал от головокружения. Сам факт того, что он оказался под пристальным вниманием незнакомца, вывел Ивана из зыбкого душевного равновесия напрочь; он в ужасе застыл, не отрывая глаз от гостя.

- Я так и думал, - понимающе кивнул тот в ответ на отрицание Ивана. - Судя по всему, ты находишься в услужении у этих поганцев (он кивнул в сторону папы с сыном). Немудрено... Я хочу есть, - внезапно сказал он, словно и не было никакого предисловия. - Накорми своего короля Арагорна.

Шишка будто дубиной по голове ударило. «Кто? Арагорн?.. Что происходит?» - подумал он, разглядывая фигуру, перемещающуюся по комнате к ближайшему стулу.

Человек опустил на кожаное сиденье охотно принявшего его в свои объятия кресла, вытянул ноги, снял перчатки.

- Не вижу исполнительности, - коротко сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, но Шишок понял, что это высказывание было направлено в его адрес. - Или стоит применить силу?

И он внезапно с размаху ударил кулаком по крышке стола. Офисная мебель была явно не готова к подобным испытаниям. Дерево в том месте, куда пришел удар мощного кулака, хрустнуло и проломилось; несколько папок с бумагами и подставка для печати провалились в образовавшуюся дыру, создав пренеприятный шум. Иван вздрогнул и на пару секунд закрыл глаза.

Он с детства не терпел всяческого насилия и криков, наслушавшись родительских скандалов, с завидным постоянством возникавших на ровном месте в течение многих лет. Были и сломанные столы, и разбитые окна, и выбитые двери... На мгновение нахлынули воспоминания, затмившие образ Арагорна с мечом. Хруст крышки стола заставил вспомнить вещи, которые были засунуты в самые далекие уголки памяти с грифом «Совершенно секретно!» И Шишку стало ясно, что все это добром не кончится...

Он сделал несколько неуверенных шагов к человеку, назвавшемуся Арагорном, вздохнул и сказал:

- Этот стол достаточно дорого стоит... Будете кофе?

Гость кивнул.

- Сахар? Сливки?

Еще пара кивков. Шишок посмотрел на застывших восковыми фигурами отца и сына и коротким кивком указал на сотовый телефон, который виднелся у отца на поясе. Мужчина напрягся на секунду, не понимая, потом проследил взгляд - понял. Ши-

шок собирался пройти мимо него, незаметно взять телефон, чтобы, выйдя с ним в другую комнату за кофе, вызвать наряд милиции.

И ему это почти удалось. Почти - потому что в тот самый момент, когда его рука протянулась к поясу за телефоном, где-то у стены громко всхлипнула женщина, которая так и не нашла в себе силы подняться. Арагорн вздрогнул, посмотрел в ее сторону - и Шишок машинально отдернул руку, опасаясь усугубить ситуацию.

- Стой! - прозвучало от разломанного стола. Иван замер. - Тебе надо выйти отсюда?

Иван кивнул, боясь оглянуться.

- Боюсь, что это сделать не удастся, - сказал Арагорн. - Даже если мне придется остаться голодным.

- Как же ваш кофе? - осмелился задать вопрос Шишок. - Здесь его нет...

- Я готов потерпеть... - тихо и почти доверительно произнес Арагорн. - Тебе я найду другое занятие.

Мужчина, застывший посреди комнаты, наконец, осмелился сделать хоть какие-то движения в сторону своей чертовски напуганной жены. Он подошел к ней и аккуратно помог подняться. Та с трудом держалась на ногах, все время стремясь опереться на батарею отопления. Отсутствие каблука сказывалось - она, пару раз покачнувшись так, что у Ивана сердце в пятки уходило, сняла туфли и в ужасе смотрела на сидящего в кресле человека с мечом.

Тот, казалось, задремал. Шишок, ожидавший каких-то указаний от этого человека, ставшего в настоящий момент хозяином конторы и управляющий умами и эмоциями всех, кто в ней находился, несколько растерялся - никакого «другого занятия» не предлагалось.

Внезапно в ушах у всех присутствующих возник не совсем понятный звук - то ли бормотание, то ли шепот, то ли... Все посмотрели туда, где сидел Арагорн. Он едва заметно шевелил губами, разговаривая с кем-то невидимым; постепенно он повышал голос, некоторые слова становились разборчивыми.

- Я ведь присил... Окно... Вечные сквозняки... А так хотелось отдохнуть... Орочье отродье...

- Мы можем уйти? - перебил это бормотание мужчина, созревший для мысли о том, что их жизнь находится в опасности, и нужно уносить ноги. - Не думаю, что нам всем имеет смысл здесь оставаться...

- А потом наступила ночь... - продолжал общаться с невидимым собеседником Арагорн. - Уйти? - вдруг очнулся он, открыл глаза и взглянул на говорившего.

Тот кивнул. Арагорн огляделся вокруг; потом встал, крепче обхватил рукоять меча и подошел поближе. Женщина закатила глаза и стала сползать из рук мужа на пол.

- Никто никуда не уйдет, - коротко и жестко ответил он. - Я ведь говорил им всем - «Не будите Арагорна!» Никто никуда не уйдет!

Вернувшись в кресло, он вытянул ноги, сложив их одну на другую, вдоль ног положил меч и вздохнув, сказал:

- Они тоже не хотели ничего понимать... Постоянно требовали... Ну почему всем всегда что-то от меня надо! Сотни лет... Я верно служил - чего скрывать. Верно, честно, преданно. Это знали все. И мой меч - уж он-то знал об этом лучше всех!

Он любовно погладил рукоять, поднес меч к губам, подышал на затуманившееся лезвие, аккуратно протер его рукавом.

- Выкованный заново - спасибо гномам - он приобрел новую красоту, новые качества. Слава богу, не так часто мне приходилось пускать его в дело. Зачем они меня разбудили?..

Плохо понимая все, о чем говорил Арагорн, Шишок пытался уловить настроение человека с мечом. Где-то внутри включилась стрессовая реакция - очень хотелось остаться целым и невредимым. Ни словом, ни жестом не вызвать негативных последствий для своего здоровья - нужно было только понять, какие мотивы привели сюда этого странного гостя.

Где-то далеко за окном завывала и тут же замолчала милицейская сирена. Арагорн, к этому моменту вновь закрывший глаза, медленно поднял веки, обвел взглядом потолок, прислушиваясь к тому, что было на улице. Шишок не сдержался, сухо кашлянул. Пальцы на рукояти меча заметно ослабли, глаза опять закрылись, дыхание стало тише и спокойнее.

Все, кто был в комнате, не сговариваясь, переглянулись. Появился шанс исчезнуть из конторы, не дожидаясь, когда про-

изойдет что-либо непредвиденное. Мужчина подтолкнул сына к двери и взглядом показал ему, чтобы тот шел как можно тише и незаметнее.

Мальчишка раскрыл рот, встал на цыпочки и стал осторожно пробираться к выходу. Судя по всему, опыт в делах подобного рода (в смысле ходьбы на цыпочках) у него был достаточно большой; он интуитивно выбрал такой путь к двери, чтобы под ногами не скрипнуло покрытие - почти вдоль стены, едва не касаясь ее руками. Мать, придя к этому времени в себя и закрыв рот ладонью, пыталась помочь ему хотя бы взглядом.

Когда до двери осталось всего пара шагов, Шишок поверил, что у того получится. Дверь всегда была хорошо смазана, никогда не издавала никаких щелчков, была деревянной, а соответственно - легкой. Мальчишка взялся за ручку, аккуратно повернул - и столкнулся нос к носу с вошедшим Кириллом.

Менеджер, удрученный тем, что его свидание не состоялось (он прождал свою пассию почти сорок минут, пока не понял, что все-таки опоздал), просто шагнул чуть ли не сквозь пацана, легонько отодвинув его в сторону, и с грохотом затворил за собой дверь. Он бормотал себе под нос какие-то уничижительные замечания в адрес метрополитена и свой собственный, поэтому даже не заметил с первого мгновенья, что в конторе что-то не так.

Арагорн же, напротив, среагировал с завидной скоростью. Его тело взметнулось с кресла в направлении двери, одна рука цепко схватила меч, вторая через секунду уже держала за шею Кирилла. Мальчишка же отлетел вбок, споткнулся о стул и загремел под самое окно.

Кирилл, не понимая, что происходит, просто ощущал на своей шее чудовищной силы хватку, поднявшую его над полом на несколько сантиметров. Вместо дыхания изо рта вырывался хрип, горло перехватил натянутый до предела воротник. Через несколько секунд пара верхних пуговиц с треском оторвалась, воротник ослаб, и Кирилл шлепнулся на пол. Машинально он постарался отползти в сторону, но острое меча, вонзившееся рядом с его рукой, заставило замереть на месте.

- Какого черта?! - прорычал Арагорн, наклонившись до самого пола и дыша каким-то смрадом в лицо Кирилла. - Я же прошу - не будите! Не будите! ПРОКЛЯТЫЙ УРУКХАЙ!!!

Он резко выпрямился и одним быстрым движением оглядел всю контору. Меч словно оказался на свободе, совершив полный круг вместе со своим хозяином. Его острое прошло в нескольких сантиметрах над головой совершенно обезумевшего от внезапно навалившегося кошмара Кирилла, тот пригнулся к полу и затаил дыхание.

- Если бы вы знали, что это - не спать столько лет! - кричал Арагорн, потрясая в воздухе своим огромным мечом. - Если бы вы знали это!..

Очередной взмах закончился тем, что кончик меча зацепил стоящий на одной из больших витрин новенький семнадцатидюймовый монитор. Тот покачнулся на подставке, извечный «аквариум» на экране, не миновавший, казалось, ни одного магазина по продаже компьютеров в этом мире, пошел вполне реальными волнами; Шишок машинально сделал шаг к витрине, но он явно не успевал. Монитор качнуло, и он полетел на пол.

Шнур питания, выскакивая из гнезда, издал сухой, достаточно громкий треск, сопроводив падение неплохим спецэффектом. Шишок успел подумать: «Хорошо, что не стеклянный...» Но, как выяснилось, все еще только начиналось.

Увидев падение монитора, Арагорн на секунду замер и пристально всмотрелся в то, что осталось от него. А в следующую секунду он резко развернулся туда, где на столе у Кирилла стоял другой, на этот раз не выставочный, монитор. Обыкновенная «труба» родом оттуда же, откуда в нашей стране почти все - из Китая.

Меч сверкнул в воздухе - с едва слышным гудением, красивой серебристой молнией. Звук удара был глухим, напомнившим громкое шуршание. Разрубив монитор пополам, лезвие развалило и стол, на котором он стоял. Арагорна качнуло вслед за мечом, будто силы на мгновение оставили его - судя по всему, он сам не ожидал того эффекта, что произведет его удар. Экран разлетелся с противным хрустом, усеяв стеклом пространство в несколько квадратных метров вокруг себя; наружу вывалилось все, что создавало некогда на экране вполне пристойное по качеству изображение. Внутри вспыхнул ворох искр голубоватого цвета, потянуло дымком, взвившимся к потолку.

Меч, будучи выдернут из разваленной крышки стола, описал над головой Арагорна огромный свистящий круг. Нечто, напоминающее хохот, вырвалось сквозь его плотно сжатые губы. И тут женщина, не выдержав ужаса ситуации, совершила самый безумный поступок, ради которого она, наверное, жила всю свою жизнь.

Молча, безо всяких душераздирающих криков и соплей, она внезапно подхватила за руку лежащего рядом с ней сына, за долю секунды преодолела разделяющие ее и дверь четыре больших шага (даже не пытаясь при этом поставить сына на ноги), рывком распахнула дверь, швырнула туда ребенка (килограмм тридцать пять, не меньше), после чего выскочила на площадку перед дверью сама.

Арагорн опоздал даже не на секунду, нет - на пару ее шагов. Он еще радовался своей глупой победе над китайским монитором, когда женщина уже выталкивала своего сына на свободу. Потом он продолжил тот самый круг, который описывал его меч над головой, четко определил, где дверь (несмотря на то, что стоял к ней спиной) и с разворота дал мечу волю. Тот вырвался из его рук, словно живое существо - на коротком «Ха!..». Лезвие, направленное точно в дверь, устремилось в нужном направлении. В дерево оно вошло, как в воду - никто даже не услышал удара. Примерно сантиметров сорок прошло сквозь дверь, после чего меч остановил свой смертоносный полет.

Мужчина коротко вскрикнул - то ли от страха, то ли от неожиданности. Для него все происходящее тоже было полностью непредсказуемым. Мужчины вообще всегда долго выбирают варианты, женщины же руководствуются импульсом. Пока он рассуждал, как спасти себя и свою семью, жена сделала это за него. Меч не встретил по пути к двери ее тела. Где-то снаружи по лестнице загрохотали шаги - спотыкающиеся, торопливые; раздался то ли плач, то ли смех, несколько громких всхлипов. Потом все стихло.

В конторе повисла тяжелая, гнетущая пауза. Кадр был эффектным. Все, не отрываясь, смотрели на крестовину колышущегося в двери меча, и молчали - потому что поняли, что по лестнице сейчас спустился ОДИН человек. Второй...

Арагорн первым вышел из ступора. Он подошел к двери, замер перед ней на некоторое время, а потом внезапно, не притрагиваясь к мечу, ударил ногой чуть пониже замка. Створка распахнулась, словно подхваченная сильным ветром. Все - и Шишок, и лежащий на полу Кирилл, и отец мальчика - все вытянули шеи, каждый со своего места, чтобы увидеть, что же там, на лестнице...

Там никого не было. Площадка перед конторой была пуста.

Арагорн хмыкнул, разочарованный. Шишок нервно переступил с ноги на ногу, хрустнуло стекло, рассыпанное, казалось, везде, где только можно. Кирилл медленно поднялся - сначала на одно колено, потер шею, потом встал во весь рост и бросил взгляд на Ивана. Тот одними губами шепнул:

- Полиция...

Кирилл кивнул и тут же нащупал на поясе мобильник. Шишок поднес палец к губам - нажимать кнопки было опасно.

Арагорн же, скорчивший гримасу крайнего недовольствия тем, что за дверью никого не было, взялся за ручку двери и затворил ее, после чего положил обе ладони на рукоять меча и, с шумом выдохнув, дернул его на себя.

Когда взорам всех присутствующих показалась та часть меча, что была снаружи, все увидели на ней какие-то полосы, розовый «зайчик»... А потом за дверью что-то с шумом упало - что-то очень напомнившее всем...

Мужчина закричал и кинулся на Арагорна с кулаками.

Тот успел еще поворачивать головой, разминая уставшие мышцы шеи, после чего очень точным движением сменил направление движения меча, являя собой образец искусства боя холодным оружием. Оказавшись каким-то образом сбоку от нападавшего, он вроде бы ничего и не сделал - но мужчина на бегу сломался, согнулся пополам, обняв руками живот и так и пробежал куда-то мимо Арагорна, упав у двери. Хватая воздух ртом, он очень быстро умер, даже не успев осознать, что так и не успел отомстить.

Когда такие вещи происходят у тебя на глазах - трудно оставаться равнодушным. Шишок вдруг понял, что уже совсем скоро или выпрыгнет с третьего этажа в окно, или просто обделается здесь, как полугодовалый малыш от некачественного детско-

го питания. Он оперся рукой о витрину, так как понял, что готов упасть. В ушах предательски зашумело, весь мир вдруг стал зеленым, далеким, ни единого звука не долетало до Ивана.

Внезапно в мозг застучалась мысль - что с ним будет, если он потеряет сознание? Вдруг этот безумный Арагорн добьет упавшего одним ударом? Шишок ущипнул себя за тыл кисти; боль немного отрезвила его, заставила зелень отступить от глаз.

И в этот момент зазвонил телефон. Громко, требовательно, настойчиво. Никто не рискнул сделать к нему первый шаг, ибо это могло быть чревато нежелательными последствиями для здоровья.

Кирилл и Шишок были уверены, что звонит какой-нибудь потенциальный покупатель, стремящийся получить справку о будущей покупке. Но после двадцатого звонка они поняли, что тот, кто находится на том конце провода, каким-то неведомым образом посвящен в ситуацию, происходящую сейчас здесь. И этот кто-то жаждал поговорить с теми, кто еще остался в живых.

Глядя на телефон, все словно вступили в молчаливое соглашение друг с другом - никто не подходит, и это не осложняет им жизнь. Так бывает, когда хочется, чтобы проблемы не существовало - как дети накрываются с головой одеялом, чтобы избавиться от видений в темном коридоре. Но, как ни отворачивайся от проблемы, решать ее все равно придется. Арагорн кивнул Ивану - мол, давай, поговори.

Шишок подошел к телефону и с замиранием сердца поднял трубку.

- Да, - произнес он и тут же закашлялся; слова вылетали из глотки с трудом сквозь тугой комок страха.

- Очень рад слышать хоть кого-нибудь живого, - раздался в ответ уверенный мужской голос. - Я думаю, что вам имеет смысл передать трубку тому самому человеку, который представлялся Арагорном. Передайте ему, что это Саруман. Но предварительно скажите - сколько вас там и есть ли раненые?

Шишок скосил глаза на Арагорна, потом быстро шепнул:

- Нас тут двое... И еще двое тяжело ранены (он не смог произнести «убиты»). И один...

- Я знаю, - оборвал Шишка человек. - Мальчик здесь, у нас. Как понимаю, проблемы - с его родителями?

Шишок кивнул, потом понял, что надо сказать вслух, а еще через секунду догадался, что красноречивее, чем его молчание, ответить было нельзя. Он просто протянул трубку человеку в плаще, заведомо отстраняясь в сторону:

- Это вас. Какой-то Саруман... Возьмите, пожалуйста.

Арагорн скрипнул зубами, со скрежетом вложил меч в ножны и подошел к Ивану. Парень не выдержал нервного напряжения и не стал дожидаться, когда тот возьмет трубку у него из рук - положил ее на стол и отошел на несколько шагов. Еще теплая от Ивана трубка удобно легла в ладонь Арагорна.

- Я здесь, - бросил он собеседнику. В трубке раздалось далекое, приглушенное ухом бормотание. Арагорн слушал абсолютно неподвижно, время от времени изменяя только направление взгляда. Казалось, время в конторе остановилось.

Голос в трубке был вкрадчивым, он что-то неторопливо выговаривал Арагорну, будто журил его за детские шалости. Кирилл и Шишок ждали, что Арагорн скажет что-нибудь в ответ, но тот молчал, впитывая поток красноречия от собеседника, словно губка.

Саруман говорил, говорил, говорил не переставая. По интонациям, которые можно было различить в речи, обращенной к Арагорну, было ясно, что никаких вопросов тому не задавалось. Человеку с мечом читали некую нотацию, объявляли выговор, чего-то требовали, констатировали какие-то факты...

И спустя пару минут подобного одностороннего общения Шишок заметил странность, которая стала происходить с Арагорном - черты лица его разгладились, из глаз куда-то исчез блеск ненависти, левая рука, постоянно лежавшая на противовесе, расслабилась и повисла вдоль туловища. Иван стал прислушиваться повнимательнее, стараясь понять, чему посвящен монолог, оказывающий такое странное воздействие на Арагорна. И он услышал:

- Теперь мы не только дню радоваться будем... Кончились наши страхи!.. Отдал ему свой скипетр... двинулось вверх по улицам, и все небо расцвело звездами... Так Арагорн, Великий Князь Элессар, обручился с Арвен... И кончилась их долгая разлука, и сбылись...

«Что это? - подумал Иван, пытаюсь понять, о чем говорит тот, кто назвал себя Саруманом. - Какой скипетр? Кому отдал?»

Арагорн нашарил рядом с собой стол, оперся на него свободной рукой, будто силы покидали его. Но трубку от уха он не убрал, словно она была намертво приклеена. Голос продолжал говорить о каких-то неведомых Шишку людям, о событиях в их жизни, играя непонятными красивыми именами и названиями. Довольно скоро слух Ивана настроился точно на этот монолог, и Шишок не терял из него ни слова.

- ... Запомни мои слова: если вызреет его плод, все до единого семена должны быть высажены... Род Нимлота куда древнее твоего, Государь Элессар...

Рядом с Иваном что-то скрипнуло. Шишок невольно отвел глаза в сторону, ненадолго отвлекся от вслушивания в слова, посмотрел на Кирилла. Тот опустил на стул, сложил голову на руки и спал, как младенец, некрасиво выпятив губы вперед и пуская слюни себе на рукава. Веки его были немного приоткрыты, отчего складывалось впечатление, что он спит с открытыми глазами. Это послужило Ивану невольным сигналом к тому, чтобы прислушаться к своему собственному внутреннему состоянию.

Спать не хотелось, несмотря на то, что вкрадчивый голос Сарумана проникал куда-то в самую сущность мозга. Арагорн медленно опускался на пол (рядом с ним ни одного стула не оказалось), цепко держась за край стола, но пальцы постепенно теряли силу, разжимались. В какой-то момент он не удержался, упал на колени; меч клацнул в ножнах. Неизвестный, приковавший внимание Арагорна к своей речи, по-прежнему заставлял его вслушиваться в свои слова.

На улице в этот момент тоже что-то происходило. На фоне сумерек за окном были видны отблески множества милицейских сирен, взявших контору и прилежащую к ней автостоянку в полукольцо. Беспшумность этих цветных росчерков была довольно жутковатой, но Шишок где-то в глубине души был им крайне рад. Там, на улице была помощь - и кто-то, назвавшись Саруманом, очень грамотно и профессионально приводил в действие программу освобождения заложников при помощи загадочного от начала и до конца способа.

Кирилл коротко всхрипнул. Арагорн не заметил этого, даже бровью не повел. Мир уменьшился для него до размеров телефонной трубки. Зрачки закатились куда-то кверху, оставив только белки глаз; Ивану было жутко на это смотреть, но он не мог отвести взор - человек, впадающий в транс от загадочного разговора по телефону, был перед ним впервые. Да вообще - все, что случилось здесь сегодня, было с ним впервые; и он надеялся, что это никогда больше не повторится, дай бог, чтобы сегодня закончилось благополучно.

Через десяток-другой секунд разговор Арагорна с собеседником закончился сам собой; он привалился спиной к стене, склонив голову на грудь, и тяжело задышал, как человек, которому снится что-то неприятное, нежелательное, но избавиться от этого нет никакой возможности. Судя по всему, монолог Сарумана продолжался у него во сне; он два или три раза шепнул это имя, и Шишок его услышал.

Трубка повисла на проводе возле спящего Арагорна. Гудков отбоя в ней не было слышно. Шишок осмелел и, подойдя на цыпочках к столу, подтянул ее за шнур и приложил к уху.

Голос возник внезапно, будто человек, говоривший до этого с Арагорном, знал, что трубка в руках у Ивана.

- Я вас очень прошу - НЕ БУДИТЕ АРАГОРНА, - требовательно-напутственно сказал «Саруман». - Только это спасет вам жизнь. Посмотрите на потолок.

Шишок поднял глаза. Над головой, ворвавшись в окно, плясал красный зайчик лазерного целеуказателя.

- С вами ничего не случится. Если есть возможность - отойдите куда-нибудь в сторону, спрячьтесь... - успокаивающе повторил «Саруман». - Дайте нам возможность войти и забрать его. Только ни в коем случае не будите... Иначе - возможно все.

Раздумывать было некогда. Подойдя к Кириллу и легонько тронув того за плечо (в любую секунду будучи готовым зажать ему рот рукой), Иван убедился, что разбудить его не представляется возможным. Аккуратно подняв с пола коробку с монитором, Шишок поставил ее на стол перед Кириллом - таким образом, чтобы люди, которые зайдут скоро в дверь конторы, не наделали каких-нибудь глупостей со своими прицелами.

В последний раз зачем-то оглядев контору, он услышал осторожные шаги за дверью. Как не стремились люди «Сарумана» бесшумно подобраться к офису, им это удавалось с трудом. Правда, Арагорн не шевелился, продолжая тяжело дышать во сне.

Иван приоткрыл маленькую дверцу подсобки, где стояли в одной куче несколько швабр, большое ведро для мусора и маленькое - для мытья полов, протиснулся внутрь, в запах плохо просушенных тряпок и пыли, спугнул несколько тараканов и опустил в большое ведро поверх пластикового мешка для отходов. Потом затворил дверцу за собой, придерживав ее рукой.

Темнота окутала его, швабры окружили туманными призраками. Сквозь тонкую щель, которую никак не удавалось полностью закрыть, был виден маленький кусочек комнаты - тот самый, в котором спал у стены Арагорн.

Дверь в контору открылась; рядом с лицом встрепенулась пара тряпок, откликнувшись на слабенький сквознячок, убегающий в вентиляционный коллектор за спиной. Сверкнул и тут же исчез луч лазерного прицела. Через пару мгновений он появился вновь - на этот раз точно на лбу Арагорна.

Таракан, появившийся точно над головой Ивана, отвлек внимание на долю секунды противным шуршанием; мерзкое насекомое свалилось прямо на нос. Его чуть не стошнило от мерзости; он отпустил дверцу и смахнул ползучую тварь с лица. Дверца тоненько, еле слышно скрипнула...

Услышать этот скрип было практически невозможно. Даже сам Иван посчитал, что петли дверцы не издали никаких звуков - так, легкий шум какой-то. Но на этот шумок неожиданно среагировал Кирилл, который остался за пределами видимости тех, кто вошел сейчас в офис.

Внезапно раздался его голос - сонный, заплетающийся, недовольный:

- Кто тут бродит? А это что за хреновина?

Потом противное шуршание напомнило Шишку звук, с которым он обычно двигал по полу тяжелые коробки с мониторами - громкий, неприятный скрип, а следом за ним - сильный грохот, заставивший кого-то отскочить в сторону (Шишок увидел в свою расширившуюся щель чью-то ногу в камуфляже).

Арагорн, не открывая глаз, бросил свое тело вверх с криком на непонятном Ивану языке. Руки выдернули из ножен меч; Иван смотрел на все происходящее с ужасом, ничуть не боясь за себя - он был уверен, что с ним ничего не случится в этой вонючей подсобке, полной тараканов. Меч свистнул - со звуком, к которому Шишок уже начал привыкать; острое метнулось куда-то за пределы видимости; раз, другой - потом удар, громкий и короткий. Во время очередного взмаха Арагорн зацепил жалюзи - они обрушились на пол, впустив в контору проблески сирен, заплывавшие на стенах.

Потом почему-то осыпалось на пол оконное стекло - сначала покрывшись чередой мелких точек, а потом обвалившись вниз, на подоконник. Шишок вначале не понял, в чем дело, а когда эта цепочка продолжилась на стену рядом с окном и в воздух полетела штукатурка, оставляя за собой пулевые отметины, Иван догадался - кто-то стрелял из автомата, применяя глушитель.

- Орочье... ОТРОДЬЕ! - на этот раз по-русски прорычал Арагорн и свалился следом за осколками стекла на пол - из груди его били маленькие фонтанчики крови, быстро терявшие интенсивность. Руки по-прежнему сжимали меч; но вот и они разжались. Дыхание в последний раз со свистом вырвалось из мощной груди - и отлетело навсегда.

Шишок отпустил дверцу, которую успел поймать, но так и не закрыл, не в силах оторваться от происходящего. Прямо в глаз ему брызнул искрами лазерный прицел.

Иван закрылся ладонью и крикнул какую-то глупость, которую потом сам не мог вспомнить - что-то вроде «Свои!..» Двое спецназовцев в масках переглянулись, один из них поднял кверху сжатый кулак, и они синхронно опустили в пол укороченные автоматы с навинченными на них глушителями.

Потом отдавший команду боец проговорил что-то себе под нос, обращаясь к невидимому собеседнику, после чего подошел к телу Арагорна, остановился в трех шагах, направил на него оружие и замер неподвижной восковой фигурой.

Шишок сделал несколько шагов вперед и увидел лежащую на полу коробку, ту самую коробку, что он с трудом взгромоздил на стол; а за ней... Там был Кирилл - в огромной, просто гигантской луже крови. Грудь Кирилла была наполовину разруб-

лена пополам от плеча и почти до пояса. Он неподвижно смотрел в потолок, переливающийся яркими цветами сирен - и на его лице было написано недоумение и недовольство; он так и умер во сне, ничего не поняв...

Дверь отворилась. В контору вошел человек и голосом «Сарумана» произнес:

- Жаль... Крайне печально. Не буду желать доброго вечера - не к месту.

Потом он просто перешагнул через тело Кирилла, стараясь не наступить в кровь и подошел к мертвому Арагорну. Глаза вошедшего прищурились; он присел перед ним на корточки, дотронулся до меча, погладил окровавленное лезвие кончиком пальца.

- Замечательный экземпляр, - тихо сказал он. Шишок понял, что это «Саруман» говорит специально для него. - В прошлом - кандидат исторических наук. Начитался Толкиена. Полюбил ролевые игры - знаете, когда собираются такие же, как он, делают себе мечи из рельсов, щиты из дерева, раздают роли, стараются играть близко к тексту... Как вариант развития событий - парафренный синдром, вообразил себе Арагорном там, где другие на его месте становятся Наполеонами, Кутузовыми... Долго был под строгим надзором, но, к сожалению...

Шишок не понимал ни слова. Он почувствовал, что просто необходимо задать вопрос, без которого все теряет смысл. Иван протянул вперед руку, заслоняясь от того, что ему объяснял «Саруман», и спросил:

- Почему он пришел сюда? К нам? Вы можете ответить?

Человек, не поворачиваясь, замолчал на полуслове. Казалось, он был поставлен вопросом в тупик.

- Молодой человек, вы знаете, как называется ваш магазин?

Шишок кивнул:

- «Фродо точка нет».

- Что вы еще от меня хотите? - удивился «Саруман», встал и повернулся к Ивану лицом. Тот пожал плечами.

- Да я, вообще-то, так и не понял, что это за Фродо такой, хотя на «Гарри Поттера» три раза ходил - что на первый фильм, что на второй...

- КУДА вы ходили, молодой человек? - недоуменно склонил голову «Саруман». - НА КОГО?

Шишок не решился повторить. Он понял, что сморозил какую-то глупость, но еще до конца не осознал все ее масштабы.

«Саруман» внимательно посмотрел ему в глаза, потом улыбнулся:

- Ничего страшного, юноша. Ничего страшного... Вы только... Не уподобьтесь, - и он махнул рукой в сторону Арагорна. - Волшебниками в моей психиатрической больнице пока не пахнет. Поэтому - живите реалиями, молодой человек. Роль у вас своя, одна-единственная. Ради бога, не играйте в сказки. НЕ БУДИТЕ АРАГОРНА.

Он повернулся и вышел из офиса. Через минуту Арагорна и Кириллу уже выносили в мешках, наглухо закрытых «молниями». А Шишок стоял перед дверью конторы и пристально всматривался в так и не понятое им за целый год название - «FRODO.NET»...

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕРЕДАЧА

В зеркало лучше было не смотреть.

Вот только как это сделать, если ты проходишь мимо него раз тридцать за день - то на кухню, то в ванную, то на улицу? Как это сделать, если деваться некуда?

Диван, рядом стеклянный столик на колесиках. На стекле - стакан воды и пластмассовая бутылочка с крышечкой. На крышечке - ни этикетки, ни каких-либо других опознавательных знаков.

На диване - человек в халате. Глаза прикрыты, все тело расслаблено, он выглядит спящим. На диване рядом с ним, под левой ладонью - книга.

«СЕКРЕТЫ ПРОГРАММИРОВАНИЯ ОТ МАРИО ПАУЛИНИ».

Пальцы едва заметно поглаживают обложку с фотографией автора.

Внезапно он наклоняется к столику и решительно протягивает руку к бутылочке.

- Наверное, так выглядят те, кому пришло в голову покончить жизнь самоубийством, - говорит он, глядя на книгу. - Пустая комната, куча таблеток...

Он открывает бутылочку и вытряхивает на ладонь маленькую капсулу желтого цвета. Закрывает крышку и бросает капсулу на стекло столика. Она скачет по стеклу и замирает рядом со стаканом. Человек пытается откашляться, но у него плохо получается; тело складывается едва ли не пополам в жутком приступе.

- Как же все... - с трудом говорит он. - Надоело... Устал... Не верю.

Потом он протягивает руку за капсулой, берет ее двумя пальцами и подносит к глазам. Взгляд затуманивается слезами.

- И это - все? - спрашивает он себя. - Столько мук - и вот такая капсула...

Не отрывая взгляда, он протягивает руку за стаканом, медленно кладет капсулу на язык и запивает одним глотком воды.

- Холодная, - говорит он сам себе, ощущая, как за грудиной проскользнула ледяная змейка. - А дальше?

Открывает книгу - ту самую, «Секреты программирования». Закладкой в ней служит довольно большой лист, исписанный убористым почерком.

- «Каждый день принимать по одной капсуле в десять и в девятнадцать часов. Связь с приемом пищи не очевидна. Употребление алкоголя необходимо полностью исключить на время приема препарата...» - читал он некое подобие инструкции, больше напоминающей приказ. - «Записывать (по возможности на диктофон) все свои ощущения после приема, кажущиеся необычными. Производить контрольное измерение температуры тела два раза в день - в одиннадцать и в двадцать два часа».

Далее идет какая-то служебная информация, куча цифровых кодов и приписка внизу: «При возникновении нештатных ситуаций, не попадающих под действие данной инструкции, НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ЗВОНИТЬ 911!!!» Номера телефонов для связи указываются в самом конце.

На часах было ровно семь вечера - он принял капсулу вовремя. Допил всю воду, что оставалась в стакане, поежился - она действительно была холодной. Прислушался к себе - не происходит ли чего-нибудь необычного; в кармане халат нашел диктофон, поставил перед собой на столик, но включать передумал - сказать пока было нечего.

Звонок телефона, раздавшийся в тишине комнаты, немного пугает его. Толчок откуда-то из груди наружу, легкая тошнота. Он уже привык прислушиваться к своим ощущениям, внимательно анализирует все, прежде чем встает и подходит к аппарату, расположившемуся довольно далеко отсюда, у стеклянной входной двери, за которой открывался шикарный вид на поблескивающий в лучах луны бассейн...

На когда-то поблескивающий... Ныне все там было в запустении, бетонная чаша, засыпанная павшей листвой, давно уже не заполнялась водой. Очень давно, с тех пор, как он стал бояться переохлаждения. Дорожка, ведущая к трамплину, завалена каким-то садовым инвентарем; прежде чем протянуть руку к телефону, он с сожалением осматривает сад и бассейн, после чего берет трубку.

- Сынок, сынок! - слышит он голос матери, близкий и одновременно очень далекий. - Почему ты так долго не подходишь к телефону? С тобой все в порядке?

Глупый вопрос. Глупая американская вежливость. Она прекрасно знает, что с ним все далеко не в порядке.

- Да, мам, да, - отмахивается он, не отрывая взгляда от бассейна. Смятое полотенце, лежащее на шезлонге вот уже целую вечность, легонько колышет ветер. - Все в порядке - настолько, насколько это возможно. Теперь...

Мать, готовая вывалить на него кучу вопросов внезапно замолкает. Он тоже молчит, трубка и ухо потихоньку покрываются потом.

- Мам, ты что-то хотела сказать? Я очень устал...

- Ты подписал? Подписал бумаги на участие в тесте?

Он кивает, потом понимает, что надо ответить вслух.

- Да. Подписал. Мне все дали.

- Я тоже, сынок. Двадцать ампул...

«Ампул?..» Он кидает взгляд на столик. Бутылочка с капсулами на месте.

- Это здорово, мамочка... Целый курс...

«Каких к черту ампул?!»

- Такой вежливый доктор... Мне все очень грамотно объяснили, сынок, тебе, наверное, тоже. А бумагу дали, инструкцию, договор? У тебя есть что-нибудь в руках, сынок?

- Мама, ты хочешь подать на них в суд, если что-то не выйдет? Ты же знаешь, что вероятность крайне мала.

«КАКИХ, МАТЬ ТВОЮ, АМПУЛ?!»

Он вдруг понимает, что вопрос вот-вот сорвется с его губ и крепко зажимает ладонью микрофон. Биение сердца отзывается колоколом в ушах.

- Сынок, я рада, что у тебя все нормально. Думаю, мы с тобой... Мы ведь выкарабкаемся?

- Ма, ты там держись, - говорит он, и внезапно понимает, что она не стала ждать ответа на его вопрос. И он чувствует, что она не верит.

Уколы, ампулы, врачи - все вдруг сливается перед глазами. Очень захотелось спать; вряд ли это было действие капсулы - он не спал всю ночь, ожидая визита врача с лекарством. Боялся ли, переживал ли - трудно сказать точно. Но теперь с ним случилось что-то вроде отката после выстрела. Усталость навалилась внезапно, через пару минут. Положив трубку и вернувшись на диван, он закрыл глаза, откинулся на спинку, даже не потрудившись лечь - так полусидя и задремал. Мама, конечно же, хотела что-то сказать ему перед окончанием разговора, но он не мог больше говорить.

Книжка, лежавшая на коленях, соскользнула на пол, но он не услышал этого. Дремота быстро переросла в глубокий сон...

На обложке книги была его фотография. Но он не был сейчас похож на самого себя. Совсем не похож.

В зеркало лучше было не смотреть...

* * * * *

Грехи своей молодости вспоминаются всегда некстати. Марио всегда старался думать о том, что было лет пять-десять назад, как можно реже - нечему там было особенно радоваться. Жил он тогда весело, мало о чем задумываясь, слыл удачливым среди своих друзей - еще бы, старший программист в одном из отделов Sun Microsystems, да не в каком-нибудь, а в отделе, отвечающем за проектирование софта для космических станций! Элитарное производство, сверхинтеллектуалы, супермозги!

Всего этого он достиг в двадцать с небольшим. Пролез сквозь все препятствия, доказал свои способности в деле, быстро взлетел по служебной лестнице, сопровождаемый завистливыми взглядами коллег. В молодости особенно не замечаешь чужой зависти, все кажется искренними, дружелюбными; вот и Марио протягивал всем руки, не обращая внимания на черноту зрачков и поджатые губы. Их всех учили не только программировать, но и улыбаться...

Через четыре года работы он придумал эту самую штуку... Он никогда и не предполагал, что мирные решения так быстро становятся военными. Маленький приборчик, управляемый его программой, внезапно очень понадобился сначала в каком-то секретном отделе НАСА, а потом его лицензия на изобретение уплыла еще дальше, в Министерство Обороны. И когда он на своем счету в банке обнаружил неожиданный прирост - почти четверть миллиона долларов... Правительство всегда оказывалось чертовски щедрым, если чье-то очередное изобретение позволяло угрожать миру, сидя в ванне с сигарой в зубах.

Вначале это был красный «Феррари». Великолепный, сверкающий зверь в облики автомобиля. Когда он впервые сел за руль, положил на него ладони в укороченных фирменных (от «Феррари"!!!) перчатках из черной кожи и закрыл глаза, то ощутил нечто сродни оргазму - неверие в свою неслыханную удачу слилось в радость обладания чудесной машиной и огромным богатством. И он медленно включил первую передачу, прислушался к урчанию мотора и выехал из автосалона на просторные улицы города...

Только тогда он понял, почему конструкторы «Феррари» очень ценят хороших и опытных водителей - именно они в состоянии оценить, как ведет себя их детище на скоростях выше третьей передачи. Все остальные - в том числе и Марио - никогда в жизни не решались переключиться выше. Скорость ТАМ казалась запредельной, лица людей и витрины магазинов готовы были слиться в один огромный рекламный слоган «Завидуйте, идиоты!!!». Да в городе и негде было позволить себе подобную резвость - от светофора до светофора езда превращалась в бесконечное дергание туда-сюда, газ-тормоз... Короче, Марио понял, что ему суждено подружиться со второй передачей, по-

сле чего немного разочаровался в приобретении и понял, что хочет чего-то еще - чего-то такого же престижного и дорогого.

Пока он проводил дни в раздумьях о будущей покупке, его коллеги сквозь ядовитый прищур разглядывали в подземном гараже огненную машину, кивали головами и многозначительно переглядывались. Американская мечта, воплощенная в лице Марио - внезапная удача, которая, если приглядеться внимательнее, была запрограммирована всей его жизнью и его талантом.

Тем временем Марио стал координатором - повышение в должности пришло сверху. Некто из Министерства Обороны предложил талантливому парню не размениваться по мелочам, а возглавить работу всего отдела; в его подчинении оказались почти сорок человек, в большинстве своем не менее талантливые, чем он сам, программисты. Он испугался этой ответственности, поскольку не считал себя готовым к руководству - но постепенно вышел на необходимый уровень общения, сумел подчинить тех, кто не хотел и не признавал его главенства, обозначил новый уровень целей для своего отдела...

Спустя пару недель после своего назначения он ударил «Феррари» о продуктовый фургон, разбил фару стоимостью в шесть тысяч долларов - и вдруг заметил в глазах своих подчиненных некое подобие удовлетворения оттого, что они видели покореженное крыло и расколотый фонарь. Искра понимания вспыхнула в его мозгу - да так и погасла, задутая ветром новых идей.

Однако на фоне работы он не забывал о том, что в банке лежит еще куча денег - и Марио пока не придумал, куда ее пристроить. С жильем у него проблем не было - дом, который предоставила ему «Sun Microsystems», удовлетворял всем его потребностям на много лет вперед. Шикарный особняк в два этажа в курортной зоне за городом, бассейн, огромный сад и цветник (контролируемые садовником), черт знает сколько встроенной техники - от видео до кухонной; холодильник, которому по размеру могли позавидовать все морги города... Он никогда не задумывался о том, что может остаться без работы и потерять этот дом - в договоре было сказано, что жилье хотя и является в настоящий момент ведомственным, но в процессе работы Марио

на компанию он постепенно выплачивает его стоимость - и лет через пятнадцать этот прекрасный дом станет принадлежать ему полностью.

Каждый раз, возвращаясь с работы, Марио выезжал на участок трассы, ведущий в некое подобие Наукограда, где жил не только он, но и еще человек двести из компьютерной элиты «Sun», дрожащей рукой включал третью передачу и старался не смотреть на трясущееся и задранное кверху правое крыло. Острый угол металла, потерявший свой блеск, мелко вибрировал на скорости девяносто миль в час, чем чертовски раздражал Марио, но он не мог ничего поделать - его не покидало ощущение того, что с разбитой фарой и погнутым крылом он остается немного ближе к своим коллегам. А вот если он не пожалеет шесть тысяч долларов на фару и примерно столько же на ремонт крыла (а ведь в банке еще больше сотни тысяч, и это все такая мелочь!!) - все снова вернется на круги своя, он уйдет в свой мир, они останутся в своем; как любое начальство всегда остается в оппозиции к своим подчиненным, даже если оно изо всех сил старается найти с ними общий язык...

Дома он обычно старался не думать о работе; пристрастившись к сигарам, он вечером мог часами просиживать в шезлонге у бассейна, рассматривая звезды и прислушиваясь к тому, как тихо и спокойно вокруг. Правда, отрешиться от строчек кода, мерно плывущих перед глазами сквозь сизый дым гаванского табака, он так и не сумел. Разглядывая отсветы Сити на востоке (реклама сверкала так, что трудно было отделаться от ощущения пожара на горизонте), он представлял себе какие-то грандиозные решения, сверхпрограммы, нестандартные подходы к проблемам их отдела. И ему казалось, что нет на свете человека более подготовленного к решению таких проблем, чем он, Марио Паулини, парень из Италии, прорвавшийся в Америку и завоевавший ее...

Изредка он бросал взгляды на гаражную дверь, за которой мирно дремала его супермашина.

- Я чего-то стою, - говорил он себе, пережевывая угол сигары. - И моя цена растет...

Потом он выпивал бутылку пива, выкатывал из гаража свою «Хонду» - довольно старую, но любимую не менее, чем «Ферра-

ри» - сажился в седло, подмигивал в зеркало заднего вида и уезжал в близлежащий бар.

Возвращался он обычно не один...

Мать всегда сетовала на то, что он никак не хочет жениться; вечно задевала его этой темой, поднимая ее в самый неподходящий момент - то позвонив ему на работу, то приехав на какой-нибудь праздник, чтобы окончательно испортить ему настроение, то обронив пару строк в электронном письме. Ну не хотел он заводить семью, не хотел! Гораздо ближе ему были веселые подвыпившие танцовщицы стриптиза из «Красной раковины», которые никогда ни о чем не спрашивали, не надоедали приставаниями на тему его изобретений и банковского счета, а просто искренне веселились, устраивая порой у него дома после работы веселье покруче того, что случалось в баре.

Было все - и танцы на столах, и море пива, и рай в постели. Он привозил их - то по одной, то сразу по две-три, если ездил в бар на «Феррари». Его все любили - и девчонки, и бармены, и завсегдатаи заведения; причем многие из них и не догадывались, с какой звездой компьютерного мира имеют дело у стойки за стаканчиком виски или бокалом «Миллера». Он был компанейским парнем, умел пошутить, поддержать любую беседу и откликнуться на приглашение потанцевать - будь это рок-н-ролл или самый современный электронный транс. Люди, окружавшие его, конечно же, догадывались, что там, куда его каждую ночь уносил мотоцикл, живут далеко не простые создания, но об уровне таланта и состояния приходилось только догадываться.

Вот этим они все и подкупили Марио - откровенностью, честностью и незаинтересованностью. Они были готовы веселиться с ним до утра, ибо он платил всегда и за все; уходя, никто не задавал ему вопросов - собирали разбросанное по комнатам белье, тихо вызывали такси и исчезали в утренней дымке. Он оставался один в полудреме, держа в расслабленной ладони пустую бутылку пива и пытаясь найти во сне то теплое место в постели, что осталось от очередной красавицы...

Будильник вырывал его из объятий Морфея, он нырял под душ, выходил оттуда абсолютно бодрым и отдохнувшим - настолько, насколько молодой организм позволял спать по три ча-

са в сутки, пропуская через себя литры алкоголя. Выкатывал из гаража покореженную машину, бросая тоскливый взгляд на «Хонду», садился за руль и ехал в Сити - решать очередную проблему «Sun Microsystems», которая, как известно появляется всегда ранним утром в голове у начальника отдела...

У тех, кто встречал его в кабинете, не возникало ни малейшего сомнения в том, что этот человек, их координатор, отец родной, Марио Паулини, спал в своей теплой постели всю ночь, прочитав на досуге перед сном что-нибудь из учебников по программированию. Он садился за компьютер, выслушивал доклады подчиненных, выстраивал логическую схему решения проблемы, делал пару замечаний, опускал пальцы на клавиатуру и начинал работу. Временами он закрывал глаза и расслабленно двигал головой из стороны в сторону - и все знали, что он сейчас видит перед собой страницу редактора кода, будто наяву - строчки компилировались у него в голове...

Один раз он на спор воспроизвел две с половиной тысячи строк кода, на который смотрел в течение тридцати секунд - ровно столько ему понадобилось, чтобы прокрутить его до конца в окошке. Весь отдел стоял у него за спиной то время, что его пальцы порхали над клавишами - и тогда все впервые заметили эту его особенность, эти плавающие движения головы, во время которых перед его глазами проплывали процедуры и функции. Когда он закончил, оба файла сравнили - и не нашли ни единого отличия. А потом он встал из-за компьютера и сказал, что не запоминал абсолютно ничего - он просто написал эту программу на максимально возможной скорости, используя все свои знания в языке Си. А еще он сказал, что автор тех строк, что были показаны ему, как условие спора, может рассчитывать на повышение по службе - отсутствие отличий говорит о том, что этот человек умеет мыслить так же, как его начальник. И парень, который только что пришел на работу в отдел, девятнадцатилетний юнец, прорвавшийся в Sun благодаря случаю, ухватился рукой за край стола и закрыл глаза от счастья - через два дня он стал заместителем координатора Паулини.

Марио жил, будто на крыльях. Силы, талант, деньги - ничего не убывало. Он прекрасно понимал, что где-то там, наверху, директор корпорации временами приподнимает бровь, слыша в

очередной раз его фамилию в связи с очередной удачной находкой - об этой его привычке он был наслышан с самого своего первого дня работы в Sun. Он чувствовал, что удача приплыла ему в руки и не собирается уплывать, да он и не отпустит ее.

Слишком уж грустной была его жизнь до той поры, как он впервые увидел компьютер и написал первые свои строки на Си. Мать сменила ему несколько отчимов, вырос он едва ли не сам по себе - мужчины сменяли друг друга достаточно быстро, мама постоянно меняла фамилии, совершенно не заботясь о ребенке и стараясь устроить личное счастье. Тот, кто подарил ему фамилию Паулини, давно лежал на кладбище маленького городка в Калифорнии; Марио никогда не видел его могилы и не стремился туда - с этим человеком его не связывало ничего общего, кроме ДНК. Остальные... Остальные были не лучше.

Запомнил Марио только одного. Его звали Джейкоб, и это он подарил Марио компьютер. Черт его знает, зачем он это сделал - но подарок перевернул всю жизнь мальчика и направил его на путь истинный. Увлечение поглотило ребенка, стало смыслом его жизни - и как он только не превратился в дохленького очкарика, нудно набирающего на клавиатуре школьные сочинения! Программирование подчинило его, дисциплинировало, заставило иначе взглянуть на окружающий мир, увидеть в нем логику и совершенство.

Мамины проблемы отошли на задний план; он устал от бесконечных свадеб и разводов, ставших смыслом ее жизни и неким подобием хобби. Он доставал на книжных ярмарках редкие книги, брал у друзей дискеты, учился сам у себя и на чужих советах и

Найдя в Интернете приглашение принять участие в конкурсе на замещение должности младшего программиста в отделе «Sun Microsystems», он заполнил регистрационную форму, выполнил демонстрационный тест, после чего получил по почте через десять дней пакет с заданием.

Когда еще через две недели он получил приглашение приехать в Sun для собеседования, он не поверил своим глазам. Решив, что таких, как он, наберется не меньше сотни, он особенно не готовился, лишь оделся с иголки - аккуратно, по-деловому, насколько позволяли средства.

А когда понял, что на собеседовании он будет один, то испугался до такой степени, что не сразу вспомнил свое имя. Его взяли на работу, задав всего пару вопросов - где он хочет жить и сколько он хочет получать за свою работу.

Это два самых желанных вопроса, которые хочет слышать человек, когда его принимают на работу. Он ступешался, потупил глаза в пол и назвал сумму ровно в три раза меньшую, чем потом стал получать.

Что ж, скромность всегда украшала мужчину...

Можно сказать, что к двадцати восьми - тридцати годам его жизнь уже сложилась. И если на Землю не должен был упасть астероид из «Армагеддона», то бояться ему было не за что. Так он и жил - творя чудо-программы и растворяясь в пиве «Красной раковины». Спутники, вооруженные его суперсофтом, наводили американские ракеты на Ирак, подглядывали за русскими и контролировали перемещения сверхтелескопов далеко за пределами орбиты Юпитера и Сатурна; его машина уже не мозолила никому глаза; счет в банке медленно, но верно увеличивался - начальство предложило небольшое совладение, предоставив кредит для покупки одного процента акций Sun по льготным ценам. Он понял, что человек, который может позволить себе красный «Феррари», очень сильно отличается от человека, который может этот самый «Феррари» ударить о борт продуктового фургона.

Каждое утро, разминая пальцы над клавиатурой, он вспоминал очередную красотку из бара, ее тонкое шелковое белье, запах - божественный запах! - ее горячего тела... И внезапно понимал, что та проблема, которая выскочила вдруг в компиляторе вчера перед окончанием рабочего дня, сегодня разрешилась сама собой - очень и очень красиво. Не менее красиво, чем танцевала вчера Катрин... Или Сара? Или... Да кто их всех упомнит!

Временами ему звонила мама. Ох, уж эти ее разговоры! Она в очередной раз напоминала ему, что он по-прежнему холост и никак не собирается подарить ей внуков, что он совсем там сошел с ума от своего программирования, и пусть лучше напишет программу, которая позволит создавать счастливые семьи, да и вообще - не хочет ли он взять маленький отпуск и навестить свою мамулечку, заодно посетив ее очередное бракосочетание?!

Марио всегда вежливо выслушивал ее, со всем без исключения соглашался, а потом клал трубку, отмечал в настенном календаре дату свадьбы и рядом - имя очередного отчима. Ехать он никуда не собирался, его ждала работа, которая была смыслом всей его жизни.

Но однажды она его уговорила. Марио отпросился на три дня; директор был не против. Конечно, Паулини не стал распространяться о том, что свадьба мамы, на которую он едет, далеко не первая, - к тому времени этот патологический марафон перевалил уже за первый десяток. Он просто взял отпуск, получил деньги на подарок (директор просил передать маме личные пожелания и поздравления) и полетел на церемонию...

Все смотрели на него там, как на чудо, как на человека с другой планеты - мама постаралась здесь на славу, преподнесла его гостям едва ли не как совладельца Sun Microsystems. Мужчины любого возраста стремились пожать ему руку; женщины просто норовили пройти рядом и заглянуть в глаза - похоже, все здесь сидящие имели представление о доходах и состоянии Марио. Он слышал вокруг шуршание платьев, волны духов проплывали мимо него, соблазняя и дурманя... Он и не заметил, как его мама постепенно перестала быть центром этого праздничного мероприятия - Марио оттянул на себя большую часть гостей. Среди них нашлись и те, кто был в состоянии поддержать профессиональный разговор; Паулини постепенно втянулся и, попивая виски, остался на веранде дома в окружении компьютерных фанатов.

И там, на веранде, он увидел те самые глаза, что очень нескромно постреливали в его сторону...

Очнулся он с большой головой в чужой постели на следующий день ближе к обеду - рядом с той незнакомкой, которая так и не назвала ему имя. Аккуратно одевшись, он вышел - и с тех пор они никогда больше не виделись.

А через полгода после этой короткой страстной встречи он вдруг понял, что, похоже, стал чаще болеть. Его коллеги тоже обратили внимание на то, что Марио чихал, кашлял, протирал виски ладонями, закапывал себе что-то в глаза, нос, наклеивал на запястье термолоски, чтобы контролировать свое состояние.

Поначалу он объяснял это себе холодным пивом, ездой на мотоцикле, бесшабашной жизнью. И его самого, и небольшое число его друзей, посвященных в его жизнь, такие объяснения устраивали - но не полностью. Себя он умудрялся успокоить - принимая в очередной раз таблетку аспирина, он с облегчением, трогал вспотевший лоб и говорил, что идет на поправку. Но скоро стало ясно, что лихорадка затянулась почти на три месяца.

По вечерам, сидя дома с термометром под мышкой, он держал в руках пульт от телевизора и пялился в пустой черный экран - не было никакого желания ни смотреть, ни слышать ничего. Лишь бы только «тридцать шесть и шесть».

Но всегда было выше. Немного - но выше.

Он перестал ездить в бар. Он перестал купаться в бассейне. Он перестал читать книги и смотреть телевизор. Он выключил телефон. А потом понял, что уже давно не писал ни строчки кода.

Еще немного - и он умрет как программист. Корпорация не держит у себя «мертвые души» - в таких монстрах, как Sun, никто не ест свой хлеб даром.

Пришлось немного напрячься. Сквозь головную боль и слезящиеся глаза он работал, работал... Приходилось доделывать кое-что дома, завернувшись в плед едва ли не с головой - и это в середине лета! Нельзя сказать, что у него поубавилось умения писать программы - это ни в коем случае не так. Просто он перестал мыслить так, как раньше - легко и отрешенно. В каждое мгновение, в каждую секунду он думал о том, что с ним что-то не так, и это мешало ему работать. Он еще не начал делать ошибки - но темпы его трудов упали.

А потом один из его сотрудников пришел на работу в маске. Он пошептался со своими друзьями, после чего все они с извинениями подошли к Марио и попытались объяснить, что не имеют ничего против его болезни и его лично, но... Но...

Марио пожал плечами и отвернулся. На следующий день в масках уже было четыре человека; в конце недели половина отдела дышала через «намордники». Кто-то закапывал в нос что-то против вирусов, кто-то глотал таблетки - то ли от страха, то ли для профилактики. Паулини, сжав губы, не отрываясь, смотрел в экран, чувствуя на себя раздраженные и тревожные взгляды.

Это не могло так долго продолжаться. Скоро вся эта «масочная» история дошла до врачей. Марио вызывали для осмотра и дальнейшего наблюдения.

Женщина, которая беседовала с Паулини, ласково держала его за запястье, смотрела прямо в глаза и терпеливо выслушивала все его жалобы, историю последних двух-трех месяцев жизни и делала какие-то пометки в блокноте. Когда он закончил, он почему-то спросила, не лечил ли он в последнее время зубы, не получал ли каких-нибудь уколов, не переливали ли ему кровь... А потом спросила про наркотики и женщин.

С наркотиками Марио никогда не дружил - все, что он позволял себе, это сигары. А вот с женщинами все было очень и очень запутанно.

Врач догадалась по молчанию Паулини, что тема эта дорогого стоит. Слово за слово, она разговорилась с ним, узнала много интересного о «Красной раковине», после чего сделала достаточно сенсационное заявление, положив перед ним листок и потребовав подписаться в неразглашении служебной информации.

Клуб «Красная раковина» содержался целиком на деньги «Sun Microsystems» именно для того, чтобы там периодически появлялись ее сотрудники. Негласно подобный отдых поощрялся - но не все выдерживали испытания ночной жизнью. Такие, как Марио, были скорее исключением...

Ну, а раз клуб был собственностью Sun, то все девочки (и мальчики) этого клуба тщательным образом проходили проверку, в том числе и медицинскую, два раза в год. Поэтому с этой стороны все было идеально. Марио выслушал все это, раскрыв рот, а потом вспомнил ту сероглазую принцессу с маминой свадьбы.

Пока он объяснял доктору, кто эта женщина и откуда она взялась в его жизни, в кабинет принесли результаты экспресс-анализов. Врач медленно просмотрела большую распечатку, после чего подняла взгляд на Марио и сказала:

- Я думаю, вам не стоит больше ездить в «Красную раковину»...

Марио смотрел на нее, еще не понимая, что тот мир - с девочками из стрип-шоу, с улыбками барменов, с ветром в ушах под рев мотора «Хонды» - тот мир под угрозой.

- Что вы имеете в виду? - немного отстранившись, спросил он у врача, внезапно поняв, что одновременно и ждет ее слова, и боится их.

Вместо ответа она несколько раз щелкнула «мышкой», глядя в монитор. Из принтера с легким жужжанием выехали три страницы; она протянула их, еще теплые, Паулини и сказала:

- Прочтите это. Здесь три экземпляра, поэтому информации не так уж и много. Прочтите, распишитесь. Потом мы с вами поговорим.

Чувствовалось, что профессия наделила ее здоровой долей цинизма. Во взгляде доктора не чувствовалось ни грамма сопереживания - она исполняла свою работу, не более того. Марио взял страницы, не отрывая взгляд от лица врача; она же тем временем встала, подошла к окну и принялась ухаживать за несколькими кустиками, выросшими в огромных, непропорциональных горшках.

Бумага повергла Марио в шок. Ему предписывалось распписаться в том, что он предупрежден об ответственности за...

- У меня... У меня СПИД? - спросил он каким-то скрипучим голосом, не слыша сам себя. Доктор на мгновение замерла, потом кивнула и продолжила протирать листья влажной тряпочкой. - И я... Вы не ошиблись?

- Нет, - коротко ответил врач. - Это ваш экспресс-тест, и он выявил у вас в крови некие компоненты, которые со стопроцентной гарантией подтверждают тот диагноз, о котором я сразу же подумала, когда услышала историю вашей болезни. Похоже, что это та женщина со свадьбы... Хотя теперь придется поверить всех девчонок из «Раковины». Вы подписали?

Марио смотрел в лист бумаги и не шевелился.

Мир рухнул.

Все закружилось в каком-то цветном хороводе, калейдоскоп огней рванулся ему в глаза, и он повалился со стула на пол...

Подписать бумагу об ответственности за умышленное распространение заболевания ему, конечно же, пришлось. Он, придя в себя, с трудом взял ручку негнуцимися пальцами, сделал несколько штрихов на каждом экземпляре.

Доктор, выкинув в урну надломленную ампулу с нашатырем, вернулась на свое место.

- Не стоит отчаиваться, господин Паулини. Я немного погрешила против истины - у вас не СПИД. Вы являетесь носителем вируса этой грозной болезни; вирус потихоньку подтачивает вашу иммунную систему...

- Сколько мне осталось? - перебил ее Марио.

- Этого не знает никто, - развела руками врач. - Но повторяю - не стоит отчаиваться. С этим вирусом в крови можно жить долгие годы - вот только любая простуда будет валить вас с ног всерьез и надолго. Вы должны полностью изменить свой образ жизни - а выслушав вас, я поняла, что это едва ли не единственное ваше спасение...

- Я умру? - спросил Марио.

- Мы все умрем, - очень оптимистично ответил врач. - Вы теперь должны будете наблюдаться у меня и периодически сдавать разного рода анализы...

- А может так быть - я сдам их в следующий раз, и анализы покажут, что я здоров? - с надеждой спросил Марио.

- Конечно, может, - грустно улыбнулась женщина. - Но пока еще ни у кого так не было.

Паулини закусил губу и усталился в пол. Врач хотела предложить ему воды, но потом передумала:

- Я думаю, вам стоит пойти домой. Я позвоню в отдел, скажу, что вам надо отдохнуть, - сказала она.

- Там все узнают? - внезапно поднял Марио голову. - Вы ведь не скажете никому, нет?

- Вы сами скажете - когда придет время. Ведь и вы, и я - мы оба знаем, что вы неопасны для окружающих. Но в нашем мире очень сильны предрассудки.

Паулини встал, продолжая опираться на спинку стула - ноги отказывались идти. Все внезапно стало таким далеким и неважным; его жизнь оказалась под угрозой.

Человек, практически всю жизнь ничем серьезным не болевший, испытывающий страх перед своей собственной кровью, шарахающийся от всяческого рода уколов и таблеток и воспринимающий из всех медицинских терминов только слово «аспирин» - этот человек внезапно оказался по ту сторону жизни. И совершенно четко стало ясно, что он совершенно не готов к подобному повороту своей жизни.

Где-то в глубине груди запросились наружу рыдания. Он с трудом сдерживал их, хотя чувствовал, что сил не хватит, что слезы польются из него ручьем; он смотрел на лежащие на столе листы бумаги и видел там собственноручно подписанный смертный приговор. Даже доктор, сложивший в сейф уже не один десяток подобных бумажек, повидавший на своем веку много горя и страданий - даже она поднялась со стула и сделала несколько шагов к Марио.

Он вытянул вперед руку, будто защищаясь и не подпуская ее к себе. Она была для него человеком, изменившим всю жизнь. Не та женщина, что заразила его, нет - та, кто поставил диагноз. Он нащупал за спиной дверную ручку и хотел уже было выйти в коридор, но доктор остановила его:

- Я хочу сказать вам кое-что... Господин Паулини, вы знаете, в нашей корпорации трепетно относятся к здоровью своих сотрудников. И это правда, - поспешила она уверить его, видя в глазах слезы. - У нас довольно часто проводится тестирование новых препаратов на тех, кто добровольно вступил в программу исследования. Ну, знаете, это что-то вроде испытания таблеток. Вы подписываете договор, и вам дают те препараты, что еще не выпущены в широкую продажу...

Марио внезапно замер и перестал шарить рукой за спиной. Доктор тем временем продолжала:

- Я хочу быть с вами откровенна в своих... В своих терминах. Я думаю, только в этом случае вы поймете меня полностью. Такие люди, как вы, волей судьбы поставлены в определенные рамки. Лекарства от СПИДа еще не придумали, но исследования идут... И вы сами, и современная наука считают вас в какой-то степени...

- Обреченным, - внезапно добавил Марио.

- Да, если хотите... Почему бы не попробовать - хуже уже не будет, - договорила она и отступила обратно за стол.

- Пожалуйста, называйте все своими именами ДО КОНЦА, - сказал Паулини. - Я уверен, что у меня хватит денег на любое предложенное вами средство...

- Вы не поняли, уважаемый Марио... То есть, я не все сказала. Вы не будете ничего должны - это правительство заплатит вам за испытание препарата. К сожалению, сейчас ни одной до-

ступной программы нам не предложено, но я буду ждать, посылать запросы. Множество лабораторий по всему миру работают над проблемой иммунодефицита - наверняка им потребуются такие, как вы.

- Слепое двойное рандомизированное исследование, - проговорил Марио, будто робот.

- Откуда вы знаете такие термины? - подняла брови доктор.

- Я тоже смотрю телевизор, бываю в Интернете, читаю газеты... - равнодушно пожал плечами Марио. - Дело ведь не в деньгах - это пускай студенты колледжа отдадут себя на растерзание фармакологам и клиницистам ради прибавки к Рождественским каникулам. Я буду делать все, что вы мне предложите - но, исходя из сути исследования, ни вы, ни я не будем знать, что же я принимаю. Только так можно достигнуть максимальной эффективности. Алгоритм прост...

- Все действительно делается вслепую, - сказала доктор, засунув руки в карманы халата. - Я буду держать вас в курсе, господин Паулини. И обещаю вам поточнее разузнать, что же там с этой женщиной из городка, где живет ваша мать. Когда освобожусь, отправлю туда запрос.

Паулини кивнул и вышел из кабинета. Из разговора с доктором он понял только одно - мир действительно рухнул.

Первое время он пытался сохранять хоть какое-то спокойствие - хотя бы внешнее. Давалось это с огромным трудом - пришлось стать очень и очень молчаливым, чтобы не срываться в разговорах с подчиненными в раздраженно-плаксивый тон. Доктор, безусловно, сдержала свое слово - никто ничего про его болезнь не узнал. Да к тому времени ему стало намного легче, прошли навязчивый насморк и вечерние подъемы температуры. Программисты отдела убрали маски в ящики столов и перестали бросать сочувствующе-испуганные взгляды на своего шефа.

Снижение внимания к его персоне Марио расценил как большую удачу. Он много времени стал проводить в Интернете - читал все, что только мог найти о проблеме СПИДа. Он изучал материал с азов - с истории его происхождения, со статистики, потом перешел к микробиологии, узнал все, что сумел понять, а остальное принял на веру; еще дальше была сама бо-

лезнь - вирус снился ему по ночам, приходя в виде вращающегося подсвеченного зеленым флюоресцирующим светом шара. Марио читал с экрана, читал с листа, разговаривал сам с собой - чуть слышно, едва шевеля губами. Он видел перед собой ровные столбики диаграмм, подсчитывающих смертность; он вглядывался в таблицы, отражавшие данные по эффективности лечения.

Но больше всего ему были интересны сайты, освещавшие проблему экспериментирования и изобретения панацеи от этой чумы. Десятки центров по всему миру пробивались сквозь свои неудачи и неудачи своих конкурентов; ежедневно звучали анонсы на всё новые и новые препараты. От обилия названий и эффектов, наблюдаемых при приеме лекарств, разбегались глаза. Ученые наперебой спорили о том, кто же из них ближе к решению проблемы - в форумах доходило до откровенной ругани, реклама зазывала всех принять участие в тестировании...

Марио сделал несколько заявок, оставил свои координаты - но в течение полугода ничего не получил, никаких ответов не было. Постепенно он понял, что все это - не более чем шумиха, раздутая для получения денег от правительства. Сколько людей кормилось на чужих болезнях - стоило прийти в ужас от этой цифры!

Тысячи, сотни тысяч ученых получали огромные суммы для получения хоть какого-то результата - и все было без толку. Временами появлялись сообщения о том, что «кто-то где-то выздоровел» - туда тут же кидались всевидящие репортеры, проводили свое расследование и выясняли, что все это не более чем рекламный трюк. Тем временем компания, выпустившая очередной «мыльный пузырь», чистосердечно извинялась перед всеми за поспешное заявление своей пресс-службы, после чего оставалось ждать новых уверений в том, что лекарство все-таки найдено и готово к широкому тестированию.

Паулини понял, что надеяться не на что. Он пару раз сходил к своему доктору - она брала анализы, подтверждала кивком головы диагноз, после чего объясняла ему, что титр антител не очень высок, что процесс протекает довольно спокойно и ждать каких-то серьезных проблем со здоровьем в ближайшие год-два, по-видимому, не стоит.

- Я ведь обещала вам устроить тестирование препаратов...

- Не думаю, что это хорошая мысль, - отмахнулся Паулини.
- Я слишком много знаю об этих программах, чтобы верить в них, доктор. Вся моя жизнь протекает теперь за экраном компьютера, я анализирую всю информацию, что доступна в связи с этой проблемой, и пришел к выводу, что нет ничего хуже, чем тешить себя какими-то надеждами.

Доктор положила ему руку на плечо и доверительно заглянула в глаза:

- Не все так плохо, как вам кажется. Не обо всем можно говорить - тем более не все можно вываливать в Интернет. Кое-что, поверьте, всегда остается за кадром.

Марио прищурился и промолчал, переваривая сказанное.

- Я понимаю вас, господин Паулини, - доктор отступила на пару шагов. - Верьте мне, я способна понять больного, будучи сама здоровой, как бы это глупо не звучало. Мы с вами благодаря корпорации Sun Microsystem оказались в очень привилегированном положении; нам многое можно...

- Что вы хотите сказать? - не понял Марио.

- Я хочу сказать одно - подождите немного. То, что предложу вам я, будет намного серьезнее всего, что вы прочитали в Интернете...

Она вселила в него надежду. Именно она, а не какие-то там красивые лозунги из Интернета, призывающие не отчаиваться, а бороться за свою жизнь. Нельзя сказать, что он уходил окрыленный - но что-то внутри шевельнулось, немного оттаяло...

А потом катастрофа продолжилась.

Спустя три дня его вызвали к заместителю директора корпорации. Он вошел в кабинет, увидел в кресле у окна старшего администратора сети с большой кипой листов бумаги на коленях, почувствовал насыщенный запах табака и понял - его здесь ждали не зря, не зря курили, нервничали, тихо переговаривались между собой, листая логи...

Админ встал навстречу Марио, протянул ему листы и молча вышел. Паулини хватило только одного взгляда, чтобы понять - это распечатка его кэша. Все адреса, что он посетил в Интернете за последнее время.

Нетрудно догадаться, что именно вызвало тревогу у администратора.

Девяносто три процента посещенных сайтов были посвящены СПИДу и проблемам, связанным с ним. Ох, уж эта Америка и ее свободы...

- Я думал, что такие вещи являются сугубо личными, - не поднимая глаз, сказал Марио.

Ответом был легкий понимающий кивок...

Сложно сказать, что чувствовал тогда Марио, вернувшись домой - то ли облегчение от того, что кто-то узнал обо всем и его существование перестало быть тайной, то ли страх за свое будущее. Он был уверен, что его теперь уволят - найдут предлог, повод... Пустят слух по отделу о якобы предстоящем повышении, потом сунут под нос какую-нибудь бумажку с требованием неразглашения (как водится в мире больших денег и высоких технологий) и отправят к чертовой матери...

Но он не представлял, что бывает еще хуже.

Кошмар обрастал новыми и новыми подробностями.

Доктор позвонила ему спустя неделю после разговора с администратором.

- Вы смотрели сегодня новости? Наши, местные, по двенадцатому каналу? - спросила она его тревожным голосом. И когда он ответил, что уже давно не смотрит никуда, кроме как в звездное небо по вечерам, она вздохнула и предложила прийти к ней сегодня - чем быстрее, тем лучше. Марио положил трубку, задумчиво взял в руки пульт от телевизора и посмотрел на темный экран.

- Какого черта? - спросил он сам себя, поглаживая кнопки и не решаясь включить. - Чем меня хотят порадовать сегодня?

Он отшвырнул пульт и решительно вышел из дома.

... - Ее звали Марта, - сказала доктор, налив Марио виски. - И это еще один, правда, маленький повод, утверждать, что вы были вместе не случайно. Марта - Марио... Когда-то я неплохо разбираюсь в психологии, кое-что в голове осталось, не только эти проклятые анализы.

Паулини молча вцепился в подлокотники кресла и смотрел в пол. Она, действительно, нравилась ему больше всех, и не только из-за похожести имен. Было в ней нечто, заставляющее сердце замирать при ее приближении... Не то, чтобы он хотел быть с ней вечно - но он бывал с ней чаще других.

- Я думаю, что-то должно произойти, - говорила доктор, от-
вернувшись к окну.

- Что-то уже произошло, - мрачно ответил Марио. - Меня вы-
числили в Sun.

- Кто?

- Руководство... И теперь я, кажется, самый обыкновенный
безработный.

- Но ведь это же незаконно! - доктор повернулась к нему ли-
цом и возмущенно подошла ближе.

- Я посмотрел «Калифорнию» с Томом Хэнксом. Помните? Я
не хочу умереть в суде, доказывая то, что я не опасен для окру-
жающих. Весь мир находится под воздействием жутких расска-
зов и мифов о моем заболевании. Нам - таким, как я - не подают
руки, нас выкидывают с работы. И это лишь маленькая толика
унижений, которые мы испытываем. Да кому, как не вам, знать
об этом.

Доктор кивнула и сказала:

- Одно дело - уволить, тихо и красиво. Совсем другое - прийт-
ти и растерзать за смерть молодой красивой девушки. А вас вы-
числят - не сегодня, так завтра.

- Глупо спрашивать... Но - она такая одна? Или не повезло
еще кому-нибудь?

- Не повезло в первую очередь вам. Я не смогу остановить суд
Линча - я врач, а не шериф. Судя по всему, к этому идет - я до-
статочно в курсе того, произошло в «Раковине» после того, как
они вынули танцовщицу из петли.

Марио встал и вышел - как и всякий раз, выходя из ее каби-
нета, он уносил с собой какие-то новости, переворачивающие
его жизнь с ног на голову в очередной раз.

Придя домой, он собрался с мыслями и понял, что будет даже
рад, если его убьют - и чем быстрее, тем лучше. Сев в шезлонг на
веранде и глядя в опустевший бассейн, он принялся ждать разъ-
яренную толпу с лозунгами, веревками, криками, выстрелами -
этакую демонстрацию в защиту невинно убиенных.

Никто не пришел. Ни сегодня, ни завтра, ни потом. Спустя
шесть дней он получил расчет в Sun. Все, как он и думал. Его
выкинули, даже не вспомнив о тех спутниках, что защищали
сейчас небо над Америкой, напичканные софтом, созданным

Паулини. Он расписался в служебных документах, кивнул клерку, собрал свои вещи в коробку и пошел к выходу. Уже идя по проходу и чувствуя спиной сверлящие взгляды, он понял - они все знают. И молча соглашаются.

Дома он даже не стал разбирать вещи. Поставил коробку в кладовую, вытащил из холодильника упаковку ледяного пива, опустился на ступеньки крыльца и принялся молча вливать в себя пузырящийся на солнце напиток. Три бутылки, пять, десять...

Какая-то женщина вошла на территорию его дома. Медленно приблизилась, остановилась в трех шагах и спросила:

- Вы - Марио Паулини?

Он кивнул, отрываясь от бутылки.

- Я не пустила сюда никого. Запомните это. Я сама не позволила прийти сюда никому, хотя они очень хотели отомстить за мою девочку. Но эта месть не вернет мне дочь. Я очень хотела посмотреть на вас - судя по ее рассказам, у вас что-то могло получиться.

Марио широко раскрытыми глазами смотрел на мать Марты и вдруг понял, что она права, просто он еще не до конца осознал все случившееся. Пиво потекло у него по подбородку, он заматал головой из стороны в сторону, словно с ним случился какой-то припадок. Потом, вскочив со ступенек, он вбежал в дом, захлопнул за собой дверь и остался стоять, прислонившись к ней спиной.

Он больше не мог это слушать. Он хотел умереть.

И в этот момент зазвонил телефон.

В последнее время все эти звонки не несли в себе ничего хорошего, но это было все-таки лучше, чем беседовать с мамой повесившейся девочки, которую он, судя по всему, любил...

- Нам нужно встретиться, - это была врач. - Лучше, если я приеду к вам. Для вас кое-что есть.

- Я жду, - сказал Марио, положил трубку и вдруг понял, что уже очень давно нет известий от мамы - обычно она звонила едва ли не раз в два-три дня, а вот сейчас что-то изменилось в этом графике.

Через полтора часа доктор, вошла к нему в дом. Марио предложил ей сесть в кресло, протянул бутылку пива - она отказалась, поудобнее устроилась и сказала:

- Информация для вас, прямо скажем, ни к черту. Это касается той женщины, что стала причиной вашей болезни.

Марио напрягся.

- Дело в том, что ее вины тоже нет. Виноватых уже нашли, проблема решается, правда, ценой жизни людей... Она - Лиза Джонс, член программы по добровольной сдаче крови. Она - донор. Лиза понятия не имела о своем заболевании, пока я не раскрутила всю эту цепочку...

Марио вздохнул и понимающе кивнул.

- Да я не собирался предъявлять ей претензии, - сказал он, вспомнив ушедшую мать Марты. - Это ведь ничего не изменит.

- Да, изменить уже ничего нельзя.

Она встала, отошла к окну - Марио заметил, что она любила разговаривать именно так, стоя у окна спиной к собеседнику.

- Две недели назад ваша мать попала в автокатастрофу, у нее были тяжелые переломы и повреждение внутренних органов. Сейчас ее жизнь вне опасности, но тогда ей нужна была чужая кровь. Лиза была проверенным донором, поэтому ее кровь перелили вашей матери без предварительного контроля. А она не сообщила руководителю группы о том, что была с вами - я думаю, она даже плохо помнит, что у вас там было после свадебных возлияний. Хотя была обязана сказать о половом партнере... Мой запрос опоздал тогда всего на два часа. Вернуть уже ничего нельзя.

И ВОТ ТЕПЕРЬ МИР РУХНУЛ ОКОНЧАТЕЛЬНО.

Марио уронил бутылку на пол. Доктор подошла к нему:

- У вас нет теперь никакого выхода. Я сумела найти правильную программу по испытанию препарата, которому лично я очень и очень доверяю. Я смогу подключить к этой программе и вашу мать. Вы согласны?

Паулини молча кивнул и посмотрел в глаза доктора.

- Мне нужно, чтобы исследование не было слепым. Мне нужен настоящий препарат.

- Я не в силах повлиять на программу. Вы получите то, что придет по почте. Но это хоть какой-то шанс.

Когда она ушла, Марио вспомнил, что на счету еще куча денег. Через три часа у него дома стоял суперкомпьютер.

Ему всегда хватало той машины, что была на работе, дома он отдыхал от щелканья клавиш и суеты окон. Но в грезах он все-

гда видел у себя в кабинете то, что сейчас там стояло... Менеджер только широко раскрывал глаза, когда Марио называл ему комплекующие, которые он хотел бы видеть внутри - но он словно знал, что одна такая машина всегда есть в недрах их склада.

На следующее утро, когда Марио уже оттестировал свое приобретение по полной программе, пришла доктор. Паулини получил небольшой пакет с документами, где ему было предложено ознакомиться с условиями программы и в случае согласия в течение двух недель он получит посылку с лекарствами.

Марио согласился со всем и поскорее выпроводил доктора из дому. Он искал в пакете хоть какие-то данные, адреса, указания на принадлежность этой программы к каким-нибудь госучреждениям.

И он нашел. Простой адрес сайта корпорации, занимающейся рассылками подобных программ. Это было уже кое-что.

Размяв пальцы над клавиатурой, Марио глубоко вздохнул и начал.

У него было очень мало времени. Согласие Паулини на получение посылки будет там уже через сутки. Машина завертится, и еще через несколько часов ему упакуют лекарство. Вот только лекарство ли?

Пальцы молотили по клавишам как в тот день, когда он писал на спор программы. Весь его талант, все умения сконцентрировались сейчас на экране монитора. Полученные данные он сортировал на листке бумаги, вычеркивал ненужное, подставлял самое необходимое...

Постепенно картина вырисовывалась. Сквозь подставной сайт он погрузился в паутину серверов министерства здравоохранения, а потом и гораздо дальше. И он нашел. Нашел тех, кто отвечал за распределение лекарств. И понял, что не зря не верил рекламе. Лекарств не было. Никто ничего не получал. Так, какие-то капсулки, заполненные сахарной пудрой или ампулы глюкозы, отмаркированные под чудодейственную вакцину. Все - ложь.

Потому что была **НАСТОЯЩАЯ ВАКЦИНА**. И ее нельзя было пускать в массы. Приказ.

Марио раскачивался в кресле, пытаясь привыкнуть к мысли о том, что от СПИДа можно вылечиться, что лекарство существует... Это удалось ему с большим трудом.

Он аккуратно, не оставляя следов, нашел на секретном военном сервере формы рапортов и приказов для выдачи вакцины, заполнил два - на себя и мать, через полтора часа подставил под ними взломанные цифровые подписи министра обороны США и отправил их - туда, куда должно было отправить такие документы.

А через две недели ему принесли посылку...

* * * * *

Ответ пришел во сне. Капсулы и ампулы...

Рапорт на него не вызвал никаких сомнений в министерстве - мало ли какие деньги готова заплатить Sun за здоровье того, кто создал программу для спутникового оружия. А вот его мать...

Полгода назад, когда Марио уже был болен, она развелась со своим очередным мужем и вернула себе прежнюю фамилию. Несовпадение имен вызвало ответную волну проверок. И маме отправили пустышку.

А ведь он звонил ей после того, как сделал все это, обнадежил, обещал приехать...

Марио открыл глаза, посмотрел на бутылочку с капсулами, поднялся, привел себя в порядок, еще раз перечитал инструкцию по применению...

Потом оделся, сунул бутылочку в карман, сел в свой побитый «Феррари» и рванул на четвертой передаче.

Он ехал на запад. К маме.

Надо было исправлять ошибки.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЖИМ ОЖИДАНИЯ

Часть 1	4
Часть 2	28
Часть 3	70
КАЖДЫЙ РАЗ.....	143
СЛУГА	168
КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ.....	192
НОЧНАЯ РАБОТА	168
ОСНОВНОЕ ОТЛИЧИЕ	244
НЕ БУДИТЕ АРАГОРНА	270
ЧЕТВЕРТАЯ ПЕРЕДАЧА	296

Владимир Протопопов

РЕЖИМ ОЖИДАНИЯ

Заказчик: ООО «Бирюков и Партнеры»

Дизайн и верстка:

Петренко И.Н.

Подписано в печать 26.04.2018

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии

ООО «Полиграф Сервис Плюс»

Владивосток, 2018